

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

СЯКО О ПОЯВУ ИГОРСКЪ

КАКЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПАМЯТНИКЪ

КІЕВСКОЙ ДРУЖИННОЙ РУСИ.

5207

ИЗСЛѢДОВАНИЕ

Е. В. БАРСОВА.

Томъ II.

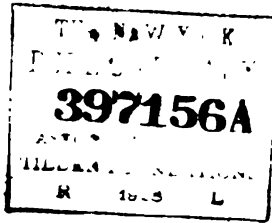
МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),

на Страстномъ бульварѣ.

1887.

UNIVERSITY
OF TORONTO
LIBRARY

Изъ „Чтеній“ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей
Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

Историческое
Общество
при Московскомъ
Университетѣ

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЪ,
КАКЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПАМЯТНИКЪ
КІЕВСКОЙ ДРУЖИННОЙ РУСИ.

Въ связи съ древнерусскою письменностію и живымъ
народнымъ пѣснотворчествомъ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Е. В. Барсова.

Съ новыми неизвѣстными приложениями.

ЧАСТЬ II.

ИЗДАНИЕ

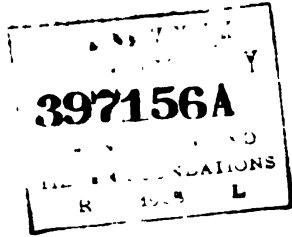
ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.

1885.

424

Ч Т Е Н І Я

**въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ 1885 г. кн. 3-я.**

Историческое
общество
при Московскомъ
университетѣ

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЪ ВЪ ЕГО ЦѢЛОМЪ И ЧАСТЯХЪ.

Необходимость изложения «Слова» въ его цѣломъ и частяхъ. Составъ «Слова» Вступленіе. Часть первая: Описаніе похода Игорева и взглядъ на бѣдствія имъ вызванныя. 1. Походъ Игоревъ. Частнѣйшія картины: а) Характеристика Игоря, б) Характеристика Всеволода—главныхъ героевъ похода. в) Переполохъ въ землѣ Половецкой, вызванный походомъ Игоря. г) Изображеніе неминуемой опасности, угрожающей Русскимъ герольдъ. д) Первая удачная стычка. е) Бой 2-й. ж) Бой 3-й въ сравненіи съ ратями стараго времени, въ особенности же съ боемъ на Нежатиной нивѣ. 2. Взглядъ на бѣдствія Русской земли и ихъ причины. Частнѣйшія картины: а) Дѣла обида, какъ разжигательница княжихъ усобицъ. б) Карина и Желя, какъ виновницы плачей и сѣтованій Русской земли. Переходъ ко 2-й части «Слова»: сопоставленіе похода Игоря съ предшествовавшимъ ему походомъ Святослава на тѣхъ же Половцевъ. Часть вторая: Сонъ Святослава и его золотое слово. 1. Сонъ Святослава. а) Частнѣйшія картины: его видѣнія и б) толкованіе ихъ боярами. 2. Золотое слово: а) Упреки Святослава, обращенныя къ Игорю и Всеволоду. б) Возванія къ князьямъ о помощи. Переходъ къ третьей части «Слова»: Судъ Божій въ судьбѣ славнаго Всеслава и безпомощность пылнѣйшей Руси вслѣдствіе распаденія центра «на горахъ Кіевскихъ». Часть третья: Плачь Ярославны и спасеніе Игоря. 1) Плачь Ярославны: Частнѣйшія картины: а) моленіе къ вѣтру; б) моленіе къ Днипру. в) моленіе къ солнцу. 2. Спасеніе Игоря—какъ послѣдствіе ея молитвы. Частнѣйшія картины: г) Торжество Игоря. а) Досяда хановъ. б) Веселіе Русской земли. Заключеніе или славословіе.

Прежде чѣмъ приступимъ къ критическому изученію дошедшаго до насъ текста «Слова» считаемъ нужнымъ изложить здѣсь памятникъ въ его цѣломъ и частяхъ. Сдѣлать это тѣмъ необходимѣе, что «Слово» слишкомъ глубоко по своему смыслу и въ высшей степени художественно по своей образности. Это то же, что живописная картина гениальнаго художника: чѣмъ больше ее изучаешь, тѣмъ больше ею плѣняешься. Гдѣ является недостатокъ пониманія, тамъ не

достаеъ лишь достаточнаго изученія. Общій планъ «Слова» для всякаго замѣтенъ, но связь частнѣйшихъ мыслей отъ вниманія часто ускользаетъ и мало сознается. Прелесть художественныхъ образовъ чувствуется, но полной ясности своей не достигаетъ. Всѣ существующіе переводы крайне безцвѣтны; всѣ комментаріи безхарактерны. Первые слишкомъ стираютъ поэтическіе образы и ослабляютъ силу выражаемыхъ мыслей; послѣдніе больше представляютъ лексикологическій характеръ. Предлагаемое нами изложеніе «Слова» въ его цѣломъ и частяхъ имѣетъ задачей облегчить для читателя разумнѣе этого гениальнаго и глубокаго творческаго произведенія кievской Руси. Такое изложеніе лучше всего покажетъ намъ и то, дѣйствительно ли дошедшій до насъ текстъ «Слова» такъ испорченъ и искаженъ переписчиками, переплетчиками и издателями, какъ намъ говорятъ о томъ современные его изслѣдователи. Предположенія въ текстѣ пропусковъ, вставокъ, глоссъ, едва ли не болѣе всего обусловлены именно недостаткомъ пониманія «Слова» въ его цѣломъ и частяхъ. Такія гаданія свидѣтельствуютъ лишь о томъ, какъ не далеко еще ушла наша ученая литература въ художественномъ его разумнѣи.

Основанія для такого или другаго чтенія, такого или другаго пониманія темныхъ и неисправныхъ мѣстъ «Слова» предлагаются нами въ дальнѣйшихъ главахъ нашего изслѣдованія. Въ настоящемъ же разборѣ мы будемъ имѣть дѣло главнымъ образомъ лишь съ построеніемъ и формою Игоревой пѣсни.

Слово о полку Игоревѣ есть художественный и поэтическій памятникъ, въ которомъ вслѣдъ за «Вступленіемъ» живо рисуются три главныхъ картины, относящіяся къ походу Игоря, изображенныя въ частнѣйшихъ очертаніяхъ, не въ послѣдовательной преемственности фактовъ, но по ихъ внутреннему и идеальному соотношенію, по начертанному плану, по пѣсенному замышленію. Эти картины могутъ быть названы основными частями Игоревой пѣсни и суть слѣдующія: I. Самый походъ Игоря съ его послѣдствіями. II. Сонъ Святослава и его золотое слово. III. Плачь Ярославны и спасеніе Игоря. Заключеніе или славословіе.

Вступленіе въ „Слово“.

Своимъ вступленіемъ авторъ освѣщаетъ построеніе своего творенія, самыи складъ его и поэтический характеръ. Авторъ называетъ свое твореніе *пѣснію* (начати же ся *той пѣсни*), точно такъ, какъ *пѣснію же* называетъ онъ и старыя словеса Бояна (аще хотяше кому *пѣснь* творити). Этимъ даетъ онъ замѣтить, что его «Слово» по своей *пѣсенной формѣ* есть твореніе одного рода съ *старыми словесами* и что его пѣснь по былинамъ, такъ сказать, соткана на основѣ Боянова пѣснотворчества. Онъ желалъ бы начать свое «Слово о походѣ Игоря» по образцу «Старыхъ Словесъ» по Бояновски, ширью—далью геронческой:

„Или не такъ, какъ начинались
 „Словеса—пѣсни старинныя,
 „Начать намъ, братья, подобало бѣ
 „Разказы страдны—боевые
 „О походѣ князя Игоря,
 „Святославича Игоря.

Но авторъ чувствуетъ себя какъ бы безсильнымъ стоять на высотѣ поэзіи стараго времени и находитъ себя вынужденнымъ слѣдовать требованіямъ повѣствованія своей литературной эпохи и начать свою пѣснь съ положительной дѣйствительности, прямо съ историческихъ фактовъ, по былямъ сего времени:

„Но быть той пѣсни—начинаться
 „По дѣяніямъ сего времени,
 „А не по размыслу Боянову.

Пѣснотворчество Бояна уносилось въ вѣка древнія и къ дѣяніямъ отдаленнымъ; оно захватывало слишкомъ широкое поле событіи и временъ и при этомъ умѣло овладѣвать ихъ необъятнымъ содержаніемъ, подчиняя ихъ замышленію, плану, идеальному распорядку. Существенными чертами Бояновскаго пѣснотворчества были имен-

но широкіе полеты фантазіи, быстрые переходы отъ одного момента дѣйствія къ другому, идеальная стройность ихъ расположенія. Это пѣснотворчество было не обычное, не человѣческое, вдохновенное:

„Вѣдь если да вѣщій Боянъ
 „Хотѣлъ кому пѣснь творить,
 „То фантазія носилась,
 „Што есть бѣлка по лѣсу, ¹
 „Словно волкъ сѣрый по землѣ.
 „Будто сизый орелъ по поднебесью:
 „Онъ зналъ вѣдь, какъ поскажутъ.
 „Междуусобья временъ древнихъ.

Таковы были «Старыя Словеса», таково было замышленіе Бояново. При этомъ пѣснопѣнія его сопровождались еще струнной игрой—и эта игра была также дивная, чарующая, вдохновенная.

Да комужъ ² пускалъ Боянъ
 Десять соколѡвъ на стадо лебедей;
 Какую догонять, ³
 Та прежде пѣсню запѣвала
 Или старому Ярославу,
 Или храброму Мстиславу
 Иль прекрасному Роману Святославичу.
 Но то, братья, не десять соколовъ
 Пускалъ Боянъ на стадо лебедей,
 Но вѣщіе персты свои
 Клалъ онъ на струны живыя,
 И тѣ сами славу князьямъ выговаривали.

Вѣщій Боянъ обладалъ не обычною, сверхъ-естественною силою творчества, а потому не удивительно, если и персты его, извлекавшіе

¹ См. въ «Палеографической критикѣ текста»: «*Растякишется мыслию*».

² См. въ «Лексикологіи слово: *Тогда*».

³ См. въ Палеографической критикѣ текста: «*который дотечаше*».

изъ гуслей стольже чудесные, чарующіе звуки, называются «*вѣщцами*». Струны, подъ его вѣщцами перстами, сами славу князьямъ выговаривали, словно рѣчью живою, и потому не удивительно, если и онѣ называются «*живыми*».

Итакъ, авторъ замыслилъ создать такое же «Слово о походѣ Игоря» какъ и «Старыя Словеса», такую же пѣснь, какія творилъ Боянъ, по замышленію, по идеальному распорядку явленій, но тогда какъ Бояново замышленіе не имѣло предѣловъ; не стѣснялось ни временемъ, ни пространствомъ, растекалось во всю ширь фантази, его собственная пѣснь, въ силу новыхъ требованій повѣствованія, должна сдерживаться дѣйствительнымъ содержаніемъ, обуславливаясь историческимъ фактомъ. Такимъ образомъ его «Слово» бывъ соткано на основѣ «Старыхъ Словесъ» должно уступить имъ въ области творческаго матеріала, въ широтѣ творческихъ приемовъ, въ качествѣ творческихъ созданій, подчиняясь новымъ требованіямъ историческаго повѣствованія. Въ этомъ именно смыслѣ, авторъ въ самомъ началѣ наименовавъ «Слово» свое *пѣснью*, затѣмъ, переходя къ самому повѣствованію, называетъ его уже *повѣстію*. «Начнемъ же, говорить, *повѣсть сію*».

Характеризуя пѣсенотворчество Бояново, авторъ указавъ эпоху, когда создавались эти художественныя «Старыя Словеса». Пѣсни Бояна, по словамъ его, относились ко временамъ стараго Ярослава. Переходя къ изложенію своей повѣсти о походѣ Игоря или же пѣсни по былинамъ сего времени, онъ отмѣтилъ и то, когда именно начиналась эта новая эпоха строго-историческаго повѣствованія, которому должна была подчиниться и самая поэзія. *Почнемъ же повѣсть сію*, говоритъ онъ, *отъ стараго Владиміра до нынѣшняго Игоря*. Вотъ гдѣ предѣлъ окончанія «Старыхъ украшающихъ Словесъ»; вотъ гдѣ грань, съ которой начинаются пѣсни по былямъ, а не по замышленію Бояна; вотъ та область литературной новой эпохи, къ которой относится «повѣсть сія», *пѣснь по былинамъ сего времени*.

Поведемъ же нашъ рассказъ, заканчиваетъ авторъ свое «введение къ Игоревой пѣсни, не такъ какъ рассказывали отъ стараго Ярослава, не по замышленіямъ Бояновымъ, но такъ, какъ повѣствуютъ отъ стараго Владиміра, по дѣяніямъ сего времени, до нынѣшняго

Игоря. Творческая мысль автора какъ бы носится на пространствахъ двухъ литературныхъ эпохъ и утверждаетъ въ намѣреніи слѣдовать требованіямъ современнаго повѣствованія. Имя Владиміра Мономаха является здѣсь именно какъ грань, раздѣляющая два литературныхъ направленія и какъ символъ требованій новой литературной эпохи, ограничивающихъ просторъ творческой фантазіи, но за то болѣе отвѣчающихъ исторической дѣйствительности.

„Итакъ, начнемъ мы эту повѣсть
 „Отъ стараго Владиміра '¹
 „До нынѣшняго Игоря.

Отмѣчая новую эпоху исторической поэзіи, характеру которой авторъ намѣренъ слѣдовать, онъ не теряетъ изъ виду въ своемъ повѣствованіи и другихъ историческихъ событій этой эпохи *отъ стараго Владиміра до нынѣшняго Игоря*. Составъ «Слова» даетъ достаточно замѣтить, что походъ Игоревъ, составляющій главный предметъ его пѣсни по былинамъ, изображается въ немъ не какъ единичное и само въ себя взятое явленіе, но какъ одинъ изъ поучительнѣйшихъ фактовъ въ связи съ цѣлою указанной эпохой, имѣющихъ въ ней свой смыслъ и объясненіе. Вотъ почему

¹ Первые издатели «Слова» и за ними и многіе послѣдующіе изслѣдователи подъ именемъ Владиміра разумѣли здѣсь «Равно-апостольнаго Великаго Князя Владиміра Святославича, просвятившаго Русскую землю святымъ крещеніемъ». (См. 1-е изданіе «Слова», примѣч. на стр. 5). Они однакоже не подозревали здѣсь никакого пропуска. Но достойно вниманія, что С. М. Соловьевъ, впервые доказавшій, что подъ именемъ Владиміра разумѣется здѣсь не кто другой, а именно Владиміръ Мономахъ усмотрѣлъ здѣсь пропускъ и при томъ весьма значительный. (Исторія Россіи, т. III, стр. 110 и примѣч. 226, 3 изд.) Это мнѣніе принялъ и А. Н. Майковъ. Пѣвецъ хочетъ начать, замѣчаетъ онъ «повѣсть сію отъ стараго Владиміра до нынѣшняго Игоря», а о Владимірѣ далѣе ни слова и тотчасъ потомъ начинается: «Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ... Когда же это *тогда?* Послѣ чего? Ясно, что здѣсь не достаетъ будто бы разсказа о Владимірѣ, да и повѣствованіе объ Игорѣ начинается не сначала. («Слово о и. Иг.» А. Майкова, стр. 128, примѣч. 3). «Но «Слово» о полку Игоревѣ далеко не такой памятникъ, чтобы для пониманія его требовался лишь ближайшій контекстъ рѣчи. Прежде чѣмъ приступить къ его чтенію, необходимо имѣть ясное и отчетливое представленіе его въ *цѣломъ*, въ его идеѣ и формѣ, въ его построеніи и замысленіи.

живописуя *повѣсть сію*, рассказывая о походѣ Игоря, онъ по мѣстамъ вспоминаетъ и Мономаха и его преемниковъ, гдѣ то требовалось его творческимъ воображеніемъ, его замысленіемъ, самую пѣсню—по силѣ историческихъ фактовъ.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ „СЛОВА“.

Въ первой части своего творенія, авторъ во 1-хъ описываетъ самый походъ Игоря и во 2-хъ излагаетъ свой взглядъ на вызван- ные имъ бѣдствія Русской земли.

1. Описаніе похода Игорева.

Эта повѣсть или пѣснь по былинамъ, хотя и далека, по со- знанію автора, отъ Бояновскаго замысленія, обнимавшаго полетомъ фантазіи отдаленныя вѣка и событія и художественно сочетавшаго ихъ въ одной цѣльной пѣснѣ, но какъ именно пѣснь, она также не могла быть чужда своего рода замысленія, обдуманности плана и художественной идеализаціи, на сколько позволяли то *были* нынѣш- няго времени, современныя событія и историческія дѣянія. Разсматривая повѣствованіе о самомъ походѣ Игоря, мы видимъ, что оно дѣйстви- тельно таково въ своемъ внутреннемъ составѣ. Это совсѣмъ не лѣтописный рассказъ, не повѣсть въ собственномъ смыслѣ. Для автора имѣютъ значеніе не подробности факта, не ихъ преемственность и послѣ- довательность. Дружинѣ, къ которой обращено «Слово», подроб- ности событій были извѣстны. Авторъ, какъ художникъ, поэтъ, своимъ творческимъ воображеніемъ схватываетъ лишь главнѣйшіе моменты дѣйствія и кратко и сильно живописуетъ нравственныя настроенія дѣйствующихъ лицъ, ни мало не стѣняясь простран- ствомъ и временемъ и не нарушая въ существѣ самой сцены дѣйствія. Въ его пѣсенномъ описаніи похода Игорева являются для насъ лишь слѣдующія, краткія, но художественныя очертанія: а) Ха- рактеристика Игоря и его героевъ. б) Характеристика брата Всево- лода и его дружины. в) Переполохъ въ землѣ Половецкой, вызван- ный ихъ движеніемъ. г) Изображеніе неминуемой опасности угро-

жавшей Русскимъ героямъ. д) Первая удачная стычка. е) Бой 2-й. ж) Бой 3-й и роковой въ связи съ ратями стараго времени.

а) *Характеристика Игоря.*

Указавъ на новую эпоху историческаго повѣствованія отъ Владимира до Игоря, авторъ тотчасъ же непосредственно приступаетъ къ предмету своего повѣствованія. Какъ поэтъ, художникъ, онъ не касается никакихъ обстоятельствъ приготовления къ походу, не входитъ ни въ какія подробности и самаго похода, извѣстныя намъ изъ летописей, но прямо начинается съ характеристики главнаго своего героя.

Не вдругъ, конечно, Игорь рѣшился на задуманное дѣло, не вдругъ наполнился онъ храбраго духа. Много думъ и колебаній прежде пережилъ онъ въ своемъ умѣ и сердцѣ. Авторъ рисуетъ намъ его рѣшимость прямо въ послѣднемъ ея моментѣ. Воинъ, когда готовъ уже на бой, опоясывается и точитъ свое оружіе—таково было и нравственное настроеніе Игоря въ крайній моментъ его рѣшимости: онъ опоясалъ умъ крѣпостію своею и сердце свое наточилъ мужествомъ. Опоясать умъ—значитъ утвердиться въ своей мысли, рѣшиться на что нибудь окончательно, безъ дальнѣйшихъ колебаній, безповоротно. Наточить сердце мужествомъ—значитъ сдѣлать его острымъ, чувствительнымъ къ воинской мысли, заставить его горьма горѣть геройскимъ духомъ.

„Онъ (этотъ самый Игорь)

„И умъ стянулъ крѣпостію своею

„И сердце свое наострилъ мужествомъ. ¹

Изобразивъ такимъ образомъ его рѣшимость, авторъ прямо ставитъ его на землю Половецкую, въ самую критическую и страшную минуту, предъ знаменіемъ солнца, когда само небо заставляетъ его воротиться.

„Наполнившись ратнаго духа

„Ввелъ онъ полки свои

„Въ землю Половецкую,

¹ См. въ «Палеографической критикѣ текста»: «иже истяну».

„Ради земли Русской.

„И воззрѣлъ тогда ¹ Игорь на свѣтлое солнце

„И видитъ: всѣ его вои тьмою покрыты.

Всюду и всегда солнечныя затмѣнія производили на людей по-
давляющее впечатлѣніе: при видѣ его герои смущались духомъ, пони-
кали головами и говорили: «се не добро знаменіе се».

Но не таковъ былъ Игорь: не о томъ думалъ онъ въ эту страш-
ную минуту, чтобы воротиться. Смерть, лишь бы не плѣнъ, вотъ что
предлагаетъ онъ своимъ боярамъ въ эту минуту и зоветъ ихъ вмѣ-
стѣ съ собою «позрѣть синяго Дона».

„И сказалъ тутъ Игорь

„Дружинѣ своей:

„Братья и дружино!

„Кажись, лучше изрублену быть,

„Чѣмъ быть въ полону; •

„Ну, такъ сядемъ же братья,

„На бѣзыхъ коней,

„Да на синій мы Донъ поглядимъ.

Авторъ входитъ затѣмъ въ самую душу своего героя и разъ-
ясняетъ его нравственное отношеніе къ этому зловѣщему знаменію.
Затмѣніе солнца лишь разожгло его воинственный духъ и онъ не могъ,
не въ силахъ былъ подавить въ себѣ геройскаго рвенія. Пылъ сердца
возобладалъ надъ его разумомъ и порывъ, угнетавшій его душу, за-
ставилъ его пренебречь солнечнымъ затмѣніемъ.

¹ *Тогда Игорь взръ на свѣтлое солнце* Когда это *тогда?* Послѣ чего? Спрашиваетъ А. Н. Майковъ и отвѣчаетъ: ясно, что здѣсь повѣствованіе объ Игорѣ начинается не сначала; его слова, непосредственно за симъ слѣдую-
щія: «и рече: *лучше жъ бы потяну быти, неже полонему быти*», очевидно тоже
отвѣтъ на что-то. Въ Лѣтописи рассказъ дополняется. Въ дружинѣ—безпокой-
ство, говорятъ Игорю, что затмѣніе—худое знаменіе. Тогда отвѣтъ его понятенъ.
Поэтому въ переводѣ своемъ я, замѣчаетъ онъ, это мѣсто дополнилъ изъ Лѣ-

„Въ князѣ умъ охватило
 „Геройское рвеніе,
 „И знаменія мѣсто въ немъ заступило
 „Тосненіе: ¹
 „Испробовать великаго Дона.

И это рвеніе и это тосненіе авторъ тотчасъ затѣмъ выражаетъ собственными словами Игоря:

„Хочу, говорить, переломить копье свое
 „О край поля Половецкаго,
 „Хочу или сложить свою голову,
 „Или же шлемомъ напиться изъ Дона.

Предъ образомъ такого героизма, котораго не могло сдержать самое небо, авторъ какъ бы изнемогаетъ въ своемъ творчествѣ и невольно обращается за вдохновеніемъ къ Бояну, приглашая его, какъ соловья стараго времени, воспѣть эти полки, пользуясь садомъ своей фантазіи, высотой полетовъ своего ума, сочетая въ одной цѣльной пѣсни событія той и другой эпохи.

„О, Бояне, соловей да ты стараго времени!
 „Тебѣ бы воспѣть полки эти

тописи нѣсколькими стихами, обозначивъ звѣздочками это заимствованіе. Не былъ ли весь этотъ эпизодъ изложенъ слишкомъ по язычески (не являлся ли тутъ самъ Дажь-богъ?)—отчего онъ и могъ быть выпущенъ благочестивымъ переписчикомъ XVI в. (Слово о п. Иг. стр. 128—129). Признаемся, для насъ совсѣмъ и не ясно и не очевидно достаточное основаніе для такого предположенія. «Тогда Игорь взръ... Когда же это *тогда*? Послѣ чего? Отвѣчаемъ: *тогда* и послѣ того, какъ Игорь наполнившись ратнаго духа, *велъ* полки свои въ землю Половецкую. (См. слова: «*тогда*» «*наведе*» въ Лексикологін «Слова»). Вставка о безпокойствѣ дружины—по поводу знаменія, на нашъ взглядъ, совсѣмъ неумѣста въ той художественной характеристикѣ Игоря, какую начерталъ авторъ. Слово «*тогда*» сбилось съ толку также и Г. Потенія. *Тѣда* т. е. въ то время, замѣчаетъ онъ, которое представляетъ себѣ авторъ, по которое выше, будтобы во все не упомянуто. (См. Слово о п. Иг. Текстъ и примѣч. А. Потенія, стр. 17).

¹ См. въ «Палеографической критикѣ текста» «*Спала князю умъ похоти и жалость ему знаменіе заступити*».

„Порхая, о соловей, по саду фантази,¹
 „Умомъ летая по поднебесью,
 „Свивая славою обѣ половины сего времени.

Вдохновляясь такимъ образомъ творчествомъ Бояна, авторъ дѣ-
 лаетъ пробы подобнаго ему пѣснопѣнія во славу полковъ Игоревыхъ:

„Мчась тропою Трояна,
 „Черезъ поля на горы
 „Пѣть было пѣснь Игорю—его внуку:
 „Не соколѡвъ занесла буря,
 „Черезъ поля широкія;
 „Стада галичьи бѣжать²
 „Къ Дону великому.

„Или не запѣть ли было такъ,
 „Вѣщій Бояне, внуку Велесовъ:
 „Кони ржутъ за Сулою,
 „Звѣнить слава въ Кіевѣ,
 „Трубы трубятъ въ Новѣгородѣ,

Такова характеристика перваго и главнаго героя «Слова» Игоря. Въ лицѣ его авторъ рисуетъ и духъ его полковъ. Въ его творческомъ духѣ неустранимость князя какъ бы переливалась въ его дружину.³

¹ См. Ibid. «Свивая славою оба помы».

² Нѣкоторые изслѣдователи, *Бицичъ*, а за нимъ *Скумскій* и *В. Миллеръ*, вставляютъ здѣсь отрицательную частицу *не* и читаютъ: «*не* галицы стады бѣжать къ Дону Великому». Но такая вставка лишь портитъ художественность подлинника. Если бы въ данномъ мѣстѣ не было апитезы и продолжалось лишь отрицательное сравненіе, то авторъ не употребилъ бы слишкомъ не художественнаго сравненія съ *блѡмъ замкъ*, такъ какъ существенною чертою въ образѣ галокъ служить то, что они *летаютъ*, а не *блѡютъ*. Выраженіемъ «*бѣжатъ*» авторъ именно даетъ замѣтить, что подъ стадами галичскими онъ разумѣетъ здѣсь «*Половцевъ*».оборотъ здѣсь тотъ же самый, какъ и ниже: о, далеке *зайде соколъ*. Особенность стили «Слова» между прочимъ составляетъ то, что подлежащимъ часто является не самый предметъ, а его символъ.

³ Характеристика эта такъ выразительна и художественна, что всякія дру-
 прибавленія къ ней могутъ лишь ослаблять ея достоинства. Въ самомъ дѣлѣ,

б) *Характеристика Всеволода.*

Воспрославивъ героизмъ Игоря, пѣвецъ въ своей творческой мысли переходитъ къ характеристикѣ другаго главнаго своего героя, брата Игорева, Всеволода. Это былъ столь же отважный герой, какъ и самъ Игорь; это былъ, по словамъ его, настоящій «буй—туръ». Какъ творецъ—художникъ, авторъ свободно пользуется для характеристики его совершенно другимъ моментомъ дѣйствія. Переходъ въ высшей степени оригинальный и неожиданный. Послѣ второй попытки воспѣть Игоря разбѣромъ Бояновскаго пѣнопѣнія, авторъ такими же стихами продолжаетъ:

„Стоять стяги въ Путивлѣ
„Игорь ждетъ милаго брата Всеволода.

Т. е. сынъ готовъ; отецъ дожидается своего брата и сказалъ ему братъ.

За этими краткими выраженіями стоитъ цѣлый рядъ сложныхъ событій, кои проносятся въ творческомъ духѣ автора, какъ факты, извѣстные его братіи, къ которой обращено «Слово» и онъ, въ силу своего замышленія, останавливается лишь на томъ моментѣ, въ которомъ наиболѣе разительно сказалось геройское распаленіе этого «буй—тура».

умѣстна ли напр. здѣсь слѣдующая вставка, представляющая вариантъ гѣтониснаго повѣствованія, которую нашелъ нужнымъ привнести въ текстъ А. Н. Майковъ:

«Видитъ: Солнце, что двурогій мѣсяцъ,
»А въ рогахъ былъ словно уголь горящій;
»Въ темномъ небѣ звѣзды просіяли;
»У людей въ глазахъ повелѣнье,
»Не добра ждать—говорятъ въ дружинѣ.
»Старпки поникли головами:
»Быть убитымъ намъ, нль плѣннымъ.
»Князь же Игорь: «Братья и дружина,
»Лучше быть убиту, чѣмъ плѣнену!»
»Но кому пророчится погибель,
»Кто узнаетъ, намъ или поганымъ?
»А посадемъ на коней на борзыхъ
»Да хоть подаримъ сынаго-то Дону».

Это былъ моментъ, когда при сборахъ въ походъ, Всеволодъ возбуждалъ Игоря къ задуманному имъ воинскому предиріятію. При этомъ авторъ характеризуетъ его, какъ и самого Игоря, собственными его словами:

„И сказалъ ему буй—туръ Всеволодъ:
 „Одинъ ты у меня братъ,
 „Одинъ свѣтъ свѣтлый,
 „Мы оба съ тобой Святославичи;
 „Сѣдлай же, братъ, своихъ брзыхъ коней
 „А мои впереди у Курска осѣдланы. ¹

¹ Нѣкоторые изъ комментаторовъ, Максимовичъ (Сборникъ сочиненій т. III, стр. 646, слес. 692) Огоновскій (Слово о н. Иг. стр. 42) предполагаютъ, что здѣсь идетъ рѣчь о соединеніи Игоря со Всеволодомъ у р. Оскола и приурочиваютъ это мѣсто къ словамъ Киевской Лѣтописи: «приде ко Осколу и жа два дни брата своего Всеволода, тотъ быше шелъ нѣмъ путемъ изъ Курьска». Но не трудно замѣтить несообразность такого пониманія съ самымъ текстомъ «Слова»: Всеволодъ, велитъ готовиться къ походу тому самому Игорю, который уже съ войсками дождался его у Оскола, и замѣчаетъ при этомъ, что его собственные кони осѣдланы у Курска впереди.»

Г. Ждановъ совершенно основательно доказалъ, что здѣсь идетъ рѣчь о предварительномъ сѣздѣ и уговорѣ князей съобща идти на Половцевъ (Литер. «Слова» стр. 48—51). Но и онъ, къ удивленію, предполагаетъ здѣсь пропускъ.

«И рече ему буй—туръ Всеволодъ»... Гдѣ вопросъ? спрашиваетъ г. Ждановъ. Думается, продолжаетъ онъ, что послѣ упоминанія объ ожиданіи Игоря слѣдовалъ рассказъ или упоминаніе о прибытіи Всеволода, за тѣмъ рѣчь Игоря, возбуждавшая къ походу (ср. въ рассказѣ Сѣверно-Русск. Свода: «сами поидоша о себѣ рекуще: мы есма ци не князи же? Пойдемъ, такы же собѣ хвалы добудемъ»). Всеволодъ отвѣчаетъ, что его не надо уговаривать онъ и его дружина всегда готовы къ бою (Литерат. «Слова», стр. 51). Какъ скоро къ «Слову» прилагаются требованія хронологическаго и послѣдовательнаго повѣствованія, предположенія подобныхъ пропусковъ навязываются сами собою: ихъ можетъ оказаться безчисленное множество, такъ какъ съ точки зрѣнія, чисто исторической, многое является здѣсь недосказаннымъ. Но если смотрѣть на «Слово» какъ на «пѣснь», какъ на художественное творческое произведеніе, то въ предположеніи пропуска въ данномъ мѣстѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, не представляется никакой надобности. Слова Всеволода направлены на къ той мысли, что Игорю его не надо уговаривать и что его дружина всегда готова къ бою... Напротивъ, авторъ даетъ здѣсь понимать и чувствовать, какъ Всеволодъ уговаривалъ Игоря, или точнѣе, какъ другой герой—буй—туръ проявилъ свое

Замѣтимъ, что въ этихъ словахъ сказывается и взглядъ автора на своихъ героев: Игорь для него свѣтъ свѣтлый и оба брата высоко благородные, храбрые люди.

Возбуждая въ Игорѣ сознание достоинства своего происхожденія и чувство геройской чести, Всеволодъ разжигалъ его при этомъ усилѣмъ задуманнаго предпріятія, указывая на свою Курскую, отважную и опытную конницу. Вѣдь ты знаешь, говорилъ онъ ему, на мою дружину смѣло можно положиться; мои Куряне опытные всадники; съ младенчества обучены они ратному дѣлу. Трубные звуки были для нихъ колыбельною пѣснью; тяжелые шлемы были ихъ дѣтской утѣхой; кусокъ хлѣба съ ранныхъ лѣтъ доставался имъ остриемъ меча; все имъ знакомо—и дороги и овраги; оружіе у нихъ всегда на готовѣ; рыцарская честь и княжая слава—вотъ задача ихъ жизни, для которой не знаютъ они препятствій и не чувтъ устали: рыщутъ словно волки въ степи, ища себѣ чести, а князю славы.

„Куряне мои вѣдь—опытная конница;
 „Подъ трубами они пелѣнаны
 „Подъ шеломами—взлелѣяны,
 „О конецъ копья „вскормлены.
 „Дороги имъ знакомы,
 „Овраги имъ извѣстны;
 „Луки у нихъ натянуты,
 „Тулы отворены,
 „Сабли наточены;
 „Сами они рыщутъ,
 „Какъ волки въ степи,
 „Ища себѣ чести и князю славы.

воинское настроеніе. Заставляя его указывать на Курянь «кметей», авторъ также не то хочетъ сказать, что дружина Всеволода готова всегда къ бою, но именно то, что на нее смѣло можно положиться...

в) *Переполюхъ въ Половецкой землѣ вызванный движеніемъ Игоря.*

Изобразивъ характеры главныхъ своихъ героевъ, въ самые рѣшительные моменты предпринятаго похода, авторъ также быстро и неожиданно переходитъ къ изображенію переполюха въ странахъ Половецкихъ, возвращаясь къ тому же солнечному затмѣнію, которое останавливало Игоря при вступленіи его въ непріятельскую землю.

„Вступилъ тогда Игорь
 „Въ стремя золотое,
 „И поѣхалъ по чистой степи;
 „Солнце тьмою путь заступало.

Природа какъ бы отступилась отъ свѣтлаго Игоря и перешла на сторону его враговъ. Съ затмѣніемъ солнца вступили въ свои права темныя явленія и нечистыя силы. Ночь застонала—и птицы отъ страха проснулись въ своихъ гнѣздахъ; звѣри завывали неистовымъ воемъ—и птицы слетѣлись въ стада для самозащиты. До нынѣ въ стонаніяхъ ночи и звѣриныхъ завываніяхъ народъ нашъ чувствуетъ основаніе нечистой силы, а *птицами* во всемъ «Словѣ» изображаются *Половцы*.

„Ночь, стоная, страхомъ
 „Птиць разбудила;
 „Вой звѣриный
 „Въ стаи согналъ ¹.

Чудовищный дивъ, словно лѣшій, заревѣлъ во всю голову. Гулъ его, словно богатырскій, несется во все концы Половецкой земли до самаго моря. Онъ велитъ врагамъ прислушаться къ этимъ ночнымъ стонаніямъ, къ этому воющему вереску дикихъ звѣрей.

„Дивъ рычитъ надъ лѣсомъ,
 „Враждебной землѣ
 „Послушать велитъ
 „И Волгѣ и Поморію и Посулію

¹ См. въ «Палеографической критикѣ текста»: «*Свистъ звѣриный*» *встазби*.

„И Сурожу и Корсуню,
„И тебѣ, тмутараканская крѣпость ¹!

И вотъ, кочевники, словно испуганные птицы, выскакали изъ своихъ шалашей;—подобно имъ, отъ страху столпились въ полчища для самозащиты, и стремглавъ, безъ оглядки, дорогой какой попало, бѣгутъ на встрѣчу Русскимъ полкамъ и ѣдутъ на своихъ скрипящихъ, не смазанныхъ арбахъ.

„Половцы бѣгутъ
„Дорогами неѣзжаными
„Къ Великому Дону,
„Скрыпятъ ихъ телѣги,
„Словно лебеди распуганныя.

1) *Изображеніе неминуемой опасности.*

Очертивъ переполохъ въ странахъ Половецкихъ, авторъ рисуетъ за тѣмъ роковую неминуемую опасность, которая ждетъ Игоря и его дружину на пути къ тому же Дону, куда бѣгутъ и Половцы. Опасность эта олицетворена въ предчувствіяхъ хищныхъ птицъ и звѣрей сопровождающихъ его движеніе. Игорь идетъ все дальше и дальше съ своими полками.

„Игорь къ Дону воевъ ведетъ.

И вотъ на пути ихъ преслѣдуетъ злая судьбина.—Въ лѣсу и полѣ она имъ видится и слышится; надъ ними—паритъ она въ поднебесьѣ; предъ ними—выскакиваетъ изъ подъ земли.

Хищная птица, чуя ихъ гибель, гонится за ними и летитъ съ дерева на дерево. И впередъ не улетаетъ, и позади не остается, и въ сторону не шатится. Зорко наблюдаетъ она за ихъ движеніемъ, за каждымъ ихъ шагомъ и тщательно бережетъ для себя свою добычу. Про запасъ она держитъ свои очи. Ихъ страшныя бѣды—ея сытость и пожива.

¹ См. въ «Лексикологін» слово «блзавъ».

„По дубью птица
„Его бѣдъ дозираеть ‘.

По сторонамъ дороги — слышится зловѣщій голосъ той же злой судьбины. Голодные волки, чуя добычу, отъ жадности воютъ дикимъ воемъ. На крутыхъ и высокихъ оврагахъ, разинувъ свои пасти и оскаливъ зубы, они своимъ дикимъ концертомъ какъ бы разъяряются для своей жертвы. Дикая рознь визжащихъ голосовъ, на подобіе свиста—рога или свирѣли, дереть по кожѣ и раздраааетъ душу. Чѣмъ пронзительнѣе этотъ свистъ, тѣмъ, значить, они жаднѣе и голоднѣе, тѣмъ страшнѣе и свирѣпѣе.

„По оврагамъ волки
„Навиваютъ ужасъ ‘.

Кровожадные орлы вьются стаями по поднебесью и клѣгчуть. Съ высотъ они острозрять и видать цѣлые полки, идущіе на убой. Они не только предчувствуютъ, что сами насытятся человѣческими трупами, но своимъ клектаніемъ даютъ знать голоднымъ звѣрямъ, что кости для нихъ готовы. Знаеть звѣрь и понимаетъ это орлиное клектаніе.

„Орлы клектомъ
„На кости звѣря зовуть.

Изъ норъ выскакали во множествѣ лисицы, и вотъ лають они на красные щиты, словно собаки. Это бреханіе ихъ есть злое обланіе участи Русскихъ полковъ и предвѣстникъ отчаянныхъ воплей, имѣющихъ быть отъ кроваваго зрѣлища, столь же тяжелаго для человѣческаго сердца, какъ красный цвѣтъ не выносимъ для глазъ лисицы.

„На красные лають
„Лисицы щиты.

¹ См. въ «Палеографической критикѣ текста: «Бѣды пасетъ птица» подобію.

² См. Ibid. *лисицы грозу въ сроятъ.*

Обрисовавъ въ такихъ яркихъ образахъ злую судьбу, ожидавшую полки Игоревы, авторъ слѣдитъ въ своемъ творческомъ духѣ за ихъ дальнѣйшимъ движеніемъ. Вотъ перешли они уже валъ Половецкій. Какъ бы въ страхѣ за ихъ участь, онъ невольно съ глубокимъ сожалѣніемъ вызываетъ:

„О, Русскіе мужи!

„Уже за шеломенемъ вы!

Уже на вражеской землѣ, далеко отъ родной стороны!

Здѣсь мы невольно останавливаемся и позволяемъ себѣ спросить читателя, удавалось ли ему когда-нибудь встрѣчать въ текущей литературѣ столь образную и кованую, столь краткую и вмѣстѣ полную глубокаго смысла художественную картину? Сила этихъ образовъ съ поразительною краткостію выраженія мыслей вполне и строго отвѣчаютъ Греческому классическому стилю.

д) *Первая удачная стычка.*

Описанію первой удачной стычки Русскихъ съ Половцами предшествуетъ прекрасное описаніе ночи и ранняго утра, когда Русскія войска выстроились къ бою.

Ночь была благопріятная: тихая и спокойная. Она шла своей обычной чередой.

Авторъ раздѣляетъ ночь на двѣ половины и указываетъ крайніе моменты той и другой.

Ночь *смелкающаяся*: она начинается постепеннымъ угасаніемъ свѣта, смелканіемъ, которое продолжается довольно долго. Моментъ которымъ кончается эта половина—потуханіе зари.

Съ угасаніемъ послѣдняго ея луча начинается *глубокая ночь*. Ночь эту авторъ называетъ *тлюю*, т. е. густымъ непрогляднымъ туманомъ, при которомъ ни зги становится не видно. Моменты—которыми опредѣляется этотъ періодъ—суть слѣдующіе:

Съ одной стороны умолканіе соловья. Съ наступленіемъ глубокой ночи онъ перестаетъ пѣть и засыпаетъ. А съ другой—перекликъ га-

локъ: галки просыпаются еще до утренней зари и своимъ крикомъ даютъ знать, что ночь кончилась и наступаетъ уже раннее утро.

„Долго ночь смелькаетъ,¹
 „Заря свѣтъ заронила,
 „Туманъ степи покрылъ,
 „Уснуло пѣніе соловья;
 „Говоръ галокъ пробудился²

Такому объясненію вполне отвѣчаетъ дальнѣйшія слова: *на другой день весьма рано*. Очевидно, выше было описаніе ночи, а не ранняго утра, какъ думаютъ другіе излѣдователи.

Русскіе полки устали въ строй, выдвинувъ впереди себя красные щиты. Червленная, красная линія этихъ щитовъ какъ бы раздѣляла степь на двѣ половины.

„Русски широкія степи разгородили
 „Своими красными щитами,
 „Ища себѣ чести, а князю славы.

Рано по утру, въ пятницу, они выступили въ бой. Авторъ ни единымъ словомъ не касается затѣмъ самаго боя, но лишь въ восторгѣ рисуетъ триумфы одержанной ими побѣды. Въ этой первой стычкѣ Русскіе наголову разбили враговъ и, разсѣявшись по степи, поимали много дѣвокъ-красавицъ, захватили много золота, шелковыхъ и парчевыхъ тканей, а остальные менѣе дорогіе уборы, привѣски, эпанчи, шубы и разныя узорчатая принадлежности, не знали куда дѣвать, и побросали на дорогѣ, устилая ими болота и грязныя мѣста.

„Съ изъ заранья въ пятницу,
 „Потоптали они
 „Поганые полки Половецкіе,

¹ См. въ «Лексикологін»: «*мркнетъ*».

² См. въ «Палеографической критикѣ текста»: «*щукотъ славій усне, говоръ талихъ убуди*».

„И, разсыпавшись по степи, какъ стрѣлы,
 „Красныхъ дѣвокъ Половецкихъ умчали,
 „А съ ними золота и паволокъ
 „И дорогихъ аксамитовъ.
 „Подвязками, ¹ эпанчами и кожухами
 „Стали мосты мостить,
 „Половецкимъ узорочьемъ всякимъ.

Съ особенною любовію авторъ остановился на описаніи побѣднаго знамени, доставшагося князю. Онъ обрисовалъ всѣ составныя его части и совершенно въ классической формѣ усволяетъ ее побѣдителю.

„Красный стягъ,
 „Бѣлая хоругвь,
 „Красная чолка,
 „Серебряная рукоять—
 „Храброму Святославичу!

Одержавъ побѣду, Русскіе князья со своими дружинами не двинулись ни назадъ, ни впередъ и, какъ гласить лѣтопись, *«облегоша ту»*.

Авторъ знаетъ эту заночевку и чувствуетъ ея роковое значеніе. Врагъ ловитъ птицу, пользуясь минутой ея безопасности. Таково же было значеніе и этой медлительности Русскихъ князей на чужой, дальней сторонѣ.

„Дремлетъ въ степи
 „Гнѣздо храброе Олега!

Воскликаетъ онъ:

„Далече оно залетѣло!

Но ликуя побѣду, онъ проникается духомъ, одушевлявшимъ его героевъ, которыхъ врагъ не смѣлъ беспокоить въ эту ночь. Соколы и особенно кречеты—самые страшные хищники птицъ, но не суж-

¹ См. въ „Лексикологін“: *«ортымами»*.

дено имъ обидѣть гнѣзда Олегова; тѣмъ менѣе опасенъ былъ для него черный воронъ:

„Не было оно рождено для обиды¹
 „Ни соколу ни кречету,
 „Ни тебѣ черный воронъ,
 „Поганный Половчанинъ!

Кочевники обращены въ бѣгство.

„Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ волкомъ,
 „А Кончакъ въ слѣдъ за нимъ гонится
 „Къ Дону Великому.

ж) Бой 2-й.

Образы этого боя авторъ видитъ въ грозныхъ явленіяхъ природы, гдѣ готовится борьба свѣта со тьмою. Эти явленія для него — явленія живыя и потому онъ переживаетъ ихъ вмѣстѣ съ событіями. Какъ небесныя знаменія онъ непосредственно уясняетъ чертами дѣйствительности, такъ затѣмъ и самую дѣйствительность изображаетъ чертами этихъ знаменій.

иа) Знаменія, уясняемая чертами дѣйствительности

На другой день утренняя заря спорыдала. Переливы ея казались красными, какъ кровь. Вѣстница разсвѣта, она не добрый день общала.

„На другой день весьма рано,
 „Кровавыя зѣри возвѣщаютъ разсвѣтъ.

Съ моря издали надвигались темныя тучи, готовые омрачить горемъ четыре солнца. Солнца эти четыре князя: Игорь Сѣверскій, братъ его Всеволодъ Трубчевскій, сынъ Владиміръ Путивльскій и племянникъ Всеволодъ Рыльскій.

„Съ моря черныя тучи идутъ,
 „Хотятъ покрыть четыре солнца.

¹ См. въ «Палеографической критикѣ текста»: «не было обидѣ рождено».

Въ надвигающихся тучахъ сверкали неяркія, неослѣпительныя молніи—грозные вѣстники проливнаго дождя и страшнаго грома. Этотъ дождь и громъ—предстоящій бой. Картина ужасающая, потрясающая—

„А въ нихъ свинцовыя молніи¹
 „Трепетъ наводятъ²:
 „Быть грому великому,
 „Итти дождю стрѣлами
 „Съ Дона великаго.
 „Ломаться тутъ копьямъ,
 „Ударяться тутъ саблямъ
 „О шелды Половецкіе,
 „У Дону Великаго.

Эти грозные образы возбуждаютъ въ душѣ автора дѣйствительный трепетъ за судьбу своихъ героев—и онъ вновь, подъ воздействием этого чувства, выражаетъ сожалѣніе, что они уже на вражеской землѣ, далеко отъ родной стороны.

„О русскіе мужи! Взываетъ онъ.
 „Уже за шеломенемъ вы!

бб) Зловѣщія знаменія вполне оправдались. Какъ выше авторъ уяснялъ ихъ чертами дѣйствительности, такъ за тѣмъ самую дѣйствительность рисуетъ чертами этихъ знаменій.

Черныя тучи въ событіи. Эти черныя тучи съ моря, имѣвшія разразиться дождевыми стрѣлами, ниспосланы сверхъестественной силой:

„Вотъ вѣтры—Стрибоговы внуки,
 „Вѣютъ съ моря стрѣлами,
 „На храбрые полки Игоревы.

Несмѣтная вражеская сила надвигается отовсюду, съ моря и суши, и какъбы подъ движеніемъ ея:

¹ См. въ Лексикологіи: «синіи молніи».

² См. Ibid. «трепецуть».

„Гудить земля,
 „Мутятся рѣки,
 „Пыль вьется надъ степью.

Шумъ множества знаменъ говорилъ ясно, какая эта сила:

„Знамена гласятъ:
 „Идутъ Половцы
 „Отъ моря и отъ Дона
 „И отъ всѣхъ странъ.

Наступилъ грозный боевой моментъ: бѣсовы дѣти окружили Русскія войска; ихъ неистовый бѣсовскій гякъ, своимъ эхомъ, гуломъ какъбы раздѣлялъ степь на двѣ части:

„Кликомъ они степь разгородили.

А Русскія войска выставили впереди себя красные щиты и красная линія ихъ щитовъ также раздѣлила степь на двѣ половины:

„А храбрые Русаки
 „Разгородили красными щитами.

Дождь, громъ и молніи—въ событіи. Слѣдовало бы затѣмъ ожидать описанія самого боя, но въ творческомъ духѣ автора борьба буй-тура Всеволода замѣняетъ картину цѣлаго войска. Еще свѣже было преданіе о старомъ времени, когда сила народовъ измѣрялась богатырствомъ. Отчаянный бой этого святорусскаго богатыря авторъ замѣтно обрисовалъ чертами побѣдоносной борьбы свѣтлыхъ небесныхъ явленій надъ темными; при этомъ онъ самъ какъбы соучаствуетъ въ его богатырствѣ, переживаетъ его, волнуется при думаяхъ о немъ. Выражая свое изумленіе предъ храбростію, онъ то взываетъ къ своему герою, то обращается къ своей братіи, то говоритъ какъбы самому себѣ:

„О ты, яръ-туръ Всеволодъ,
 „Стоишь ты на оборонѣ;
 „Словно дождь, брызжешь

„На воиновъ стрѣлы;
 „Словно громъ, гремишь
 „О племы мечами булатными.

Какъ разъяренный туръ, скачетъ онъ въ бою; лишь шлемъ сіялъ на немъ, какъ молнія; каждый скачекъ этого тура оставлялъ за собою цѣлую улицу вражескихъ головъ:

„Куда туръ ни скокнетъ,
 „Златымъ своимъ шлемомъ посвѣчивая,
 „Лежать тамъ поганья головы Половѣцкія.

Удары его саблей были разрушительны, какъ расщепляющая молнія.

„Отъ тебя, яръ-туръ—Всеволодъ,
 „Разщепаны булатными саблями
 „(Самые крѣпкіе племы)
 „Шеломы Аварскіе.

Охарактеризовавъ подвиги его какъ богатыря, авторъ отъ внѣшнихъ его доблестей переходитъ къ характеристикѣ внутренняго его настроенія. Онъ заглядываетъ, онъ проникаетъ въ самую душу своего героя и потому отъ его лица обращается къ той братіи, къ которой обращено было его «Слово». Въ минуты геройскаго распаленія ни по чемъ была Всеволоду жизнь княжеская, привольная и почетная, ни по чемъ было отцовское наслѣдство—богатое Черниговское княжество и даже выпала изъ сердца любимая, задушевная красавица Глѣбовна: что же значили для него боевыя раны и могъ ли онъ ихъ бояться, могъ ли онъ ими смущаться.

„Братья! Что тому рана ¹,
 „Кто забылъ честь и животъ,
 „И Градъ Черниговъ—златъ отѣцкой столъ,
 „И совѣтъ и привѣтъ своей милой супруги
 „Красавицы Глѣбовны!

¹ См. въ Палеографической критикѣ текста: «кая раны дорога».

з) *Бой 3-й.*

Если первые два боя дали автору случай изобразить своихъ героевъ во всей славѣ и нравственномъ величїи дружинниковъ, то послѣдній и роковой бой выступилъ въ его творческомъ духѣ во всемъ его дѣйствительномъ историческомъ значенїи, со всѣми его гибельными послѣдствїями какъ для самихъ героевъ, такъ и для всей Русской земли. Никакая храбрость не спасаетъ людей, если она тратится необдуманно; тамъ, гдѣ господствуетъ крамола, не только безсиленъ героизмъ, но и производитъ напрасную гибель войска и накликаетъ страшныя бѣды на страну и народъ. Подъ такимъ воззрѣнїемъ авторъ приступаетъ къ описанїю послѣдняго роковаго боя Игорева. Самый бой мало занимаетъ автора и онъ изображаетъ его лишь въ самыхъ краткихъ очертанїяхъ. Но за то бѣдствїя, вызванныя боемъ какъ для дружины такъ и для всей Русской земли, рисуются имъ въ самыхъ яркихъ картинахъ и освѣщаются по Бояновски эпическимъ преданїемъ. То же самое воззрѣнїе побудило его предварить описанїе боя воспоминанїемъ о времени старомъ и вставить эпизодъ о такомъ же боѣ въ былое время, сопровождавшемся такими же послѣдствїями. Эпизодъ этотъ нѣкоторымъ ученымъ кажется позднѣйшею вставкою; между тѣмъ онъ имѣетъ такую внутреннюю и глубокую связь со всѣмъ описанїемъ 3-го боя и вызванныхъ имъ послѣдствїй, что безъ этого эпизода пѣснь Игорева лишилась бы художественной цѣльности и потеряла бы самую основу Бояновской пѣсни, на которой она соткана.

Несчастный и гибельный исходъ послѣдняго роковаго боя, несмотря на все величїе мужества и храбрости, явленныхъ въ бояхъ предшествовавшихъ, зависѣлъ отъ того, что походъ былъ предпринятъ безъ согласїя съ другими сильными князьями, самонадѣянно и своекорыстно и бой оказался не равнымъ. Начало такого самолюбиваго дѣйствїя князей, начало крамолы и усобицъ, скрывалось въ эпохъ предшествовавшей и уже тогда давало понимать и чувствовать все злоотсюда возникавшее. Вотъ почему, переходя къ описанїю главнѣйшаго и роковаго боя, авторъ переносится мыслію ко времени старому, къ князьямъ и ихъ усобицамъ, воспѣтымъ Бояномъ и свивзаетъ

описаніе этого боя и его послѣдствій съ подобными явленіями времени стараго, точно такъ какъ Боянъ, воспѣвая своихъ князей, уносился творческою мыслію ко временамъ древнимъ.

Важность момента побуждала сосредоточить здѣсь всё его думы и творческія движенія. Форма Бояновой пѣсни, которой онъ подражаетъ, и внутренняя связь историческихъ явленій, которую онъ преслѣдуетъ, заставили его остановиться на воспоминаніяхъ времени стараго, и вставить эпизодъ объ усобицахъ Олеговыхъ и въ частности о боѣ на Нежатиной нивѣ и о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыми разрѣшились онѣ какъ для князей, такъ и для всего Русскаго народа. Гибельны были тогдашнія усобицы, но такой рати, какъ рать Игорева не только по храбрости героевъ, но и въ ея историческомъ значеніи, съ такими тяжелыми послѣдствіями для всей Русской земли никогда не бывало.

Переходя къ изображенію эпизода этой старой эпохи, воспѣтой Бояномъ, авторъ удерживаетъ связь ея съ временами древними. Бывали рати и въ древнія времена Трояна, къ коимъ уносился Боянъ въ своихъ пѣснопѣніяхъ; бывали рати и въ эпоху Ярослава и Олега, въ тое старое время, которое воспѣто было Бояномъ:

„Были вѣка Трояновы,
„Миновали лѣта Ярославовы,
„Были походы Олеговы,
„Олега Святославича.

Не разъ тотъ Олегъ наводилъ поганыхъ на землю Русскую:

„Тотъ Олегъ крамолу коваль
„И стрѣлы сѣялъ по землѣ.

Но выражаясь такъ объ Олгѣ, «много бо тогда хрестьянъ отъ поганыхъ изгублено бысть», авторъ однако не его одного считаетъ причиною бѣдствій, постигшихъ тогда какъ князей, такъ и Русскій народъ. Замѣчаніемъ, что братъ его Борисъ палъ за то, что былъ *обиженъ* Олгѣ, князь молодой и храбрый, онъ даетъ понять, что не одинъ Олегъ былъ виновникъ этихъ золъ. Другіе князья, его обилѣв-

шіе, также повинны въ его гибельныхъ крамолахъ. Эпизодъ на которомъ онъ сосредоточилъ свое вниманіе—это именно бой на Нежатинной нивѣ Ольговичей съ Ярославичами изъ за Черниговскаго престола.

Престоль этотъ по праву принадлежалъ Олегу, но былъ у него отнятъ, чѣмъ была нанесена ему кровная обида. Олегъ бѣжалъ въ Тмутаракань и здѣсь рѣшился съ братомъ своимъ Борисомъ Вячеславичемъ искать счастья оружіемъ. Нанявъ Половцевъ, они вошли въ предѣлы Черниговскаго княжества и разбили Всеволода, который сидѣлъ въ ихъ отчинѣ въ Черниговѣ.

Противъ нихъ соединились четыре князя—Ярославичи и, одержавъ побѣду, на Нежатинной нивѣ, передали Черниговскій столъ Владиміру Мономаху, сыну Всеволодову.

Авторъ не рассказываетъ по обычаю самаго боя, но останавливаетъ свое вниманіе на бѣдствіяхъ вызванныхъ имъ, прежде всего для самихъ князей. Вотъ Олегъ

„Ступаетъ въ золотой стремя
 „Въ городѣ Тмутараканѣ.
 „Звонъ тутъ слышалъ
 „Всеволодъ сынъ Ярославовъ,¹
 „А Владиміръ всякое утро
 „Закладывалъ уши въ Черниговѣ.²

Вотъ чѣмъ разрѣшилось выступленіе въ походъ крамольнаго Олега. На дружинномъ языкѣ это значило, что Всеволодъ долженъ былъ выносить, выдерживать на себѣ всю тяжесть этого боя; онъ долженъ былъ перенести пораженіе, чтобы одержать побѣду и при томъ лишь только снискавъ себѣ помощь у другихъ князей; сынъ же его Владиміръ, занявъ не по праву Черниговскій столъ, поставилъ себя въ положеніе молодаго воина, который боится трубы; долженъ былъ постоянно ждать оглушительнаго звона—внезапныхъ нападеній Олега и предъупреждать эти опасности—этотъ оглушительный звонъ,

¹ См. въ «Лексикологін»: «звонъ слыша».

² См. Ibid. «уши закладаше».

Таковы были послѣдствія старой крамолы для самихъ князей, оставшихся въ живыхъ. Двое же изъ нихъ совсѣмъ погибли на злосчастной нивѣ. Погибъ Борисъ Вячеславичъ, хвалившійся отстоять свои родовыя права.

„Похвальба же Бориса Вячеславича
 „До смертной судьбы его довела
 „И на Каялу-ниву зеленую ¹
 „Погребальный покровъ постлала,
 „И все изъ за того, что обиженъ былъ
 „Олегъ, князь молодой и храбрый.

Погибъ и самъ Изяславъ, великій князь Кіевскій; онъ почилъ здѣсь сномъ вѣчнымъ—и сынъ его Ярополкъ въ послѣдній разъ на ковръ погребальномъ побаякалъ его, перевоза въ стольный городъ.

„Съ той же Каялы-нивы ²
 „Ярополкъ полелѣялъ отца своего,
 „Межь Угорскими иноходцами
 „Ко святой Софіи къ Кіеву.

Къ такимъ послѣдствіямъ въ былое время приводили княжескія усобицы ихъ самихъ. А вотъ чѣмъ разрѣшались онѣ для народа и родной земли.

Не трудъ земледѣльца, а горе надъ нимъ посмѣваясь, завладѣло полями; не хлѣбъ на нихъ сѣялся, а само горе разсѣвалось и цѣлыя поля заростали этимъ горемъ. Рѣдко слышался на нихъ голосъ пахаря, но часто раздавался крикъ вѣроновъ и галокъ.

¹ См. въ «Палеографической критикѣ текста»: «и на камиту зелену патолому постла»

² См. Ibid. «съ той же Каялы повелъ».

„Тогда при Олегѣ, горе похваляясь,
 („По полямъ оно кидалось),
 „Сѣменами разсѣвалось,
 „И отъ усобищъ росло оно—плодилось;
 „Губилось достоянье Дажь-Божьяго внука.
 „И коротались вѣка человѣческіе.
 „Тогда на Русскихъ поляхъ
 „Рѣдко пахари погайкивали,
 „Но часто вѣроны пограивали,
 „И галки свою рѣчь говорили,
 „На лакомый кормъ летѣть собираясь.

Таковы были бѣдствія какъ для князей, такъ и для народа въ бывшія времена, «въ тѣ рати и въ тѣ бои, но такой рати отчаянной и съ такими ужасными послѣдствіями, какъ нынѣшняя, еще не слышано.

Описаніе этой рати въ высшей степени художественно. Краткость предложеній дѣлаетъ весьма изобразительными выражаемые ими дѣйствія. Вы какъ будто присутствуете при самомъ боѣ, и видите эти летающія стрѣлы и слышите громъ и трескъ самаго оружія.

„Съ изъ-заранья до вечера,
 „И съ вечера до разсвѣта,
 „Летятъ стрѣлы каленныя;
 „Гремятъ сабли о шѣломы,
 „Трещатъ копья булатныя
 „Въ степи непріятельской,
 „Среди народа Половецкаго.

Земля была вспахана конницей, изрыта была конскими ногами; кости были раздроблены на—мелко и раскиданы, словно сѣмена; кровь текла ручьями и поливала ихъ; сѣмена дали ростки, взошли, но не

¹ См. *Ibid.* «тогда при Олегѣ Гориславичи».

на радость, а на великую скорбь земледѣльцевъ; въ каждомъ росткѣ виднѣлась печаль и Русская земля покрылась сердечной тугой, словно поле—зеленю.

„Зачервѣла земля подь копытами,
 „Костями была призабѣяна
 „И кровію была подлита
 „Тугою взопли они
 „По Русской землѣ.

Изъ всѣхъ событій этого сраженія авторъ воспроизвелъ для насъ одинъ изъ самыхъ знаменательныхъ моментовъ, въ которомъ сказалось сочувствіе Игоря къ своему брату, уже изнемогавшему въ борьбѣ и даже изломавшему свое оружіе. Игорь, самъ раненый, рвался воротить бѣжавшіе полки, чтобы оказать ему помощь. Моментъ этотъ выраженъ такъ живо и такъ художественно, что какъ будто авторъ очертилъ его на самомъ полѣ сраженія.

„Чу! Что-то шумить,
 „Что-то звѣнить,
 „Вдали рано передь зарями?
 „Это Игорь полки заворачиваетъ:
 „Жаль ему стало
 „Милаго брата Всеволода.

Окончаніе боя схвачено въ двухъ моментахъ, поражавшихъ силу своего впечатлѣнія: это во 1-хъ, паденіе Русскихъ знаменъ и во 2-хъ, послѣднее прощанье братьевъ-плѣнниковъ.

„Бились день, бились другой,
 „А на третій ко полудню,
 „Стяги Игоревы пали.
 „Тутъ разлучились братья
 „На берегу быстрой Каялы.

Всю горечь этого пораженія авторъ выразилъ за тѣмъ въ образѣ брачнаго веселаго пира. На этихъ пирахъ, чѣмъ больше пьютъ,

тѣмъ больше требуютъ, и это до тѣхъ поръ, пока хозяева спать не лягутъ. На пиру быстрой Каялы точно также лишь разгорѣлась отъ опьяненія жадность въ Половцахъ: они еще и еще жаждали бы Русской крови, но вина уже не хватило, хозяева уже опочили.

„Тутъ кроваваго вина не достало,
 „Тутъ покончили пиръ храбрые Русаки:
 „Сватовъ упоили и сами полегли
 „За землю Русскую.

Тяжело было автору писать эти строки и вотъ онъ выражаетъ свою скорбь словами народныхъ плачей:

„Никнетъ трава отъ жалости
 „И лѣса отъ туги къ землѣ наклонились.

2. Взглядъ автора на бѣдствія Русской земли и ихъ причины.

Автору предносится тяжелая картина на Дону, на полѣ пораженія. Тамъ, гдѣ было такъ много народа, гдѣ раздавались воинственные клики, гдѣ кипѣла человѣческая жизнь, вдругъ стала глушь и безнародица, сдѣлалось пустынно и уныло, ни звука, ни слѣда человѣческаго.

„Уже, братья, вызываетъ онъ,
 „Не веселая година настала
 „Уже пустыня силу прикрыла.

Главная причина всѣхъ бѣдствій, постигшихъ Русскую землю кроется въ княжескихъ усобицахъ, въ личныхъ взаимныхъ счетахъ и раздорахъ. Но откуда—самыя усобицы? Мы уже выше указывали, что по объясненію автора Игоревой пѣсни источникъ этихъ усобицъ кроется въ надмірныхъ сверхъестественныхъ силахъ.

Если по взгляду лѣтописцевъ, «дьяволъ воздвиже нѣкую кóтору злу между князи» «врагъ дьяволъ всѣ князи Русскіе вложи на вражду»,

то нашъ авторъ, въ силу эпического міровоззрѣнія, предлагаетъ слѣдующее объясненіе этихъ усобицъ:

„Встала обида
 „Въ силахъ Дажь-Божьяго внука,
 „Вступила Дѣвою на землю Троянову,
 „Всплескала лебединымъ крыльемъ
 „На синемъ морѣ, у Дону плещучись:
 „Пробудила тучныя времена.
 „У князей—усобица,
 „А намъ—поганые—погибель;¹
 „Братъ сталъ говорить брату:
 „Это мое, и то мое же.
 „И начали князья про пустое
 „Говорить: это—важное;
 „А поганые со всѣхъ сторонъ
 „Приходили съ побѣдами
 „На землю Русскую.

При этомъ пѣвецъ какъ бы невольно обращается къ происшедшей отъ этихъ усобицъ несчастной судьбѣ Игоря его дружины и съ глубокимъ сожалѣніемъ взываетъ:

„О, далеко зашелъ ты соколъ,
 „Охотиться за птицами къ морю!
 „И не воскресить уже храбраго полка Игорева!

Вся Русская земля должна была пережить бѣдствіе, вызванное этой далекой погоней сокола за птицами. Слезы и вздохи охватили всю Кіевскую Русь.

Но подобно тому, какъ описанію княжескихъ усобицъ авторъ предпослалъ изображеніе виновницы ихъ Дивы-Обиды, которая возбудила

¹ См. въ «Палеографической критикѣ текста»: «усобица княземъ на поганыхъ поимбе».

ихъ своимъ плесканіемъ на синемъ морѣ у Дона, такъ далѣе прежде описанія плачей и скорбей вдовъ и сиротъ павшаго войска, онъ выводитъ на сцену *Карину* и *Жю*—снутницъ Дѣвы Обиды — виновницъ этихъ плачей и скорбей, пользуясь при этомъ обычаями погребальнаго языческаго культа и озаря ихъ чертами эпическаго преданія.

„Не воскресить полку Игорева!

„За нимъ кликнула Карина.

Карина ¹—это вопленица, обрядница мертвыхъ, жрица смерти. Но авторъ имѣетъ при этомъ въ виду не простую плакальщицу, пѣсенницу по мертвыхъ. Онъ усваиваетъ ей *кликъ* воинскій, *кликъ* побѣдный, гласъ радованія и торжества.

Кликнула Карина. Неистовый гулъ ея торжества для автора носился какбы въ воздухѣ и, точно кликъ богатырскій, или кликъ дива, огласилъ собою всю Русскую землю. Что это за *кликъ*—отчасти видно изъ плачей даже нынѣшнихъ вопленицъ.

„Воскликать стану надежную головушку:

.....

„Хоть по утрянку скачи да стърмызъ зайишомъ,

„Хоть по вечерку бѣги да горносталюшомъ...

.....

„Не убоюсь того, побѣдна, не сполохатюсь...

.....

Но вѣдь нѣтъ того на свѣтѣ и не водится,

„Што вѣдь мертвыи съ погоста не воротятся.

Такимъ образомъ даже въ дошедшей до насъ погребальной причети выражается не только сожалѣніе о мертвыхъ, но и *торжество* смерти.

И если обрядница мертвыхъ представляла собою самую смерть въ образѣ «красной дѣвушки,» то и въ данномъ случаѣ, въ образѣ Карины, вопленицы, кличущей богатырскимъ кликомъ, разумѣется Дѣва

¹ См. въ Палеограф. критикѣ текста: «*кликну Карина*».

смерти, ликующая гласомъ радованія свое торжество надъ павшимъ войскомъ Игоревымъ.

Не пѣсня только смерти пропѣта, но и тризна совершилась.

„И Желя ¹ скочила по Русской землѣ.
„Разнося пепель въ пламенномъ рогѣ.

Въ погребальномъ языческомъ культѣ былъ обычай, который держится въ народѣ и донынѣ—посылать отъ имени покойника къ его роднымъ и близкимъ *жалыницу*—печальную вѣстницу съ наказомъ, что «такой-то долго жить приказалъ».

Въ изданныхъ нами погребальныхъ Плачахъ сѣвернаго края есть прекрасное описаніе подобной вѣстницы печали. Авторъ пользуется образомъ этой вѣстницы для изображенія горькой скорби, широко охватившей Русскую землю о павшемъ Игоревомъ войскѣ, обрисовывая образъ этой «Жели» также эпическими чертами и обычаями погребального культа.

Желя—вѣстница печали, будто удалая поленица, словно на конѣ, скочила по Русской землѣ—распространяя вѣсть о павшемъ полку Игоревѣ. Но не простой только вѣстницей была эта Желя. Она, подобно Дѣвѣ-Обидѣ—виновницѣ страстей и усобицъ, скача по Русской землѣ, всюду зажигала глубокія душевныя раны.

„Метая пепель въ пламенномъ рогѣ.

Въ язычествѣ, какъ извѣстно, трупы сжигались и лишь оставшійся пепель сохранялся въ урнахъ. Отъ погибшаго войска остался лишь прахъ, который разносила Желя—по всей Руской землѣ—въ пламенномъ рогѣ, пепель съ пылающими углями, пепель еще не остывшій, который какъ будто былъ взятъ прямо изъ подъ костра сгорѣвшихъ труповъ. Такъ свѣжи и жгучи были раны, производимыя Желей по всей Русской землѣ!

Изобразивъ кличущую кликомъ побѣднымъ *Карину*, и *Жело*,

¹ См. Ibid. «и Желя скочи».

разносящую погребальный пепелъ по Русской землѣ, авторъ переходитъ къ соответствующей дѣйствительности.

Кликнула *Карина*, и вотъ:

„Восплакались Русскія жены
 „Причитая:
 „Уже намъ своихъ ладъ,
 „Ни мыслью помыслить,
 „Ни думой подумать,
 „Ни очами взглянуть,

«И подавно не придется испытывать былыхъ радостей—отъ подарковъ, приносимыхъ изъ похода возвращавшимися ладами.

„А золотомъ и серебромъ
 „Отнюдь намъ не тѣшиться.

Промчалась *Желя* по Русской землѣ, разнося пепелъ въ пламенномъ рогѣ, и вотъ:

„Застоналъ, братья,
 „Кіевъ отъ туги,
 „А Черниговъ отъ напастей;
 „Тоска разлилась, словно
 „Полая вода, по Русской землѣ.
 „Печаль тучная, (обильная и глубокая, словно рѣка),
 „Потекла по срединѣ земли Русской.

Такъ авторъ связалъ нынѣшнія *были* съ Старыми словесами. Прежде чѣмъ плачутъ жены, кличетъ *Карина*, и прежде чѣмъ стонутъ Кіевъ и Черниговъ, скачетъ по Русской землѣ *Желя*, разнося погребальный пепелъ въ пламенномъ рогѣ. Та и другая являются спутницами Дѣвы—Обиды, разжигательницы княжескихъ усобицъ, служившихъ первою причиною всѣхъ тогдашнихъ золъ.

Но не семейнымъ только горемъ, не нравственными только скорбями о погибшемъ войскѣ разрѣшилась «невеселая година». Пользу-

ясь раздорами князей, враги на всей своей волѣ устремлялись на Русскую землю и дѣлали ее своимъ данникомъ.

„Князья сами на себя
 „Крамолу ковали,
 „А поганые одни съ побѣдами,
 „Наскакивая на Русскую землю,
 „Брали дань по бѣлкѣ со двора.

3. Переходъ ко 2-й части „Слова“.

Изобразивъ бѣдствія, вызванныя походомъ Игоря, авторъ переноситъ мыслию къ Великому Кіевскому князю Святославу, на которомъ сосредоточена вся слѣдующая вторая часть «Слова». Переходъ въ высшей степени искусный, творческій, художественный. Авторъ припоминаетъ бывшій за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ (въ 1184 г.) походъ Святослава на тѣхъ же Половцевъ, когда Русскіе плѣнили до 7000 поганыхъ, въ томъ числѣ Кобыяка руками взяли и возвратились домой со славою и честію великою — и сопоставляетъ съ этой побѣдой жалкій и постыдный походъ Игоря. Такова нить мыслей, внутренно связующая первую часть «Слова» со второю — и служащая переходомъ ко «Сну Святославу и его «Золотому слову» Противоположность того и другаго похода выражена въ высшей степени характерныхъ и художественныхъ очертаніяхъ.

Тонъ этого сопоставленія по отношенію къ Святославу усиливается въ овоей торжественности, а по отношенію къ Игорю является все болѣе и болѣе печальнымъ.

Святославъ съ своими мощными и крѣпкими полками побѣдно прошелъ по землѣ Половецкой, а Игорь загубилъ Русское добро въ болотномъ днѣ вражеской рѣки — добро дорогое, золотое. Святославъ повергъ къ ногамъ своимъ поганаго Кобыяка, а Игорь самъ пересѣлъ въ позорное сѣдло плѣнника. Чужестранцы Святослава превозносятъ, а Игоря жалѣютъ.

„Эти два храбрыхъ Святославича,
 „Игорь и Всеволодъ,
 „Разбудили погань,
 „Которую усыпиль было тутъ
 „Отець ихъ—Святославъ Грозный
 „Великій Кіевскій—грозою,
 „Заставиль было трепетать
 „Своими сильными полками
 „И булатными мечами;
 „Наступиль онъ на землю Половецкую,
 „Притопталъ холмы и овраги,
 „Возмутиль рѣки и озера,
 „Изсушилъ потоки и болота.
 „А поганяго Кобяка изъ лукоморья,
 „Исторгнуль, какъ вихорь;
 „И палъ Кобякъ въ градъ Кіевъ
 „Въ грядницѣ Святославовой.

Столь блистательная побѣда доставила ему заслуженную славу:

„Тутъ Нѣмцы и Венеціане,
 „Тутъ Греки и Морава
 „Поють славу Святославу.

Не того достигъ Игорь своимъ походомъ. Онъ заслужилъ лишь одно сожалѣніе, что загубилъ такъ много жизней и Русскаго добра: все пропало ни за что, словно въ воду брошено, и загрязло въ болотномъ днѣ вражеской рѣки:

„А князя Игоря жалбють,
 „Что погрузиль онъ столько тука
 „Во днѣ Каялы рѣки Половецкой.
 „Русскаго золота насыпаль².

¹ См. въ Палеографической критикѣ текста: «Русскаго мата насыпаша. Ту Игорь высиде».

Да и самъ наконецъ сдѣлался плѣнникомъ:

„И тутъ Игорь изъ золотого-то сѣдла
„Да пересѣлъ въ сѣдло кощея.

Тяжело отозвались на Русской землѣ всѣ эти событія. Подобно Гомеру, который въ Илиадѣ краткими словами оплакиваетъ судьбу каждаго своего героя, нашъ авторъ заканчиваетъ печальную картину участи Игоря также словами плачущей народной поэзіи:

„Приунывъ стоять стѣны городскія.

И за тѣмъ прибавляетъ:

„Поникло веселіе,

т. е. какъ трава, оно склонилось и увяло. Все бывшее радостнымъ вдругъ стало при печали.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ „СЛОВА“.

Во второй части своего творенія авторъ излагаетъ 1) Сонъ Святослава и 2) его Золотое слово.

1. Сонъ Святослава.

Вѣсть о пораженіи Игоря и его дружины, какъ извѣстно изъ Лѣтописей, принесена была на Русь Бѣловолодомъ и достигла наконецъ Кіева. Но авторъ, по образцу *Старыхъ Словесъ*, въ своей пѣсни предваряетъ эту вѣсть таинственнымъ откровеніемъ въ сонныхъ мечтаніяхъ и видѣніяхъ Кіевского князя Святослава и толковниками этихъ сновидѣній и первыми провозвѣстниками несчастія Игоря и его дружины, дѣлаетъ бояръ, окружавшихъ Святослава.

Въ глазахъ автора Кіевскій князь—былъ главою и стоялъ такъ сказать, на вершинѣ всей Кіевской Руси, точно такъ, какъ и самая столица была *на горахъ*.

Вотъ Святославъ въ Кіевѣ на горахъ
Мутной сонъ видѣлъ.

а) Видѣнія Святослава.

Сонъ этотъ былъ именно *мутной* съ одной стороны потому, что въ немъ свѣтлыя и пріятныя представленія мѣшались съ мрачными и безотрадными, словно вода съ пескомъ мутилася; съ другой—потому, что это былъ сонъ зловѣщій и потому безнокійный; онъ производилъ *смущеніе* въ душѣ Святослава.

Сонъ этотъ состоялъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ видѣній, изъ коихъ однѣ служили выраженіемъ личнаго тяжелаго предчувствія самаго Святослава: изъ остальныхъ же—одно указывало на участь постигшую Игоря и его дружину, и другое—на безчестіе и безславіе Русской земли, коими завершился его походъ.

Сновидѣнія, основанныя на личныхъ предчувствіяхъ Святослава, предвѣщали ему *печаль, горе и слезы*.

аа) *Печаль*. Съ одной стороны снилось ему, что лежалъ онъ на кровати дорогой, сдѣланной изъ тиса, а съ другой—что онъ былъ покрытъ на ней чернымъ одѣяломъ.

бб) *Горе*. Съ одной стороны угощали его синимъ виномъ, а съ другой—это вино было отравлено мученіемъ.

вв) *Слезы*. Съ одной стороны разсыпали по бѣлой его груди крупный жемчугъ, ласкали и утѣшали его, а съ другой—снилось ему что этотъ жемчугъ катился на его грудь изъ колчановъ пустыхъ, изъ коихъ стрѣлы были разстрѣяны погаными толковинами.

Въ эту ночь, рассказывалъ онъ,
 На кровати тисовой.
 Одѣвали меня чернымъ покрываломъ;
 Черпали для меня синее вино
 Со страдою смѣшано;
 Сыпали мнѣ на грудь
 Крупный жемчугъ
 Изъ пустыхъ колчановъ¹
 Поганыхъ Толковинъ
 И вѣжили меня.

¹ См. въ Лексикологія слово: «толковинъ».

Мутность этихъ сновидѣній состояла именно въ томъ, какъ мы сказали, что пріятныя представленія въ нихъ мѣшались съ непріятными. Тисъ и черная папалома предвѣщали *печаль*; вино съ примѣсю *горе*, и наконецъ жемчугъ и тулы поганыхъ—*слезы*.

Дальнѣйшее сновидѣніе указывало на бѣдственную участь, постигшую Игоря и его союзниковъ въ несчастномъ походѣ.

и) Снилось ему, что въ его дворцѣ съ позолоченымъ верхомъ крыша безъ жолоба, скрѣпляющаго тесъ.

Уже доски безъ князя
Въ моемъ теремѣ златоверхомъ.

Сонъ этотъ указывалъ, что въ Кіевской Руси—многія княженія лишились князей съ ихъ дружинами. Онъ имѣлъ внутреннюю связь съ дѣйствительнымъ, совершившимся фактомъ, народившимъ тяжелыя предчувствія въ душѣ Святослава и былъ основою всѣхъ предшествовавшихъ его видѣній, знаменовавшихъ его *печаль*, *горе* и *слезы*.

дд) Наконецъ послѣднее сновидѣніе—относилось по своему внутреннему значенію къ безчестію и безславію Русской земли, вызванымъ несчастною судьбою Игоря съ его союзниками: снилось ему, что

Въ эту ночь съ вечера
Граяли паршивые ¹ вороны,
На болотинѣ у Плъсенска были,
У дебрьской Сани,
И понеслись къ синему морю. ²

Видѣть во снѣ каркающихъ вороновъ—предвѣстникъ худой молвы и безславія. Связующимъ началомъ для дальнѣйшихъ представленій въ этомъ сновидѣніи повидимому служить болото. Вороны граяли около Кіева, за тѣмъ полетѣли на болото Плъсенское, откуда перелетѣли на низкое побережье Сана и оттуда уже понеслись къ синему морю. Едва ли для подобной ассоціаціи сонныхъ представленій не послужило наблюденіе, что Плъсенская болонь и Дебрьская Сань

¹ См. въ Лексикологін слово: «бусови»:

² См. въ Палеографич. критикѣ текста: «у Плъсньска на болони быша дебрь Кисано, и не сошлю къ синему морю.

были станціями птицъ, гдѣ наиболѣе останавливались они для корма, при своихъ перелетахъ къ Черному морю. Исхудалые, шаршивые вѣроны, по смыслу сновидѣнія, съ одной стороны стали сыты и довольны—такъ какъ запасались силами и тукомъ на самыхъ заживныхъ для нихъ мѣстахъ, а съ другой—карканіе ихъ простиралось за предѣлы Кіевской Руси и сосредоточивалось у моря. По аналогіи, Половцы, точно также запаслись Русскимъ тукомъ и золотомъ и, ликуя свою побѣду, безславили Русь.

б) *Толкованіе этихъ видѣній боярами.*

Не менѣ замѣчательно по своему построенію и толкованіе сна боярами. Бояре не останавливаются на сновидѣніяхъ, вытекавшихъ изъ личнаго тяжелаго предчувствія Святослава, предвѣщавшихъ ему *печаль, горе и слезы* и лишь коротко замѣчаютъ, что мысль его настроилась подъ воздѣйствіемъ гнетущаго чувства и всѣ эти сновидѣнія—суть порожденія его нравственнаго состоянія.

„И сказали бояре князю:

„Княже! Туга умомъ завладѣла.

Но за то они сосредоточиваютъ свое вниманіе на остальныхъ двухъ сновидѣніяхъ, имѣвшихъ отношеніе къ дѣйствительности, служившей причиною нравственнаго угнетенія Святослава.

Гибель князей съ ихъ дружинами, предзнаменованная паденіемъ шелома съ дворцовой крыши, изображается въ эпическихъ очертаніяхъ. Авторъ какъ будто самъ былъ свидѣтелемъ солнечнаго затмѣнія, заступавшаго князьямъ путь, и потому заставляетъ Святославовыхъ бояръ толковать означенный сонъ въ чертахъ и образахъ этого затмѣнія, какъ будто подъ непосредственнымъ его впечатлѣніемъ, съ живою вѣрою въ таинственное его значеніе, оправданное дѣйствительностію.

„Вотъ вѣдь два сокола слетѣли,

„Съ отцовскаго золотого стола,

(Говорятъ бояре)

„Поискать города Тмутараканя,
„Или же племомъ напиться изъ Дона.

Т. е. или возвратить Тмутаракань Руси, которой она принадлежала, или же по крайней мѣрѣ одержать побѣду надъ погаными, которые ею владѣютъ. Но жалкая судьба ихъ постигла:

„Уже крыльица у соколовъ
„Исколоты поганныхъ саблями,
„И самихъ опутали въ цѣпи желѣзныя.

Совершилось вѣдь то, чѣмъ на-яву угрожало имъ солнечное затмѣнiе, тьмою заступавшее имъ путь.

„Темно вѣдь стало. въ 3-й день;
„Два солнца померкли;
„Оба красные столба погасли;
„А съ ними и молодые мѣсяцы
„Олегъ и Святославъ поволоклись тьмою,

Т. е. Омрачились горемъ.

Еще болѣе несчастная судьба постигла ихъ дружины. Пораженiе ихъ погаными представляется также эпически—въ образѣ борьбѣ свѣта съ тьмою.

„На рѣкѣ на Каялѣ
„Тьма возобладала надъ свѣтомъ:
„Половцы, словно гнѣздо Пардусовъ,
„Роспростерлись среди Русскихъ дружинъ
„И въ море ихъ погрузили.

Т. е. въ конецъ ихъ загубили

„И великую гордость придали Хиновѣ.¹

¹ О. Е. Коршъ, равно какъ и нѣкоторое другiе комментаторы даютъ такой порядокъ этому мѣсту: «На рѣкѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла; темно бо бѣ въ 3 день; два солнца померкоста, оба багряныя стлѣпа погасоста и съ нимъ молодая

Не нужно забывать, что именемъ Русской земли авторъ не разъ называетъ въ своей пѣсни именно Русскія войска,

Наконецъ, съ такою же ясностію и силою истолковываютъ бояре и послѣднее сновидѣніе Святослава.

Похвальба князей, съ которою они выступили въ походъ, разрѣшилась позоромъ; отвага, которую они проявили въ походѣ, кончилась насильемъ. И Дивъ, скликавшій поганую силу, теперь кончилъ свое дѣло дѣломъ позора и насилья надъ Русскою славой и отвагой. Вотъ до чего дожили! Готскія дѣвки, жившія по берегамъ Чернаго моря, съ которыми поганые Половцы дѣлились добычей, теперь и тѣ словно жадныя вороны насытившись добычей, русскимъ золотомъ, тамъ у синяго моря, участь Русскихъ проиграли, поютъ побѣдныя торжественныя пѣсни, вспоминаютъ время Бусово и радуются, что Русь получила теперь жестокое отмщеніе за побѣду надъ Шаруканемъ.

„Уже позоръ ниспалъ на славу;

„Уже надъ волей разразилось насилье;

„Уже Дивъ низвергся на землю:

„Вотъ вѣдь Готскія дѣвы,

„Звоня Русскимъ золотомъ,

„Запѣли на берегу синяго моря:

„Поютъ они время Бусово,

„Местъ за Шураканя ублажаютъ.

Въ противоположность этому ликованью на берегу синяго моря бояре выражаютъ Святославу свое нравственное угнетеніе:

мѣсяца: Олегъ и Святъславъ тьмою ся повсюкоста и въ морѣ погрузиета и и великое буйство подасть Хинови. По Русской земли прострошася Половци, якн пардуже гиѣздо». (М. У. Пѣв. 1868). По выраженіе: *на рѣцѣ на Каля тьма свѣтъ покрыла*, символически выражаетъ побѣду Половцевъ надъ Русью и потому должно стоять предъ дальнѣйшимъ выраженіемъ: *«Половци прстрошася по Русской земль»*, которое есть ничто иное какъ фактическое поясненіе символическаго изображенія. Точно также нельзя переставлять выраженій: *«и въ морѣ погрузиета и великое буйство подасть Ханювн»*. Гораздо удобнѣе допустить, что здѣсь въ окончаніяхъ глаголовъ скрываются палеографическія ошибки, допущенныя подъ воздѣйствіемъ двойственной формы предъидущихъ глаголовъ, чѣмъ перестановкою ихъ—оставить Половцевъ при томъ только, что они *«простерлись»*.

„А мы, дружина, говорятъ они,
„Жадаемъ веселія.

Т. е. мы томимся, что нѣтъ у насъ радости и тѣмъ намъ тяжело, чѣмъ веселѣе ликуютъ на берегу синяго моря.

2. Золотое слово Святослава. -

Рѣчь бояръ, изъяснившихъ Святославу видѣнный имъ сонъ, произвела на него глубокое впечатлѣніе; она коснулась самыхъ сердечныхъ его движеній и растрогала до слезъ; она подняла его духъ и заставила сказать свое слово, достойное князя, сидѣвшаго въ Кіевѣ на горахъ, столь чуткаго къ судьбамъ Кіевской Руси и ея несчастіямъ. Съ одной стороны слово это было яснымъ и сознательнымъ выраженіемъ той личной печали и горя, которыя отразились предчувствіями въ его сновидѣніяхъ, а съ другой оно было такимъ же выраженіемъ высокаго политическаго ума, стоявшаго въ эту тяжелую годину на высотѣ своего призванія. По своему внутреннему смыслу и значенію, Слово это было дорого не только для боярской Думы, его слушавшей, но и для всей Кіевской Руси изъ конца въ конецъ. Это было слово *Золотое* и трудно подыскать другой эпитетъ, который бы выражалъ его историческую цѣну лучше этого эническаго величанія.

Когда Святославъ говорилъ, слезы крупныя, какъ жемчужины видѣнныя во снѣ, падали изъ его очей: *ронилъ* онъ горючі слезы. Рѣчь его лилась, какъ и самыя слезы, мыслями свѣтлыми и ясными, выраженіями сильными и осязаемыми.

„Тогда Великій Святославъ
„Изронилъ золотое слово
„Съ слезами смѣшанное.

Слово это состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, изъ коихъ въ первомъ выражаются горькіе упреки Игорю и Всеволоду за то, что они необдуманно, не воздержавши своей юности, пошли искать себѣ воинской славы, безъ его вѣдома и не выждавъ брата его многовова и

вмѣстѣ сожалѣніе о томъ, что одинъ онъ, Кіевскій князь, безъ содѣйствія другихъ князей не можетъ оказать имъ той помощи, какая требуется вопіющими событіями. Само собою разумѣется, что эта часть рѣчи Святослава, какъ выраженіе его личнаго горя, не дѣлаетъ еще его слова столь цѣннымъ, чтобы можно было достойно назвать его *золотымъ*. Гораздо выше по своему внутреннему значенію стоитъ дальнѣйшій отдѣлъ, въ которомъ содержится воззваніе ко всѣмъ прочимъ князьямъ и призывъ ихъ вступиться, за *землю Русскую*, за раны Игоревы. Именно это-то обращеніе ко всѣмъ прочимъ князьямъ—соединиться во едино для отмщенія обиды земли Русской, за раны одного изъ нихъ, вполне достойно Великаго Князя въ Кіевѣ на горахъ и оно-то именно дѣлаетъ слово его—словомъ *золотымъ*. Тотъ и другой отдѣлъ внутренне связаны между собою и лишь въ своемъ цѣломъ представляютъ *Золотое Слово* Святослава.

а) *Упреки Святослава Игорю и Всеволоду и сожалѣніе о томъ, что помочь имъ не можетъ.*

Обращаясь къ Игорю и Всеволоду, Святославъ прежде всего упрекаетъ ихъ за то, что они не по лѣтамъ славолюбивы и храбры не по разуму: прежде времени стали приводить въ слезы вдовъ и сиротъ Половецкихъ и домогаться себѣ славы; что сколько они храбры, столько же заносчивы и не покорны; ушедши въ походъ безъ его вѣдома, они посмѣялись надъ его почтенной сѣдиной.

И сказалъ онъ:

„О мои сыновцы, Игорь и Всеволодъ!

„Прежде времени начали вы

„Мечами квилить Половецкую землю

„И искать себѣ славы;

„Но безъ славы одолѣли вы,

„Безъ славы вѣдь пролили вы поганую кровь.

„Ваши храбрыя сердца

„Изъ крѣпкаго булата скованы

„И въ дерзости закалены.
 „То ли вы учинили
 „Моей серебряной сѣдинѣ!

Второй упрекъ касается того, что они не выждали брата его Ярослава—со всѣми его героями, которые звеня, вдохновляясь славою предковъ, кликомъ враговъ побѣждаютъ, но захотѣли одни воспользоваться предстоявшей славой, одни подѣлиться и славой минувшей.

„И уже не выждали вы '
 „Сильнаго и богатаго и многово
 „Брата моего Ярослава
 „Съ Черниговскими Былями.
 „Съ мугутами и съ Таранами,
 „И съ Шельбирами и съ Топчаками
 „И съ Ревугами и съ Ольберами.
 „Тѣ вѣдь безъ щитовъ,
 „Съ засапожниками кликомъ
 „Полки побѣждаютъ,
 „Звоня прадѣдней славой;
 „Но вы сказали: одни станемъ мужаться,
 „Одни мы похитимъ предстоящую славу
 „И минувшею одни мы подѣлимся.

За тѣмъ Святославъ, какъ глава Ольговичей и самъ глубокой старикъ, дышетъ готовностію молодого сердца оказать имъ защиту, но вотъ зло нынѣшняго времени—другіе князья не помогаютъ. На что похоже? И до чего наконецъ дошло? Въ Римѣ зываютъ о помощи подъ саблями Половцевъ, а Владиміръ—единственный защитникъ Русской земли—лежить весь израненый. Горе и скорбь предстоятъ сыну Глѣбову!

¹ См. въ «Палеографической критикѣ текста»: *А уже не выжду власти снѣгаю, и богатаю и многовою брата моего Ярослава.*

- „И диво ли, братья,
 „Старику помолодѣть?
 „Коли соколь въ мытахъ побываетъ
 „Свысока птицъ убиваетъ:
 „Не дастъ онъ въ обиду
 „Гнѣзда своего.
 „Но вотъ зло: князья мнѣ не помога.
 „Времена ни на что стали не похожи!
 „Въ Римѣ кричать
 „Подъ саблями Половецкими,
 „А Владиміръ—подъ ранами.
 „Туга и тоска сыну Глѣбову!

Здѣсь, по мнѣнію Карамзина и другихъ изслѣдователей, кончается Золотое Слово Святослава. Но въ означенныхъ упрекахъ нѣтъ ни особенно золотыхъ словъ, ни золотыхъ мыслей. Святославъ не могъ ограничиться одними горькими сожалѣніями о несчастіяхъ Игоря и Кіевской Руси, и столь же горькими разочарованіями въ собственной силѣ. Воззваніе его къ князьямъ о помощи имѣеть, говоримъ, такую внутреннюю связь съ предъидущимъ, что лишь въ немъ сосредоточено и имъ завершается *Золотое* его слово. Художественный тактъ автора не могъ назвать золотымъ словомъ однихъ упрековъ и разочарованій въ устахъ Святослава. Золотое Слово, какъ и сонъ Святослава, есть только творческій литературный приѣмъ для выраженія политическихъ думъ самого автора и потому для него не представлялось надобности отдѣлять воззваніе къ князьямъ о помощи отъ предъидущей рѣчи Святослава.

б) *Воззванія къ князьямъ о помощи.*

Первое воззваніе обращено къ Всеволоду Юрьевичу, который прозывался *Большое мнѣдо* и сидѣлъ далеко отъ Кіева въ Заокской Руси. Воззваніе это показываетъ, какое важное значеніе въ политическомъ отношеніи уже тогда получила Сѣверная Русь.

Слава Всеволодова похода на Болгаръ въ 1182—1184 гг.; какъ

видно, произвела въ Кіевѣ сильное впечатлѣніе, которое долго переживалось. Побѣдоносное пораженіе имъ Болгаръ на Волгѣ, множество захваченныхъ имъ плѣнниковъ, сдѣлало его могущество на водѣ знаменитымъ. Обращаясь къ Всеволоду Святославъ указываетъ на эту Волжскую побѣду и выражаетъ убѣжденіе, что еслибы онъ захотѣлъ, то сдѣлалъ бы отстоять Кіевскую Русь отъ поганыхъ, и на Дону онъ былъ бы также побѣдоносенъ, какъ на Волгѣ, и здѣсь плѣнники были бы дешевы, какъ тамъ. Но теперь пришлось бы сражаться не на водѣ только, но и на сушѣ—въ степи. Заокская Русь въ глазахъ Кіева казалась уже могучею и своими сухопутными силами: удалые сыны Глѣбовы—были живые шерширы, могущіе смертельно поражать враговъ. Это были Рязанскіе князья, Всеволодъ и Владиміръ, дѣти Глѣба Ростиславича, въ 1180 году, цѣловавшіе крестъ ко Всеволоду, *на всей волѣ ею*. Рязанская область, бывшая удѣломъ князей Черниговскихъ, теперь тянула уже къ великому князю Суздальскому.

Воззваніе это имѣетъ иную форму, чѣмъ обращеніе къ князьямъ южнымъ. Всеволодъ, сидя далеко отъ Кіева, занятый устройствомъ домашнихъ дѣлъ, какъ будто совсѣмъ забылъ Кіевскую Русь, безучастно относился къ ея судьбѣ и не былъ расположенъ отзываться на голосъ Кіева и потому Святославъ прежде всего напоминаетъ ему, что эта Русь—ему родная и за тѣмъ лишь въ формѣ вопросительной выражаетъ свою просьбу о возможно скорой—помощи и въ тоже время какъ бы сомнѣвается въ возможности ея.

„Великій князь Всеволодъ!

„Нѣтъ ли мысли у тебя

„Перелетѣть издалеца,

„Побережь отеческій престоль золотой;

„Вѣдь ты можешь Волгу

„Разбрызгать веслами

„И Донъ вылить шеломами.

„Если бы да ты былъ

¹ См. въ «Палеографической критикѣ текста»: «*Не мыслию ти прелетѣти издалеца*».

„То чага была бы по ногатъ,
 „И кощей по рѣзани:
 „Вѣдь ты можешь по суху
 „Живыми шереширами ¹ стрѣлять
 „—Удалыми сынами Глѣба.

Воззваніе это вложено авторомъ въ уста Святослава, очевидно, лишь въ силу литературной задачи, въ силу идеи Золотого Слова. Авторъ указываетъ, что и Русь Южная и Русь Сѣверная—единая земля Русская; Русскіе и князья той и другой—одного рода племени. На Кіевскомъ столѣ сидѣлъ отецъ Всеволода Юрій Долгорукій и та же самая Переяславская область, которая раззорена теперь Половцами, принадлежала нѣкогда родному брату Всеволода—Глѣбу Юрьевичу, сынъ коего Владиміръ теперь подъ ранами. Какъ не далеко Суздаль отъ Кіева, это, по мысли автора, не освобождаетъ Сѣвернаго Великаго Князя отъ обязанности дѣйствовать за едино съ Южными Князьями и беречь отъ поганныхъ единую землю Русскую. Но, какъ мы сказали, изъ пріемовъ воззванія къ Всеволоду видно, что въ Кіевѣ считали помощь отъ него уже сомнительною.

Слѣдующее за тѣмъ воззваніе къ Рюрику и Давиду Ростиславичамъ также отражаетъ, на нащъ взглядъ замѣчательную особенность. Въ своемъ обращеніи къ нимъ Святославъ ничего не говоритъ объ ихъ личностяхъ и великодушно умалчиваетъ объ ихъ розни и вялыхъ дѣйствіяхъ, о которыхъ гласитъ лѣтопись, по поводу мольбы къ нимъ израненаго Владиміра Глѣбовича, *да быша ему помогли*. Чтобы личными упреками не внести въ нихъ новой розни и скорѣе побудить выступить на защиту земли Русской, онъ напротивъ лишь вспоминаетъ бывшее ихъ геройство и восхваляетъ славныя доблести ихъ храбрыхъ дружинъ.

„Ты рьяный—Рюрикъ и Давидъ!
 „Не ваши ли позолоченныя племы
 „Плавали по крови?
 „Не ваши ли храбрыя дружины,

¹ См. въ «Лексикологін»: «шереширь».

„Рыкають, какъ туры,
 „Раненые калеными саблями,
 „Въ степи непріятельской?
 „Вступите господа
 „Въ златыя стремяна,
 „За обиду сего времени,
 „За землю Русскую,
 „За раны Игоревы,
 „Рьянаго Святославича!

Со стороны автора здѣсь сказывается замѣчательный тактъ. Намекать на вялыя дѣйствія Рюрика и Давида, заявленные ими по поводу мольбы о помощи со стороны Владиміра Глѣбовича, было здѣсь тѣмъ неприличнѣе, что въ этихъ вялыхъ дѣйствіяхъ отчасти участвовалъ и самъ Святославъ, который теперь обращается къ нимъ съ воззваніемъ постоять за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы. X

Инымъ характеромъ отличается воззваніе къ Галицкому князю Ярославу. Здѣсь въ яркихъ очертаніяхъ и въ художественныхъ образахъ рисуется его собственная личность. Чаянія Кіева на Галицкую помощь выступаютъ во всей своей силѣ, тѣмъ больше, что это былъ тесть плѣннаго Игоря, и его дочь Ярославна, супруга Игоря, переживала теперь горькую долю. Это былъ князь кипучей и многосторонней дѣятельности; сильный и грозный въ дѣлахъ политики, онъ былъ и заботливый и предусмотрительный хозяинъ своей земли: «бѣ бо, гласить лѣтопись, *разстроилъ* землю свою.» По словамъ воззванія, это былъ—*осмомысль*, у котораго восемь мыслей и восемь заботъ за разъ. Галичь, гдѣ онъ сидѣлъ, расположенъ былъ на горѣ, на верху коей красовался княжескій кремль. Вышнее положеніе Галицкаго стола отвѣчало такимъ образомъ его политической славѣ. На это прежде всего указываетъ воззваніе.

„Ярославъ, осмомысль, Галицкій!
 „Высоко сидишь ты
 „На своемъ златокованномъ столѣ.

Занятый множествомъ домашнихъ дѣлъ, гдѣ была нанесена ему обида, онъ самъ не ходилъ съ своими полками, но посылалъ ихъ съ воеводами; полки его были вооружены крѣпкими латами, и потому они были не сокрушимы какъ желѣзо. Къ тому же престолъ его ограждали Карпатскія горы и потому далѣе взываетъ Святославъ:

„Ты подперь Угорскія горы
„Своими желѣзными полками.

Владѣнія его отъ Карпатскихъ (Угорскихъ) горъ простирались до устья Серета и Прута и потому онъ былъ заставою великою: могъ *затворять Дунаю ворота*, заграждать въ него входъ Венгерскому королю и препятствовать плаванію по немъ, что далѣе и выражено словами воззванія:

„Заступивъ путь королю
„Затворивъ ворота Дуная.

Въ дѣлахъ воинскихъ это былъ богатырь, въ дѣлахъ гражданскихъ мудрый судья:

„Метая бремена ¹ черезъ облака,
„Суды правя до Дуная.

Для изображенія его воинской силы и легкости передвиженія воинскихъ тяжестей чрезъ горы, нерѣдко покрытыя облаками, авторъ повидимому воспользовался образомъ богатыря, который легко кидаетъ тяжелыя палицы выше лѣсу стоячаго, выше облака ходячаго.

Для далекихъ странъ—онъ былъ страшенъ. Въ Кіевъ онъ могъ пустить кого угодно и когда угодно. По словамъ воззванія, онъ металъ свои стрѣлы на Салтановъ или Мадьярскихъ, между вождями конхъ были имени Салтановъ; или, быть можетъ, даже Турецкихъ, такъ или иначе участвуя въ походѣ Венгровъ въ Палестину. Все это Святославъ выражаетъ слѣдующими словами:

¹ См. въ «Лексикологiи»: «бремена».

„Грозы твои по землямъ текутъ,
 „(Словно вода, разливаются)
 „Ты отворяешь ворота Кіева;
 „Ты стрѣляешь съ отцовскаго
 „Стола золотого,
 „Салтановъ за землями!
 „Стрѣляй, Господине, Кончака,
 „Поганаго кощея.
 „За землю Русскую,
 „За раны Игоревы,
 „Рьянаго Святославича.

За тѣмъ слѣдуетъ воззваніе къ Роману Мстиславичу Волынскому и его двоюродному брату Мстиславу, сыну Ярослава Луцкаго. Лѣтопись, какъ мы замѣчали, говоритъ объ этомъ Романѣ, что онъ былъ стремителенъ на поганныхъ, какъ левъ; сердитъ былъ, какъ рысь; губилъ ихъ, какъ крокодилъ; проходилъ землю ихъ, какъ орелъ и храбръ былъ, какъ туръ. Онъ такъ былъ страшенъ, что Половцы его именемъ страшали своихъ дѣтей. Воззваніе къ нему Святославъ изображаетъ его высокіе полеты мысли, широкіе воинскіе замыслы, и, по ловкости его героизма, сравниваетъ съ соколомъ, который, паря въ высотахъ, быстро и яростно нападетъ на свою добычу, намѣченную имъ птицу. При этомъ образныя выраженія, по обычаю, соединяются съ выраженіями дѣйствительнаго факта.

„И ты рьяный Романъ и Мстиславъ!
 „Храбрая мысль увлекаетъ умъ вашъ
 „Къ воинскому подвигу;
 „Высоко плаваешь ты
 „Въ рьяности на воинскій подвигъ,¹
 „Словно соколъ парящій на вѣтрахъ,
 „Цѣлящійся яростнымъ нападеніемъ
 „Одолѣть птицу.

¹ См. Ibid. «дѣло».

Вооруженіе дѣлало ихъ могучими, не побѣдимыми, подобно соколамъ: мало того, что у нихъ шлемы были нѣмецкіе, но подъ шлемами были еще и грудныя брони.

„Вѣдь подъ шлемами латинскими
„У васъ желѣзные паперси; ¹

Эти латинскіе шлемы и желѣзныя паперси ~~наводили~~ внушили страхъ на всѣхъ враговъ и обезоруживали ихъ.

„Отъ нихъ дрогнула земля
„И многія страны Хиновы; ²
„А Литва, Ятвѣяги,
„Деремела и Половцы
„Повергли свои сулицы,
„И подклонили свои головы,
„Подъ тѣ мечи булатные.

Извѣстно, что Романъ поразилъ хищныхъ Ятвѣяговъ, обитателей Подлѣсья и до того усмирилъ свирѣпыхъ Литовцевъ, что Лѣтопись сохранила для насъ народную поговорку: «Романе, худымъ живеша, Литвою ореша». Къ числу этихъ подчиненныхъ имъ племенъ, относится и *Деремела*, по всей вѣроятности, какое нибудь Латышское племя.

Въ противоположность высокимъ и побѣдоноснымъ полетамъ сокола—Романа съ братомъ Мстиславомъ, воззваніе рисуется нравственное угнетеніе Игоря и опустошеніе Кіевской Руси. У Игоря потерялся бѣлый свѣтъ во ясныхъ очахъ—и Кіевская Русь лишилась своихъ владѣній, словно дерево сронило свои листья: Половцы по потокамъ Днѣпра дѣлили уже Русскіе города.

¹ См. *Ibid.* «паперси».

² См. въ «Палеографической критикѣ текста»: «и многія страны Хинова».

„Но, княже, у Игоря
 „Ослабѣль ' уже солнечный свѣтъ:
 „И деревье не къ добру сронило листье:
 „По Росѣ и по Сулѣ грады подѣлили.

Не кому защитить его Русскихъ городовъ. Авторъ выражаетъ это предъидущей прииѣвкой:

„И не воскресить уже храбраго полку Игорева.

Призывъ на помощь здѣсь въ иной формѣ, чѣмъ въ обращеніяхъ къ предъидущимъ князьямъ. Воззваніе прямо выражаетъ увѣренность въ ихъ побѣдѣ и заявляетъ, что храбрые князья Ольговичи, сдѣлали все, что могли и больше сдѣлать ничего не могутъ.

„Княже! Донъ тебя кличетъ
 „И зоветъ князей на побѣду!
 „Ольговичи храбрые князья.
 „Изнемогли на брани! ²

Далѣе слѣдуетъ воззваніе къ Ингварю и Всеволоду сыновьямъ Ярослава Луцкаго, кои называются здѣсь Мстиславичами по дѣду своему Мстиславу Великому († 1132 г.) со включеніемъ и 3-го брата Мстислава Ярославича, который здѣсь по имени не названъ, такъ какъ упомянуть выше. Воззваніе величаетъ ихъ итенцами шестокрылыми не худого рода—племени. Указывая, что они получили свои владѣнія по праву наследства, а не жребіемъ побѣдъ и потому имъ нѣтъ надобности въ оружіи для защиты добытаго оружіемъ, Святославъ проситъ ихъ обратить свои шеломы и Польскія конья и щиты противъ поганыхъ Половцевъ.

„Ингварь и Всеволодъ
 „И всѣ три Мстиславича.

¹ См. въ «Лексикологiи»: «утрѣ».

² См. въ «Палеографической критикѣ текста»: «достѣли на брань».

„Не малаго гнѣзда шестокрыльцы!
 „Жребіемъ побѣдъ волостей вы
 „Себѣ не расхитили.¹
 „Къ чему же ваши золотые племы,
 „И сулицы Польскіе, и щиты?
 „Загородите ворота степи,
 „Не давайте ходу Половцамъ
 „Своими острыми стрѣлами,
 „За землю Русскую,
 „За раны Игоря,
 „Рьянаго Святославича!

Здѣсь, на нашъ взглядъ, оканчивается *«Золотое слово»*, вложенное въ уста Святослава и за тѣмъ начинаются разсужденія автора отъ своего лица. Отъ Кіевской Руси онъ обращается мыслию на Западъ, къ Полоцкому княжеству, нѣкогда славному, съ которымъ связано имя знаменитаго Всеслава, и находитъ, что теперешніе его потомки—на него не походятъ и ждать отъ нихъ помощи — нечего. Поэтому, онъ говоритъ о Полоцкихъ князьяхъ отъ самого себя и незаставляетъ Святослава—взывать къ нимъ за помощію.

Переходъ къ этимъ разсужденіямъ—творческій и оригинальный.

Вотъ Сула, принадлежащая Переяславльскому княжеству и бѣгущая изъ своего истока въ сторону Переяславля, течетъ теперь уже не прозрачными и чистыми струями; она помутилась, а Двина—такъ та и совсѣмъ течетъ уже болотной водою къ жителямъ Полоцка. Это отъ того, что какъ тамъ по Сулѣ господствуютъ Половцы, и уже Рус-

¹ Кн. П. П. Вяземскій, начиная съ этого стиха и кончая словами «бѣго Святославича» все это мѣсто переставляетъ въ воззваніе, обращенное къ Роману и Мстиславу, замѣчая, что несправедливо обращать подобные упреки къ тѣмъ князьямъ, кои поспѣли на брань и исполнили свой долгъ, т. е. къ Ольговичамъ—Ингварю и Всеволоду и тремъ Мстиславичамъ. Упреки эти онъ находитъ болѣе справедливымъ относить къ Роману и Мстиславу, не объясняя однако, на какую брань тѣ или другіе поспѣли или не поспѣли. (См. о томъ подробнѣе у г. Смирнова, ч. 2 стр. 67). Выраженіе *«достяли на брань»*, имѣетъ здѣсь совсѣмъ иное значеніе, чѣмъ какое обыкновенно предполагаютъ.

скіе города между собою подѣлили; такъ здѣсь по Двинѣ—на всей своей волѣ распоряжаются Литовцы. Тѣ и другіе—поганые, и ихъ побѣдные клики громко раздавались надъ струями какъ Сулы такъ и Двины—они осквернили, смутили и загрязнили ихъ воды.

„Уже вѣдь не серебряными струями
 „Течетъ Сула къ городу Переяславлю,
 „И Двина течетъ болотомъ
 „Къ онымъ грознымъ Полочанамъ,
 „Подъ кликомъ поганныхъ.

Это послѣднее выраженіе, *подъ кликомъ поганныхъ* по свойству синтаксиса «Слова» относится столько же къ Сулѣ, сколько и Двинѣ.

Полоцкое княжество было нѣкогда грознымъ, но теперь въ немъ также происходятъ княжескіе раздоры, которые открываютъ полный просторъ господству въ немъ поганныхъ Литовцевъ. Теперь одинъ лишь Изяславъ Васильковичъ, князь Городенскій напоминаетъ собою его прежнюю славу, время знаменитаго своего дѣда Всеслава, котораго онъ какъ внукъ его, жившій его преданіемъ, еще болѣе возвеличилъ своимъ геройскимъ патріотическимъ подвигомъ.

„Одинъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ,
 „Позвонилъ своими острыми мечами
 „О племени Литовскіе,
 „Прибавилъ ¹ онъ славы
 „Дѣду своему Всеславу.

Эта слава, въ борьбѣ съ погаными Литовцами, была куплена имъ кровію. Онъ былъ сраженъ, и на глазахъ его павшая его дружина была терзаема хищными звѣрями и птицами. Самъ онъ плавалъ въ крови, лишь съ своимъ Хотіемъ, ближникомъ и оруженосцемъ, который понималъ своего князя, и также плавая въ крови, выражалъ предъ нимъ сожалѣніе не о себѣ, а о павшей дружинѣ.

¹ См. въ Лексикологіи: «*прибавилъ*».

„А самъ на кровавой травѣ,
 „Подъ красными щитами,
 „Разбитъ ¹ былъ Литовскими мечами,
 „И съ Хотіемъ—на крови, ²
 „И тотъ сказалъ:
 „Княже! Дружину твою
 „Птица крыльемъ приодѣла
 „И звѣри кровь полизали.

Одинъ онъ сражался и одинъ умирая; никто изъ братьевъ ему не помогъ и никто изъ нихъ не видѣлъ его смерти.

„Не было тутъ брата Брячислава,
 „Ни другаго Всеволода;
 „Одинъ онъ изронилъ
 „Изъ храбраго тѣла
 „Жемчужную душу
 „Черезъ золотое ожереліе.

Авторъ передаетъ и общественное впечатлѣніе, вызванное кончиною этого князя патріота-страдальца: всюду въ разговорахъ послышалось уныніе; словно трава—увяло веселіе. Городенскія трубы оглашаютъ печальную вѣсть и созываютъ гражданъ для послѣдняго почета его жемчужной души. Не въ походъ только собирали трубные звуки, но и въ тѣ времена умѣли, конечно, играть похоронные марши.

„Приуныли голоса,
 „Поникло веселіе! ³
 „Трубятъ Городенскія трубы! ⁴

¹ Ibid. см. «*притрепанъ*».

² См. въ Палеографической критикѣ: «*и сходитю на кровать и рекъ*».

³ Кн. П. П. Вяземскій, начиная со словъ: *Уже бо Сула не течеть*» все это мѣсто переставляетъ въ текстъ и помѣщаетъ послѣ воззванія къ Ярославу Галицкому. Но если въ Пушкинскомъ текстѣ весь этотъ разговоръ стоитъ у мѣста и указываетъ, что при обращеніи мысли автора на западъ Руси — одинъ Изяславъ Васильковичъ заслуживаетъ доброй памяти, то перестановка П. П. Вяземскаго лишаетъ его всякаго смысла.

⁴ Этотъ стихъ кн. П. П. Вяземскій ставитъ въ текстъ предъ словами: «Уже

Эти Городенскія трубы даютъ знать и намъ, что Изяславъ Васильковичъ былъ князь Городенскій.

Всѣ прочіе внуки или правнуки Всеславовы недостойны славной памяти своего дѣда. Крамолясь между собою, они стали приводить поганыхъ Литовцевъ на Русскую землю—на достояніе Всеславова Авторъ совѣтуетъ имъ лучше сложить свое оружіе:

„Ярославъ и всѣ внуки Всеславовы!
 „Уже понизите свои знамена!
 „Вложите мечи свои поврежденные!
 „Вѣдь вы уже выскочили
 „Изъ дѣдовской славы:
 „Своими крамолами
 „Вы вѣдь начали нагодить поганыхъ (Литовцевъ)
 „На землю Русскую.
 „На достояніе Всеславова,
 „Которому было вѣдь насиліе
 „И отъ земли Половецкой¹!

3. Переходъ къ 3-й части „Слова“.

Далѣе уже слѣдуетъ переходъ къ 3-й и послѣдней части Слова. Переходъ также искусный и художественный, какъ и отъ 1-й части ко 2-й.

Окончивъ воззваніе Святослава къ князьямъ — вступиться за землю Русскую и раны Игоревы, и изобразивъ, что на западъ Руси къ князьямъ Полоцкимъ, потомкамъ Всеслава, бесполезно даже и обра-

бо Сула не течеть». Рѣшительно не понимаемъ, какимъ образомъ указанный стихъ можетъ ввязаться съ теченіемъ Сулы и Двины. Въ такой перестановкѣ не видимъ связи не только внутренней, но и вѣшной.

¹ См. въ Палеографической критикѣ текста: «на жизнь Всеславова, которое бо быша насиліе отъ земли Половецкыи».

щаться за подобной помощи, авторъ останавливается на идеѣ суда Божія, для развитія которой представлялся столь осязательный примѣръ въ лицѣ того же славнаго Всеслава.

Горькая и безотрадная дѣйствительность настоящаго времени въ сравненіи съ временемъ старымъ также давала чувствовать, что выше «суда Божія» не будешь. Мысль эта представляетъ внутреннюю нить, связующую Слово съ плачемъ Ярославны и спасеніемъ Игоревымъ.

Въ виду этого убѣжденія авторъ характеризуетъ: а) *дерзое тѣло* Всеслава, показывая при этомъ, что вся жизнь его состояла изъ неожиданностей и приключеній, и б) *тщую его душу*, объясняя при этомъ, что хотя въ дерзкомъ его тѣлѣ была и *тщая душа*, не могъ онъ избѣжать своей судьбы.

Кіевъ достался Всеславу совершенно случайно, по игрѣ жребія какъ достается милая дѣвица по игрѣ судьбы. Замыселъ его овладѣть Кіевомъ авторъ рисуетъ въ образѣ исканія имъ своей судьбы, сватовства его къ милой ему дѣвицѣ.

„На седмомъ вѣкѣ Трояновомъ,
„Бросилъ Всеславъ жребій—
„О любой себѣ дѣвицѣ.

Онъ былъ призванъ въ Кіевъ обманомъ и довѣрился хитрому приглашенію. Завѣренія, обнадеживавшія его безопасность, оказались хитростями, *клюками*: такъ какъ по пріѣздѣ онъ тотчасъ же брошенъ былъ въ порубъ. Эти-то клюки, хитрыя завѣренія, коимъ онъ довѣрился, служили для него поддержкою при поѣздкѣ въ Кіевъ; опираясь на нихъ, онъ смѣло и твердо сидѣлъ на коняхъ и спѣшилъ въ Кіевъ градъ.

„Подпершись клюками на коняхъ,
„Скочилъ онъ ко городу ко Кіеву,

Жребій—посчастливилъ ему, хотя не на долго. Кіевляне выпустили его изъ поруба и посадили на Кіевской столѣ золотой. Такимъ образомъ, по волѣ судьбы, онъ сталъ обладателемъ желанной своей любви—града Кіева.

„И доткнулся онъ рукоятью копья
„До золотого престола Кіевскаго.

Не долго, всего семь мѣсяцевъ наслаждался онъ своей милой любовью, сидѣлъ на Кіевскомъ золотомъ столѣ. Когда предъ Бѣлгородомъ не далеко отъ Кіева появился сверженный великій князь Изяславъ 1-й съ Польскою помощью, для защиты своихъ правъ на Кіевскій столъ, Всеславъ, выступивъ противъ него съ своими войсками, вдругъ внезапно ночью убѣжалъ изъ стана: не сталъ онъ орудовать копьемъ своимъ ради золотого престола Кіевскаго; онъ лишь дотронулся до него рукоятью копья.

„Скочилъ онъ отъ нихъ
(Отъ града Кіева и стола Кіевскаго)
„Въ полночь изъ Бѣлаграда
„Лютымъ звѣремъ.

Таковъ былъ его жребій по отношенію къ милой ему дѣвицѣ-городу Кіеву. Гораздо счастливѣе была его судьба по отношенію къ Великому Новгороду.

Неожиданно появился онъ предъ его Кремлемъ. Наканунъ онъ былъ невидимъ, словно висѣлъ въ густомъ туманѣ, какой облегалъ часто прибрежья Ильменя и Волхова, а на другой день, поднявшись, одержалъ блистательную побѣду.

„Повисъ онъ въ синемъ туманѣ,
„А на утро поднявшись,
„Бронями отворилъ ' врата Новаграда,
„Разшибъ славу Ярослава.

Не только взялъ Новгородъ, но и ограбилъ его, даже снялъ колокола и паникадила въ Софійскомъ соборѣ.

(1067 г.).

¹ Смъ въ «Палеографической критикѣ текста»: «утрѣ же возни стрикусы».

Но и эта побѣда не прошла ему даромъ. Три Ярославича Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, выступивъ противъ него, подошли къ Немизѣ.

„Скочилъ онъ волкомъ
„До Немиги съ Дудутокъ.

Произошло кровавое сраженіе «и мнози падоша». Авторъ описываетъ это побоище въ образахъ молоченія, вѣянія и сѣянія.

„На Немизѣ снопы стелютъ головами,
„Молотятъ цѣпами булатными,
„На гумнѣ кладутъ жизнь,
„Вѣютъ душу отъ тѣла;
„Кровавыя берега Немиги
„Не благомъ были засѣяны,
„Засѣяны костями *Русскихъ сыновъ*,

Изобразивъ его бѣдственную судьбу и дерзое тѣло, авторъ рисуетъ его нравственную природу

Съ одной стороны—это былъ князь обыкновенный, дѣятель историческій.

„Всеславъ князь народъ судить,
„Князьямъ города наряжалъ.

А съ другой—это былъ богатырь, обладавшій *ещею душою*,—подобный Волху Всеславьевичу. Днемъ онъ народъ судилъ и князьямъ города наряжалъ, а по ночамъ онъ волкомъ рыскалъ:

„Изъ Кіева до пѣтуховъ
„Великому Хорсу волкомъ путь перебѣгалъ.
„Поспѣвая въ Тмутаракань;
„Позвонили ему въ Полоцкѣ
„Рано заутреню у св. Софіи—въ колокола,
„А онъ въ Кіевѣ звонъ слышалъ.

Такова была его нравственная природа, но не могъ онъ избѣжать своей судьбы.

„Если была и вѣщая душа въ мужественномъ тѣлѣ,
„Но часто страдалъ онъ отъ бѣды.

Всѣ эти очертанія Всеслава, относившагося къ эпохѣ старой, пѣтой Бояномъ, по всей вѣроятности составлены на основаніи его пѣсень. На это указываетъ и то, что авторъ заканчиваетъ свои соображенія о судьбѣ Всеслава припѣвкой Бояна:

„На счетъ его вѣщій Боянъ,
„И еще прежде, Премудрый сказалъ:
„Ни хитру, ни удалу,
„Ни птицѣ удалой,
„Суда Божья не минуть. ¹

При мысли о старомъ времени воспѣтомъ Бояномъ, послѣ воспоминаніи объ историческихъ судьбахъ Всеслава, авторъ какъ бы изнемогаетъ подъ тяжестью бѣдствій и безславія своего времени, разразившихся надъ Кіевскою Русью:

„О, стонать Русской землѣ, восклицаетъ онъ,
„Помянувши прежнюю годину
„И прежнихъ князей!

Авторъ какъ бы сознаетъ, что напрасно онъ взывалъ, влагая въ уста Святослава «Золотое Слово», приглашая всѣхъ князей соединиться во едино ради единой земли Русской. Старыя времена не повторятся. Нѣтъ теперь единодержавнаго Мономаха, завершившаго собою первую эпоху, который всѣхъ князей умѣлъ держать подъ своей рукой и могъ собирать ихъ около себя. Выше суда Божія

¹ Максимовичъ приставлялъ сюда еще темное мѣсто: «*рекъ Боянъ и ходы*»... Но чрезъ то оно не только не дѣлается менѣе, но окончательно лишается всякаго смысла.

не будешь: нельзя было на вѣки удержать его великимъ княземъ Кіева.

„Не лзя было того стараго Владиміра
„Пригвоздить къ горахъ Кіевскимъ.

Авторъ выражаетъ здѣсь свою вѣру въ историческую судьбу, въ судъ Божій, который такъ ярко сказывался для него въ жизни вѣщаго Всеслава!

Съ другой стороны имя Владиміра — въ Кіевской Руси было символомъ единой державной власти. Выражая, что нельзя было на вѣки удержать его княземъ кіевскимъ, авторъ вмѣстѣ съ тѣмъ выражаетъ, что единой державной власти нельзя было навсегда закрѣпить за Кіевомъ и единое знамя единой земли Русской не могло на всегда развѣваться на его горахъ. Центръ Кіевской власти распался.

Со смертію Мономаха все перемѣнилось: потомки его раздѣлили его знамена, но, надмѣваясь другъ передъ другомъ, они дѣйствуютъ въ разныхъ направленіяхъ; превознося силою, они врозь разбѣгаются кривыми путями.

„Стяги его теперь стали
„Одни Рюрика, другіе Давида,
„Но роги нося (какъ туры)
„Они хоботы метаютъ ¹ (подобно лисицамъ).

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ „СЛОВА“.

Въ третьей части своего творенія авторъ въ силу своего замышленія излагаетъ 1) Плачь Ярославны и 2) Спасеніе Игоря.

1. Плачь Ярославны.

Плачь Ярославны представляетъ въ «Словѣ» такую же самостоятельную картину, созданную творчествомъ автора, какъ и «Сонъ Святослава» съ его «Золотымъ Словомъ». Плачь этотъ не имѣетъ внѣшней видимой связи съ предъидущимъ, но въ

¹ См. въ «Палеографической критикѣ текста»: *«въ рожи нося хоботы пашушь»*.

общемъ планѣ Игоревой пѣсни онъ имѣетъ глубокое внутреннее соотношение. Какъ мы уже объясняли, всѣ событія авторъ поставилъ въ своемъ твореніи подъ высшій порядокъ надмірныхъ явленій. На яву, въ степи, знаменіемъ солнца небо предостерегало Игоря отъ его безумнаго предпріятія, но онъ его не послушалъ и чрезъ то навлекъ столько бѣдъ и себѣ и всей Русской землѣ. Далѣе слѣдуетъ таинственное откровеніе Святославу въ его видѣніяхъ о несчастной участи Игоря и безславіи Кіевской Руси, откровеніе заставившее его обратиться ко всѣмъ князьямъ за помощію. Но судомъ Божиимъ совершающееся, только судомъ Божиимъ разрѣшается. Не сила и оружіе, но лишь плачь или точнѣе, молитва Ярославны, устрояетъ спасеніе Игоря и радованіе Русской земли.

Таково внутреннее отношеніе Плача Ярославны къ предъидущимъ частямъ «Слова».

Внѣшняя связь выражается, повидимому, словами Бояна:

„Копья поять на Дунаѣ.“¹

Т. е. тамъ, на Дону, идетъ кровавый бой. Какъ извѣстно, обороть: «*Напоить или упоить оружіе*» въ восточной и классической поэзіи употреблялся для выраженія представленія кроваваго боя.

Раны Игоря, которыя далѣе хочетъ утерѣть ему Ярославна, полетѣвъ на Дунай, указываютъ, что значило, *поить копья на Дунаѣ* Донъ лишь поэтически здѣсь называется Дунаемъ, быть можетъ по подражанію пѣснямъ Бояна, или по образцу народной поэзіи, которая всякую большую рѣку донинѣ величаетъ Дунаемъ.

Ярославна рисуется здѣсь въ образѣ *зегзицы* или кукушки, какъ до нынѣ въ народномъ пѣснотворствѣ изображается всякая горящая женщина. Зегзица названа здѣсь *незнаемой*, т. е. безпривѣтной, какъ и до нынѣ она называется въ народныхъ плачахъ—*кокошей* горегорькой или птиченькой *незнамой*, (безпривѣтной) сѣрой малой загозочкой.

Авторъ какбы чуетъ ея скорбный голосъ и слышитъ ея пламенные молитвы.

¹ Ibid. «*копья поють на Дунаѣ*».

„Чу! Ярославны слышится гласъ.

Рано начинаетъ она куковать; рано плачетъ въ Путивлѣ; рано посылаетъ слезы на море. Этимъ многократнымъ повтореніемъ слова «рано» указывается, что Ярославна считала нужнымъ посылать свои слезы на море, не когда случится, но именно *рано*. Плачь ея обращенъ къ стихійнымъ силамъ съ мольбою о спасеніи Игоря и потому онъ есть именно, заговоръ, заклинательная молитва, которая, чтобы имѣть свое дѣйствіе, должна быть читаема, *рано*, на утренней зарѣ, какъ объясняется то и въ заговорахъ нашего времени.

„Рано безпривѣтной кукушкой кукуетъ она.

Начало этого кукованія еще болѣе сближаетъ его съ *заговоромъ*, въ которомъ прежде всего заявляется о томъ, что будетъ дѣлать лице его говорящее. «Стану я, раба Божія, ранешенько, умюсь бѣлешенько, пойду перекрестясь по утренней росѣ и т. п. Точно такъ и Ярославна, прежде чѣмъ обращаться къ стихійнымъ силамъ, также заявляетъ, что она поспѣшитъ на помощь князю; рукавомъ и именно бобровымъ почерпнетъ воды изъ рѣки Каялы, чтобы утереть этимъ рукавомъ его раны, чтобы остановить лившуюся изъ нихъ кровь и все это она готова сдѣлать для того, чтобы прекратить боли и какъ можно скорѣе вылечить раненаго.

„Полечу, говорить, кукушкою по Дунаю,
 „Омочу бобровый рукавъ въ Каялѣ рѣкѣ,
 „Утру у князя его кровавыя раны
 „На его мужественномъ 'тѣлѣ.

Далѣе уже слѣдуетъ самый заговоръ, который долженъ придать цѣлительную силу холодной водѣ Каялы. Заговоръ этотъ состоитъ изъ трехъ частнѣйшихъ моленій, обращенныхъ а) къ Вѣтру, б) Днѣпру и в) Солнцу.

¹ См. въ «Лексикологіи» слово: «жесточѣе».

а) *Моленіе къ Вѣтру.*

„Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ,
 „На городской стѣнѣ приговаривая.

Это—припѣвка, которую авторъ повторяетъ предъ каждымъ моленіемъ.

Выше вѣтры называются внуками Стрибога—и потому не удивительно, если здѣсь Ярославна, обращаясь къ Вѣтру, называетъ его *Господиномъ*.

Моленіе это имѣетъ характеръ жалобнаго къ нему воззванія, за что онъ такъ къ ней не милосердъ и за что онъ такъ жестоко ее наказываетъ, подвергая такимъ опасностямъ ея милаго друга и чрезъ то отнимая у ней ея радость.

„О, Вѣтеръ, Вѣтрило!
 „Почто, господине, такъ упорно вѣешь?
 „Зачѣмъ несешь ты
 „На своихъ легкихъ крыльяхъ,
 „Хиновскихъ стрѣлковъ
 „На воиновъ лады моей?
 „Или тебѣ мало вѣять вверху подъ облаками,
 „Лелѣя корабли на синемъ морѣ?
 „Почто, Господине, развѣялъ ты
 „Мое радованіе по ковыль травѣ?

б) *Моленіе къ Днѣпру.*

„Ярославна плачетъ въ Путивлѣ градѣ,
 „На городской стѣнѣ приговаривая:
 „О, Днѣпръ Словутичь!

Она величаетъ его сыномъ нѣкоего *Словуты*, быть можетъ, Великана, отъ котораго народная вѣра производила рожденіе Днѣпра, какъ объясняетъ она появленіе и другихъ рѣкъ.

Въ своемъ молитвенномъ къ нему обращеніи Ярославна указываетъ на его могущество:

- „Ты пробилъ, говоритъ, каменные горы
„Сквозь землю Половецкую.

Нужно видѣть каменные утесы, которые торчатъ въ порогахъ изъ подъводы, чтобы чувствовать величіе силы, разрушившей встрѣтившіяся ей на пути каменные горы, остатками которыхъ служатъ эти утесы. Эти утесы даютъ понимать, какую страшную борьбу вела нѣкогда рѣка съ каменными горами.

• Далѣе, она указываетъ на его благость:

- „Ты, говоритъ, лелѣялъ на себѣ
„Святославлѣ насады¹
„До полку Кобякова.

Она вспоминаетъ не задолго предъ тѣмъ одержанную побѣду надъ Половцами великимъ княземъ Святославомъ Кіевскимъ вмѣстѣ съ другими князьями, когда Днѣпръ благопріятствовалъ своими волнами плаванію ихъ насадовъ и когда они пять дней, по сказанію Лѣтописи искали варваровъ за Днѣпромъ.

Ты силенъ и благъ, какъ бы такъ говоритъ Ярославна, пожалѣй же меня и избавь меня отъ слезъ, которые проливаю съ раннаго утра.

- „Прилелѣй же, о Господинь, мою ладу ко мнѣ,
„Чтобы не слала я рано къ нему слезъ на море.

в) *Моленіе къ Солнцу.*

- „Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ,
„На стѣнѣ городской приговаривая:
„О, свѣтлое и Тресвѣтлое Солнце!

¹ См. въ «Лексикологіи» слово: «насады».

Она называетъ его, также какъ и Вѣтеръ, *Господиномъ* и выражаетъ предъ нимъ жалобное воззваніе, зачѣмъ оно такъ немилосердно къ воинамъ ея, обезоруживая ихъ зноемъ и безводьемъ на полѣ брани.

„Ты для всѣхъ тепло,
 „И для всѣхъ красно;
 „Почто же, Господине,
 „Простерло ты свой знойный лучъ
 „На воиновъ лады моей
 „Въ безводной степи?

Отъ насилья не могутъ стрѣлять, отъ натуги и стрѣлъ вынимать.

„Нуждою ' ихъ луки свело,
 „Истомой ихъ тулы заткнуло!

2. Спасеніе Игоря.

Заговоръ Ярославны имѣлъ свое дѣйствіе. Заклинательная молитва ея была услышана. Чтобы рѣзче и нагляднѣе представить спасающее дѣйствіе ея молитвы, авторъ нарисовалъ картину явленій природы, благоприятныхъ Игорю и какбы вызванныхъ ея молитвой.

„*Прыснуло море въ полнощи* ¹.

Т. е. на морѣ пошелъ частый дождь, такъ какъ лишь только о мелкомъ и тепломъ дождикѣ говорится, что онъ *прыскаетъ* или *напрыскиваетъ*.

Прыснуло море *въ полнощи*, т. е. въ полуночные часы, которые по народному счисленію начинаются тотчасъ же, какъ потухаетъ вечерняя заря.

Далѣе:

„Идутъ смерчи туманами ².

¹ См. Ibid. «жаждою».

² См. «Синтаксисъ» «Слова».

³ Ibid.

Поднялись за тѣмъ теплые туманы, кои быстро движутся, словно морскіе столпы извѣстные подъ именемъ смерчей.

Само собою разумѣется, что эта картина имѣетъ лишь символическое значеніе, относящееся къ пути Игоря, по которому должно слѣдовать его спасеніе.

Море символически означаетъ здѣсь воды Дона и его притоковъ, по которымъ долженъ слѣдовать его путь.

Прысканіе дождя есть благодатная примѣта и едва ли, по воззрѣнію автора, не находится въ связи съ моленіемъ Ярославны, обращеннымъ къ Днѣпру Словутичу, Владыкѣ рѣкѣ, предвѣщающему ему добрый счастливый путь.

Движеніе теплыхъ тумановъ въ видѣ смерчей общаетъ ему въ пути безопасность и покровъ и едва ли, по воззрѣнію автора, не есть послѣдствіе моленія ея къ Вѣтру—Вѣтрилу, внуку Стрибога, который движетъ ихъ какъ смерчи.

Вмѣсто страшнаго зноя море и вѣтеръ посылаютъ ему теплую влагу, которая укроетъ ихъ на пути и укрѣпитъ ихъ силы.

Такъ какъ это явленіе по представленію автора было въ полунощи, то понятно, что онъ не могъ выставить здѣсь участія Солнца, къ которому также съ моленіемъ обращалась Ярославна, и уже прямо выдвигаетъ здѣсь Божество и говоритъ не языкомъ «Старыхъ Словесъ» но языкомъ своего времени:

„Князю Игорю *Богъ* путь указываетъ ¹

„Изъ земли Половецкой

„Въ землю Русскую,

„Къ золотому престолу отцуому.

Впрочемъ трудно сказать, на сколько авторъ разумѣетъ здѣсь Божество въ христіанскомъ смыслѣ.

Слѣдующее за тѣмъ описаніе самаго спасенія Игоря отличается необыкновенною живостію, что указываетъ на сердечное участіе автора къ судьбѣ его. Живость эта сказывается въ краткихъ, отрывочныхъ

¹ См. въ «Лексикологіи»: «*путь кажетъ*».

предложеніяхъ, быстро смѣняющихъ одно другое и выражающихъ цѣлыя картины событій.

Бѣгство Игоря послѣдовало по Лѣтописи «при вечерѣ»; въ «Словѣ» говорится о томъ опредѣленнѣе:

„Погасли вечернія зори.

Это были часы, когда по народному счисленію, какъ мы выше сказали, начиналось полуночное время.

Лѣтопись замѣчаетъ, что сторожа считали князя спящимъ и что *«вставъ онъ былъ ужасенъ и трепетенъ»*. «Слово» рисуетъ это нравственное его состояніе гораздо характернѣе: Игорь спитъ—не спитъ, думу думаетъ. Сознаніе его боролось между сномъ и бодрствованіемъ.

„Игорь спитъ,

„Игорь бодрствуетъ.

То напряженныя думы утомляли его и вгоняли въ сонъ, то страхъ и безпокойство будили его и заставляли бодрствовать.

«Слово» передаетъ и самыя думы его: онъ носился мыслию по степи; онъ думалъ о томъ, какъ пробѣжать ему самое открытое и опасное степное пространство отъ великаго Дона до малаго Донца; тамъ, отъ малаго Донца, путь казался ему безопаснымъ. Не выдастъ его малый Донецъ.

„Игорь мыслию степи мѣрять

„Отъ великаго Дона до малаго Донца.

По лѣтописи, конюшій пришедъ, передалъ Игорю, что ждетъ его Лаверь. Въ Словѣ отмѣчены частнѣйшіе моменты этого событія. Конь былъ для него готовъ. Лаверь свистомъ далъ Игорю знакъ, но князя нѣтъ какъ нѣтъ, и тотъ долженъ былъ кликать его:

„Комонь (стоитъ) въ полуночи;

„Овлуръ свистнулъ за рѣкою,

„Велитъ князю догадаться;

„Князя Игоря не было.

„Кликнулъ тотъ.

Въ слѣдъ за Игоремъ погналась погоня Половецкая. Въ станахъ половецкихъ началось такое движеніе, что словно земля гудѣла и трава шумѣла.

„Стукнула земля,
„За шумѣла трава:
„Вежи Половецкія подвигнулись.

Самое бѣгство изображается эпически. Игорь рисуется въ образахъ Русскихъ былинь и пѣсенъ; то онъ является въ видѣ горностаея, или гоголя, то превращается въ волка или сокола. Онъ принимаетъ тотъ или другой видъ въ силу требованій мѣстностей, по которымъ бѣжить: въ тростникахъ скачетъ горностаемъ, по водѣ плаваетъ гоголемъ, по лугамъ скачетъ сѣрымъ волкомъ, при туманѣ летитъ соколомъ по поднебесью. Прежде всего, какъ гласитъ лѣтопись, Игорю пришлось перебродить рѣку, и вотъ:

„Князь Игорь
„Поскакалъ горностаемъ къ тростнику
„И бѣлымъ гоголемъ на воду.

За тѣмъ, какъ мы выше видѣли, конь дождался его на другомъ берегу рѣки, и вотъ онъ:

„Кинулся на борзого коня,
„И скочилъ съ него сѣрымъ волкомъ
„И побѣжалъ къ лугу Донца.

На пути была нужда въ хлѣбѣ, но эта бѣда легко устранялась. Игорь добывалъ кормъ охотою, которой благопріятствовали туманы.

„И полетѣлъ соколомъ подъ туманами,
„Избывая гусей и лебедей,
„На завтракъ и обѣдъ и ужинъ.

Но постигла еще другая бѣда, которая была опаснѣе нужды въ хлѣбѣ: быстрымъ бѣгомъ путники насадили своихъ коней и должны

были пѣшкомъ уходить отъ погони. Авторъ, согласно съ лѣтописью, отмѣтилъ и это обстоятельство. Другъ передъ другомъ Игорь и Лавръ спѣшили путемъ-дорогой и какъ бы старались обогнать другъ друга. Холодный потъ отъ усталости капалъ съ нихъ, словно сыпалась роса. Это соревнованіе въ быстрой усиленной походкѣ, взаимно ихъ ободрившее, выражено также эпически:

„Когда Игорь соколомъ летѣлъ,
 „Тогда Влуръ волкомъ бѣжалъ,
 „Сыпая съ себя холодную росу:
 „Надорвали вѣдь они своихъ борзыхъ коней.

Но вотъ Игорь наконецъ на Маломъ Донцѣ, о которомъ мечталъ онъ, какъ о пристани спасенія, когда собирался въ страшный путь, мѣряя мыслию поля отъ Великаго Дона до Малаго Донца. Онъ не ошибся въ его сочувствіи—Донецъ спасъ его.

Авторъ за тѣмъ весьма искусно, при посредствѣ рѣчи самого Донца, переходитъ къ изображенію трехъ фактовъ вызванныхъ его спасеніемъ, каковы: а) торжество самого Игоря; б) раздраженіе и досада Половецкихъ хановъ, его не догнавшихъ и наконецъ в) радость и веселіе Русской земли объ его спасеніи. Послѣднія два факта авторъ изображаетъ отъ себя; торжество же Игоря — предоставилъ выразить ему самому, въ бесѣдѣ его съ Донцомъ.

а) *Торжество Игоря.*

Въ противоположность тяжелой нравственной борьбѣ, какую пережилъ Игорь, когда, собираясь въ путь, спалъ-не спалъ въ Половецкомъ шалашѣ, думу думая, теперь, у безопасной пристани, онъ представляется радостно ликующимъ свое спасеніе. Это ликваніе выражается въ бесѣдѣ его съ Донцемъ.

Донецъ какъ бы видѣлъ и понималъ всѣ обстоятельства дѣла; гордо сознавалъ свою услугу, оказанную Игорю своими волнами, берегами и туманами; зналъ, съ какимъ нетерпѣніемъ стремился догнать его Комчакъ; чувствовалъ, съ какою радостію встрѣтитъ его Кіевская Русь—и вотъ, обращаясь къ нему:

„Донецъ сказалъ:

„Княже Игорю! Не мало же тебѣ

„(Доставилъ я) величія,

„А Кончаку досады

„А Русской землѣ веселія!

Игорь отвѣчалъ ему съ достоинствомъ человѣка сколько благодарнаго, столько же и гордо-благороднаго. Чувствуя свою безопасность онъ признавалъ, что обязанъ ею Донцу; онъ цѣнилъ, какъ колыхалъ онъ его на своихъ волнахъ, какъ утѣшалъ его зеленой травой, когда выходилъ онъ на его берега омываемыя свѣтлыми струями, какъ прикрывалъ онъ его теплыми туманами, когда ложился онъ отдыхать подъ зеленымъ деревомъ, какъ берегъ онъ его отъ враговъ и гоголемъ на водѣ и чайками на струяхъ и чернядьми на вѣтрахъ, но вмѣстѣ онъ далъ замѣтить Донцу, что, оказавъ ему такія благодѣянія, онъ можетъ за то гордиться тѣмъ, что не походить на Стугну.

„Игорь отвѣчалъ:

„О, Донецъ, не мало и тебѣ величія,

„Что лелѣялъ ты князя на волнахъ,

„Постилалъ для него зеленую траву

„На своихъ серебряныхъ берегахъ,

„Одѣвалъ его теплыми туманами

„Подъ тѣнію зеленаго дерева,

„Стерегъ его гоголемъ на водѣ,

„Чайками на струяхъ,

„Чернядьми на вѣтрахъ.

Стугна, это мелководная рѣчка текущая въ Днѣпръ; съ лѣвой стороны—въ нее впадаетъ нѣсколько ручьевъ и притоковъ, которые текли изъ владѣній Половецкихъ — и были потому *чужіе*; низкіе ея берега при впаденіи въ Днѣпръ покрыты были кустарникомъ также какъ и въ наше время. Весной, наполняясь *чужими* Половецкими водами, она сильно разливалась и покрывала собою кустовье. Эта по-

ганская рѣка, нароя Половцамъ, утопила князя Ростислава, искавшаго въ ней спасенія и учинила на Руси великое горе. Не лестно было бы для Донца—походить на такую рѣку, если бы онъ не дружелюбно отнесся къ Игорю. Это именно и выражается далѣе въ отвѣтъ Игоря Донцу.

„Не такъ текла ¹ Стугна, какъ поскажутъ:
 „Имѣя скудную струю,
 „Пожравъ чужіе ручья и потоки,
 „Растиертая по кустовью,
 „Юношѣ князю Ростиславу,
 „Затворила она Днѣпръ.

Великое горе на Руси она учинила: Плачется по немъ мать его, гласить лѣтось—и вси люди нежалиша си унести его ради. (Лавр. стр. 213). Почти тѣми же словами говорить и авторъ «Слова»:

„На темномъ берегу,
 „Плачетъ мать Ростислава
 „По юношѣ князѣ.

Всеобщую же скорбь онъ выражаетъ словами народной причеты:

„Приунылы цвѣты отъ жалости,
 „И лѣса отъ туги къ землѣ наклонились.

Такъ художественно свилъ авторъ это событіе изъ эпохи Бояна съ быльями своего времени.

б) Досада замось.

За тѣмъ авторъ обращаетъ свой взоръ на то, что дѣлалось позади Игоря, на погоню за нимъ Гзы и Кончака. Ихъ частый перекликъ, раздававшійся въ этой погонѣ, онъ сравниваетъ здѣсь съ стрѣкотаніемъ сорокъ, какъ выше скрипъ Половецкихъ телѣгъ сравнилъ съ крикомъ распуганныхъ лебедей.

¹ См. въ Палеографической критикѣ текста: «Не тако м, рече, Стугна»:

„И не сороки—застрѣкотали,
 „То по слѣду Игореву
 „Бдетъ Гзакъ съ Кончакомъ.

Указателями его движеній въ пути могли быть полевые жители—птицы. Такъ какъ дѣло было ночью, то бѣглецы своимъ движеніемъ могли встревожить ихъ покой и возбудить ихъ крикъ. Гзакъ и Кончакъ прислушивались, конечно, не отдавая ли гдѣ подобнаго крика, который указалъ бы имъ на движеніе бѣглецовъ. Но никакого крика не было слышно. Царство птицъ не выдало Игоря:

„Тогда вороны не грали,
 „Галки замолкли,
 „Сороки не трескотали,
 „Лишь полозы ползали ?.

Слышался по временамъ стукъ, но это было долбленіе дятловъ въ створнѣ рѣки, которые направляли преслѣдователей къ водѣ, чтобы задержать ихъ погоню.

„Дятлы тектомъ
 „Путь къ рѣкѣ направляютъ

Между тѣмъ уже ночь была на исходѣ:

„Соловьи веселыми пѣснями
 „Разсвѣтъ возвѣщаютъ.

Можно себѣ представить досаду Гзы и Кончака, послѣ того какъ въ теченіи ночи они не открыли ни малѣйшихъ признаковъ направленія Игорева бѣгства.

* Ibid. «*полозю ползоща томо*».

Говорить тутъ Гза Кончаку:

„Если соколъ къ гнѣзду улетить,
„Соколенка разстрѣляемъ мы,
„Да своими стрѣлами злачеными.

Гзѣ Кончакъ тутъ отвѣтъ держаль:

„Если соколъ къ гнѣзду улетить,
„Да мы соколенка опутаемъ
„Красной дѣвицей.

Возговорилъ тутъ Гзакъ Кончаку:

„Если его да мы опутаемъ красной дѣвицей,
„Не будетъ у насъ соколенка,
„Ни красной дѣвицы не будетъ у насъ,
„И почнуть да насъ бити,
„Птицы въ полѣ Половецкомъ.

Этотъ разговоръ объясняетъ предъидущее сравненіе: «не сороки втрескоташа» и рисуеть досаду хановъ на то, что они не могли догнать его. Образъ—прекрасный, такъ какъ до нынѣ народъ сравниваетъ съ стрекочущей сорокой того, кто много и часто говоритъ, притомъ же пустяковъ.

Таково поэтическое изображеніе досады, которую учинилъ Денець Половецкимъ ханамъ спасеніемъ Игоря. Одинъ изъ нихъ въ этой досадѣ готовъ былъ, вернувшись домой, убить Игоря, а другой склонялся къ тому, чтобы сохранить ему жизнь, но за то сдѣлать его навсегда своимъ подданнымъ. Разногласіе это не имѣетъ ничего общаго съ той враждой ихъ, о которой говоритъ лѣтопись, и въ силу которой Кончакъ съ своими полчищами пошелъ на Кіевъ, а Гза направился въ другую сторону—раззорять Посемье. Изображеніе это полно эпической правды и выражаетъ лишь разные степени досады двухъ хановъ, вызванной тѣмъ, что они не могли догнать бѣглецовъ ^{Андр.} 1).

¹⁾ Не правдоподобностію отличается, говорить И. П. Хрущевъ, распрѣ Кзы и Кончака. Мы знаемъ, говорить онъ, что разногласіе этихъ двухъ хановъ имѣло

г) *Веселіе Русской земли о спасеніи Игоря.*

Наконецъ авторъ переходитъ къ изображенію веселія самой Русской земли, которое доставилъ ей Донецъ спасеніемъ Игоря. Авторъ начинаетъ эту картину старыми словесами Бояна:

„Сказалъ Боянъ и на счетъ години Святославовой—
 „Онъ же—пѣснотворецъ стараго времени,
 „Ярославова, Олегова:
 „Когане! Хоть и тяжело вѣдь головѣ безъ плечъ,
 „Зло и тѣлу безъ головы ¹.

Примѣняя эту припѣвку къ своему времени, авторъ говоритъ, что точно также тяжело и Русской землѣ безъ Игоря. Пока Игорь былъ въ плѣну, Русская земля была тѣломъ безъ головы.

Дорогъ былъ онъ для Кіевской Руси, словно мило и дорого красное солнышко. Вотъ онъ уже на родной землѣ: всѣмъ онъ свѣтитъ и всѣхъ радуетъ, словно оно золотое.

„Солнце свѣтитъ на небесахъ,
 „Игорь князь въ Русской землѣ ¹).

своимъ слѣдствіемъ два различныхъ направленія, по которымъ Половецкія полчища отправились на разореніе Русской земли. Въ «Словѣ» же Кза спорить съ Кончакомъ о судьбѣ Володимира Игоревича. Черезъ три года послѣ похода возвратился Володимиръ Игоревичъ съ женою Кончаковною изъ плѣна, и тогда умѣстно было говорить о соколичѣ, опутанномъ красною дѣвицею. (О Древне-Русскихъ историческихъ повѣстяхъ XI—XII стол. стр. 211). Но не нужно забывать, что по словамъ Лѣтописи, черезъ три года (въ 1187 году), когда пришелъ Владимиръ изъ Половецъ съ Кончаковною, Игорь сотворилъ свадьбу и вѣнчалъ ихъ и съ *дитятемъ*, которому могло быть уже два года. Во всякомъ случаѣ отсюда слѣдуетъ, что Володимиръ былъ опутанъ красною дѣвицею еще когда былъ въ Половцѣхъ, и говорить объ этомъ опутаніи можно было ранѣ ихъ вѣнчанія.

¹ См. въ Палеографической критикѣ текста: «*Рекъ Боянъ и ходы на Святослава, пѣснотворца стараго времени, Ярослава, Ольгова Коганя хоти*».

¹) Г. Потебня связываетъ эти слова съ предъидущимъ посредствомъ солнца: ибо какъ одно солнце свѣтитъ на небѣ; такъ одинъ Игорь въ Русской землѣ. Но Игорь не одинъ князь былъ въ Русской землѣ; авторъ не могъ выражать мысли, противной исторической правдѣ. (Стр. 150).

Радость эта раздается въ хоровахъ пѣсняхъ, которыя отъ береговъ, гдѣ ступилъ онъ на родную землю, несутся по водамъ, отражая сливающимися голоса, до самаго Кіева. Мысль эту выражаетъ авторъ эпически, пользуясь народными образами Дуная и моря и быть можетъ даже подражая въ этомъ Бояну.

„Дѣвицы поютъ на Дунаѣ;
„Вьются голоса чрезъ море до Кіева.

Вотъ наконецъ онъ въ самомъ Кіевѣ и прежде всего спѣшитъ въ храмъ Богоматери для благодарственной молитвы.

„Игорь ѣдетъ по Боричеву,
„Ко Святой Богородицѣ Пирогощей.

Вѣсть о его пріѣздѣ разнеслась по всей Кіевской Руси, по всѣмъ волостямъ и по всѣмъ городамъ, и всюду—радость и веселіе.

„Страны рады,
„Грады веселы.

Такъ изобразилъ авторъ веселіе Русской земли, которое доставилъ ей Донецъ спасеніемъ Игоря.

Заключеніе и пѣніе славы.

Какъ пѣснь, подобная Бояну, она завершается лишь пѣніемъ славы князъмъ и дружинѣ, обычнымъ въ хвалебныхъ пѣсняхъ. Изъ князей здѣсь величаются самъ Игорь, братъ Всеволодъ и сынъ Владиміръ. Это, повидимому, указываетъ, что «Слово» было предназначено его творцемъ исключительно для дома Игорева.

Авторъ не разъ обращался въ своемъ пѣснопѣіи ко временамъ старымъ и не разъ вспоминалъ князей старыхъ, прославляя ихъ сравнительно съ нынѣшними, такъ что его пѣснь—была хвалебною прежде всего по отношенію къ князьямъ старымъ. Заключительное пѣніе славы онъ также считаетъ долгомъ предложить сначала въ честь князей старыхъ, а потомъ и молодыхъ. Это виѣстъ съ тѣмъ можетъ указывать и на то, что авторъ, воспоминавшій старыхъ князей

подъ въздѣйствіемъ пѣсенъ Бояна, воспользовался и заключительнымъ ихъ славословіемъ, для окончанія своей пѣсни, и примѣнилъ его къ молодымъ.

„Пропѣвъ хвалу сначала князьямъ старымъ,
 „Потомъ и молодымъ подобаетъ воспѣть
 „Игорю Святославичу,
 „Вуй-туру Всеволоду,
 „Владиміру Игоревичу—Слава!
 „Будьте здравы, князья и дружина,
 „Поборающіе за Христіанъ
 „На поганые полки:
 „Князьямъ и дружинѣ—Слава!

Таково «Слово», на нашъ взглядъ, въ его цѣломъ и частяхъ. Всякій можетъ замѣтить, что оно по своей формѣ отнюдь не есть историческое повѣствованіе, но именно пѣснь, созданная по сознанію самого автора, подъ въздѣйствіемъ «*Старыхъ Словесъ*» или пѣсенъ Бояна.

Были, историческіе факты, здѣсь подчинены «замышленію» идеальному распорядку, плану старыхъ пѣсенъ дружиннаго Бояновскаго зноса.

Самъ авторъ своими припѣвками, которыя повторяются въ каждой части «Слова» указываетъ ту главную мысль, къ которой прирочиваетъ онъ *были* своего времени. Такъ въ первой части онъ повторяетъ:

„О, Русскіе мужи,
 „Уже за шеломенемъ вы!

„Дремлетъ въ полѣ
 „Гнѣздо храброе Олега!
 „Далече залетѣло!

„О, далече зашоль соколъ,
 „Птиць бія къ морю!

Такимъ образомъ главная мысль, которую авторъ имѣеть въ виду въ первой части «Слова» это именно та, что Русскіе полки слишкомъ далеко зашли, отъ одной стороны, на вражескую землю.

Подобными же припѣвками авторъ уясняетъ основную мысль и второй части своего произведенія.

„Ольговичи—храбрые князья
„Изнемогали на брани!

„Вступите, господа,
„Въ златыя времена
„За обиду сего времени,
„За землю Русскую,
„За раны Игоревы!

„Загородите полю ворота
„Своими острыми стрѣлами,
„За землю Русскую,
„За раны Игоревы,
„Рьянаго Святославича!

„О, стонать Русской землѣ,
„Помянувши старую годину
„И старыхъ князей!

Такимъ образомъ основная мысль второй части та, что обстоятельства были вопіющія; помощь требовалась неотложная: а Кіевская власть, державшая нѣкогда въ своихъ рукахъ всю Кіевскую Русь, теперь является безсильною.

Третья часть излагающая спасеніе Игоря, какъ слѣдствіе молитвы Ярославны, также уясняется не разъ повторенными припѣвками:

„Ярославна рано плачетъ,
„Въ Путивлѣ, на стѣнѣ городской
„Приговаривая.

Повтореніемъ этой припѣвки авторъ даетъ замѣтить значеніе ея молитвы.

Вѣра въ судьбу, въ судъ Божій, составляетъ душу этого творческаго произведенія и проникаетъ его отъ начала до конца, отъ первыхъ шаговъ похода Игоря до вступленія его, по возвращеніи, въ храмъ Богородицы Пирогощей. Въ виду того, что «Слово» написано, по сознанию автора, подъ воздѣйствіемъ пѣсенъ Бояновыхъ, можно думать, что та же вѣра въ судьбу составляла основной мотивъ и «Старыхъ Словесъ, обнимавшихъ широкое поле временъ и событій.

II.

НОВѢЙШІЙ СКЕПТИЦИЗМЪ ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ ТЕМУ „СЛОВА“.

Новѣйшія предположенія въ текстѣ пропусковъ, вставокъ, глоссъ и недостаточность оснований. 1. Отношеніе къ тексту г. Потобия: а) Поправки текста. б) Перестановки. в) Пропуски. 2. Отношеніе къ тексту г. Прозоровскаго и допускаемыя имъ измѣненія. 3. Передѣлки текста г. Андреевскаго и образецъ этихъ передѣлокъ.

Слово о полку Игоревѣ въ дошедшемъ до насъ текстѣ представляетъ памятникъ удивительно цѣльный и законченный, сохранившійся во всей полнотѣ и стройности своихъ художественныхъ очертаній. Такимъ текстъ «Слова» представляется намъ, но не такимъ онъ казался и кажется наибольшей части другихъ изслѣдователей. Одни видятъ въ немъ *пропуски*, допущенные неразумными переписчиками; другіе усматриваютъ *вставки*, внесенныя неисканными глоссаторами; иные наконецъ замѣчаютъ *перестановки* разныхъ мѣстъ, появившіяся отъ переписчиковъ, переплетчиковъ путавшихъ листы и т. п. Одинъ изъ современныхъ ученыхъ и, къ сожалѣнію, авторитетныхъ находить Пушкинскій «текстъ Слова» до того нестройнымъ, что считаетъ даже, какъ мы выше видѣли, дошедшій до насъ списокъ лишь *копіей* будтобы *черновой рукописи автора*, вмѣщавшей въ себѣ сборъ написанныхъ мыслей, но необработанныхъ, съ разными приписками на поляхъ, съ поправками, помарками. Въ глазахъ этого ученаго — въ Пушкинскомъ текстѣ до насъ дошла лишь черновая работа автора «Слова», не получившая подъ его перомъ окончательной редакціи; отъ того она является во многихъ мѣстахъ

нестройною и безпорядочною; да въ добавокъ она восполнена еще позднѣйшими неудачными и даже безтолковыми глоссами¹.

Всѣ эти предположенія *пропусковъ, вставокъ, глоссъ*, всѣ эти усмотрѣнія безпорядочности и нестройности въ дошедшемъ до насъ текстѣ «Слова», на нашъ взглядъ показываютъ лишь то, какъ недостаточно изученъ этотъ русско-классическій памятникъ въ его *цѣломъ* и *частяхъ* и къ какимъ страннымъ и невѣроятнымъ гаданіямъ приходитъ серьезная ученость, какъ скоро къ измѣренію его художественнаго построенія примѣняется лишь аршинъ современной грамматики или же существующій застѣкъ древне-русской лексикологіи, изчерпываемой словарями Миклошича и Востокова.

Легко допускаютъ въ дошедшемъ до насъ текстѣ «Слова» разные пропуски и въ переводахъ его стремятся досказать то, что въ подлинникѣ кажется недосказаннымъ, едва ли только не потому, что приступаютъ къ подобнымъ переводамъ безъ яснаго и отчетливаго представленія его *идеи* и *формы* и къ произведенію, чисто *художественному, творческому* предъявляютъ требованія историческаго повѣствованія—полноты подробностей факта и послѣдовательности въ ихъ изложеніи. Не смѣдуетъ отъ автора требовать того, чего дать онъ не думалъ. Глоссы же предполагаются въ тѣхъ мѣстахъ, которыя считаются *испорченными* и которыхъ комментаторы понять не въ состояніи. Первые издатели и изслѣдователи «Слова» очень осторожно и уважительно относились къ его тексту и по силамъ стремились уяснить «темныя» мѣста или же откровенно сознавались, что того или другаго мѣста они понять не въ состояніи. Новѣйшіе же ученые нашли иной исходъ изъ подобныхъ затрудненій. вмѣсто того, чтобы недостатокъ разумѣнія темныхъ мѣстъ относить къ самимъ себѣ, они приписали его къ бывшимъ когда-то неизвѣстнымъ глоссаторамъ «Слова», которые будто бы уснастили его своими домыслами и при томъ такъ, что совершенно испортили текстъ его. Въ этомъ еще болѣе оказались виновными писцы, кои переписывая памятникъ, внесли въ текстъ то, что первоначально было написано на поляхъ. Подобный способъ объясненія неисправныхъ мѣстъ того или другаго

¹ См. выше ч. I, стр.

памятника, конечно, можетъ имѣть свое мѣсто и въ наукѣ; но только тогда, когда дается къ тому основаніе другими списками того же памятника. «Слово» же дошло до насъ лишь въ единственномъ спискѣ и потому не представляется достаточнаго основанія къ допущенію какихъ бы то ни было глоссъ въ его текстѣ. Эти жалкія сами по себѣ предположенія остаются совершенно праздными для дальнѣйшей разработки «Слова»; обнаруживая несостоятельность современной учености, онѣ самодовольно успокоиваютъ ее на мысли о бывшихъ когда-то безтолковыхъ неизвѣстныхъ глоссаторахъ и писцахъ испортившихъ текстъ своими толкованіями или же безграмотными переписками—и чрезъ то лишаютъ науку возбуждательной силы къ дальнѣйшимъ попыткамъ разглядывать и угадывать подлинный смыслъ темныхъ мѣстъ дошедшаго до насъ текста.

Тоже слѣдуетъ замѣтить и о тѣхъ гаданіяхъ, которыя усматриваютъ въ Пушкинскомъ текстѣ перестановку разныхъ мѣстъ, зависѣвшую отъ сбитости листовъ въ древнихъ спискахъ то перепищиками, то переплетчиками. Въ древне-русскихъ рукописяхъ дѣйствительно, встрѣчаются подобныя явленія, но онѣ почти всегда обличаютъ сами себя и не много требуется вниманія, чтобы замѣтить подобныя прорухи. Въ дошедшемъ же до насъ текстѣ «Слова» всѣ мнимосбитыя мѣста разставлены, къ удивленію, въ такомъ порядкѣ и съ такимъ смысломъ, что не только первые издатели и комментаторы не замѣтили въ нихъ никакой сбивчивости, но и большая часть современныхъ изслѣдователей не видитъ здѣсь подобныхъ промаховъ и не находятъ нужнымъ дѣлать поправку текста въ подобныхъ соображеніяхъ. Едва ли предполагаемые безграмотные перепищики умѣли такъ ловко переписывать и переплетчики такъ искусно перепутывать листы, что даже въ наше время трудно замѣтить нарушеніе въ нихъ подлиннаго смысла. При этомъ не слѣдуетъ забывать одного важнаго обстоятельства въ исторіи древне-русской палеографіи. Строки въ уставныхъ книгахъ всегда писались по графамъ, замѣтнымъ лишь для одного писца и это достигалось слѣдующимъ способомъ: на доскѣ соотвѣтствующей формату книги наклеивались довольно толстыя нитки въ разстояніяхъ, соотвѣтствующихъ уставу или полууставу, равно какъ и величинѣ междустрочій и полей. Доска эта наклеивалась на

каждый бѣлый листъ и прижималась, вслѣдствіе чего на каждомъ листѣ обозначалось одно и тоже количество графъ, соответствовавшихъ расположенію нитокъ. При такомъ способѣ писанія на каждой страницѣ являлось необходимо одно и тоже число написанныхъ строкъ. Это обстоятельство совершенно опускается изъ виду тѣми учеными, которые дѣлаютъ въ дошедшемъ до насъ текстѣ «Слова» перестановки разныхъ мѣстъ въ виду предположенія сбитости листовъ въ древнихъ его спискахъ. Выходитъ такъ, что въ этихъ предполагаемыхъ спискахъ—съ перебитыми листами на одной страницѣ было 30 строкъ, а на другой 8 строкъ; это явленіе въ древней письменности невозможное, какъ бы не представлялись малыми листы и какъ бы ни разнообразны были почерки. Вообще на нашъ взглядъ подобныя перестановки, помимо излишества ихъ со стороны смысла самаго памятника, дѣлаются произвольно и со стороны требованій древне-русской палеографіи.

Мы съ своей стороны не будемъ простираетъ такъ далеко своего ученаго сомнѣнія и бросать камень осужденія въ крайное, быть можетъ, воображаемое, невѣжество древне-русскихъ книжниковъ и переплетчиковъ.

1. Отношеніе къ тексту „Слова“ г. Потевни.

Въ наше время изученіе «Слова» этого драгоценнаго памятника Кіевской Руси стало на путь скользкій и опасный, обещающій лишь однѣ безконечныя блужданія. Путь этотъ проложенъ, какъ мы выше сказали, весьма почтеннымъ ученымъ, профессоромъ Харьковскаго Университета г. Потевней.

И прежде уже бывали попытки вносить въ дошедшій до насъ текстъ воображаемыя пропуски—и дѣлать перестановки мѣстъ—будто бы смѣшанныхъ переписчиками, или переплетчиками; но эти попытки были очень осторожны, касались лишь двухъ-трехъ мѣстъ и во всякомъ случаѣ не кидали подозрѣнія на цѣлость и чистоту всего дошедшаго до насъ текста.

Но г. Потевня смѣло и не обинуясь выступилъ съ такимъ взглядомъ на «Слово», который въ существѣ подрываетъ всякое значеніе его текста и открываетъ полный и широкій просторъ для всевозмож-

ныхъ его передѣлокъ по личнымъ вкусамъ и настроеніямъ. Своимъ изслѣдованіемъ онъ положилъ основаніе новѣйшему скептицизму, который гораздо опаснѣе, чѣмъ скептицизмъ старый для надлежащаго разумѣнія и оцѣнки этого, по истинѣ, Русско-классическаго творенія.

По взгляду г. Потемни, какъ мы выше уже излагали, Пушкинскій текстъ «Слова» отражаетъ въ себѣ такія особенности, которыя указываютъ, что это одна изъ копій черновой рукописи автора, съ его пометками, поправками и замѣтками на поляхъ, изъ коихъ нѣкоторыя внесены въ текстъ позднѣйшими переписчиками съ ихъ по мѣстамъ толкованіями. Въ виду такого взгляда въ его изданіи текстъ «Слова» является переполненнымъ глоссами, вставками и перестановками. Авторитетъ почтеннаго ученаго требуетъ, чтобы критика съ должнымъ вниманіемъ прослѣдила, какъ могъ онъ прійти къ такому смѣлому и притомъ же странному взгляду.

Сдѣлавъ это, мы представимъ опыты новѣйшихъ ему подражаній, чтобы показать, къ чему наконецъ ведетъ изученіе «Слова» въ подобномъ направленіи.

Въ текстѣ, изданномъ г. Потемней, являются *поправки* тамъ, гдѣ онъ ничѣмъ не вызывается, дѣлаются *перестановки* тамъ, гдѣ онъ ничѣмъ не оправдывается, и наконецъ выкидываются не только отдѣльныя слова, но и цѣлыя мѣста, какъ воображаемыя глоссы или черновыя замѣтки самого автора, сдѣланныя будто бы на поляхъ.

а) *Поправки.*

Извѣстно, что въ «Словѣ» есть такія неисправныя мѣста въ палеографическомъ отношеніи, что поправки неизбежны для возстановленія ихъ подлиннаго смысла; но г. Потемня сдѣлалъ еще нѣсколько такихъ поправокъ, которыя ни чѣмъ не вызываются и безъ всякой нужды измѣняютъ дошедшій до насъ текстъ. Такъ, въ Пушкинскомъ текстѣ читаемъ:

„*Хотятъ прикрыти ѿ солнца.*“

Г. Потемня вмѣсто ѿ поставилъ въ своемъ текстѣ «два сълнца», и единственно въ силу личнаго гаданія: «*быть можетъ, говорить*

онъ, здѣсь должно стоять не четыре солнца, какъ обыкновенно читаютъ, относя къ четыремъ князьямъ, а два солнца, какъ ниже: Два сълнца помьроста» (стр. 42). Но г. Потенбня забываетъ, что ниже къ двумъ солнцамъ еще прибавлено: Оба багряная стлѣпа погасоста, а съ нимъ молодая мѣсяца тьмоу ея поволокоста.

Очевидно, эта поправка г. Потенбни болѣе смѣлая, чѣмъ основательная.

Далѣе, въ подлинномъ текстѣ читаемъ:

„Темно бы въ ꙗ день.

Потенбня исправляетъ: «въ тѣ день, т. е. въ тотъ извѣстный памятный день, когда было затмѣніе, а не въ 3-й день битвы. Бой длился съ пятницы по воскресенье, объясняетъ онъ; между тѣмъ между пятницей и 1-мъ мая, когда было знаменіе, прошло по меньшей мѣрѣ два дня (въ теченіи конхъ Игорь ждалъ Всеволода, перешедши Осколь), но вѣроятно, гораздо больше. Слѣдовательно, считая съ воскресенья—третьяго дня битвы, затмѣніе какимъ образомъ не могло быть 3-го дня. Поэтому-де лучше читать въ *тѣ день*, вмѣсто 3-й день (стр. 92—93).» Но г. Потенбня опускаетъ изъ виду, что авторъ говорить здѣсь не о томъ, когда, въ какой день, было солнечное затмѣніе, но лишь о томъ, когда именно князья были взяты въ плѣнъ и омрачились горемъ, что, конечно, случилось именно въ 3-й день боеваго столкновения съ Половцами. Такого рода смыслъ очевиденъ здѣсь до осязательности. Если здѣсь и есть намекъ на солнечное затмѣніе, то онъ выражается лишь въ томъ, что авторъ рисуетъ картину плѣна князей и ихъ горя въ чертахъ и образахъ этого затмѣнія, указывая, что въ 3-й день ихъ столкновения съ врагами постигла ихъ та самая участь, которая была предсказана затмѣніемъ при самомъ ихъ вступленіи въ землю Половецкую.

И такъ, эта поправка, какъ и первая, болѣе гадательна и произвольна, чѣмъ настоящая и основательная.

б) *Перестановки.*

Далѣ, въ текстѣ Потебни встрѣчаемъ слѣдующія перестановки:

„А съ нимъ молодая мѣсяца
„Олеги и Святославъ,
„Тьмою ся поволокоста.

Уже и прежде, Максимовичъ, Малашевъ, Вс. Миллеръ, къ этимъ стихамъ присоединяли еще дальнѣйшія:

„И въ моръ погрузиста
„И великое буйство подасть хинови,

стоящіе ниже, и въ другой связи мыслей—именно:

„По Русской земли
„Прострошася Половци,
„Аки пардуже гнѣздо
„И въ моръ погрузиста
„И великое буйство подасть Хинови.

Основаніемъ для такой перестановки служила грамматическая форма (двойст. ч.) въ словѣ «*погрузиста*», которое настолько не ладилось здѣсь съ глаголомъ «*прострошася*», сколько тамъ совпадало съ глаголомъ *ся поволокоста*. Г. Потебня, принимая эту перестановку, присоединяетъ новое *ся*, и по обычаю, ничтоже сумнѣся, передѣлываетъ еще окончаніе въ глаголѣ *подасть* на *подаста*. Но исправители текста, допускающіе эту перестановку, ради грамматическаго соответствія, жертвуютъ внутреннимъ смысломъ даннаго мѣста, отъ котораго отнимаются и переносятся указанные глаголы. Объясняя Святославу сонъ и обрисовавъ въ образахъ солнечнаго затмѣнія плѣнь князей и ихъ горе, бояре прибавляли, что причиною тому темная сила, возобладавшая надъ свѣтомъ—поганые Половцы.

„Они простерлись по Русской землѣ,
 „Словно гнѣздо пардусовъ,
 „И въ конецъ ее загубили
 „И великую гордость придали Хиновѣ.

Отнимая и переставляя послѣднія предложенія: («и въ морѣ погрузиста и великое буйство подасть Хинови»), исправители оставляютъ здѣсь Половцевъ только при томъ, что они *простерлись*. Но творческая мысль автора не могла остановиться на этомъ представленіи и закончить рѣчь такимъ предложеніемъ. Вотъ почему мы охотнѣе соглашаемся допустить и разглядѣть въ глаголахъ этихъ предложеній палеографическія ошибки, нарушившія грамматическія формы, чѣмъ посягать на ихъ перестановку въ ущербъ внутреннему смыслу всего даннаго мѣста.

Но если предшествовавшіе комментаторы въ подобныхъ случаяхъ поступали крайне осторожно и опирались, по крайней мѣрѣ, на кажущіяся основанія, г. Потебня смѣло идетъ впередъ и свободно переставляетъ дальнѣйшія мѣста въ памятникѣ лишь въ силу своихъ личныхъ предположеній, что дошедшій до насъ текстъ испорченъ.

„Уже снесся хула на хвалу;
 „Уже тресну нужда на волю;
 „Уже врѣжеса дивъ на землю.
 „Се бо Готскія красныя дѣвы...

Въ текстѣ «уже» стоитъ трижды, говоритъ Потебня; я предполагаю здѣсь перестановку, продолжаетъ онъ, поводомъ къ которой послужила черновая рукопись автора «Слова», и принимаю второе: *уже* за начало слѣдующаго періода» (стр. 92). Такимъ образомъ послѣднія предложенія:

„Уже тресну нужда на волю,
 „Уже врѣжеса Дивъ на землю,

Онъ ставитъ ниже предъ стихомъ:

„А мы уже дружина жадни веселія.

«Предлагаемая перестановка, замѣчаетъ онъ, выставляетъ на видъ противоположность между появленіемъ Нужды и Дива съ одной стороны и веселіемъ—съ другой: уже настало горе, а между тѣмъ мы дружина жаждемъ утѣшенія. Быть можетъ, тутъ намекъ князю: сдѣлай же, что можешь, для этого» (стр. 100). Но если даже понимать все это мѣсто въ такомъ именно смыслѣ, то и тогда не представляется никакой надобности въ допускаемой перестановкѣ, такъ какъ противоположность — между горемъ и веселіемъ гораздо разительнѣе сказывается при неприкосновенномъ чтеніи текста. Растолковавъ, что варканье вороновъ, полетѣвшихъ къ синему морю указываетъ на безславіе Русской земли, дошедшее до того что даже Готскія Дѣвы—и тѣ поютъ веселыя пѣсни, ликуя мщеніе Половцевъ за Шаруканя, бояре замѣчаютъ: А мы, дружина, жадаемъ веселія — мы, дружина, тѣмъ больше угнѣтены, чѣмъ веселѣе тѣшатся на берегу синяго моря.

„Уже бо Сула не течетъ
 „Серебряными струями
 „Къ граду Переяславлю,
 „И Двина болотомъ течетъ
 „Онымъ грознымъ Полочаномъ,
 „Подъ кликомъ поганыхъ.

Г. Петенба выраженіе «*подъ кликомъ поганыхъ*» переставилъ въ своемъ текстѣ. Онъ отнесъ его лишь къ первому предложенію: «Сула не течетъ... къ Переяславлю, *подъ кликомъ поганыхъ*» замѣчая, что при второмъ предложеніи: «Двина течетъ болотомъ», указаніе причины могло быть повторено, но могло и не повторяться, а лишь подразумеваться» (стр. 116). Но если г. Петенба самъ чувствуетъ умѣстность этого выраженія и при второмъ предложеніи, то спрашивается, къ чему же было дѣлать такую перестановку? Конечно, онъ былъ бы осторожнѣе, если бы замѣтилъ ту особенность въ синтаксисѣ творческой рѣчи автора, въ силу коей выраженія, указывающія цѣль или причину и относящіяся къ двумъ явленіямъ онъ ставитъ въ концѣ

двухъ предложеній, относя ихъ къ тому и другому. Наклонность къ строю рѣчи по современной грамматикѣ заслонила для г. Потемни эту особенность синтаксиса «Слова» и заставила его выраженіе *«подъ кликомъ поганыхъ»* вынять съ мѣста, гдѣ оно было поставлено авторомъ, и поставить ближе къ первому предложенію, чтобы оно было доступнѣе для нашего разумѣнія. Но уяснивъ такимъ образомъ первое предложеніе:

„Уже Сула не течетъ
„Серебряными струями къ граду Переславлю
„Подъ кликомъ поганыхъ.

Онъ ослабляя выразительность втораго:

„И Двина болотомъ течетъ
„Онымъ грознымъ Полочаномъ.

Столь же смѣлы и другія перестановки. Въ Пушкинскомъ текстѣ читаемъ:

„Унылы голоса;
„Пониче веселіе.
„Трубы трубятъ Городенскіи.

Г. Потемня разставилъ всѣ эти выраженія, какъ ему вздумалось:

„Унылы голоса трубы трубятъ Городенскіи.
„Пониче веселіе.

«Унылы голоса» принято мною, объясняетъ онъ за твор. мн. ч. въ смыслѣ печально звучать Городенскія трубы (стр. 118).

Въ данномъ случаѣ его не затрудняетъ, что при подобной перестановкѣ совершенно нарушается живость теченія рѣчи и является крайнее несоотвѣтствіе между предложеніями, изъ коихъ одно занимаетъ цѣлую строку, а другое состоитъ изъ двухъ словъ. Приведенная имъ аналогія изъ мѣста о Ростиславѣ, гдѣ сначала «плачется мать», а потомъ поникли деревья, не представляетъ ни малѣйшаго основанія для подобной перестановки.

„О! стонати Руской земли,

.....

.....

„Но рози нося имъ хоботи пашутъ.

Это лирическое воззваніе автора, коимъ заканчивается 3-я часть «Слова», г. Потенія удержалъ въ текстѣ на своемъ мѣстѣ, но, «предполагаю, замѣтилъ онъ, что первоначально оно примыкало туда, гдѣ Святославъ говорить, что не смотря на личную готовность (а чи диво ся помолодити) онъ безсиленъ и долженъ оставаться въ бездѣйствіи, потому что князья ему не пособляютъ, что времена измѣнились (на ниче... обратиша). Продолженіе этого составляетъ разсматриваемое лирическое воззваніе, при чемъ не ясно, говоритъ ли это самъ Святославъ, или же авторъ—безлично (стр. 133). Но кому бы ни усвоить этого воззванія — Святославу или автору, оно никакъ не могло быть у мѣста тамъ, куда желалъ бы переставить его г. Потенія, особенно же если принять во вниманіе его переводъ этого воззванія. Не могъ самъ Святославъ говорить: «Того стараго Владиміра (Мономаха при подобныхъ обстоятельствахъ) нельзя (было бы?) пригвоздить къ горамъ Кіевскимъ (удержать въ Кіевѣ, заставить сидѣть тамъ въ бездѣйствіи, какъ сидитъ Святославъ теперь (стр. 133). Говоря такимъ образомъ, въ своемъ паеосѣ Святославъ осуждалъ бы самъ себя за бездѣйствіе.

Не могъ въ такомъ смыслѣ выразиться и самъ авторъ, полный сочувствія къ Святославу, усвоившій ему золотое слово.

Съ нашей точки зрѣнія это лирическое воззваніе совершенно въ духѣ автора «Слова» который почти каждую картину въ своемъ произведеніи заканчиваетъ лирической припѣвкой; сонъ Святослава и золотое его слово—тѣмъ естественнѣе вызывали автора на подобное лирическое воззваніе. Правда, оно не представляетъ внѣшней грамматической связи съ предъидущими періодами, но зато стоитъ въ глубочайшемъ внутреннемъ соотношеніи ко всей 3-й части «Слова», какъ указано нами выше.

„Тогда враны не граахутъ

„Цалици

.....

„Солови веселыми тьсьми свѣтъ повѣдаютъ.

Все это мѣсто г. Потевня отрываетъ отъ словъ: *На смѣду Игоревъ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ*, и переставилъ туда, гдѣ говорится о бѣгствѣ Игоревѣ, именно — къ словамъ: *Коли Игорь соколомъ полеть, тогда Вмуръ вьлокмъ потече, труся собою студеную росу*. Г. Потевня представилъ даже нѣкоторыя соображенія для подобной перестановки: это мѣсто, говоритъ онъ, оставленное послѣ: ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ, во 1-хъ, будто бы безъ видимой надобности отдѣляетъ отъ этого далѣе слѣдующее: «молвить Гза»; во 2-хъ будто бы даетъ такой смыслъ, что природа сочувствуетъ погонѣ. Но самъ же г. Потевня толкуетъ это мѣсто такъ, что птицы не выдавали бѣглецовъ. Всякій можетъ видѣть, что птицы, такъ себя заявившія, умѣстнѣе тамъ, гдѣ слѣдуетъ погоня, чѣмъ тамъ, гдѣ бѣглецы вдали отъ этой погони,—одинъ летитъ соколомъ, а другой бѣжалъ волкомъ, загнавши уже своихъ борзыхъ коней. Надобность такого явленія птицъ на томъ мѣстѣ, гдѣ являются онѣ въ дошедшемъ до насъ текстѣ — существенная. Отсюда именно возникло «нелюбіе» Гзы и Кончака, которое заставило ихъ держать дальнѣйшую рѣчь. Природа не выдала бѣглецовъ и тѣмъ вызвала такую досаду въ погоньщикахъ, что одинъ изъ нихъ готовъ былъ убить, а другой — если и не убить, то навсегда сдѣлать своимъ подданнымъ сына Игорева, если только самъ Игорь убѣжитъ.

г) Пропуски.

Еще болѣе допущено всевозможныхъ пропусковъ въ текстѣ г. Потевни. Какъ строгій грамматикъ, слѣдя на пути изученія Пушкинскаго текста, болѣе за отношеніемъ періодовъ и предложений, чѣмъ за ходомъ и развитіемъ творческихъ мыслей, наблюдая болѣе за внѣшнею, чѣмъ за внутреннею ихъ связію, онъ въ силу такого односторонняго изученія, не уявилъ себѣ памятника въ его цѣломъ и частяхъ—и всѣ тѣ мѣста, гдѣ внѣшняя связь между періодами и предложениями была для него

не видна, онъ преспокойно объясняетъ или позднѣйшими глоссами, или характеромъ черновой рукописи автора, въ которой многое было начато и недокончено, многое было написано на поляхъ, что позднѣйшими переписчиками внесено въ текстъ. Темныя и не ясныя мѣста при такомъ воззрѣннн объясняются очень просто—все это также, глоссы или черновыя замѣтки автора.

Такъ, легко и преспокойно онъ выкидывалъ изъ Пушкинскаго текста отдѣльныя слова, которыя его затрудняли:

а) *Толковинъ*. Слово это онъ считаетъ глоссой на томъ основаннн, что оно будто бы происходитъ отъ *тѣмо-вати* и можетъ значить только *толкованн*. Въ сонѣ Святослава внесено оно книжникомъ изъ Лѣтописи, принявшимъ его за названн народа (стр. 90). Не говоря здѣсь о томъ, правильно ли г. Потення объясняетъ мѣсто Лѣтописи, гдѣ встрѣчается это слово, замѣтимъ, что древне-русскн книжники относились болѣе уважительно къ роднымъ памятникамъ, чѣмъ современные ученые, и во всякомъ случаѣ уже не вносили въ ихъ текстъ такихъ словъ, которыхъ сами не понимали; въ данномъ же случаѣ, они тѣмъ болѣе не могли этого сдѣлать, что тамъ, гдѣ стоитъ слово *толковинъ* въ Пушкинскомъ текстѣ, не могло представиться ни малѣйшей надобности въ подобной вставкѣ ни для какого книжника. Чтобы слово «*толковинъ*» происходило отъ *тѣмо-вати*, это болѣе, чѣмъ подлежитъ сомнѣнн. Оно можетъ имѣть корень въ языкахъ Тюркскихъ; оно можетъ имѣть иное объясненн и въ языкѣ Русскомъ.

б) *Татраны*. Не есть ли это вставка, замѣчаетъ г. Потення, сдѣланная не авторомъ, а другимъ малосвѣдущимъ лицомъ, смѣшавшимъ Ярослава Всеволодовича съ Ярославомъ Владимировичемъ Галицкимъ, въ войскѣ котораго конечно были *Татраны*? (стр. 104). И такого-то рода недоумѣнн даетъ ему право выкинуть это слово изъ текста, какъ позднѣйшую *глоссу*. Но если въ Кневской Руси были на службѣ Угорскн кметы, то почему-же не думать, что между ними могли быть и Татране—жители Татръ—это первое. А во вторыхъ—подъ Татранами могутъ здѣсь разумѣться и Татары или какн-нибудь другн Восточники. И если Ольберы, стоящн рядомъ, могли такъ называться по имени упоминаемаго въ Лѣтописяхъ Восточника. Ольбы-

ря, то почему не заключать, что и въ имени Татранъ—кроется восточное имя ихъ полководца.

в) *Смысленый*. Г. Потенія, выкидывая изъ текста это слово, ограничивается замѣчаніемъ, что оно—позднѣйшая глосса—къ «вѣщью», но почему это—глосса—умалчиваетъ. Едва ли подобный приѣмъ отношенія къ тексту такого памятника, какъ Слово, можетъ быть терпимъ въ наукѣ и для кого-нибудь казаться убѣдительнымъ.

Но г. Потенія не ограничился тѣмъ, чтобы трактовать излишними въ текстѣ отдѣльные слова. Онъ предлагаетъ трактовать, какъ вставки, цѣлыя предложенія, періоды и даже цѣлыя мѣста памятника.

„Помнящеть бо речь пзрвыхъ временъ усобицъ.

Авторъ «Слова» во вступленіи, какъ выше нами объяснено, изображаетъ съ одной стороны быстрый и широкій полетъ фантазіи Бояна въ его пѣснотворествѣ и съ другой—его чудную игру на струнахъ, на которыхъ онъ разыгрывалъ свои пѣсни. Ту и другую мысль выразивъ сначала образно, онъ сряду же, въ силу своего стиля, уясняетъ ихъ чертами дѣйствительности. Если Боянъ хотѣлъ кому пѣснь творить, говорить онъ, то мысль его носилась бѣлкою по лѣсу, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ по поднебесью, и затѣмъ уясняетъ: «вѣдь онъ зналъ междуусобья временъ древнихъ; было гдѣ по широкому пространству временъ и событій носиться его фантазіи. Точно такъ ниже, изобразивъ символически его игру на струнахъ, онъ объясняетъ затѣмъ, что 10 соколовъ—это десять перстовъ, а стадо лебедей—это струны, на которыхъ онъ разыгрывалъ свои пѣсни. Г. Потенія нашелъ болѣе стройнымъ ту и другую символическую рѣчь слить во едино безъ перерыва и оставить для той и другой *одно* фактическое объясненіе по отношенію къ *струнамъ* и *перстамъ*. Слѣдя не столько за соотношеніемъ мыслей и фактовъ, сколько за внѣшнимъ порядкомъ образовъ, онъ нашелъ, что предложеніе: «онъ зналъ вѣдь, какъ, поскажутъ, междуусобья временъ древнихъ» лишнее; оно нарушаетъ кажущуюся стройность символической рѣчи. Такимъ образомъ онъ предположилъ, что въ первоначальномъ текстѣ не было этого выраженія, раздѣляющаго символическую кар-

тину и оно есть позднѣйшая вставка. Но ради внѣшней стройности, онъ внесъ въ текстъ нестройность логическую, допустивъ для разнородной символической рѣчи — одно фактическое объясненіе въ ущербъ художественному стилю «Слова».

Г-на Потебни спутало здѣсь слово «тогда», но еслибы онъ былъ ближе знакомъ съ переводными памятниками древнерусской письменности, онъ зналъ бы, что слово «тогда» имѣло иногда совѣтъ иное значеніе, чѣмъ какое соединяемъ мы, и что имъ выражалась не только связь съ предъидущимъ, но иногда оно употреблялось для обозначенія новаго порядка мыслей.

*„Братіе и дружино!
„Лучежъ бы потяту быти,
„Неже полонену быти.*

Г. Потебня, не уяснивъ себѣ творческаго приѣма автора и толкуя это мѣсто съ точки зрѣнія историческаго повѣствованія, рассуждаетъ такъ: «Не перешедши еще Дона, Игорь былъ во все не въ такомъ положеніи, когда «уже нѣкамо ся дѣти» и остается на выборъ смерть или плѣнъ. Поэтому можно думать, что здѣсь традиціонное выраженіе «лучше потяту быти, неудачно приурочено къ Игорю для выраженія его рѣшимости» (стр. 17). Но то, что г. Потебни кажется мало умѣстнымъ, въ высшей степени художественно съ точки зрѣнія автора.

Гибель возвѣщенная солнцемъ была неизбѣжна. Но не о томъ думалъ Игорь, чтобы воротиться. Плѣнъ или смерть—вотъ, что рѣшалъ онъ въ эту страшную минуту. Не думаемъ, чтобы можно было сильнѣе и художественнѣе выразить отчаянную его рѣшимость, какъ именно воспользовавшись этимъ, а не другимъ моментомъ.

*Спала Князю умъ похоти,
И жалость ему знаменіе заступи,
Искусити Дону Великаго.*

Г. Потебня понимаетъ это мѣсто въ томъ смыслѣ, что «Встало, на умъ князю желаніе отвѣдать Довской воды». Наблюдая надъ со-

отношеніемъ періодовъ, онъ не видитъ здѣсь связи съ предъидущимъ: «выше была рѣчь о солнечномъ затмѣніи, которое было усмотрѣно уже во время самаго похода, а здѣсь, разсуждаетъ онъ, говорится еще только о желаніи князя напитокъ Донской воды, которое, конечно, должно было возникнуть еще до начала похода (стр. 19). Затрудняясь связать эти періоды, коими въ его глазахъ нарушается хронологическій порядокъ событій, онъ предположилъ, что тутъ двѣ разнородныхъ попытки автора начать свое повѣствованіе. Авторъ сначала началъ разсказъ съ солнечнаго затмѣнія, но потомъ, не окончивъ его, надумалъ повести рѣчь—издалека съ желанія Игоря напитокъ Донской воды». Не удивительно, что при подобномъ толкѣ и выраженіе: «жалость ему знаменіе заступи», г. Потемни, показалось «маргинальной замѣткой автора, не у мѣста поставленной авторомъ или переписчикомъ» (стр. 19). Нельзя не замѣтить, что наблюдая надъ соотношеніемъ періодовъ, г-ну Потемни не усвоилъ себѣ творческихъ приемовъ автора и не уяснилъ себѣ глубокаго смысла даннаго мѣста; такъ какъ здѣсь рѣчь не просто только о желаніи Игоря напитокъ Донской воды.

Стиль «Слова» между прочимъ характеризуется тою особенностію, что авторъ то изображаетъ фактъ, то произноситъ о немъ свой судъ; то заставляетъ говорить другихъ, то говоритъ самъ отъ себя.

Охарактеризовавъ въ предъидущихъ періодахъ собственными словами Игоря, его отчаянную рѣшимость, которой не могло сдерживать самое небо, авторъ продолжаетъ отъ себя:

*„Спала князю умъ похоти
 „И жалость ему знаменіе заступи
 „Искусити Дону Великаго.*

Т. е. какъ мы объясняемъ и доказываемъ: ⁴

*„Въ князѣ умъ охватило
 „Геройское рвеніе,
 „И знаменія мѣсто въ немъ заступило*

⁴ См. ниже «въ Палеографической критикѣ текста».

„Тосненіе
„Испробовать Великаго Дона.

Связь этого мѣста съ предъидущимъ на нашъ взглядъ оказывается внутреннею и самою глубокою.

*Черныя тучи съ моря идутъ, хотятъ прикрыти дѣ солнца:
а въ нихъ трепещутъ синіи мзгніи, быти грому великому, и
ти дождю стрѣлами съ Дону великаго: ту ся копіемъ прила-
мати, ту ся саблямъ потручати.*

По словамъ г. Потебни, здѣсь выраженіе: «хотятъ прикрыти дѣ солнца», хотя подходит къ плану изложенія, т. е. къ такому изображенію наступающей грозы, въ коемъ чертамъ дѣйствительности при дается иносказательное значеніе, но прерываетъ грамматическую связь (тучи идутъ,... а въ нихъ... молніи) и потому кажется позднѣйшею вставкою автора (стр. 42). Итакъ, кажущійся перерывъ грамматической связи является основаніемъ для подозрѣнія здѣсь позднѣйшей вставки. Но еслибы г. Потебня, не ограничившись наблюденіемъ надъ ближайшими періодами, разсматривалъ ихъ въ общемъ построеніи картины боя 2-го дня, то замѣтилъ бы, что во 1-хъ въ символическомъ изображеніи зловѣщихъ знаменій—какъ черныя тучи, такъ и молніи—грозные вѣстники проливнаго дождя и страшнаго грома имѣютъ самостоятельное значеніе: движеніе черныхъ тучъ означаетъ наступленіе поганыхъ ордъ на Русскіе поля; а синіи молніи—вѣстники грома и дождя соответствуютъ бою, въ которомъ Всеволодъ, словно дождь брызжетъ стрѣлами и словно громъ гремитъ мечами; и во 2-хъ усмотрѣлъ бы, что авторъ, рисуя эти самостоятельные образы, тотчасъ же уняетъ ихъ значеніе чертами дѣйствительности, прежде чѣмъ излагаетъ самыя событія.

Если послѣ указанія на синія молніи совершенно умѣстны объясняющіе выраженія: Тутъ копьямъ ломаться, тутъ саблямъ ударяться, то и послѣ картины «черныя тучи съ моря идутъ» существенно необходимо замѣчаніе: хотятъ прикрыть 4-е солнца; иначе черныя тучи—будутъ непосредственно относиться къ ломанію копей и ударенію саблей, чего не могъ допустить авторъ, какъ художникъ и по-

тому, упомянувъ о движеніи тучъ, замѣтилъ: «хотятъ прикрыть четыре солнца».

Что же касается грамматическаго перерыва между предложеніями, то этотъ перерывъ далеко не таковъ, чтобы рѣзко бросался въ глаза и указывалъ на необходимость исправленія текста; этого перерыва можетъ доискаться лишь строгій грамматикъ, относящійся къ творческому произведенію, какъ къ упражненію школьника.

Далѣе: весь эпизодъ о боѣ на Нежатиной нивѣ, начиная со словъ: *Тѣи бо Олегъ...* и оканчивая словами: *то былъ... съ ты полки...* Г. Потемня считаетъ отступленіемъ, нарушающимъ живость изложенія и потому полагаетъ, что это *вставка*, быть можетъ, взятая изъ другаго неизвѣстнаго сочиненія, сдѣланная авторомъ при вторичной редакціи для памяти. При окончательной редакціи она могла быть вновь выкинута (стр. 51). Но съ этимъ никакъ не можетъ согласиться тотъ, кто замѣчаетъ, что авторъ, въ силу своего плана или замысленія, свиваетъ свое время съ временемъ старымъ, и что это *сшиваніе* проходитъ весь памятникъ отъ начала до конца. Эпизодъ на Нежатиной нивѣ, какъ выше нами объяснено, имѣетъ здѣсь существенное значеніе; онъ стоитъ въ самой тѣсной внутренней связи со всѣмъ послѣдующимъ, указывая не на то только, что бой 3-го дня былъ такой, какого не слыхано, но и на всѣ слѣдовавшія за нимъ бѣдствія, имѣвшія одну сокровенную причину въ той и другой эпохѣ. Если эпизодъ этотъ и кажется отступленіемъ, то потому лишь, что для нашего сознанія порвана живая связь этихъ эпохъ; если уже въ виду кажущихся отступленій, ради живости изложенія, выкидывать это мѣсто, то послѣдовательность требуетъ выкинуть и мѣсто о Владимірѣ Мономахѣ, тѣмъ болѣе, что по собственнымъ словамъ г. Потемни, оно не имѣетъ связи ни съ предъидущимъ, ни съ послѣдующимъ, выкинуть затѣмъ мѣсто о Всеславѣ, которое еще болѣе нарушаетъ живость изложенія, выкинуть наконецъ эпизодъ о Ростиславѣ, приставленный къ бесѣдѣ Игоря съ Донцемъ. Отчего не допустить, что все это позднѣйшія вставки, нарушающія живость изложенія? Нѣтъ нужды, что это значитъ въ конецъ исказить памятникъ, имѣющій своей задачей свивать оба помысла сего времени: шагъ по этому пути уже сдѣланъ г. Потемней.

*Поискати гради Тмутараканя,
а любо испити шеломомъ Дону.*

«Авторъ, можетъ быть, не доволенъ выраженіемъ, поискати града Тмутараканя, разсуждаетъ г. Потебня, поставленнымъ, быть можетъ, подъ вліяніемъ другаго готоваго сочиненія напр. объ Олегѣ Святославичѣ, но не соответствующимъ цѣли похода Игорева. Поэтому онъ и замѣтилъ: а любо, т. е. или такъ сказать испити... Дону. Переписчикъ внесъ это въ текстъ (стр. 81). Очень ясно и просто, но за то едва ли осторожно. Г. Потебня представляетъ автора компиляторомъ, который неудачно пользовался выраженіями изъ другихъ источниковъ и во всякомъ случаѣ не творцемъ-художникомъ, какимъ онъ является для насъ въ «Словѣ». И поэтъ, гений конечно, пишетъ иногда на поляхъ, но не для того, чтобы пояснить чужіе стихи вставленные въ текстъ своего произведенія. Г. Потебня выраженіе. *«а любо»* переводитъ въ значеніи: *или такъ сказать*, но оно можетъ означать: *или по крайней мѣрѣ*. Тмутаракань, какъ извѣстно, принадлежала прежде Россіи и приобрѣсть ее обратно—было завѣтомъ Кіевской политики; эта цѣль едва ли не соединялась съ каждымъ походомъ къ синему морю.

Тѣмъ естественнѣе было имѣть эту цѣль, по воззрѣнію автора «Слова», птенцамъ гнѣзда Олегова, сидѣвшаго нѣкогда въ Тмутаракани. Но такъ какъ въ дѣйствительности они могли не имѣть въ виду задачи—именно поискати града Тмутараканя, то авторъ и считалъ долгомъ ослабить свою мысль, прибавивъ: *или по крайней мѣрѣ*—напиться Дону, т. е. совершить славные подвиги, прославиться побѣдой. Мысли, выраженныя здѣсь, вполне отвѣчаютъ историческимъ даннымъ и потому не представляется ни малѣйшаго повода къ тому, чтобы появленіе этихъ выраженій въ текстѣ «Слова» объяснять такъ, какъ воображается г. Потебни.

„Аже бы ты былъ, то были бы

„Чага по ногати, а Коцей по рѣзань.

«Это предложеніе, разсуждаетъ г. Потебня, разрываетъ связь между предъидущимъ (ты вѣдь Волгу можешь веслами разбрызгать) и послѣдующимъ (ты вѣдь можешь и по суху стрѣлять живыми метательными орудіями—удалыми сынами Глѣбовыми).

Г. Потебня предъявляетъ къ «Слову» требованія плавной періодической рѣчи, отвѣчающей правиламъ современной грамматики; но еслибы онъ сосредоточилъ свое вниманіе на внутреннемъ смыслѣ выраженныхъ здѣсь фактовъ, то за грамматическою связію предложеній онъ усмотрѣлъ бы внутреннее логическое ихъ соотношеніе.

Ты вѣдь можешь веслами разбрызгать Волгу; и шеломами вычерпать Донъ. Еслибы ты былъ здѣсь, то былъ бы также побѣдоносенъ какъ на Волгѣ, и на Дону плѣнники были бы дешевы какъ тамъ. Да ты и на сушѣ, на степныхъ пространствахъ, можешь стрѣлять живыми перистыми стрѣлами—удальми сынами Глѣба.

Есть ли здѣсь, спрашивается, такой перерывъ между предложеніями, чтобы необходимо было что либо выкидывать? Вся бѣда значить въ томъ, что авторъ не оставилъ грамматически своей мысли такъ, какъ велитъ обставлять ее современная грамматика, правилами коей такъ ревниво руководится при объясненіи «Слова» г. Потебня.

Претрзгоста бо своя брззая комоня.

Быть можетъ, это объясненіе переписчика, замѣчаетъ г. Потебня, къ выраженіямъ: «съскачи съ него вълкъмъ» и «Овлуръ вълкъмъ потече» (стр. 145). Это—*быть можетъ*, позволяетъ ему также поставить это мѣсто въ скобки, или что тоже выкинуть изъ текста. Но вмѣстѣ съ этими выраженіями, онъ вычеркиваетъ изъ «Слова» цѣлый историческій фактъ отмѣченный ими; именно, что Игорь и Лаверь, загнавъ своихъ коней, шли иѣшкомъ, какъ гласитъ Лѣтопись, 11-ть дней. Въ «Словѣ» выраженъ этотъ фактъ эпически; шли они съ возможною поспѣшностію, съ напряженіемъ всѣхъ своихъ силъ, что тутъ же обозначено выраженіемъ: «труся собою студеную росу».

*Которое бо бше насиліе
Отъ земли Половецкыи.*

По словамъ Потебни—это позднѣйшая глосса или вариантъ (стр. 118), но почему ему такъ кажется—не объясняетъ.

*Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля
Писътворца стараго времени
Ярославля Ольгова Коганя хоти.*

Разлагая «и ходыня на *их* одына» и открывая здѣсь: *имр.* т.-е. ния рекъ одина, г. Потебня прибавляетъ: «я разсматриваю это мѣсто какъ глоссу къ Боянъ.» Что г. Потебня можетъ строить подобный комментарий, это понятно, но почему онъ видитъ здѣсь глоссу, остается неизвѣстнымъ. Изъ того, что это мѣсто палеографически неисправно, равно какъ и изъ того, что мы понять его затрудняемся, далеко не слѣдуетъ, что это непременно глосса.

Послѣ всего сказаннаго уже не могутъ удивлять слѣдующія мнѣнія и приемы г. Потебни въ отношеніи дошедшаго до насъ текста:

*Почнемъ же поитьсь сію отъ стараго
Владимира до нынѣшняго Игоря.....
..... на землю Половецкую, за землю
Русскую*

Здѣсь нѣкоторые предполагаютъ пропускъ, замѣчаетъ Потебня, но это можетъ быть перерывъ въ мысли автора, намѣреніе коего начать отъ стараго Владиміра, такъ и осталась не исполненнымъ (стр. 15).

Комонь.....

«*Комонь* я предпочелъ, говорить онъ, постановить особо, предполагая, что это недоразвитая замѣтка автора для памяти (стр. 140). Написавъ слово «*комонь*» авторъ что-то хотѣлъ написать, но такъ и не докончилъ.

Такимъ образомъ, по воззрѣнію г. Потебни авторъ «Слова», то думалъ и не додумывалъ, то писалъ и не дописывалъ.

Позволительно однако сомнѣваться, чтобы подобнымъ образомъ создавалось такое художественное твореніе какъ «Слово». И если наша ученая мысль бываетъ иногда скудна струею, подобно поганской Стугнѣ, то едва ли такова была творческая мысль автора «Слова», бьющая ключемъ во всемъ памятникѣ отъ начала до конца.

Итакъ, на нашъ взглядъ, скептицизмъ г. Потебни по отношенію къ дошедшему до насъ тексту не имѣетъ для себя ни малѣйшихъ осно-

ваній—въ самомъ «Словѣ» и снуется лишь на его личныхъ недоразумѣніяхъ.

Нельзя не пожалѣть, что достопочтенный ученый, такъ много сдѣлавшій для уясненія его отдѣльныхъ поэтическихъ образовъ въ аналогіяхъ народнаго пѣснотворчества—уклонился отъ строго-научнаго пути и сталъ на такую зыбкую и опасную почву, въ отношеніи изученія его текста, которая ведетъ лишь къ произвольнымъ гаданіямъ¹.

Но всего прискорбнѣе, что скептицизмъ г. Потебни уже успѣлъ пустить свои корни въ литературѣ «Слова» и мы дождались такихъ изданій его текста, которыя искажаютъ памятникъ въ самомъ его основаніи.

Мы говоримъ объ изданіяхъ г. Прозоровскаго и Андреевскаго.

2. Отношеніе къ тексту „Слова“ г-на Прозоровскаго.

Выше мы объяснили ¹, что «та часть «Слова» которая почерпнута изъ «Старыхъ Словесъ», будучи разобрана по разнымъ мѣстамъ сочиненія, показала г-ну Прозоровскому чѣмъ-то совѣмъ постороннимъ, а между тѣмъ по духу изложенія видно, что она принадлежитъ къ составу «Слова». Поэтому онъ «постарался привести ее въ надлежащій порядокъ», т.-е. всѣ мѣста, относящіяся къ старой Бояновской эпохѣ соединилъ воедино и поставилъ въ самомъ началѣ предъ повѣствованіемъ о походѣ Игоря. Находя, что подобнымъ образомъ составленная 1-я часть «Слова» не будетъ казаться уже чѣмъ-то въ отношеніи къ нему постороннимъ—онъ разрушилъ тѣмъ основную форму произведенія, указанную самимъ авторомъ именно—*свитіе* словесъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ то требовалось его творческою мыслию, проходящее весь памятникъ отъ начала до конца. Съ точки зрѣнія нынѣшняго повѣствованія, конечно, складнѣе и понятнѣе рассказать сначала все о времени старомъ, а потомъ уже перейти къ рассказамъ о времени новомъ. Но такой способъ не обязателенъ для всѣхъ временъ и уже потому, что подобное «свитіе» Старыхъ Словесъ—представляется для нашего времени чѣмъ-то постороннимъ—должно оставаться не прикосновен-

¹ См. Ч. I. стр. 158—160.

нымъ, вводя насъ въ творческій міръ эпическихъ поколѣній и знакомя насъ съ своеобразными направленіями двухъ древнѣйшихъ Русскихъ литературныхъ эпохъ.

Но г. Прозоровскій, не ограничился приведеніемъ въ порядокъ Старыхъ Словесъ, разбросанныхъ по разнымъ частямъ сочиненія. «Эта часть, говоритъ онъ, сама въ себѣ спутана перестановками нѣкоторыхъ мѣстъ ея.» Любопытенъ процессъ, которымъ дошелъ онъ до этой мысли и распутывалъ эти спутанные мѣста.

Въ Пушкинскомъ текстѣ, между прочимъ, читается слѣдующее мѣсто.

Тожѣ звонъ слыша давный великий Ярославъ сынъ Всеволожь, а Владиміръ по вся утра уши закладаше въ Черниговъ. Справедливо оставаясь недовольнымъ всѣми предшествовавшими толкованіями этого не совсемъ яснаго мѣста, г. Прозоровскій, какъ историкъ—археологъ, рѣшилъ подыскать для него историческое объясненіе. Не допуская въ написаніи *Ярославъ* вм. Ярославль и *Всеволожь* вм. Всеволодъ палеографической ошибки, онъ обратилъ вниманіе на Ярослава Всеволодовича, современника похода Игорева, брата великаго князя Святослава, упомянутаго въ поэмѣ и представилъ, что въ данномъ мѣстѣ будто бы даже «безъ всякаго сомнѣнья», разумѣется никто другой, а именно этотъ Ярославъ, сынъ Всеволожь, князь Черниговскій. Далѣе точно также онъ не находитъ возможнымъ въ имени Владиміра усматривать здѣсь Мономаха, котораго едва ли можно укорить въ равнодушіи къ Олегу, такъ какъ онъ сидѣлъ въ Черниговѣ съ 1078 года по волю отца и дѣйствовалъ не самостоятельно; по этому-де «закладывалъ уши ктонибудь другой изъ Черниговскихъ князей, болѣе самостоятельный, чѣмъ Мономахъ». Отыскивая на его мѣсто другаго князя, онъ остановился на Владимірѣ Давидовичѣ, единственномъ Владимірѣ послѣ Мономаха изъ числа князей Черниговскихъ. Но такъ какъ ни тотъ, ни другой, изъ подысканныхъ князей, являлись не у мѣста въ разсказѣ о боѣ на Нежатиной нивѣ, то для г. Прозоровскаго оставалось лишь одно объясненіе: они попали сюда, благодаря безграмотнымъ переписчикамъ или переплетчикамъ; въ первоначальномъ неиспорченномъ текстѣ они должны были стоять на другомъ мѣстѣ. Отыскивая это подобающее мѣсто, г. Прозоровскій замѣтилъ, что въ разсказѣ о Все-

славѣ говорится о колокольномъ звонѣ въ Полоцкѣ, который Всеславъ слышалъ въ Кіевѣ. Здѣсь, должно быть, и стояло разбираемое мѣсто, въ которомъ тоже говорится о звонѣ, и потомъ неизвѣстно уже какими путями приурочено было къ Олегу». Такимъ образомъ слово «звонъ» встрѣчающееся въ двухъ мѣстахъ, хотя и въ разныхъ значеніяхъ, дало поводъ г. Прозоровскому приурочить упомянутыхъ князей къ разсказу о Всеславѣ и сдѣлать соответствующую тому перестановку въ Пушкинскомъ текстѣ.

Но и при такой передѣлкѣ текста—темное мѣсто не получило желанной и искомой ясности. «Примѣненіе къ Ярославу, давнишняго Полоцкаго и будто бы даже укорительнаго звона, по объясненію Прозоровскаго, означаетъ укоръ, либо намекаетъ на какой нибудь случай изъ его жизни, казавшійся его современникамъ, похожимъ на какой нибудь случай изъ жизни Всеслава». Такою же неопредѣленностію отличается и объясненіе «закладанія ушей» новымъ Владиміромъ. Оказывается, что этотъ Владиміръ Давидовичъ помогалъ Всеволоду Ольговичу добыть Кіевъ и потомъ, отступившись отъ Ольговичей, держалъ сторону Всеволода, женился на Всеволодовнѣ, изъявлялъ покорность Юрію Владиміровичу и потерялъ жизнь, помогая послѣднему. Это-то равнодушіе его къ преданіямъ рода Ольговичей и есть затыканіе ушей противъ давнишняго Полоцкаго звона, отозвавшагося нѣкогда на Кіевскую смуту; тутъ—будто бы ощутительный намекъ на княженіе Юрія въ Кіевѣ. Но то и другое объясненіе и «слышанія звона и закладанія ушей», очевидно, оказываются болѣе искусственными и болѣе натянутыми, чѣмъ толкованія всѣхъ предшествовавшихъ комментаторовъ. Ради подобныхъ объясненій мы никакъ не можемъ жертвовать дошедшимъ до насъ текстомъ и мириться съ подобными перестановками.

Впрочемъ самъ г. Прозоровскій, отрывая указанія на Ярослава и Владиміра отъ своего мѣста и приставляя ихъ къ Полоцкому звону замѣтилъ, что подобная приставка, получая внѣшнюю связь съ предъидущимъ, не вяжется съ послѣдующимъ и ставитъ особнякомъ дальнѣйшія предложенія: *аще и вѣща душа въ друзѣ тѣмъ, нѣ часто бѣды страданше. Тому вѣщей Боянъ и прѣвое смысленый рече: ни хытру, ни горазду суда Божіа не минути.* Но это ни мало не стѣснило г. Про-

зоровскаго и повело его лишь къ новой перестановкѣ: онъ сталъ отыскивать то мѣсто въ поэмѣ, куда бы можно было перенести оказывавшіяся особнякомъ указанныя предложенія. И вотъ онъ разсуждаетъ: «вѣщая душа должна быть въ душѣ такого лица, которое подверглось суду Божію; на конечную же судьбу Всеслава въ поэмѣ не указывается, между тѣмъ о Борисѣ Вячеславичѣ поэма прямо говоритъ, что его «слава на судъ приведе». Поэтому, заключаетъ онъ, выше отмѣченныя предложенія относятся къ Борису Вячеславичу. По видимому, она дополняетъ сказаніе о Борисовой смерти, почему удобнымъ представляется перенести ее къ этому сказанію. Черезъ такую перестановку все начало поэмы будто бы значительно выигрываетъ пополняясь ксатати сказанною замѣткою».¹

Но руководясь при своей перестановкѣ сходствомъ выраженія «судъ» встрѣчающагося въ сказаніи о Всеславѣ и сказаніи о Борисѣ—г. Прозоровскій не замѣтилъ разности ихъ нравственныхъ обликовъ и въ предложеніяхъ, обращая вниманіе на сходство сказуемыхъ и дополненій, опустилъ изъ виду разность подлежащихъ. Отнявъ своей перестановкой отъ Всеслава *вѣщую душу*, которую рисуютъ намъ не только «Слово», но и Лѣтопись, онъ усвоилъ ее Борису Вячеславичу, вѣщихъ дѣлъ котораго не знаетъ исторія. Слава или похвальба Бориса не имѣетъ ничего общаго съ вѣщею душею.

Есть въ «Словѣ» еще два мѣста, будто бы требующія, по мнѣнію г. Прозоровскаго, также перестановки. Въ Пушкинскомъ текстѣ по отношенію къ Роману Волинскому читаемъ: *«высоко плававши на дѣло въ буети, яко соколъ на вѣтрехъ ширяяся, хотя птицю въ буйство одолѣти»*, слова весьма выразительныя для характеристики Романа извѣстнаго въ исторіи своими широкими политическими замыслами. Не такъ понялъ ихъ г. Прозоровскій. «Не къ Роману и Мстиславу или къ другому кому изъ удѣльныхъ князей, говоритъ онъ, а развѣ только къ Всеволоду, великому князю Суздальскому отнесся эти слова».²

Почему это онъ относится именно къ нему, г. Прозоровскій не

¹ Стр. 11—12.

² Стр. 12.

объясняетъ, но мы зная, что Суздальскій Всеволодъ былъ князь практическій, положительный, хозяинъ сѣверной крестьянской Руси, находимъ вышеуказанныя слова въ отношеніи къ нему наименѣ всего умѣстными и поэтому подобную перестановку считаемъ болѣе произвольною, чѣмъ основательною.

Далѣе, послѣ похвалы оружію Романа и Мстислава въ Пушкинскомъ текстѣ читаемъ: *«Нѣ уже княже Игорю, утрне солнцю светъ, а древо не бологомъ листвіе срони: по Рси, по Сули гради подъялиша; А Игорева храбраго плъку, не крѣсити.* «По духу изложенія, рассуждаетъ г. Прозоровскій, вставка эта будто бы подходитъ къ тому мѣсту поэмы, гдѣ описывается впечатлѣніе, произведенное слухомъ о гибели Игорева ополченія. Въ началѣ этого мѣста находится тоже печальное причитаніе. *А Игорова храбраго плъку не крѣсити.* Весьма прилично будто бы и окончить это мѣсто тѣмъ же причитаніемъ.¹ «Если для подобныхъ перестановокъ признать достаточнымъ «духъ изложенія» усматриваемый комментаторомъ, то указъ уже не писанъ, гдѣ положить конецъ подобнымъ перестановкамъ. По нашему мнѣнію «духъ изложенія» наименѣ всего позволяетъ указаннымъ словамъ стоять послѣ плача женъ друженниковъ, куда переставилъ ихъ г. Прозоровскій.

Такимъ образомъ Пушкинскій текстъ «Слова» въ изданіи г. Прозоровскаго принялъ слѣдующій видъ:

Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря, иже истягну умъ крѣпостию своею и поостри сердца своего мужествомъ, наплѣнився ратнаго духа, наведе своя храбрыя плѣкы на землю Половецкую за землю Русскую.

Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля, были плѣци Олговы, Ольга Святъславлича. Тѣй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше. Ступаетъ въ златъ стремя въ градъ Тьмотороканѣ. Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе и на капину зелену паполому постла, за обиду Олгову, храбра и млада князя. Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ, нѣ часто бѣды стра-

¹ Стр. 12.

даше. Тому вѣщій Боянъ и прѣвое припѣвку смысленый рече: «ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда Божія не минути». Съ тоя же капины Святополкъ полелѣя отца своего между угорскими иноходцы ко святой Софіи къ Киеву.—Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами: погибашеть жизнь Дажь-божа внука въ княжихъ крамолахъ, вѣщи человекомъ скратишась. Тогда по Русской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нѣ часто врани граяхуть, трупя себѣ дѣлаче, а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уедіе. То было въ рати и въ ты плѣкы. А сичевои рати не слышано.

На седьмомъ вѣцѣ Трояни врѣже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу. Тѣй клюками подирѣся о кони и скочи къ граду Киеву и дотчеса стружіемъ злата стола Киевскаго. Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плѣночи изъ Бѣлаграда, обѣсися синѣ мѣдѣ. Утрѣ же воззпи стрікусы, отвори врата Новуграду, разшибе славу Ярославу, скочи влѣкомъ до Немиги съ Дудутокъ. На Немизѣ снопы стелють головами, молотять чѣпы харалужными, на тоцѣ животь кладуть, вѣють душу изъ тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не болотомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костью Рускихъ сыновъ.—Всеславъ князь людямъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влѣкомъ рыскаше: изъ Кыева дорискаше до куръ Тмутороканя, великому Хрѣсови влѣкомъ путь прерыскаше. Тому въ Полотскѣ позвониша заутреню рано у святыхъ Сооеи въ колоколы, а онъ въ Киевѣ звонъ слыша. Тоже звонъ слыша давный великый Ярославъ сынъ Всеволожъ. А Владиміръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ.

Уже бо Сула не течеть серебряными струями къ граду Церее-славлю, и Двина болотомъ течеть онымъ грознымъ Полочаномъ подъ кликомъ поганыхъ. Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвони своими острыми мечи о шеломы Литовскія, притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подъ чрлѣными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ Литовскими мечи. И схоти ю на кровать и рекъ: «дружину твою, княже, птицъ крылы пріодѣ, а звѣри кровь полизаша». Не бысь ту брата Брючислава, ни другаго Всеволода, единъ же изрони жемчужну душу изъ храбра тѣла чресъ злато ожерелье. Уны-

лы голоса, пониче веселіе, трубы трубятъ Городеньскіи: «Ярославе, и вси внуце Всеслави! уже понизить стязи свои, вонзить свои мечи верезени! Уже бо выскочисте изъ дѣдней славѣ: вы бо своими крамолами начаете наводити поганыя на землю Русскую, на жизнь Всеславию». Которое бо бѣше насиліе отъ земли Половецкыи!

О, стонати Руской земли, помянувшѣ прѣвую годину и прѣвыхъ князей! Того стараго Владиміра нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Кіевскимъ; сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзіи Давыдовы. Нѣ роги нося имѣ хоботы пашутъ, копіа пеютъ на Дунаи.

Тогда Игорьъ възрѣ на свѣтлое солнце, и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты

Жены Рускія въсплакашася, аркучи: «уже намѣ своихъ милыхъ ладѣ ни мыслію смыелити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати».—Нѣ уже князю Игорю утрѣпѣ солнцю свѣтъ, а древо не бологомъ листвіе срони. По Рси и по Суи гради подѣлиша. А Игорева храбраго плѣку не крѣсити.

Великій княже Всеволоде! Не мыслію ти прелетѣти издадеча отъ злата стола поблюсти. Ты бо можеша Волгу веслы роскропити, а Донѣ шелома выльяти. Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ. Ты бо можеша по суху живыми шерешы стрѣляти, удалыми сыны Глѣбовы. Высоко плаваеша на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрехъ ширяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти. Донѣ ти, княже, кличетъ и зоветъ князи на побѣду! ¹»

Отъ сдѣланныхъ перестановокъ, по словамъ г. Прозоровскаго, выигрываетъ не только внѣшній складъ «Слова», но и его внутренняя сторона, не имѣвшая прежде нравственной цѣльности: течение мыслей становится логически послѣдовательнымъ, поэтическія вдохновенія перестаютъ быть миражемъ, а общій идеалъ поэмы представляется во всей своей полнотѣ и цѣльности». Такъ кажется самому г. Прозоровскому. Но одно при этомъ несомнѣнно: перестановки его не оправдываются достаточными основаніями и разрушаютъ основ-

¹ Считаю необходимымъ замѣтить, что текстъ «Слова» паданъ г. Прозоровскимъ съ большими ошибками противъ перваго изданія, такъ напримѣръ онъ печатаетъ *внѣшній* вм. *внѣшней*; *Божіа* вм. *Божія* *изъ тѣла* вм. *отъ тѣла* и т. п.

ную форму — *свитіе* Старыхъ Словесъ съ новыми былями тамъ, гдѣ то требовалось творческою мыслию автора. Самъ г. Прозоровскій, рѣшившійся всѣ словеса о старомъ времени соединить во едино и поставить предъ началомъ разказа о самомъ походѣ Игоря, не нашелъ возможнымъ довести до конца своей задачи и старое сказаніе о Ростиславѣ не могъ оторвать отъ бесѣды Игоря съ Донцемъ и долженъ былъ оставить тамъ, гдѣ стоитъ оно въ Пушкинскомъ текстѣ.

Съ другой стороны—подысканныхъ имъ Черниговскихъ князей XII вѣка Ярослава и Владиміра Давыдовича, современниковъ Игоря, вынужденъ былъ приставить къ сказанію о Всеславѣ, т.-е. къ эпохѣ XI вѣка. Это всего лучше доказываетъ, что планъ «Слова» совсѣмъ не тотъ, какой придалъ ему г. Прозоровскій. Авторъ поэмы совсѣмъ не имѣлъ въ виду толковать сначала о старомъ времени, а потомъ перейти къ разказамъ о времени новомъ, какъ было бы стройнѣе и логичнѣе, по мнѣнію г. Прозоровскаго, а лишь свивалъ эти сказанія, гдѣ то требовалось его творческою мыслию.

При болѣе подробномъ пересмотрѣ «Слова», замѣчаетъ г. Прозоровскій, нашлись бы можетъ быть и другія мѣста требующія перестановки; но я предоставляю другимъ изслѣдователямъ окончательное возстановленіе «Слова».

3. Отношеніе къ тексту г. Андреевскаго и образецъ его передѣлокъ.

Но если г. Прозоровскій не рѣшился слишкомъ много дѣлать перестановокъ и предоставилъ другимъ изслѣдователямъ возстановленіе «Слова», то г. Андреевскій, не зная уже никакой мѣры и удержу, задался задачей совершить «окончательное возстановленіе «Слова» въ томъ же направленіи».

Выше мы указали какъ побужденіе, такъ и приемы, которыми онъ руководился въ этой работѣ. Здѣсь же мы позволяемъ себѣ представить пространнѣе образецъ возстановленнаго имъ текста, чтобы читатель могъ видѣть, къ чему ведетъ путь проложенный воззрѣніемъ на «Слово» г-на Потебни.

(У)не(и)мѣеи ны б(уд)яшеть братіе, начати (тѣсь
отъ нынѣшнихъ) повѣстѣй,
(а не) старыми словеси (бояни),
тѣтворца стараго времени тропня, ярославля
(и) ольгова, сына святъславля.

Начати же ся тѣй пѣсни
(по дѣломъ и) по былинамъ сего времени,
а не по замышленію бояню, (гораздна гудца въ киевѣ).

Боянъ бо вѣщій аще кому хотяше пѣснѣ творити,
то растекашеться помысло
(бъсымъ горностаемъ) по древу,
сѣрымъ волкомъ по земли,
шизымъ орломъ подь облакы.

Тогда пуцашеть ї (не)трудныхъ соколовъ
на стадо лебедей:

который преди дотечаше, та живая тѣ пояше.

Боянъ же, братіе, не ї (не)трудныхъ соколовъ
на стадо лебедей пуцаше,
нѣ своя (горазныя) прѣсты
на (златыя?) вѣщія струны въскладаше;
они же сами славу рокотаху
старымъ княземъ, а потомъ—молодымъ:
старому ярославу, храброму мстиславу,
иже зарѣза редедю предъ полки косожьскими,
красному романови святъславличю.

Почнемъ же, братіе, повѣсть сію
(не) отъ стараго владимера о" нынѣшняго игоря,
иже, встѣгну" умъ"
и поостри" сердца своего мужествомъ
(и) наполнився ратнаго духа,
на землю половецькую за землю руськую.

О бояне, соловію старого времени!

Абы ты сіа полкы ущекоталь,
извива^а ся бы (?) сего времени!

Скача помысло* (горностаемъ) по древу,
летая орломъ подъ облакы,
рица (волкомъ по земли), въ тропу трояню,
въспѣти было, вѣщей бояне, велесовъ внуче,
т^с игореви, храброму святъславличю,
(слову)того (?) ольга внуку:

„Стоять стязи за сол^ою, конецъ поля половецкого:
чрълень стягъ, чръвлена хорюговъ,
зла^м чолка, сребрено строужіе;
комони ржутъ въ путивль (?);
игорь ждетъ (изъ) курьска мила брата всеволода.

И ре^а ему буй туръ всеволодъ:

„Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты, игорю:
оба есвѣ святъславличя!

Сѣдлай, брате бръзыи комони,
а мои ти готови—осѣдлани,—у на^опереди,
а мои ти куряни свѣдоми кѣмети:
подъ трубами (?) повити, по се^оломъ възлѣлѣяни,
конецъ котла въскръмлени;
(на) пути (?) (хлѣми) имъ вѣдоми, яругы имъ знаеми“.

Тогда игорь възрѣ на вся своя воя
и (не)видѣ отъ него (?) тьмою прикрыты (?)
и ре игорь къ дружинѣ своей:

„А всядемъ, братіе, на своя бръзыи комони
да позримъ синего дону!

Хощу бо, рече, съ вами, русици, главу свою приложить,

а любо испити шеломомъ дону!“

Тогда въступи игорь князь въ златъ стремянь
и поѣха по чистому полю.

Нощь, *стануши* тьмою, ему путь заступаше,
грозою птичь убуди(ся) свистъ,
звѣринъ вста *звѣдь* по яругамъ.

Отала копіе приломити князю умъ *похати*,
и жалость искусити дону великаго
солнце ему знаменіе заступи.

Игорь къ дону вои ведетъ.

О руская земле, уже за поломянемъ еси!

Олговичи, храбрыи князи, dospѣли на брань:
луци у нихъ напряжени, тули отворени,
стрѣлы изъострени.

Съ заранія въ *нѣкъ* потопташа
поганья *великия* полки половецкыя,
звонячи въ прадѣдную славу.

Кликну земля, *взсу*ну море, въшумѣ трава:
вежи (в)ся половецкіи подвизашася;
крычатъ телѣгы, рци лебеди *стады* роспущени.

(*Ци*) не буря галици занесе чрезъ поля широкая,
чили *соколы* (?) бѣжать къ дону великому?

Половци неготовамаи дорогами
побѣгоша къ дону великому,
а храбріи русици (*широкая*) поля преградиша
и рассууша^с стрѣлами по полю
и помчаша на чръленыя щиты
красныя дѣвки половецкыя,
а съ ними злато (*и сребро*) и паволокы

и драгыя оксамиты (*съ*) *оргны* глами
и всякыми узорочьи половецкыми,
а япончицами и кожухы
и тыщами *тылы* поганыхъ тлъковинъ
начаша мосты мостити по (*потокомъ*
и) болотомъ и грязивымъ мѣстомъ.

О далече зайде соколь на своею нетрудною крилцю,
птиць бя *жорю!*

Долго свѣтъ мръкнетъ,
зарь *мгела* запала, ночь поля покрыла,
щекоть славій успе, говоръ галичь убуди(*ся*).

Дремлетъ въ полѣ полуноцы
ольгово хороброе гнѣздо;
(*не*)далече бѣды залѣтѣло;
уже бо его пасеть птиць,
съ *оби* волци *гроз* *вгсо* жать.

Другаго дни, велми рано,
се вѣтри, стрибожи внуци, вѣють съ моря,
черныя туча свѣтъ *постымятъ*,
(*изъ нихъ же*) идутъ кровавыя зори,
а въ нихъ трепещуть *си* *ни* молніи:
быти грому великому,
итти дождю стрѣлами съ дону великого
на храбрыя полки игоревы;
(*ту ся стрѣламъ...*), ту ся копіемъ приламати,
ту ся *мечемъ* потручати о шелома половецкыя
въ полѣ незнаемъ, среди земли половецкыи.

Половци идутъ отъ дона *и отъ моря* (?)

и отъ всѣхъ странъ рускыя полки *осутина*:
(море) тоутнегъ грознымъ кликомъ поганыхъ,
 земля *отъязи глагоцетъ*
 рѣкы мутно текутъ, пороси поля прикрываютъ,
 хотять прикрыти тѣмою д̄ солнца.

Съ зараніа до вечера, съ вечера до свѣта
 летять стрелы каленныя, трещать копіа,
 гримлють о шелома *мечи харалужныя*.

Яръ туре всеволоде!

(Немало ти величія):

стоиши *бо на*рои*,
 прыщещи на вои стрелами калеными,
 (. *копіи*),
 гремлещи о шелома *мечи харалужными*,
 своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая,
 кая *раны братни*,
забывъ чи** дорога живота и отня злата стола
 и сво(е)я милыя хоти, красныя глѣбовны;
свѣчая и обычая (*и река*): „Братіе и дружино!

„*Луце съде бы**“ потяту, неже полонену!“

Не *твом* ли храбрая дружина *твоятъ*, аки тури,
 о* тебе, яръ туре всеволоде!

Камо туръ поскачаше,
(тамо) черна земля *ископытъми*
 костью была посѣяна, а кровію польяна;
 тамо лежать поскепаны
 поганыя головы половецкыя;
(тамо?) орли клеткомъ на кости звѣри зовуть,
 лисици брешуть.

Что ми шумить, что ми звенить рано, предъ зорями?

Игорь *полкъ (из)давсѣя* заворочаетъ,

(а) дѣти бѣсови (сѣ) кликомъ поля прегородиша,
а самого опуташа въ путины желѣзны;
жалъ *бѣ* ему мила брата всеволода.

Бишася день, *бнишѣ* другой
третьяго дни, *по*луднию*, падоша стязи игоревы
на рѣцѣ на каялѣ, у дону великого.

Темно бѣ *ѣ* день:

два бо солнца померкоста,
оба багряная стльпа погасоста
на brezѣ синему морю
и въ (сине) морѣ погрузиста(сѣ),
и (два) молодая мѣсяца: (Игоревичъ Владиміръ
и) *Олговичъ* Святъславъ,
синимъ (моремъ) ся поволокоста.

Ту ся брата разлучиста на brezѣ быстрой каялы,
ту кроваваго вина не доста, ту *гос** изыдоша,
ту пиръ докончаша храбріи русичи:
сваты (горазно) попоиша
а сами подъ чрълеными щиты, на кровавѣ травѣ
полегоша за землю рускую.

(Не) трубы трубать—

ярославна рано плачетъ въ новѣградѣ, на *заградѣ*,
а ркучи: „О вѣтрѣ *вѣтри*ю!*“

Мало ли ти башеть *го*ю*дѣ* облакы, вѣяти:
чему, господине, *носила на стѣ еси*
хиновскыя стрѣлки на моя лады вои;
чему, господине, *с ногу лотъ* мычючи,
мко былію тое воселіе развѣя (я)!“

„(0) свѣтлое и тресвѣтлое солнце!

Всѣмъ тепло и красно еси въ пламянѣ *роты*
 чему, господине, простре (*съ горы*) горячую свою лучю
 на (*мои*) ладѣ вой;

(*чему, господине,*) въ полѣ безводнѣ
 жаждю *имъ* (?) (*мучачи*),
т'угою имъ (*руки*) съпряже (*уста*) затче,
 (*очи съ*)лучи (*и уши съ*)тули!“

Жены рускыя (*рано*) *взплакаша*^с
 (*нову городу на загородѣ*), а ркучи:

„Уже намъ своихъ милыхъ ладѣ ни мыслю *смыслити*
 ни думою *сдумати*, ни *счима* съглядати,
 а *игореви* храброго полку не кресити!“

О днепре (*днеприцю, словуто*) словутицю!

(*Не мало ти величїя*):

ты *пот'илъ* еси каменные *г'оры*,
 лелѣючи корабли на синѣ морѣ;
 ты лелѣялъ еси на себѣ святослави *насады*
 сквозѣ землю *половецкую*, до *луку* кобякова.

Ту греци и венецици, ту нѣмци готскыя и моравы
 поють славу *святъславу*,

(*иже*) наступи (*съ*) своими сильными полкы
 на землю *половецкую*,

притопта хлѣми и яругы,

в'змути рѣкы и озеры, иссуши потоки и болота,
 кають князя игоря,

иже погроуши жиръ *взстнѣ* каялы, рѣкы *половецкыя*,
 рускаго *зла*^с *насыти*^{ша},

(*яко?*) рѣка стугна,

(*иже*) уношу князю ростиславу *затбо*^и.

(*He*) *кошма* равно кычетъ—
 плачется мати ростиславля
 по уноши князи ростиславѣ:
 „*Нетаколи* (?), рече, худу (*свою*) старую *нигья*(*ше*):
 (*чему*), пожръши чужи *ручьи* и стругы,
ростренъа усту *прѣтемитъ* днѣ!“
 Уныша цвѣты жалобою,
 а древо *съугою* къ земли *преклонило*ѣ.

Были вѣчи трояни, минула лѣта ярославля,
 были *воцы* олговы, ольга святъславлича.
 Той бо олегъ (*в*)*ступаетъ* въ златъ стремень
 въ градѣ тьмутороканѣ,
 (*хотя*) поискати града чернигова, отня стола злата,
 (*копѣемъ*) *копаше* и стрѣлы по земли сѣяше,
 а владимиръ, *воукъ ярославль*, сынъ всеволожъ,
*съяура*ѣ, *уцъи* мечемъ *завлаше* въ черниговѣ.

Бориса же вячеславлича
 слава на судъ приведе за обиду олгову
 и на березѣ *каминоу* храбра и млада князя,
яколому зелену, постла.

Съ тоя же каялы святополкъ повелѣя отца своего
 между угорьскими иноходьцы
 ко святѣй софіи, къ кіеву.

То было въ ты рати и въ ты полкы (*и въ ты*) усобицѣ;
помяшетъ бо(*якъ*) речъ первыхъ временъ:
 „ни хытру клюками, ни горазду *смысленыи*
 суда божіа не минути!“
 а сицеи рати не слышано:
ту (?) бо игорь князь высѣде изъ *стѣла* злата,
 а *вгстѣло* кощѣево.

Уныша г(*олоси*), а веселіе пониче.

Спрашивается, читая подобный текстъ, можно ли подумать, что имѣешь дѣло съ тѣмъ высоко-поэтическимъ и художественнымъ твореніемъ, которое называется «Словомъ о полку Игоревѣ». При подобномъ направленіи дальнѣйшихъ надъ нимъ работъ, литературѣ его грозитъ опасность переполниться такимъ мусоромъ, котораго не въ силахъ будетъ расчистить ни одинъ изслѣдователь.

III.

ПАЛЕОГРАФИЧЕСКАЯ КРИТИКА ТЕКСТА „СЛОВА“.

Неисправны и темныя мѣста въ «Словѣ». Значеніе для нихъ критики исторической, филологической и эстетической. Сравнительная Палеографія, какъ вѣрнѣйшій путь къ ихъ возстановленію и уясненію. Условія описокъ и ошибокъ, свойственныхъ рукописямъ XVI вѣка. Пушкинскій списокъ, относясь къ тому же типу рукописей, не чуждъ тѣхъ же ошибокъ. Новый опытъ уясненія темныхъ и возстановленія неисправныхъ мѣстъ «Слова» въ связи съ толкованіями предшествующихъ комментаторовъ.

Утверждая, что «Слово» дошло до насъ чрезъ рядъ вѣковъ въ удивительной цѣлости и чистотѣ, мы, конечно, не думаемъ утверждать, что въ его текстѣ нѣтъ никакихъ темныхъ и неисправныхъ мѣстъ. Напротивъ, Пушкинскій оригиналъ «Слова», какъ мы выше доказали, былъ списокомъ, не восходившимъ по своей древности ранѣе XVI вѣка и потому, естественно, онъ долженъ былъ отразить въ себѣ разнообразныя слѣды и особенности рукописей этой эпохи, часто наполненныхъ такими же ошибками.

Съ другой стороны, первые издатели, какъ выше также нами доказано, не настолько были опыты въ чтеніи рукописей этого времени, чтобы при всемъ своемъ добросовѣстномъ отношеніи къ оригиналу, могли въ букву передать намъ его текстъ—и не сдѣлать ошибокъ, подобныхъ тѣмъ, какія мы встрѣчаемъ даже въ позднѣйшихъ ученыхъ изданіяхъ древне-русской письменности.

Но всѣ эти темныя и неисправныя мѣста, всѣ эти ошибки писцевъ и издателей, говоримъ, не таковы, чтобы критика не могла разглядѣть ихъ и возстановить подлинное ихъ чтеніе. Мы твердо убѣж-

дены, что рано или поздно процессъ этихъ ошибокъ сдѣлается яснымъ и текстъ «Слова» не будетъ возбуждать ни малѣйшихъ недоумѣній. Во всякомъ случаѣ литература «Слова», такъ много уяснившая для насъ такого, что нашимъ предшественникамъ казалось темнымъ, поддерживаетъ надежду, что и дальнѣйшая его разработка пойдетъ впередъ съ тѣмъ же успѣхомъ, если только она будетъ держаться на строго научной почвѣ.

Первые издатели, какъ мы уже говорили, главнымъ образомъ погрѣшили тѣмъ, что не сохранили для насъ графическихъ особенностей рукописи, служившей оригиналомъ при изданіи «Слова», но осуждать ихъ за то, значить забывать движеніе науки впередъ, равно какъ и то, что мы не знаемъ, какія требованія предъявить наука въ послѣдствіи къ нашимъ собственнымъ изданіямъ.

Едва ли также справедливо при встрѣчѣ съ неисправнымъ чтеніемъ того или другаго мѣста выражаться такъ, какъ принято современною ученостію: это *искажено*, это *извращено* невѣжественнымъ переписчикомъ. Вглядываясь въ эти ошибки невольно приходишь къ убѣжденію, что онѣ часто отнюдь не *искаженіе*, не намѣренное *извращеніе* текста, но очень обычныя описки, вызывавшіяся переходными эпохами древне-русскаго письма; а нѣкоторыя изъ нихъ даже таковы, что встрѣчаются не у древнихъ только писцевъ, которыхъ такъ охотно величаютъ *неотъжками*, но и у современныхъ ученыхъ издателей и изслѣдователей, магистровъ и докторовъ Русской Словесности.¹

При уясненіи темныхъ и возстановленіи неисправныхъ мѣстъ «Слова», могутъ и должны имѣть мѣсто:

1. *Критика историческая*. Если предполагаемое и предлагаемое чтеніе противорѣчитъ историческому факту, то въ силу этого самого противорѣчія оно принято быть не можетъ. Критика эта имѣла свое значеніе въ литературѣ «Слова». Такъ напримѣръ весьма основательно доказано, что тамъ гдѣ рѣчь идетъ о Ярополкѣ, павшемъ на

¹ Мы можемъ указать, если то потребуется, множество самыхъ поучительныхъ подобныхъ ошибокъ даже въ самыхъ новѣйшихъ ученыхъ произведеніяхъ, ошибокъ болѣе грубыхъ, чѣмъ какія встрѣчаемъ въ дошедшемъ до насъ спискѣ «Слова».

Нежатиной нивѣ и привезенномъ для погребенія въ Кіевъ—нельзя разумѣть язычника Тугоркана тестя Святополкова и переставлять въ текстѣ слова «отца» на «цѣтя», т. е. тестя.

2. *Критика филологическая.* Какъ скоро догадка предлагаетъ формы такого чтенія, кои противорѣчатъ этимологіи древне-русскаго языка или же не оправдываются филологическими законами, то она также принята быть не можетъ. Въ литературѣ «Слова» критика эта имѣла полную свою силу. Наука усмотрѣла подлинное чтеніе и особенности языка XII вѣка тамъ, гдѣ старые комментаторы и скептики видѣли грамматическія ошибки и неправильности. Въ этомъ фактѣ всего разительнѣе сказалось торжество науки надъ старымъ скептицизмомъ, подозрѣвавшимъ въ этомъ твореніи поддѣлку XVIII вѣка.

3. *Критика эстетическая.* Если предлагаемое исправленіе отзывается явною натяжкой и вноситъ въ текстъ бьющій въ глаза разладъ съ стоящими рядомъ художественными образцами и очертаніями, то подобное исправленіе принято быть не можетъ. Критика эта наименѣе всего имѣла свое примѣненіе въ литературѣ «Слова». Недостаточное пониманіе символовъ и образовъ, равно какъ и теченія творческихъ мыслей—приводитъ къ самымъ уродливымъ чтеніямъ и толкованіямъ текста. Въ настоящее время появились такіе изслѣдователи, которые, ни мало не стѣняясь, самыя классическія мѣста прямо называютъ *безмыслицей*. Такимъ комментаторамъ прежде всего не мѣшало бы подумать о томъ, достааетъ ли у нихъ самихъ смысла настолько, чтобы рѣшаться на оцѣнку художественныхъ образцовъ этого классическаго творенія.

4. Но главнымъ руководящимъ началомъ на этомъ пути должна быть *критика палеографическая*. Зная эпоху Пушкинской рукописи, мы смѣло можемъ сравнивать ее съ типомъ рукописей той же эпохи и дѣлать соотвѣтствующія аналогіи ошибокъ и чрезъ то доискиваться подлиннаго чтенія. Сравнительная Палеографія далеко еще не получила того значенія въ литературѣ «Слова», какое принадлежитъ именно ей одной при уясненіи темныхъ и возстановленіи неисправныхъ мѣстъ «Слова».

Древнія уставныя рукописи отличаются наибольшею исправностію. Самое писаніе было тогда священнодѣйствіемъ, направленнымъ

къ спасенію души. Крупный уставъ самъ по себѣ давалъ мало поводовъ къ невѣрному чтенію. Но въ харатейныхъ рукописяхъ 2-й половины XIV и затѣмъ XV вв. нѣкоторыя буквы стали принимать такую форму, что писецъ могъ уже сбиваться, принимая одну изъ нихъ за другую. Таково напримѣръ јетированное ю; вторая половина его начертанія завершилась такими округлостями краевъ, что ю можно было принимать за ю. Такъ въ спискѣ же XV вѣка св. Ипполита объ антихристѣ читаемъ: εἰμα же μαρδιное и нелицемѣрною (ἔυσπλαγχνον καὶ ἀπροσωπώληπτον) кажѣ (л. 2), вм. нелицемѣрною, какъ читается въ синодальномъ спискѣ XIII в.

Въ концѣ XV вѣка мелкій полууставъ сталъ испещряться надписными буквами и титлованными окончаніями, что при слитномъ начертаніи словъ могло уже не мало затруднять чатателя. Въ XVI в. особенно во 2-й его половинѣ, когда полууставныя буквы стали на половину мѣшаться съ скорописными, при надстрочныхъ начертаніяхъ и титлованныхъ окончаніяхъ—затрудненія были уже такъ велики, что подавали поводъ къ невѣрнымъ чтеніямъ и многочисленнымъ ошибкамъ.

Надстрочныя буквы легко выпадали и смыслъ получался иногда совершенно обратный; напримѣръ *Лүте бы смерть не продолжень жикоть; не здѣсь* вм. *нѣ; ж* выпало и смыслъ измѣнился. Точно такъ и надстрочные знаки не рѣдко принимались не за то, что они значили или же совсѣмъ опускались изъ виду.

Еще чаще такое не вѣрное чтеніе бывало въ тѣхъ случаяхъ, когда слѣдующее слово начиналось тѣми же или подобными слогами, какими оканчивалось предъидущее: отсюда легко случалось то, что два слова сливались въ одно. Такъ въ принадлежащемъ намъ спискѣ Апостола XVI в. встрѣчаемъ: *кнегда сѣти* вм. *сѣднѣ ти* (Рим. III, 4) *занѣ* ограженъ вм. *занѣ не ограженъ* (Дан. Заточ.) *видѣвъ двѣри ѡверъс мици* вм. *ѡверъсты тьмницы* (Дѣян. XV, 27).

Тоже случалось, когда писцу встрѣчались слова мало—знакомыя, и имъ непонятныя; такъ: «*маѣ анепсин*» легко превратились въ *мартонетни*» (л. 175).

Особенно часто въ рукописяхъ XVI в. встрѣчается неправильное раздѣленіе словъ и отсюда ошибочное чтеніе; напримѣръ: *ѡбретѣ*

мѣ по серѣ двию вм. по сѣрдыю (Дѣян. XIII, 22 л. 25 об.). Помѣсти не ѡсенить единого ѡ сихъ вм. Помѣ стьнѣ (стнѣ) ѡсенить (Дѣян. гл. V, 15) въ Лѣт. XVI в. Закухъ и Миловцы вм. закухъими ловцы¹ и т. п.

Причастныя формы, оканчиваясь надписнымъ с, при встрѣчѣ съ дальнѣйшимъ словомъ, начинавшемся также съ с, также подавали поводъ къ невѣрному его сочетанію. Такъ встрѣчаемъ: сами себе оумоу (л. 243) вм. сами себе покоряюще, смиренне (смирненіе) стажите оумоу.

Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ, особенно западно-русскихъ является недописанный з или оу, какъ напримѣръ въ принадлежащемъ намъ Апостола XV в. другъ друга (л. 104 об.) вм. другъ друга; или покоряюще мирне стажите уѣвко глати вм. уѣвкѣ глати. Еще чаще встрѣчается эта особенность, какъ увидимъ, въ рукописяхъ XVI вѣка.

Если обычно далѣе въ рукописяхъ, особенно южно-русскихъ употребленіе з вм. л, какъ напримѣръ: съвышняго краа до нижняго, то подѣ въздѣйствіемъ напыла къ намъ съ XV в. рукописей юго-славянскихъ, удерживалось и обратное употребленіе л вм. з; напримѣръ нѣа вм. нмѣа.

Въ южно-русскихъ и западно-русскихъ м и н часто чередуются, замѣняя себя взаимно, какъ напримѣръ угодиты, мѣа магдалинн, година (Еванг. западно-русс. л. 265). рызы мол; и наоборотъ: наситихъ, силеть; (Акирь XVI в.); не видѣ вм. не выдѣ.

ь замѣняла з; такъ встрѣчаемъ въ морь вм. въ морѣ, въ домъ поживешн вм. въ домѣ (Акирь Премудр.).

Въ рукописяхъ XVI в. получило весьма широкое употребленіе десятиричное і, которое часто ставилось тамъ, гдѣ въ древнемъ письмѣ стояло и осмиричное; вслѣдствіе этого слогъ пи, при легкости чтенія или при неотчетливости самаго письма, легко принимался за піі, и наоборотъ; отсюда въ рукописяхъ XVI в. встрѣчаемъ такія

¹ Ошибка Щербатова состояла не въ томъ, какъ думалъ Мусинъ-Пушкинъ, что онъ самъ написалъ подобнымъ образомъ, но въ томъ, что онъ несправильно написаннаго въ рукописи. Съ этой именно ошибкой извѣстенъ намъ списокъ Лѣтописи XVI вѣка.

чтенія: напримѣръ въ Чинѣ Царскаго Вѣнчанія XVI в. неспираеть вм. неспираеть и наоборотъ въ сборникѣ Лызлова: оукроши вм. оукроши

Но главнымъ образомъ неисправности въ рукописяхъ XVI в. обусловлены были слѣдующимъ обстоятельствомъ.

Въ XVI в., какъ извѣстно, появились у насъ грамматики и не только рукописныя, но и печатныя, которыя, къ сожалѣнію, еще только дождаются спеціальныхъ изслѣдованій. Въ основѣ ихъ лежитъ, конечно, языкъ церковно-славянскій. Подъ воздѣйствіемъ этихъ грамматикъ и подъ наплывомъ къ намъ съ XV в. рукописей юго-славянскихъ—у насъ создалась цѣлая школа *писцовъ-граммотѣевъ* рядомъ съ *писцами* по *навыку*. Школа эта стремилась возстановить древнеславянское правописаніе; отсюда чисто русскіе памятники (какъ напримѣръ «Чины Царскаго Вѣнчанія») стали переписываться по болгарскому правописанію; отсюда сталъ господствовать ж, который не употреблялся въ древнѣйшей русской письменности; при этомъ значеніе его далеко не выдерживалось. Само собою разумѣется, что эти особенности должны были сильно затруднять писцовъ по навыку и вводить ихъ невольнo въ погрѣшности. Но едва ли не главною причиною множества ошибокъ служила мода грамотѣевъ замѣнять гласныя о и є глухими ѣ и ъ, стремившихся къ возстановленію древне-русскаго правописанія, тѣмъ болѣе, что эта замѣна происходила и тамъ, гдѣ того не терпитъ русская рѣчь. Писцевъ по навыку эта замѣна при обратномъ переводѣ глухихъ на гласныя, приводила къ весьма грубымъ ошибкамъ: такъ вмѣсто «содѣлѣван» явилось «содѣлован» (Апост. XVI в. л. 77); вм. горѣды—горды, вм. «нѣ смиреннѣмъ наста-вляющеса» читаемъ уже: «не смиреннѣмъ» (Ibid. л. 76); вм. «се мужь сто» явилось «се мужеста» (Ibid л. 19) и т. п.

Такимъ образомъ ошибки въ рукописяхъ XVI в. происходили между прочимъ:

1. Отъ стяженія словъ, въ коихъ повторяется одинъ и тотъ же слогъ.

2. Отъ опущенія изъ виду надписныхъ буквъ и надстрочныхъ знаковъ и слитія потому также двухъ словъ въ одно.

3. Отъ неправильнаго раздѣленія словъ и слоговъ при встрѣчѣ съ словами малоизвѣстными.

4. Отъ появленія недописаннаго ука (Ѹ).
5. Отъ чередованія м и н,
6. Отъ замѣны л—ѡ и на оборотъ.
7. Отъ употребленія ѡ вм. ѡ.
8. Отъ вторженія глухихъ ѡ и ѡ на мѣста гласныхъ въ силу стремленія грамотѣевъ подражать древне-русскому правописанію.
9. Отъ превращенія древняго іотированнаго Ѥ въ ю въ силу сходства написанія.

10. Отъ титулованныхъ окончаній въ именахъ и въ глаголахъ, позволявшихъ сливать ихъ съ дальнѣйшими частицами и союзами.

Если пушкинская рукопись «Слова» была XVI вѣка и, стало быть, относилась къ типу рукописей этой эпохи, то естественно въ ней могли отразиться и ошибки писцевъ того времени. Печать этихъ ошибокъ весьма замѣтна въ первомъ изданіи. Что текстъ «Слова» во многихъ мѣстахъ былъ неисправленъ уже въ XV в., это мы видѣли изъ «Задонщины», представляющей буквальное подражаніе «Слову».

Несправедливо было бы однако всѣ ошибки печатнаго текста относить къ неисправности самой рукописи. Мы не сомнѣваемся, что первые издатели весьма добросовѣстно относились при изданіи къ своему оригиналу, но, какъ мы видѣли, въ искусствѣ чтенія древнихъ памятниковъ они стояли не выше древне-русскихъ писцевъ по навыку, съ трудомъ добирались до смысла и потому сами могли допустить такія же ошибки, кои встрѣчаются въ неисправныхъ памятникахъ XVI вѣка и во всякомъ случаѣ увеличить число этихъ ошибокъ.

Предлагая новый опытъ уясненія темныхъ и возстановленія неисправныхъ мѣстъ «Слова» съ палеографической точки зрѣнія мы считаемъ нужнымъ замѣтить, что нѣкоторыя изъ принимаемыхъ нами чтеній въ нашихъ собственныхъ глазахъ имѣютъ лишь только наибольшую достовѣрность, другія же кажутся намъ безспорными и несомнѣнно вѣрными.

Ставя «вѣхи» для дальнѣйшихъ соображеній, мы имѣемъ главнымъ образомъ въ виду облегчить своей работой дальнѣйшія изслѣдованія ученыхъ.

Новѣйшіе комментаторы весьма мало обращаютъ вниманія на

труды своихъ предшественниковъ. Кто желалъ бы съ ними познакомиться, не всегда имѣеть къ тому возможность (Потебня). Но находятся и такіе, которые даже не считаютъ это нужнымъ. (Вс. Миллеръ).

Такое отношеніе ведетъ къ тому, что литература «Слова» вновь наполняется такими мнѣніями и догадками, которыя давнымъ давно были уже высказаны и при томъ въ формѣ болѣе основательной.

Несомнѣнно также и то, что соображенія иногда не важныя могутъ наводить на догадки первостепенной важности.

Въ виду этихъ побужденій мы къ своимъ толкованіямъ каждаго отдѣльнаго мѣста присоединяемъ комментаріи и всѣхъ нашихъ ученыхъ предшественниковъ. Каждый читатель можетъ отсюда видѣть, повторяемъ ли мы зады или же вносимъ что-либо новое въ литературу «Слова». Помимо отношенія къ намъ, подобное изложеніе важно и само по себѣ: оно представляетъ любопытную страницу для исторіи Русской критики текущаго столѣтія.

Далеко не безразлично также и то разумѣніе этого геніальнаго памятника Кіевской Руси, въ какомъ воспитываются молодыя поколѣнія и въ какомъ преподносится онъ общественному сознанію.

Поэтическія переложенія не менѣе важны. Поэты чутѣе могутъ угадывать тотъ художественный смыслъ, который часто не поддается ученому аналитическому сознанію. Эти переложенія вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ показывать намъ уровень современнаго творчества въ сравненіи съ дружинной поэзіей XII вѣка.

Въ виду этого мы считаемъ не излишнимъ литературу ученыхъ толкованій восполнить переводами педагоговъ, литераторовъ и поэтовъ.¹

¹ Первый опытъ сведенія разныхъ толкованій темныхъ мѣстъ «Слова» сдѣланъ былъ А. И. Смирновымъ; но этотъ опытъ во 1-хъ не имѣеть надлежащей полноты и во 2-хъ не представляетъ въ себѣ руководящаго начала и потому лишень всякой критической основы.

1.

*Растекается мыслию по дереву,
Стрымъ волкомъ по земли,
Шизымъ орломъ подъ облаки.*

Нѣкоторая неясность и неестественность этого мѣста чувствуется въ томъ, что Боянъ по землѣ растекался волкомъ, по поднебесью орломъ, а по дереву «мыслию». Что въ самомъ дѣлѣ можетъ значить движеніе *мыслию по дереву*? Всѣ попытки какъ бы то ни было осмыслить это выраженіе оказываются неудачными. Необходимость заставила примириться съ мыслию, что въ самомъ текстѣ скрывается какая-нибудь описка или ошибка. Художественный смыслъ рѣчи подсказываетъ, что и подъ *мыслию* здѣсь скрывается какой-нибудь звѣрокъ, способный растекаться по дереву, какъ волкъ по землѣ и орелъ подъ облаками.

Изъ всѣхъ догадокъ мы считаемъ наиболѣе счастливою ту, которая предполагаетъ подъ *мысію мысль*, т.-е. бѣлку. Бѣлка называется мысію не только въ губерніи Псковской, но, какъ завѣряетъ П. И. Савваитовъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Новгородской губерніи, что слышалъ онъ самъ. Въ виду необыкновенной близости Новгородскаго нарѣчія къ древнему языку южно-русскому, нѣтъ основанія отвергать, чтобы въ Кіевской Руси не бытовало это слово въ эпоху пѣвца Игорева. Авторъ, знакомый съ охотой, въ данномъ случаѣ весьма удачно воспользовался этимъ выраженіемъ, въ отличіе отъ имени «бѣли», которымъ въ то время, какъ видно изъ того же «Слова», называлась въ Кіевской Руси монетная цѣнность.

Мысль для выраженія быстроты движенія,—образъ столь же художественный, какъ и растеканіе волка и орла. Быть можетъ, здѣсь разумѣется именно *летущая весла*, которая, по словамъ одного охотника, носится по лѣсу, словно мельгаетъ. ¹

Древо здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ мѣстахъ «Слова» ², употреблено, какъ часть вмѣсто цѣлаго и означаетъ—*лѣсъ* вообще.

¹ См. *мысль* въ «Лексикологіи».

² Ср. древо ся тугою къ землѣ приклонило—т. е. конечно, не одно дерево а деревья вообще, лѣсъ.

Но при этомъ возникаетъ недоумѣніе, почему въ текстѣ читается: не *мысію*, а *мыслію*?

Выходя изъ положенія, что въ XVI вѣкѣ неисправность текстовъ весьма часто обуславливалась тѣмъ, что писцы выкидывали рядомъ стоящіе одинаковые слоги, сливая чрезъ то иногда два слова въ одно, мы предполагаемъ, что и здѣсь подъ «*мыслію*» скрываются два слова.

Въ исправномъ спискѣ нашего памятника стояло: *мысьмысію*, что слѣдовало читать раздѣльно: *мысь мысію по древу*.

Каждый читатель можетъ видѣть и сообразить, какъ легко было это стеченіе одинаковыхъ слоговъ принять за ошибку (въ родѣ *инлаатъ* вм. *инлатъ*, какъ-то встрѣчаемъ въ одномъ Евангеліи XV—XVI в.) и прочесть *мысьмысію* просто *мыслію*, сливая два слова въ одно.

Наиболѣе вѣроятно, что эта ошибка принадлежитъ древнимъ писцамъ, а не издателямъ Пушкинскаго текста. Въ данномъ же случаѣ, не подозрѣвая существованія слова «*мыси*» они тѣмъ естественнѣе, встрѣтивъ два одинаковыхъ слога *мыс—мыс* слили въ одинъ и прочли *мыслію* вм. *мысь мысію*.

При раскрываемомъ нами чтеніи подлежащимъ при *растекается* будетъ не Боянъ, но *мысль*, какъ творческая сила, фантазія Бояна¹. Олицетвореніе отвлеченныхъ понятій составляетъ одну изъ существенныхъ особенностей стилия автора «Слова». Всякій психическій актъ былъ для него явленіемъ живымъ; тѣмъ болѣе такая сила, какъ фантазія не могла быть для него отвлеченнымъ понятіемъ и давала понимать себя въ соответствующихъ образахъ живыхъ явленій природы. При такомъ разумѣніи все это мѣсто получаетъ внутреннюю опредѣленность и характерную изобразительность.

На такихъ соображеніяхъ основанъ нами слѣдующій переводъ:

„Если да вѣщій Боянъ
 „Хотѣлъ кому пѣснь творить,
 „То фантазія носилась
 „Што есть бѣлка по лѣсу,
 „Словно волкъ сѣрый по землѣ,
 „Будто сизый орелъ по поднебесью.

¹ См. въ «Лексикологін»: *мысль*.

Первые издатели переводили:

Мусинъ-Пушкинъ: «мысль его летала тогда по деревьямъ, бѣгалъ онъ».

Малиновскій въ черновомъ переводѣ: «носился мыслию по деревьямъ».

Въ *«первомъ изданіи»* переводъ этотъ удержанъ безъ измѣненія.

Комментаторы:

Шишковъ: «Когда Боянъ восиѣтъ кого хотѣлъ, растекался мыслию по деревьямъ, по лѣсамъ; вездѣ смотрѣлъ, искалъ, собиралъ, чѣмъ бы наполнить умъ свой и обогатить воображеніе, чтобы потомъ, взявъ лиру, возглашать на ней пѣснь громкую. И какъ знаменательнъ здѣсь глаголъ *растекался!* Не видимъ ли выходящую изъ головы Бояна рѣку мыслей, растекающуюся по всему пространству міра?»

Вельтманъ: «Мысли Бояна текли въ вышину, какъ соки по дереву. Во 2-мъ своемъ изданіи «Слова» онъ даетъ новое толкованіе: Какъ подъ словомъ «древній» подразумѣваются предки, праотцы (слов. церк.), такъ подъ словомъ «древу» пѣвецъ Игоря подразумѣваетъ будто бы прошедшее, и замышленіе вѣщаго Яна растекается по былому времени, какъ мысль по настоящему».

Максимовичъ перевелъ буквально: «Боянъ растекался мыслию по дереву».

Дубенскій: «Носился мыслию по лѣсамъ».

Полевой первый предположилъ разумѣть подъ «мыслию» какого нибудь звѣрка или птичку.

Барелкинъ первый указалъ, что въ Опоченскомъ уѣздѣ, Псковской губерніи, *мысію* называютъ бѣлку или векшу и что въ данномъ мѣстѣ «Слова» подъ «мысію», разумѣется «мысль». Мнѣніе это принялъ и *Вс. Миллеръ* присовокупляя, что, быть-можетъ, мысль означаетъ здѣсь не простую бѣлку, а ту разновидность, которая называется у насъ *полстуншей, летягой* или просто *летучей бѣлкой*.

Но тотъ и другой ограничиваются замѣною слова мыслию—словомъ «мыслию» не представляя на то никакихъ палеографическихъ соображеній и оставляя подлежащимъ здѣсь самого Бояна.

Огоновскій предполагая здѣсь пропускъ, къ слову «мыслию» прибавилъ ей «славѣмъ». Но относительно «соловья» мы замѣтимъ, что въ данномъ мѣстѣ этотъ образъ совершенно неумѣстенъ; его никакъ не могъ допустить здѣсь такой гениальный писатель, какъ авторъ «Слова». Соловей не выдается быстротою полета и не поражаетъ скоростію движеній, а потому ни никогда и нигдѣ, ни въ одной литературѣ не является образомъ растеканія, но всюду и всегда—онъ образъ художественнаго пѣнія и хвалебныхъ пѣсней.

Еще произвольнѣе поступилъ **Андріевскій**; вмѣсто растекашется *мыслию* поставилъ растекашется *помысломъ* и затѣмъ еще прибавилъ: *бусымъ горностаемъ по древу*. Такимъ образомъ вмѣсто «соловья» появился здѣсь еще *бусый горностаи*.

Педагоги:

Бораблевъ: «Янъ вѣщій, если кому хотѣлъ пѣснь воспѣть, то *разцвѣталъ* мысленно кудрявымъ деревомъ».

Погосскій: «Вѣщій Боянъ, если кому въ честь хочетъ пѣсню сложить, то мысли его растекаются *древомъ вѣтвистымъ*».

В. М. «Чудный Боянъ, если хотѣлъ кому пѣснь слагать, то *какъ мысль* (т. е. съ быстротою мысли) *взвивался* на дерево».

Малашевъ: «Боянъ, если хотѣлъ кому нибудь складывать пѣсню, то носился мысленно по дереву».

Литераторы:

Павловъ (Бидинъ): «А когда Боянъ вѣщій хотѣлъ кому пѣснь творить, онъ рсточался соловьемъ по дереву».

Скульскій: «Вѣдь Боянъ пѣвецъ коль хотѣлъ кого своей пѣсенкой почествовать, соловьемъ порхалъ онъ по лѣсу».

Поэты:

А. С. ПУШКИНЪ предполагалъ здѣсь: «соловья».

Гербель: «Если вѣщій нашъ пѣвецъ
«Сплестъ хотѣлъ кому вѣнецъ,
«То носился мыслию—птицей
«Онъ по дебрямъ по лѣсамъ».

Майковъ: «А быстрой векшей по лѣсу носился».

2.

Помнящеть бо речъ пѣрвыхъ временъ усобицъ.

Неисправность этого мѣста давала знать себя тѣмъ, что при одномъ дѣйствительномъ глаголѣ «*помнящеть*» стоятъ два винительныхъ падежа: «*речъ*» и «*усобицъ*». Долго заставляла она комментаторовъ или измѣнять глаголъ «*помнящеть*» на «*помнящеться*», или же въ словѣ «*усобицъ*» видѣть то падежъ дательный, то родительный, то мѣстный и во всякомъ случаѣ ставить его въ зависимость отъ существительнаго «*речъ*». Всѣ переводы, основанные на такихъ соображеніяхъ, оказываются однако крайне натянутыми и искусственными. Но послѣ того, какъ въ наше время догадались видѣть въ словѣ «*речъ*» вводное предложеніе: «*рече*», т.-е. какъ сказалъ нѣкто, или какъ скажутъ, мѣсто это уже не представляетъ ни малѣйшаго затрудненія для правильнаго его чтенія и пониманія. Мы однако не можемъ согласиться съ Н. С. Тихонравовымъ, впервые давшимъ этому слову подлинный смыслъ и правильную пунктуацію, будто слово «*речъ*» явилось въ первомъ изданіи вслѣдствіе того, что издатели невѣрно вывели его изъ-подъ титла. По его мнѣнію, въ рукописи оно было написано въ формѣ рѣ. Еслибы оно имѣло такую форму написанія, то Малиновскій, какъ мы уже сказали, ни мало не затруднился бы вѣрно вывести его изъ-подъ титла. Глаголъ этотъ въ такой палеографической формѣ хорошо былъ ему извѣстенъ, какъ это видно изъ лѣтописнаго сказанія о походѣ Игоря, списаннаго въ букву его собственной рукою.

Для палеографической критики оказывается чрезвычайно важным, что въ Петербургской копіи текста, списанной для императрицы Екатерины, слово это удержано въ формѣ «речь» и въ другихъ мѣстахъ текста и «речь Донецъ» и «речь Кончакъ»...

Мусинъ-Пушкинъ ясно понималъ, что въ томъ и въ другомъ случаѣ «речь» стоитъ вмѣсто «рече», что видно изъ его перевода сдѣланнаго для той же императрицы и однакоже не измѣнилъ чтенія и удержалъ «речь» вмѣсто «рече». Необходимо, значитъ, предполагать, что въ самомъ оригиналѣ оно было написано въ формѣ «речь». Въ разсматриваемомъ мѣстѣ точно также, очевидно, стояло «речь» вм. «рече», какъ вводное предложеніе, т.-е. помняшеть бо, рече, първыхъ временъ усобицѣ, и если издатели удержали форму оригинала «речь», то потому только, что признали сго за существительное, ни мало не подозрѣвая здѣсь вводнаго предложенія. Ъ стоящее въ концѣ слова «речь», встрѣчающагося въ оригиналѣ, какъ видно изъ Екатерининской копіи, нѣсколько разъ, есть только очевидный и неотразимый слѣдъ той школы писцевъ XVI вѣка, кои, стремясь подражать древнему правописанію, ставили глухія и тамъ, гдѣ того не позволяла русская рѣчь. Слово это могло стоять въ Пушкинскомъ спискѣ въ формѣ рѣ, какъ и является оно написаннымъ въ другихъ рукописяхъ XVI вѣка подъ рукою писцевъ той же школы ¹.

На такихъ соображеніяхъ основанъ нами слѣдующій переводъ

„Онъ зналъ вѣдь, какъ поскажутъ
„Междоусобья временъ древнихъ.“ ²

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ: «Мы помнимъ, что въ древности, когда хотѣли какое сраженіе описать».

Малиновскій въ черновомъ переводѣ «Мы помнимъ, что въ старыя времена, повѣдая о какомъ либо сраженіи.

¹ Примѣры см. выше Ч. I, стр.

² См. въ «Лексикологін»: «*нрече*».

Въ *первомъ изданіи* переводъ тотъ же въ слѣдующемъ видѣ:
«Памятно намъ по древнимъ преданіямъ».

Комментаторы:

Пожарскій: «Выраженіе это не заключаетъ въ себѣ никакихъ «преданій». Здѣсь ясно говорится: «памятны рѣчь—*слово, нѣсь* прежнихъ временъ о сраженіи».

Грамматинъ: «Помнилъ онъ сказаніе давно минувшихъ временъ о войнѣ».

Вельтманъ: «Онъ помнилъ преданія о междуусобицахъ прошедшихъ временъ».

Максимовичъ: «Какъ вспоминалъ онъ сказанія прежнихъ временъ объ усобицѣ».

Дубенскій: «*Помнящеть* употреблено здѣсь вмѣсто *помнящется* и подлежащимъ имѣеть слово *рѣчь*, т.-е. памятна рѣчь или старая поговорка на *удальство князей*».

Бн. П. П. Вяземскій: «*Помнящеть*» принимаетъ за безличную форму глагола и переводитъ такъ: «Припомнилось о рѣчи первыхъ временъ усобицъ; не забылась рѣчь; должна была бы быть памятна рѣчь»:

Потебня, какъ выше указано, считаетъ это предложеніе въ текстѣ *лишнимъ*.

Прозоровскій—въ «*речь*» усматриваетъ видимую ошибку издателя и принимаетъ чтеніе Буслаева и Тихонравова, ссылаясь на замѣчаніе П. И. Савванитова, что надобно читать «*рече*»—говорилъ: это обыкновенное присловье нѣсколько разъ употребленное въ поэмѣ. Но, какъ мы доказываемъ, ошибки издателя здѣсь никакой нѣтъ.

Педагоги:

Бораблевъ: «Помня поговорку первыхъ временъ».

Погосскій: «А какъ поведеть рѣчь о первыхъ временахъ усобицы».

В. М. «Онъ, какъ говорить, помнилъ о брани первыхъ временъ».

Малашевъ: «Онъ помнилъ, говорятъ, междуусобіе первыхъ временъ».

Литераторы:

Павловъ (Бицинъ): «Помните ль, бывало скажетъ, первыхъ временъ усобицы».

Скульскій: «Нутка, молвить онъ, бывало, вспомнимъ смуты прежнихъ дней».

Поэты:

Гербель: «А когда о несчастливыхъ временахъ онъ вспоминалъ».

Мей: «Про былыя про усобицы пѣсни прежнихъ лѣтъ намъ памяты».

Майковъ: «Какъ вспомнить брани стародавни».

3.

Тогда пуцкашеть ꙗ соколовъ на стадо лебеднѣй, который до-течаше, та предн тьсь пояше.

Смысль этого мѣста самъ по себѣ ясенъ, но недостатокъ его разумѣнія обусловленъ во 1-хъ тѣмъ, что слово «тогда» принимается въ современномъ его значеніи, а не въ древнемъ его употребленіи, и во 2-хъ неисправнымъ чтеніемъ выраженія: «*который до-течаше*». Чувствуется, что какъ мы не скажемъ: «который пѣсню догонялъ, та и пѣсню пѣла», такъ и авторъ «Слова» не могъ выразиться подобнымъ образомъ. Между «*который*» и «*та*» нѣтъ здѣсь прямого грамматическаго соотношенія. Въ наше время весьма удачно подмѣ-

чено, что «*который*» слѣдуетъ относить къ лебеди и принимать въ родительномъ падежѣ единственнаго числа въ зависимости отъ «*дотечаше*», а не читать, какъ напечатано въ 1-мъ изданіи, «*который*» въ именит. падежѣ, относя къ соколу. Но одно это признаніе не устраняетъ грамматической нестройности предложеній, такъ какъ глаголь «*дотечаше*» остается при этомъ безъ прямаго подлежащаго. «Пускалъ (Боянъ) 10 соколовъ на стадо лебедей, которую *догонялъ*, та прежде пѣсню запѣвала». Одинъ изъ комментаторовъ (Миллеръ Вc.) говоритъ, что подлежащимъ при «*догонялъ*» служить «*соколъ*», а другой (Смирновъ), что подлежащее здѣсь «*Боянъ*». Разъ возможно такое разногласіе относительно подлежащаго, мы вправѣ считать неестественнымъ и такое чтеніе этого мѣста. На нашъ взглядъ, ошибка изданія кроется здѣсь въ словѣ: «*дотечаше*» и исключительно принадлежитъ первымъ издателямъ. Глаголь этотъ относится къ 10 соколамъ и потому долженъ стоять во множественномъ числѣ прошедшаго времени. Въ рукописи XVI вѣка окончаніе его могло быть титлованнымъ. Подобно тому, какъ въ другихъ рукописяхъ того же типа мы встрѣчаемъ: *хождѣа* вм. *хождааху*; *не втагнѣа* погребати вмѣсто *не втагнаху*, (Хроногр. XVIв.) точно также и въ Пушкинскомъ сборникѣ форма *дотечашу* по всей вѣроятности имѣла написаніе *дотеуѣа*. Первые издатели, принявъ «*который*» за именит. пад. един. ч., «*дотеуѣа*» неправильно вывели изъ-подъ титла, согласуя съ мнимымъ, подлежащимъ «*который*»; т.-е. напечатали «*который дотечаше*» вм. *которыи*, т.-е. которыя (лебеди) *дотечашу*. Принявъ «*который*» за подлежащее, они, естественно, должны были согласовать съ нимъ при изданіи и глаголь «*дотечаѣа*», откуда и явилось въ ихъ изданіи «*дотечаше*». Въ словѣ «*которыи*» поставивъ на концѣ въ печатномъ текстѣ ѣ (съ краткой), чего никакъ не могло быть въ самой рукописи, они надолго сбили съ толку и послѣдующихъ комментаторовъ. Что они не вполне въ букву воспроизвели для насъ рукопись и придавали словамъ грамматическую правильность, это видно изъ того, что въ Петербургской копіи Мусинъ-Пушкинъ, слѣдуя подлиннику, выписалъ: *и речь Кончакъ, и речь буй туръ Всеволодъ...* въ первомъ же изданіи читаемъ уже въ исправленномъ видѣ: *и рече Кончакъ и рече Донецъ...*

Итакъ, разсматриваемое мѣсто слѣдуетъ читать такъ:

*Тогда пуцають ꙗ соколовъ на стадо лебедѣй: которми до-
течаху, та преди тѣснь пояше.*

На такомъ чтеніи основанъ нами слѣдующій переводъ:

„Да ктому жъ пускаль онъ десять соколовъ на стадо
лебедей:

„Какую догоняли, та прежде пѣсню запѣвала.

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ: «Когда хотѣли какое сраженіе опи-
сать, то изображали оное пусканіемъ десяти соколовъ на стадо лебе-
дей: и такъ, который изъ нихъ скорѣе долеталъ, *тотъ* прежде и за-
пѣвалъ въ честь...

Малиновскій въ черновомъ переводѣ: «Повѣдая о какомъ-
либо сраженіи, примѣняли оное къ десяти соколамъ, пущеннымъ на
стадо лебедей. Чей скорѣе соколъ долеталъ, объ *томъ* прежде и пѣснь
начиналась».

Въ *«первомъ изданіи»* переводъ этотъ удержанъ безъ измѣненія.

Комментаторы:

Шишковъ. Кажется, мысль подлинника, говорить онъ, симъ
образомъ не можетъ быть истолкована. Ибо, во 1-хъ, еслибы здѣсь
разумѣлось одно стихотворческое уподобленіе сраженій, то къ чему
бы употреблять число 10 соколовъ? Въ уподобленіяхъ не нужно оное.
Во 2-хъ, ежели дѣло состояло только въ уподобленіи, то почему было
узнать, чей соколъ долеталъ до стада? Въ 3-хъ, въ подлинникѣ ска-
зано: *«тогда пуцають»*. Глаголь «пускать» означаетъ самое дѣйствіе
т.-е. подлинное пусканіе соколовъ, а не то, что они въ сочиненіяхъ
своихъ уподобляли или примѣняли оное къ сраженію. Итакъ, надле-
житъ думать, что въ древнія времена соколиная охота служила не
къ одному увеселенію, но также и къ нѣкоторому прославленію ге-
роевъ, или къ рѣшенію спора, кому изъ нихъ отдать преимущество.

Можетъ быть, отличившіеся въ сраженіяхъ военачальники или князья состязавшіеся въ славѣ, выѣзжали на поле, каждый съ соколомъ своимъ, и пускали ихъ на стадо лебединое съ тѣмъ, что чей соколъ удаде и скорѣе долетитъ, тому прежде и приносить общее поздравленіе въ одержаніи преимущества предъ прочими. Весьма вѣроятно также, что для вящей важности такихъ почестей и отличій, число состязавшихся опредѣлено было не болѣе 10 самыхъ знаменитѣйшихъ мужей.

Пожарскій: «тогда пуцацеть» и проч. не то означаетъ, что сказано въ переложеніи и примѣчаніяхъ. Прежде приступа къ изясненію подлинника должно представить себѣ, 1-е—о чемъ сочинители бесѣдуютъ: о томъ ли кого пѣть, или о томъ, какъ пѣть. 2-е—согласно ли съ истинною, чтобы древніе Россійскіе князья, изъ коихъ одинъ менѣе, другой болѣе оказалъ геройства въ военныхъ подвигахъ, могли еще первенство свое, кровію приобрѣтенное, доказывать полетомъ соколовъ? Здѣсь ясно видно, что сочинители, продолжая приступъ пѣсни, разсуждаютъ о томъ, какъ имъ воспѣвать и припоминаютъ себѣ, какъ воспѣвалъ Боянъ и какъ въ прежнія времена воспѣвали. Какъ по сему разсужденію, такъ и по словамъ подлинника, не князья, но стихотворцы пускали соколовъ. Причиною таковаго древняго обряда была, можетъ быть, скромность стихотворцевъ, не хотѣвшихъ выставлять себя предъ товарищами (стр. 31 и 32). Онъ переводилъ: «чей соколъ долеталъ, тотъ прежде пѣснь воспѣвалъ».

Грамматинъ: Не соглашаясь съ мнѣніемъ Шишкова, основательно заключаетъ, что Романъ Красный, убитый въ 1079 г. не могъ веселиться на охотѣ съ дѣдами своими, Ярославомъ Старымъ († 1054) и Мстиславомъ Храбрымъ († 1036) и особливо прославиться какимъ-либо подвигомъ, чтобы быть воспѣту на ряду съ ними. Мнѣніе Пожарскаго, также подлежитъ сомнѣнію. Изъ исторіи не видно, говоритъ онъ, чтобы при дворахъ нашихъ князей были пѣснотворцы также, какъ у Кельтовъ Барды или у Скандинавовъ Скалды; мы знаемъ только двухъ Бояна и пѣвца Игорева (стр. 92).

Здѣсь авторъ, говоритъ Грамматинъ, сравниваетъ десять пер-

стовъ Бояна съ десятью соколами, а струны со стадомъ лебедей. Сверхъ того должно замѣтить, продолжаетъ онъ, что Боянъ тогда пускалъ 10 соколовъ (т.-е. здѣсь аллегорія), когда вспоминалъ рѣчь или сказаніе первыхъ временъ. Далѣе: *который соколъ дотечаше*, та преди пѣснь пояше (авторъ продолжаетъ аллегорію; но соколъ значить уже не переть, а *сказаніе*); которое сказаніе вспоминалъ онъ, ту напередъ пѣсню пѣлъ; но еслибы онъ такимъ образомъ выразился, то сіе было бы и проза и повтореніе; а теперь и стихотворно и замысловато (стр. 91—93).

Полевой въ своей исторіи повторяетъ, безъ всякихъ основаній мнѣніе Шишкова, что «прежде пѣвали похвалы разнымъ князьямъ, пуская соколовъ во имена ихъ, и чей соколъ прежде билъ лебедя, тому князю и пѣснь была пѣта».

Снѣгиревъ: въ «Словѣ о Полку Игоревѣ» 10 соколовъ сравниваются съ десятью пальцами руки гуслира-пѣснопѣвца, кои выше названы, *какъ замѣтилъ Венелинъ*, лебедами.

Вельтманъ замѣчаетъ: «Ясно,³ что пѣвецъ сравниваетъ 10 перстовъ Яна съ соколами, а струны гуслей съ лебединой вереницей. Первая струна, къ которой прикасался Янъ, запѣвала пѣснь, по замышленію его, вызвавшему воспоминаніе о подвигахъ Великаго Князя Ярослава Владиміровича или о поединкѣ брата его Мстислава Храбраго съ Редедей или о судьбѣ Романа Святославича Тмутараканскаго, убитаго въ 1079 году. Въ 1-мъ изданіи онъ переводилъ:

«Боянъ десять своихъ соколовъ
«Устремлялъ въ лебединое стадо,
«И первый домчавшійся соколъ
«Вдругъ пѣснь запѣвалъ.

Во 2-мъ изданіи: «Къ которой коснется, та лебедь прежде и пѣснь запѣвала».

Максимовичъ: «Пускалъ онъ 10 соколовъ на стадо лебедей, который *соколъ на лебедь* падеть, та лебедь первая и пѣснь запоетъ.

Дубенскій: *Та преди пѣснь пояше.* Здѣсь *та*, по его мнѣнію, тоже, что *тѣ* въ словѣ бѣшетъ, т.-е. усиленное окончаніе 3 л. ед. ч. прош. учащ. времени; согласовано съ словомъ *пѣснь*, вм. *та* преди пѣснь пояшетася. Все это мѣсто онъ перевелъ такъ: «Памятна старая поговорка на удаљство князей, что тогда на стаю лебедей пускали 10 соколовъ, чей первый налеталъ, тотъ прежде пѣснь воспѣвалъ».

Срезневскій: «Вмѣсто, которой читалъ: *«къ которой»* (лебеди) дотечаше, *та* пѣснь пояше».

Бн. П. П. Вяземскій: «*Та*» исправляетъ на «*тому*», замѣчая, что при подобномъ исправленіи смыслъ сего оборота будетъ отмѣнно правиленъ и грамматически и логически».

Миллеръ Вс.: «Въ словѣ *«который»* видятъ именит. пад. муж. р., т.-е. который соколъ; дальнѣйшее *та* относятся къ «лебеди». При такомъ толкованіи замѣчается нѣкоторая безсвязность, которая устраняется весьма легко. Въ *«которыи»* слѣдуетъ видѣть не именит. пад. муж. р., а родит. ед. ч. жен. р. и переводить: «которой (лебеди) соколъ достигалъ, *та* прежде пѣла пѣснь. Форма *«которыи»* (а не *«который»*) древне-русскаго родит. пад. жен. р., смѣнившій уже рано древнѣйшую форму на *ыа*». Такимъ образомъ въ словѣ *«который»* г. Миллеръ первый угадалъ подлинную этимологическую форму».

Потебня: «При пониманіи *«которыи»* В. Миллеръ усматриваетъ «нѣкоторую безсвязность». Я ее не могу замѣтить. Если подъ *«которыи»* понимать род. ед. ж. р. зависимый отъ *«дотечаше»* (т.-е. которой лебеди), то возникнетъ не меньшая безсвязность отъ отсутствія при *«дотечаше»* подлежащаго, хотя, конечно, формы родит. ед. прилагательнаго на *ыи* есть въ «Словѣ о Полку» (среди земли Половецкыи, среди земли Рускыи) и такое отношеніе предполагаемаго род. возможно».

Смирновъ: «По нашему мнѣнію, принимать *«которыи»* въ род. пад. ед. ж. р. необходимо, чтобы *«дотечаше»* не осталось безъ дополненія, когда другіе переходящіе глаголы имѣютъ его: *«помя-*

шетъ усобиць, пуцащеть десять соколовъ. Подлежащее при немъ то же, что и при «помнящеть, пуцащеть», т.-е. Боянъ, соколы котораго—вѣще переты летѣли къ струнамъ, не отрываясь отъ него».

Андреевскій передѣлываетъ такъ: «который преди дотечаше, та живая пѣ^н пояше».

Прозоровскій переводитъ: «Тогда онъ пускалъ десять соколовъ на стадо лебедей; который достигалъ, тотъ впередъ и пѣнь пѣлъ». Что въ подлинникѣ стоитъ не *тѣ*, а *та*, это ни мало не затрудняетъ переводчика.

Педагоги:

Бораблевъ: «Помня поговорку первыхъ временъ усобицы, что напускали 10 соколовъ на стадо лебедей, и чей прежде налеталъ, тотъ и восхищалъ».

Загосскій: «А какъ поведеть рѣчь о первыхъ временахъ усобицы, то словно соколовъ на стадо лебедей выпускаеть: которую лебедку соколъ настигнетъ, та и поеть пѣнь».

Малашевъ: «Онъ помнилъ, говорятъ, междуусобія первыхъ временъ: тогда онъ пускалъ 10 соколовъ на стадо лебедей и который соколъ долеталъ до какой лебеди, та лебедь и пѣнь пѣла».

Ласкинъ: «До которой достигалъ, та впередъ и пѣнь пѣла».

Литераторы:

Павловъ (Бицинъ): «И какъ напуститъ десять соколовъ на стадо лебедокъ, которую настигнетъ, та и зашвала напередъ».

Скульскій: «Десять соколовъ съ цѣпей спуститъ въ стадо лебедей; та, что въ когти попадалась, съ той и пѣсня начиналась».

Поэты:

Гербель:

«А когда о несчастливыхъ

«Временахъ онъ вспоминалъ»;

«Десять соколовъ пускалъ
 «На лебедокъ говорливыхъ,
 «И лишь соколъ налеталъ,
 «Лебедь пѣсню начиналъ.

Нѣкоторые изъ гг. переводчиковъ и изслѣдователей, замѣчаютъ онъ, переводять это мѣсто не буквально, какъ слѣдуетъ его понимать, а иносказательно. Право не стоитъ ломать головы, переставлять слова и относить ихъ къ предъидущимъ или послѣдующимъ періодамъ, чтобы ясно выраженной мысли дать желаемое значеніе. По моему мнѣнію это фигура или поэтическое уподобленіе, которое тутъ же и объясняется:

«Не на стадо лебедей
 «Дней минувшихъ соловей
 «Десять соколовъ пускаетъ.... (стр. 138).

Мей:

«Про былыя про усобицы
 «Пѣсни прежнихъ лѣтъ намъ памяты:
 «Вта поры на стадо лебедей
 «Напускали десять соколовъ;
 «Чей соколъ на стадо первый палъ,
 «Тотъ первый свою пѣсню пѣлъ.

Майковъ:

«Какъ вспомнить брани стародавни
 «Да на стадо лебедей и пустить
 «Десять быстрыхъ соколовъ въ догонку,
 «И какую первую настигнетъ,
 «Для него и пѣсню пой та лебедь.

4.

Иже истягну умъ крѣпостію своею, и поостри сердца своего мужествомъ.

Мѣсто это собственно требуетъ не столько исправленія, сколько изъясненія. Затрудненіе встрѣчаютъ здѣсь обыкновенно въ словѣ:

«*истягну*». Древне-русскіе памятники, равно какъ и смыслъ даннаго мѣста ни мало не препятствуютъ читать это слово безъ всякаго измѣненія ¹. Но мы съ своей стороны, въ силу художественнаго соотношенія образовъ, въ коихъ выражена рѣшимость Игоря въ послѣднихъ ея моментахъ, предпочитаемъ читать это слово раздѣльно: *и стягну*, въ соотвѣтствіе послѣдующему: *и поостри*. Когда воинъ уже отправляется въ походъ, онъ опоясывается и точитъ свое оружіе. Этими явленіями дѣйствительности авторъ пользуется для изображенія нравственнаго настроенія Игоря при его выступленіи въ походъ ².

Еще на III Археологическомъ Сѣздѣ въ Кіевѣ мы старались утвердить такое раздѣльное чтеніе въ виду именно того, что хотя оно предложено было уже Дубенскимъ, но въ позднѣйшей литературѣ «Слова», принято не было, да и самъ Дубенскій, предлагая вѣрное чтеніе, понималъ его однако не такъ, какъ слѣдуетъ. Онъ толковалъ, что это будто бы значить, что «Игорь *пришелъ въ совершенный возрастъ, въ лета мужественныя*». Это въ особенности заставило насъ привести примѣръ, что значить слово «стягнуть» въ нравственномъ смыслѣ, по употребленію его въ древне-русскихъ памятникахъ. Тогда же наше толкованіе одобрено было всѣми бывшими на Сѣздѣ учеными авторитетами ³.

Но главнымъ образомъ мы заносимъ это мѣсто въ нашъ опытъ уясненія темныхъ и возстановленія неисправныхъ чтеній «Слова» потому, что желаемъ устранить другое недоумѣніе, къ нему относящееся. Весьма многіе комментаторы выраженіе и «*поостри сердца своего мужествомъ*» относятъ къ тому же уму, который стянулъ Игоря крѣпостію своею и слова «*сердца своего*» считаютъ дополненіемъ слова»

¹ См. въ «Лексикологія»: «*истягну*».

² См. въ «Лексикологія»: «*стягну*».

³ Въ виду этого намъ весьма странною показалась слѣдующая замѣтка въ диссертациі А. И. Смирнова: «На Кіевскомъ Археологическомъ Сѣздѣ говорилось о раздѣльномъ чтеніи слова «*истягну*», какъ о новой догадкѣ, между тѣмъ такое чтеніе предложилъ еще Дубенскій въ 1844 году. (Вып. I, стр. 2). Ужели почтенный наслѣдователь серьезно могъ подумать, что тотъ, кто рѣшается на ученое Сѣздѣ предлагать свой комментарий «Слова» предварительно не познакомится даже съ Дубенскимъ?»

«*мужествомъ*» внѣ зависимости отъ глагола «*поостри*». Во первыхъ, *что* стягиваютъ, того не «*наточиваютъ*», и *что* можно «поострить» *то* трудно «*опоясать*». Авторъ «Слова» не отличается такимъ нестройнымъ и не художественнымъ сочетаніемъ образовъ для изображенія одного и того же предмета. Во вторыхъ, и это главное—въ древне-русскихъ памятникахъ нельзя указать примѣра, чтобы глаголь «*поостри*» употреблялся по отношенію въ «*уму*». Напротивъ онъ имѣлъ всегда мѣсто для выраженія или вообще нравственнаго возбужденія, или же всего чаще—острой и глубокой чувствительности сердца и является въ сочетаніяхъ или «поострить *душу*» или «поострить *сердце*» или вообще «поострить» на какое нибудь дѣло, требующее одушевленія, но никакъ не въ сочетаніи «поострить умъ».

Въ виду такого употребленія этого выраженія въ древне-русскомъ языкѣ ¹, мы считаемъ болѣе основательнымъ считать слова «*сердца своего*» непосредственнымъ дополненіемъ глагола «*поостри*». Синтаксическое отношеніе ни мало тому не препятствуетъ. Глаголы, сложенные съ предлогомъ *по*, легко могутъ сочиняться и съ винительнымъ и съ родительнымъ падежомъ, какъ и до нынѣ въ живой народной рѣчи говорится: «поостри *косаря*», поостри *косы*.

Имѣя въ виду эти соображенія все это мы переводимъ:

„И умъ опоясалъ онъ
 „Крѣпостію своею
 „И сердце свое наточилъ онъ
 „Мужествомъ.

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ: «до нынѣшняго Игоря, который вынаемъ твердостію ума, разжигаемъ мужествомъ сердца.

Малиновскій въ черновомъ переводѣ: «Игорь, Святославовъ сынъ, наярши умъ свой крѣпостію и поощривъ сердце свое мужествомъ».

Въ «*первомъ изданіи*»: «Сей Игорь» далѣе безъ перемѣны.

¹ См. въ «Лексикологів»: «*поостри*».

Комментаторы:

Шипковъ «прошедшее время глагола *«истягну»* въ своемъ переводѣ превратилъ въ настоящее; изъявительное наклоненіе глагола *«поостри»* въ причастіе, и наконецъ прошедшее дѣепричастіе *«наполнися»* въ настоящее наклоненія изъявительнаго, что все ослабило подлинникъ. Онъ перевелъ: «умъ свой востягаетъ онъ крѣпостію и, поощряемый сердца своего мужествомъ, ратнаго наполняется духа».

Пожарскій, указывая на обезсиленіе подлинника въ такомъ переводѣ, замѣчаетъ еще, что «истягнуть» не значитъ *«востягитъ»*. Истягнуть крѣпостію значитъ препоясать крѣпостію. Въ Свящ. Писаніи сказано: *«И рука Господня бысть на Ильи и стяже чресла своя»*.

Грамматинъ: «Г. Пожарскій (замѣтьте въ прозѣ для ясности) переводить *«истягну умъ крѣпостію»* препоясалъ умъ крѣпостію, но истягнуть въ Славянскомъ языкѣ значитъ испытать, извѣдать, опробовать. У Псалмопѣвца читаемъ: *«Истяжи мя»* (пс. 138, 28)».

Вельтманъ въ 1-мъ изданіи перевелъ: «Который, расширивъ могуществомъ умъ свой, безстрастной душой изоощривъ свое сердце». Во 2-мъ изданіи: «Который расширивъ умъ крѣпостію силъ, изоощривъ мужествомъ сердце».

Максимовичъ: «Который извлекъ умъ свой силой, поощрилъ его мужествомъ сердца».

Дубенскій: «Глаголъ *«стянути»* въ древнемъ языкѣ, собственно значитъ стянуть, препоясать, приподнять, прикрѣпить, фигурально—«крѣпостію стянуть умъ» значитъ «войти въ совершенный смыслъ, въ лѣта мужественныя». Въ Лѣтописи: «взострися на рать». Онъ первый въ словѣ *«истягну»* усмотрѣлъ два слова, союзъ *и* и глаголъ *«стяну»* и перевелъ такъ: «который препоясалъ умъ крѣпостію своею, изоощрилъ сердца своею доблестію».

Вуслаевъ О. И.: *«истягну»* читаетъ слитно и принимаетъ въ значеніи «распростеръ свой умъ».

Миллеръ Во.: «эти вычурныя слова, понимаемъ мы такъ, какъ понимали ихъ прежде, когда читали «и *стяну*» вм. истягну и род. пад. «сердца» относили къ слову «мужествомъ».

На сколько странно выраженіе вытянуть (истягнути) умъ, на столько естественно (съягнути) стянуть его. «*Съянута*» встрѣчается въ церковнославянскомъ и въ собственномъ значеніи связать и въ переносномъ: укрѣплять, закалять. Укрѣпивъ умъ свой, Игорь еще изострилъ его мужествомъ своего сердца.

Потѣбня: «*И стяну умъ*», умъ здѣсь шепс, въ смыслъ воли, намѣренія, рѣшимости; крѣпко стянулъ, крѣпко препоясалъ рѣшимость, т.-е. твердо рѣшился; «*поостри сердца мужествомъ*» т.-е. мужество его сердца изоощряетъ его умъ, дѣлаетъ его намѣреніе непоколебимымъ».

Андріевскій передѣлалъ такъ: «встягну́ умъ и поостри́ сердца́ своего мужествомъ».

Прозоровскій переводить: «который, напрягши умъ крѣпостію своею, наостривъ сердце свое мужествомъ».

Педагоги:

Погосскій: «Что изострилъ умъ крѣпостію, закалилъ сердце мужествомъ».

В. М.: «который ужъ укрѣпилъ умъ свой, сталъ мужественъ».

Литераторы:

Павловъ (Бицинъ): «какъ онъ умъ свой искусилъ твердостью, сердце изоощрилъ мужествомъ».

Окульскій: «мы расскажем вамъ, какъ тотъ юный князь искусилъ свой разумъ твердостью, закалилъ онъ сердце мужествомъ».

Поэты:

Гербель:

«Кто свой разумъ изострилъ,
«Духъ свой бранный укрѣпилъ.

Мей:

«Опоясавъ умъ свой крѣпостью,
«Изостривши сердце мужествомъ.

Майковъ:

«Какъ онъ думу крѣпкую задумалъ
«Наострилъ отвагой храброй сердце.

5.

„Спала Князю умъ похоти,
„И жалость ему знаменіе заступи,
„Искусити Дону великаго.

Неясность этого мѣста обусловлена собственно первымъ предложениемъ: въ немъ и слова все знакомыя и предложіе грамматически правильно, но смыслъ выходитъ вялый и безцвѣтный. Несмотря на всѣ толкованія, какія только ни выдумывались, чувствуется, что здѣсь кроется какая-то ошибка. Всѣ возможные поправки, какія ни предлагались, сами даютъ понимать, что авторъ-поэтъ никакъ не могъ написать подобнымъ образомъ.

При уясненіи этого мѣста слѣдуетъ прежде всего имѣть въ виду синтаксисъ «Слова», въ силу коего рядомъ стоящіе стихи, сродные по смыслу, сходны и по своему грамматическому построению, то-есть подлежащія и сказуемая стоятъ въ нихъ на соответствующихъ мѣстахъ. «Жалость» подлежащее втораго предложенія, стоящее на первомъ мѣстѣ (*жалость* ему знаменіе заступи), указываетъ, что на томъ же мѣстѣ должно стоять подлежащее и въ первомъ предложеніи: (*спала* князю умъ похоти). Глаголъ «заступи» во второмъ предложеніи стоитъ въ концѣ; на концѣ же долженъ стоять и глаголъ перваго, скрывающійся въ словѣ «похоти». Итакъ стоятъ лишь понять, что значить подлежащее «спала» и что скрывается въ глаголъ «похоти» и тогда мы получимъ, если и не желанную ясность, то во всякомъ случаѣ стихи близкіе одинъ къ другому. «Спала» значитъ собственно распаленіе, въ нравственномъ же смыслѣ: запальчи-

вость, раздраженіе, геройское рвеніе. «*Спала*» и «*спама*» происходятъ отъ глагола спалить, какъ «*свала*» и «*свалма*» отъ глагола свалить ¹.

Донинѣ въ Польскомъ языкѣ бытуесть *spala* (древ. *zpara*) въ значеніи *inflammatio, entzündung*. Въ Новгородской же Лѣтописи оно встрѣчается въ формѣ «*спама*»: «Всполъся великій князь Иванъ Васильевичъ на сына своего князя Василя да на жему свою княгиню Софью, да въ той «*спама*» велѣлъ казнити дѣтей боярскихъ». На дружинномъ же языкѣ «*спала*» или «*спама*» могла значить лишь нравственное запаленіе, разгараніе на войну, геройское рвеніе.

Что касается глагола «*похоти*» то здѣсь на нашъ взглядъ тотъ же самый недосмотръ, который происходилъ въ XVI в. у писцевъ отъ смѣшенія *ин* съ *ин*, т.-е. «*похоти*» явилось здѣсь *вм. похони*. Впрочемъ ошибка эта такъ проста и естественна, что она могла быть допущена самими издателями Пушкинскаго текста. Мы знаемъ, что она повторялась и въ позднѣйшее время. Такъ въ «*Хожденіи митрополита Пимена*», изданномъ въ «*Русскомъ Временникѣ*» читаемъ: «въ половину убо горъ тѣхъ *спирахъсь* облаци» вмѣсто: *спирахъсѣ* облаци (М. 1820, ч. I, стр. 300).

Издатели Пушкинскаго текста тѣмъ легче прочли *похони* *вм. похоти*, что принявъ «*спала*» за глаголь, ожидали здѣсь видѣть существительное.

Хопитъ въ живомъ употребленіи на всей Русской землѣ значить схватить, захватить, овладѣть (см. Словари Академическій, Даля и Носовича).

Въ одномъ изъ принадлежащихъ намъ списковъ житія Феодора Тирона читаемъ: «и пакн *узръ* мшрь свою помысли *похопити* ю»; а въ другомъ вмѣсто «*похопити*—*похватити* ю» ².

«*Спала*» и «*жалость*» распаленіе и тосненіе одинаково относятся къ «искусити Дону» и потому для выраженія близости этого отношенія согласно нынѣшнему синтаксису, въ переводахъ лучше всего ставить ихъ въ концѣ предложеній.

¹ См. въ «Лексикологін»: «*спала*».

² См. въ «Лексикологін»: «*хопити*».

Въ силу указанныхъ соображеній мы дѣлаемъ слѣдующій переводъ этого мѣста:

„Въ князѣ умъ охватило
 „Геройское рвеніе,
 „И знаменія мѣсто въ немъ заступило
 „Тосненіе¹
 „Испробовать великаго Дона.

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ: «Ему пришло на мысль желаніе, не смотря на затмѣніе солнечное, извѣдать счастья на Дону.

Малиновскій въ черномъ переводѣ: «Князю пришло на мысль пренебречь *бдѣтельное* предвѣщаніе и извѣдать своего счастья на Дону».

Переводъ этотъ удержанъ и въ *первомъ изданіи*: «Пришло князю на мысль пренебречь *худое* предвѣщаніе и извѣдать счастья на Дону Великомъ».

Комментаторы:

Шипковъ: «Спала князю умъ похоти»... слова сія темны и истолковать ихъ трудно.

Пожарскій: слѣдуя нынѣшнему употребленію, разобрать сія слова трудно, но если въ другихъ мѣстахъ того же сочиненія встрѣчается: «*пустыни прикрыла*» вм. пустыни прикрыли, «*минула лѣта*» вм. минули лѣта, то и здѣсь, очевидно, «*спала князю умъ похоти*» означаютъ: вспали князю на мысль похоти или страстныя, сильныя, непреборимыя желанія. «Жалость знаменіе заступи» онъ перевелъ: и рвеніе *уничтожило* предзнаменованіе.

Грамматинъ: авторъ, рассуждаетъ онъ, хотѣлъ сказать въ двойственномъ числѣ: спадостѣ или спалѣ есте умъ похотѣ. Въ ста-

¹ Почему *жалость* переводимъ тосненіемъ см. о томъ въ «Лексикологіи» подъ словомъ *жалость*.

рину «спали похоти» значило вспали, припали желанія. Геройское стремленіе заслонило ему знаменіе, а не *уничтожило* его, какъ перевелъ Пожарскій. Можетъ ли рвеніе уничтожить затмѣніе?

Ганка слово «спала» превратилъ въ спяла (spiala).

Дубенскій перевелъ: «Залегла въ душѣ князя дума о походѣ».

Соловьевъ С. М.: нельзя переводить чрезъ «залегла въ душѣ князя дума» но чрезъ «затмило умъ князя сильное желаніе» по самому соотвѣтствію слѣдующаго предложенія: и жалость ему знаменіе заступи. Не нужно также предполагать здѣсь описки и читать: «спала»; стоитъ только сравнить съ послѣдующимъ: «зоря свѣтъ *затала*».

Максимовичъ: приставимъ къ слову «умъ» предлогъ, «на» и перевелъ: «запала на умъ князю охота отвѣдать Великаго Дону и тоска пересилила въ немъ знаменіе неба.

Вельтманъ: «спала» измѣнилъ въ «опала» похоти въ «*похоти*», жалость въ «*жадость*», лишь въ силу одного предположенія описокъ во всѣхъ этихъ словахъ.

Снегиревъ первый раздѣлилъ слово похоти на «*по хоти*» и ввелъ сюда мысль о женѣ, такъ что затѣмъ, по мнѣнію Кораблева и Малашева, пропала у Игоря мысль о женѣ, или, какъ выражается Алябьевъ, «не впадала на умъ князю его хотушка», а по мнѣнію князя П. П. Вяземскаго напротивъ «спала умъ» значитъ Игорь вспомнилъ о женѣ своей.

Тихонравовъ: въ 1-мъ изданіи: спалъ князю умъ *по хоти* т. е. заснулъ у князя умъ о своей женѣ; во 2-мъ изданіи похоти напечаталъ слитно, безъ измѣненій.

Некрасовъ: «пришла князю страстная мысль (умъ похоти)».

Подобная дума въ военное время и тогда уже, какъ видно изъ лѣтописей, считалась признакомъ большой слабости ¹.

¹ См. въ «Лексикологін» подъ словомъ: «*хоти*».

Художественный тактъ автора никакъ не могъ позволить ему для изображенія неустрашимости Игоря въ виду солнечнаго затмѣнiя говорить объ его слабости къ *женскому полу*.

Чувствуя эту неловкость, кн. П. П. **Вяземскій** далъ слѣдующій изворотъ этому мѣсту: «хотя Игорь и вспомнилъ о женѣ своей, но сильное желанiе ознаменовать побѣду на Дону заступило ему знаменiе. Такое объясненiе кажется ему весьма основательнымъ ибо, вполне согласуясь съ правилами Славянской грамматики, совершенно согласно и съ душевными наклонностями человѣка». Но изъ текста невозможно вывести подобнаго положенiя: *и*—«не значитъ *но*, какъ замѣтилъ Вс. Миллеръ, и *жалость* не значитъ желанiе *ознаменовать* побѣду.

При этомъ невольно возникаетъ недоумѣнiе, откуда авторъ «Слова» могъ знать, была или нѣтъ у Игоря дума о женѣ во время солнечнаго затмѣнiя?

Вс. Миллеръ читаетъ: «Вспала князю у умъ похоть». Начальное *с* (спала) можетъ быть принято издателями вмѣсто *с*; предъ *умъ* пропущенъ предлогъ *в*, какъ часто встрѣчается въ Ипаской Лѣтописи; *похоти* явилось вм. похоть подъ влиянiемъ послѣдующаго *и*.

Потебня: «Успала князю у умъ похоть».

Не говоря уже о томъ, что въ дошедшемъ до насъ текстѣ не встрѣчается слѣдовъ чередованiя *у* и *в* и, стало-быть, не представляется ни малѣйшихъ основанiй для подобныхъ поправокъ, онѣ не даютъ здѣсь болѣе выразительнаго смысла, чѣмъ какой открывали предшествовавшiе комментаторы. Въ самомъ дѣлѣ «вспала князю въ умъ похоть», т.-е. пришла князю охота, какъ переводитъ Потебня, лучше ли перевода блаженной памяти Пожарскаго «вспали князю на умъ похоти, т.-е. страстныя непреодолимыя желанiя, хотя Пожарскiй и не такъ былъ силенъ въ грамматикѣ.

Андрiевскiй, подобно Вельтману, измѣнилъ спала въ «*опала*» а похоти въ «*похати*» и, по обычаю дѣлая произвольныя перестановки текста, читаетъ: «Опала копiе приломати князю умъ похати и жалость искусити Дону Великаго, солнце ему знаменiе заступи».

Здѣсь является уже такое искаженіе текста, отъ котораго приходится сторониться критикѣ.

Прозоровскій: «Спала умъ=вспало на умъ; похоти=желаніе, влеченіе; жалость отъ «*жалъ*» сѣтованіе. Онъ перевелъ: «Овладало умомъ князя увлеченіе и знаменіе загордилось отъ него нетерпѣніемъ отвѣдать Дону Великаго. Приговорѣ произнесенный подобнымъ объясненіемъ надъ работами предшественниковъ, какъ выражается г. Гонсіоровскій, на нашъ взглядъ, является лишеннымъ всякаго основанія».

Гонсіоровскій придумалъ палеографическое основаніе для того, чтобы вмѣсто «*спала*» читать «слава». По его мнѣнію слогъ *са* былъ надписнымъ *сѣа* при чемъ надписное *в* было квадратной формы; неправильно выводя этотъ надписной слогъ изъ подъ титла, издателя *вм.* *сала* прочли *спала*.

Относительно этого палеографическаго соображенія считаемъ нужнымъ замѣтить, что 1) едва ли можно встрѣтить въ рукописяхъ написаніе «слава» въ такой именно формѣ, какую придаетъ г. Гонсіоровскій; 2) еслибы оно было въ этой формѣ, то не встрѣтило бы ни малѣйшаго затрудненія для первыхъ издателей вѣрно прочитавъ его, тѣмъ болѣе, что, какъ видно изъ ихъ перевода, это мѣсто останавливало на себѣ ихъ вниманіе. 3) Слово это не разъ встрѣчается въ текстѣ и вездѣ прочитано вѣрно. 4) И наконецъ, при подобномъ чтеніи оборотъ выходитъ очень изысканный и натянутый, состоящій изъ однихъ отвлеченныхъ понятій: «*слава похитила умъ*». Слово «похоти» превратилъ въ слѣдъ за другими въ «*похити*» и за тѣмъ дальнѣйшее жалость измѣнилъ на «*жадость*», ни мало не затрудняясь тѣмъ, что слова «*жадость*» не встрѣчается въ древней Славяно-русской письменности.

Педагоги:

Погосскій: «Обуяла умъ князя охота и, не глядя на знаменіе, захотѣлось ему испить».

Ласкинъ: «Запала князю въ умъ крѣпкая дума, а не терпѣніе узнать Великій Донъ превозмогло въ немъ мысль о затмѣніи».

Литераторы:

Павловъ (Бицинъ) первый превратилъ «спала» въ «слава» и похоти, подобно Вельтману, въ «похите». (?) Онъ первый заставилъ славу похитить у Игоря умъ».

Окульскій: «Видно, слава ему омрачила умъ». Омраченіе ума славою все-таки естественнѣе, чѣмъ его «похищеніе».

Поэты въ своихъ переложеніяхъ слѣдовали разнымъ изслѣдователямъ.

Гербель: «Въ могучее сердце запало желаніе».

Мей: «Занялись у князя думы пламенемъ-попымомъ».

Майковъ А.: «Не послушалъ знаменія онъ солнца,
«Распаясь взглянуть на Донъ Великій».

Спала, т.-е. охватила, древне-чешское *spadností*; похоть—страсть; жалость—«рвеніе».

6.

„Свивая славы оба помы сего времени.

Неисправность этого мѣста очевидна изъ того, что при одномъ дѣйствительномъ глаголѣ «свивая» стоятъ два винит. пад.: «славы» и «оба помы».

Ключемъ къ открытію скрывающейся здѣсь ошибки служатъ черновыя бумаги Малиновскаго. Выписывая это мѣсто въ словѣ *оба* онъ начерталъ двойное *о*: свивая *ооба помы*, точно такъ, какъ въ спискѣ, сдѣланномъ для Императрицы Екатерины Мусинъ-Пушкинъ при написаніи слова «очи» поставилъ также два *о*, въ такой формѣ: *оочи*. Подобныя начертанія представляютъ очевидную копию оригинала. Но едва ли появленіе, подъ рукою Малиновскаго, двухъ *о* въ словѣ *оба* можно объяснять начертаніемъ въ подлинникѣ *очмаю о*. Мы прослѣ-

дили напр. выраженіе: «оба заматорѣша» во множествѣ списковъ Евангеліи XVI вѣка и ни гдѣ не встрѣтили въ начертаніи *оба двойного о*. Въ виду этого имѣемъ полное основаніе появленіе двойнаго *о* въ томъ же словѣ, подъ рукою Малиновскаго, объяснять инымъ образомъ. Первое *о* въ начертаніи *ооба* есть остатокъ разложенной буквы предъидущаго слова,—въ которомъ это *о* въ соединеніи съ послѣднею чертою образовало *ю*.

Имѣя въ виду школу писцевъ-грамотѣевъ XVI вѣка, стремившихся подражать древнему правописанію и замѣнявшихъ гласныя *о* и *е* глухими *ъ* и *ь*, можно смѣло предполагать, что въ Пушкинскомъ спискѣ, относившемся къ той же эпохѣ и тому же типу, выраженіе это имѣло слѣдующее написаніе: *свѣла слакъю оба полы*.

Первые издатели, не подозревая, чтобы въ словѣ «*слакъю*» *ъ* стоялъ вмѣсто *о* естественно затруднились чтеніемъ этого слова. Очень могло быть, что въ «*ю*» средняя черта соединявшая *обѣ* части (*и—о*) была такъ слаба и мало замѣтна, что подала поводъ къ невѣрному чтенію. Разлагая букву *ю* на двѣ, части, первые издатели вторую половину именно *о* отнесли къ дальнѣйшему слову «*оба*», въ коемъ такимъ образомъ *о* явилось двойнымъ или очнымъ «*ооба*»; оставшаяся за тѣмъ половина отъ *ю—и* въ соединеніи съ предъидущимъ *ъ*, необходимо образована *ъ*. Такимъ образомъ естественно явилось чтеніе *слакъ ооба*, какъ у Малиновскаго *вм. слакъю оба*...

При печатаніи первое *о* издатели выкинули въ печатномъ текстѣ точно такъ, какъ сдѣлали они и въ словѣ «*оочи*».

Глухой *ъ* замѣнявшую здѣсь гласную *о* и сбившій съ толку издателей есть здѣсь или остатокъ древняго написанія подлинника, или же свидѣтельство стремленія писцевъ XVI вѣка возвратиться къ древнему правописанію. На сколько этотъ *ъ*, замѣнявшій гласную *о* затруднялъ первыхъ издателей, видно изъ того, что Мусинъ-Пушкинъ первоначально прочиталъ напр. *ужедеъ ски* *вм. уже дъски* (т. е. доски). Малиновскій въ первомъ изданіи исправилъ эту ошибку и напечаталъ вѣрно: *уже дъски*.

Въ данномъ случаѣ чтенія именно *слакъю* *вм. слакъ* требуетъ и самый глаголъ: «*свивать*». Свивать, по употребленію въ древне-рус-

сихъ памятникахъ, не значить только свертывать что ивбудь, какъ кожу, но именно сочетать, связывать. Такъ въ книгѣ Іова читаемъ: *костми же и жилами ски ма* (Іов. X, 11). Отсюда видно, что глаголъ этотъ въ указанномъ значеніи требуетъ послѣ себя не только падежа винительнаго, но и творительнаго—*свити* что и *чимъ*. Въ силу этого требованія въ данномъ мѣстѣ, вмѣсто «славы», слѣдуетъ читать именно «слабью», иначе свикал осталось бы безъ требуемаго дополненія ¹. Начертаніе въ черновыхъ бумагахъ Малиновскаго слѣдующаго слова *оба съ двойнымъ о (ооба)* даетъ на нашъ взглядъ полное къ тому основаніе, указывая на разложеніе издателями буквы ю при первоначальномъ разбираниіи ими рукописнаго текста.

Приглашая Бояна-соловья воспѣть храбрые полки Игоревы, авторъ, между прочимъ, выражаетъ желаніе, чтобы онъ «свилъ славою обѣ половины сего времени», т.-е. нынѣшнія и старыя событія сочеталъ въ одной цѣльной хвалебной пѣсни, что въ дѣйствительности и выполнилъ самъ авторъ въ своемъ «Словѣ», подражая Бояну.

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ: «Сравнивая славу древнюю съ симъ временемъ».

Малиновскій въ черновомъ переводѣ: «Сравнивая славу древнюю съ нынѣшнимъ временемъ».

Въ «*первомъ изданіи*» переводъ этотъ удержанъ безъ измѣненія.

Комментаторы:

Пожарскій: «Свивая не значить сравнивая, а «*славы*» здѣсь не винительный падежъ, а творительный; *оба помы* означаетъ обѣ половины, обѣ стороны; разумѣется одна половина, принадлежащая Владиміру, а другая Игорю».

¹ См. въ «Лексикологіи»: «*свивая*».

Грамматинъ: «Здѣсь «славы» творительный падежъ, ибо винительный «оба полы». «Свивая славы», «значить увивая словами», т.-е. увѣковѣчивая въ пѣсни своей подвиги Игоря. Думаю, подъ обѣими половинами авторъ разумѣетъ походъ Игоря и возвращеніе изъ плѣна».

Толкованія Пожарскаго и Грамматина показываютъ, какъ мало они были знакомы съ этимологіей русскаго языка.

Дубенскій: для объясненія «свивая» онъ привелъ текстъ Священнаго Писанія (Ис. 101, ст. 26), въ которомъ это слово употреблено въ значеніи *свертывать*, какъ кожу. «Славы», говоритъ онъ, или описка вм. *славы*, или слѣдуетъ читать *славы*, т.-е. по соловьиному, или же это винит. пад. и значить славныя дѣянія». *Оба полы* обѣ половины, настоящее и прошедшее, «сего времени», т.-е. современнаго писателю.

Вельтманъ: Въ 1-мъ изданіи перевелъ: «И слилъ бы ты славу обоихъ временъ». Во 2-мъ изданіи онъ говоритъ, что вмѣсто «свивая славы» надо читать «*ствая славы*», въ силу, конечно, одной догадки.

Буслаевъ первый «*славы*» измѣнилъ здѣсь въ «славію».

Нельзя не замѣтить, что всѣ исчисленные переводы крайне безхарактерны и не выражаютъ ни мысли, ни силы подлинника.

Миллеръ Вс. читаетъ такъ: «Свиваясь, славію, оба полы сего времени» и объясняетъ, что «*свиваться*» значить спускаться стремглавъ сверху внизъ, низринуться, а «*оба полы*» нарѣчіе мѣста, въ значеніи *по обѣ стороны*; «славы» превратилъ въ «славію». Онъ переводитъ: «Взлетая умомъ подъ облака и спускаясь, о, соловей, по обѣ стороны сего времени.» Желая объяснить художественность этого образа онъ строитъ слѣдующую картину: «Рѣка временъ течетъ внизу: ее видитъ Боянъ à vol d'oiseau и паря подъ облаками можетъ спуститься по ту или другую сторону ея. Его мысль знаетъ ту сторону, т.-е. прошедшее и предъугадываетъ другую сторону, т.-е. будущее.»

Но отъ этой рѣки время, на которую спускается Боянъ изъ-подъ облаковъ, обращаясь къ древнимъ-русскимъ памятникамъ, мы видимъ, что *свиватиса* значить—не спускаться сверху внизъ, а разрушаться, уничтожаться. Русская народная поэзія также не знаетъ «свиватиса» въ смыслѣ спускаться сверху внизъ, но употребляетъ его въ значеніи или сплетаться: *ты свивайся, свивайся вѣнокъ*, или же, сжиматься: *сердце червышномъ свивается*. Отсюда видно, что сербское «*савитисе*» мало можетъ имѣть отношенія къ объясненію даннаго мѣста. Мы не находимъ также основательнымъ превращеніе *славы* въ «славію» уже потому только, что настоящее повтореніе въ этомъ періодѣ «соловья» (О, Боянъ *соловей!* скача, о *соловей!*... и спускаясь, о *соловей!*) становится очень не художественнымъ.

Потебня: въ «славы» предполагаетъ пропускъ слога *ес*, замѣну *о* посредствомъ *а*, а конечнаго *а* посредствомъ *ы*, конечно безъ всякаго палеографическаго основанія и читаетъ: «*свивая словеса*». Свиваніе вокругъ (оба полы) сего времени, по словамъ его, есть какъ бы тканье пѣсни о событіяхъ нынѣшнихъ. Свиваніе, о которомъ рѣчь въ «Словѣ» не имѣетъ ничего общаго съ *извитіемъ словесъ*, съ *словоизвитіемъ*, о которомъ говоритъ г. Потебня.

Андріевскій: «А бы ты сіа полки ущекоталъ, извивался бы (?) сего времени». Самъ авторъ, передѣлавшій такимъ образомъ текстъ, поставилъ здѣсь знакъ вопроса, такъ какъ дѣйствительно передѣлка выходитъ безсмысленная.

Прозоровскій: «Свивая славы обѣихъ половинъ сего времени». Но почему онъ переводитъ «оба полы» въ родительномъ пад. не извѣстно.

Педагоги:

Погосскій: «Вспоминая прошлую славу».

Малашевъ: Соединяя «соловей», обѣ половины этого времени, т.-е. настоящее съ прошедшимъ.

Алябьевъ: «Съ славой прежнею вспоминая время новое».

Литераторы:

Павловъ (Бицинь): «Соловьемъ разсыпаясь по дереву, сложилъ бы намъ славу вокругъ нашего времени». *Оба помы*, Бицинь считаетъ за нарѣчіе въ формѣ «*обаноль*» бытующее въ живомъ народномъ говорѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ.

Скульскій: «Соловьиными бѣ вель переливами, ты бы славу пронесъ и про наши дни».

Поэты:

Мей: «Свивалъ бы свиткомъ славу нашихъ дней».

Гербель: «Сличая прошедшую русскую славу съ позднѣйшей».

Майковъ: «Съ древней славой новую свивая».

Въ одномъ изданіи предназначенномъ для народа это мѣсто передано слѣдующимъ образомъ: «*свивал дутую славу*». Такъ-то наши народники переводятъ для народа твореніе, составляющее народную гордость.

7.

Нощь стонуци ему грозою птиць убуди; свистъ зотринъ въ стази; Дивъ кличетъ врѣху древа.

Камнемъ предковенія при чтеніи этого мѣста служить непонятное: «*въ стази*». Сколько ни было попытокъ устранить этотъ камень, всѣ они оказываются безцѣльными. Прилагая къ уясненію этого непонятнаго выраженія палеографическіе приемы, кажется, всего скорѣе и вѣрнѣе можно достигнуть желанной цѣли.

Въ рукописяхъ XVI и даже второй половины XV въ замѣнъ буквы *и* весьма часто ставились надъ строкою двѣ черточки вкось лежащія». Стоило только переписчику не написать ихъ или читателю опустить изъ виду и тогда по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя слова теряли свою обычную фізіономію и смыслъ. При слитномъ же написаніи словъ въ подобномъ случаѣ разомъ могли лишиться своего смысла и цѣлыхъ два слова.

Такого рода знакъ стоялъ и въ спискѣ «Лѣтописнаго Сказанія» о походѣ Игоря, скопированномъ рукою Малиновскаго, и, какъ мы видѣли, вводилъ его въ ошибки. Такой же надстрочный знакъ " стоялъ и въ Пушкинскомъ текстѣ надъ выраженіемъ вѣстазми т.-е. было начертано: вѣста"зми. Ошибка первыхъ издателей здѣсь именно въ томъ и состоитъ, что они, не обративъ вниманія на этотъ знакъ, прочитали это, слитно написанное, цѣлое выраженіе за одно слово и такимъ образомъ оставили насъ при таинственномъ «вѣ стазми». Между тѣмъ стояло только придать надлежаще значеніе вышеуказанному надстрочному знаку и тогда тотчасъ же раскрывается точный ясный и опредѣленный смыслъ всего этого мѣста.

Нощь стоноуци ему,
Грозою птицъ оукази
Свистъ ¹ зєзриниъ вѣ стѣ ² зєи. ³

Т.-е. „Ночь, бушуя,
„Страхомъ птицъ разбудила
„Вой звѣринный въ стаи согналь.

Не нужно забывать, что авторъ рисуетъ здѣсь переполохъ возбужденный въ Половецкихъ станахъ стонами ночи и неистовымъ завываніемъ звѣрей и что во всемъ «Словѣ» Половцы являются въ образѣ птицъ ³.

Такъ просто на нашъ взглядъ разрѣшается знаменитая таинственная «стазба», надѣлавшая столько безпокойства ученымъ умамъ. Теперь прослѣдимъ ея исторію въ литературѣ «Слова».

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ перевелъ: «Поднялся свистъ звѣрей въ ихъ логвищахъ».

¹ См. «Свистъ» въ «Лексикологіи».

² См. въ «Лексикологіи»: „зєи“

Ср. стадь галица бѣжать; о далече зайде соколъ птицъ бія; почнуть наю птицъ бити.

Малиновскій въ черновомъ переводѣ совсѣмъ опустилъ это выраженіе, въ *первомъ же изданіи* придалъ ему такой смыслъ: «ревуть звѣри *стадами*».

Комментаторы:

Карамизнъ: «Въ *стазби*» перевелъ «по дорогамъ».

Пожарскій, держась перевода Карамзина, производилъ: «*стазби* отъ *стеяз*».

Грамматинъ, признаваясь, что слово это ему никогда не встрѣчалось, замѣтилъ, однакожь, что нельзя производить его отъ *стеяз*, такъ какъ *e* никогда не измѣняется на *a* и потому изъ *стеяз* нельзя сдѣлать *стазба*. Сіе послѣднее происходитъ вѣроятно отъ глагола «*стяжу*»; буква *ж* обыкновенно измѣняется на *з*.

Снегиревъ: сближая съ греческимъ *στάσις*, видѣлъ въ «*стазби*» мѣсто стоянія, становище, и даже предполагалъ не сербское ли или корніольское это слово—*stada*.

Сахаровъ положительно говорилъ, что *стазба*—это пастбище.

Бодянскій раздѣлялъ мнѣніе Сахарова и старался оправдать это мнѣніе, производя «*стазба*» отъ *стадо*, откуда *стадба*, *стадзба* и если откинуть *д* для благозвучія останется *стазба*.

Дубенскій предполагалъ не образовалось ли это слово изъ сербскаго *стаза*, *стазица*, означающее стезю, тропинку. Онъ перевелъ однакоже: «ревъ звѣриный *по степямъ*».

Погодинъ повторялъ мнѣніе Снегирева.

Максимовичъ: въ «*стазби*» перевелъ сначала въ пустынѣ, а затѣмъ такъ измѣнилъ чтеніе: «свистъ звѣриный *вста*, *зви дивъ*, *кличеть*».

Вельтманъ, усматривая здѣсь неправильное чтеніе, передѣлалъ это выраженіе такъ: «свистъ звѣриный *вѣста*, *абы дивъ* *кличеть*».

Ө. И. Буслаевъ предполагалъ здѣсь именно въ «*стази*» (на тропинкѣ) или въ «*статьбѣ*» (на пастбищѣ).

Макушевъ сближалъ «стазби» съ словомъ «стази» и толковалъ, что въ «стазби», значить въ «стази» въ мѣстѣ обитаемомъ звѣрями.

Некрасовъ производилъ это слово отъ «въстазити»; онъ принималъ «въстазби» за нарѣчіе, означающее «тревожно» и переводилъ такъ: тревожно звѣриный свистъ, т.-е. (ночь убуди).

Князь **П. П. Вяземскій** «въ стазби» передѣлалъ въ «пастьби».

Вс. Миллеръ читаетъ такъ: «свистъ звѣринъ въста»; а относительно дальнѣйшаго слога *зби* выразилъ предположеніе, не образовался ли онъ изъ *зъзъ*, относившагося эпитета въ диву.

Потебня передѣлалъ здѣсь текстъ слѣдующимъ образомъ, «Ночь стонуши ему грозою птичь убуди свистъ; звѣрина въста: узбися дивъ, кличетъ вѣрху древа». Не говоря уже о томъ, что онъ такой передѣлкой совершенно разрушилъ стихи подлинника, замѣтимъ, что ни слова «зѣтрина», ни слова «узбися» не встрѣчается въ древне-русской письменности. Едва ли позволительно «свистъ звѣринъ» читаемый въ памятникѣ XII вѣка, передѣлывать въ «зѣтрина» на томъ единственномъ основаніи, что въ «Сборникѣ Пѣсенъ» Шейна читается: «Мнѣ пива ня дзива, гарелка ня звѣрина» и заключать еще что въ «Словѣ» употреблено «зѣтринч» въ значеніи четвероногой дичи, а не лютаго звѣря. Что же касается «узбися», то г. Потебня не могъ указать употребленія его даже и въ народныхъ пѣсняхъ. Слово *свистъ* онъ отнесъ къ птицамъ и переводитъ такъ: «ночь гремя страхомъ или громомъ разбудила птичій свистъ». Основаніемъ для такой передѣлки текста служить то, что звѣри, по словамъ его, не свистутъ (кромѣ овражка и байбака). Но еслибы г. Потебня поглубже изучилъ значеніе слова «свистъ» тогда онъ не только не считалъ бы выраженія нашихъ былинъ «Въ тьсахъ зѣтри засвистали» (Рыб. 11, 137) страннымъ и уединеннымъ, но убѣдился бы, что слово *свистъ* по отношенію къ звѣрямъ употреблялся и въ Греческой Словесности; вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдился бы, что въ текстѣ «Слова» идетъ рѣчь здѣсь не о четвероногой дичи, но именно о лютomъ звѣрѣ. Во всякомъ случаѣ

на основаніи личнаго своего сомнѣнія въ возможности *свиста звѣринаго* едвали позволительно передѣлывать текстъ памятника XII вѣка и въ такомъ видѣ издавать его въ свѣтъ, подъ своимъ ученымъ авторитетомъ. При томъ же самая передѣлка его крайне неудачна и по своему построению стоитъ несравненно ниже подлинника даже въ его неисправномъ видѣ. Не могъ авторъ «Слова» ни сказать, ни написать съ такимъ словосочиненіемъ: «ночь *птичь* убуди *свистъ*» отдѣляя глаголомъ опредѣленіе «*птичь*» отъ своего опредѣляемаго *свистъ*. И что за художественная картина въ томъ, что ночь «разбудила *птичій свистъ*?»

Смирновъ: справедливо замѣтилъ, что принять чтеніе Потєбни затруднительно, во 1-хъ опредѣленіе будто отдѣлено отъ опредѣляемаго глаголомъ; во 2-хъ еслибы переписчикъ великорусъ и не понималъ слова «узбися», то никакъ не искажилъ бы его въ «зби».

Андріевскій: «Грозою *птичь* убудися *свистъ*, звѣринъ въста звизадъ по яругамъ». Въ такомъ искаженномъ текстѣ, сдѣланномъ видимо по слѣдамъ г. Потєбни, уже трудно видѣть автора «Слова».

Прозоровскій сопоставлялъ съ «стазбою» выраженіе изъ книги Пророка Наума: «стая (τὸ κατοικητήριον) левска». Онъ выразилъ предположеніе, что слово «стазъ» выведено изъ совокупности словъ стая и *στάσις*, представляющихся однозначущими, при чемъ греческому слову дано русское окончаніе.

Педанчи:

Погосскій: «Свистъ звѣрей въ логовищахъ».

Алябѣевъ: «Вой звѣриныи слышится по дебрямъ».

Ласкинъ: «Раздался свистъ звѣрей; дивъ поднялъ тревогу (*въста, възби*)».

Литераторы:

Павловъ (Бицинь) перевелъ такъ: «По лѣсу пошелъ свистъ звѣриной».

Скудский: «Лѣсъ огласился птичьимъ всполохомъ».

Поэты:

Гербель: «Въ окрестныхъ степяхъ».

Мей: «Воютъ звѣри на распутіи»

Майковъ: «Вкругъ стоянки свистъ пошелъ звѣриный».

Читатель можетъ видѣть, что при нашемъ чтеніи разбираемаго мѣста всѣ эти распутія и розтани, дороги и тропинки, дебри и логовища, лѣса и степи, становища и пастбища, стязи и мѣста обитаемыя звѣрами, въ коихъ отыскивали «стазбу» дѣлаются совершенно излишними. Всѣ сближенія съ словами греческими, сербскими, Корнюльскими всѣ передѣлки и перестановки, въ коихъ искали выхода изъ загадочной «*стазби*» становятся напрасными.

8.

„Уже бо бѣды его насетъ птиць;

„Подобію влзци грозу вссржатъ по яругамъ.

Главнымъ затрудненіемъ при пониманіи этого мѣста до сихъ поръ служило выраженіе «*подобію*», но въ настоящее время это затрудненіе устранено, можно сказать, окончательно. Еще въ 1868 году Ѳ. Е. Коршъ въ своей рецензіи на изданіе «Слова» Н. С. Тихонравова предложилъ читать здѣсь не «*подобію*», а «*по дубію*», но это была пока лишь счастливая догадка, не имѣвшая для себя очевиднаго основанія и потому не была принимаема въ дальнѣйшихъ изданіяхъ «Слова». На Археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ, мы съ своей стороны остановились на доказательствахъ того, что такъ именно, а не иначе слѣдуетъ читать это выраженіе.

Въ своемъ докладѣ мы во 1-хъ заявили, что въ Пушкинскомъ текстѣ употреблялся укъ (Ѹ); это видно изъ того, что въ найденныхъ нами черновыхъ бумагахъ Малиновскаго, относящихся къ его работѣ надъ изданіемъ «Слова», въ ряду выписанныхъ «темныхъ мѣстъ въ

поэмѣ Игоря» значитса между прочимъ слово изъ лоуць, въ которомъ въ концѣ Малиновскій сначала написалъ скорописное *у* и, затѣмъ поправилъ его на укь (*щ*).

Во 2-хъ мы указали, что въ памятникахъ XV и XVI вв. этотъ укь часто писался особеннымъ образомъ: именно, верхняя надписная ижица (*у*) не сливалась съ начертаніемъ *о*, но настолько отъ него отдѣлялась, что при поспѣшной перепискѣ легко могла остаться не замѣченной и такимъ образомъ въ рукописи вмѣсто *ѡ* могло удержаться только *о* и вмѣсто подѣбью могло явиться подобью. Имѣя въ виду эту палеографическую особенность, легко допустить и то, что погрѣшность эта могла принадлежать самимъ издателямъ Пушкинскаго текста.

Въ 3-хъ, предлагая такую поправку, основанную на указанномъ палеографическомъ соображеніи, мы замѣтили, что принятіемъ ея возстановляется въ данномъ мѣстѣ и стройность между стихами, и соотвѣтствіе между предложеніями, и однородность между падежами.

„Уже бо бѣды его посетъ птицъ по дѣбю,
„Влѣци грозу взсрожатъ по яругамъ.

Обоснованная такимъ образомъ поправка тогда же была одобрена и безусловно принята, какъ вѣрная, всѣми бывшими на сѣздѣ авторитетными учеными, какъ-то А. Ѡ. Бычковымъ, Н. И. Костомаровымъ, О. Ѡ. Миллеромъ, А. Н. Майковымъ, И. И. Срезневскимъ В. И. Григоровичемъ и др.

Что касается другихъ словъ въ данномъ мѣстѣ, затруднявшихъ прежнихъ комментаторовъ, то въ настоящее время они также достаточно разъяснены и не представляютъ уже никакихъ трудностей для ихъ точнаго пониманія.

Не сомнѣваясь, что *птицъ* стоитъ здѣсь въ именительномъ падежѣ и служить подлежащимъ, изслѣдователи сближаютъ его обыкновенно съ церковно-славянскимъ *пѣтиштъ* или *пѣтищъ* (*στρουθίων*)¹. Но едва ли это одно и то же. Птищъ означаетъ не птицу только, но и всякое

¹ См. Взглядъ на «Слово» о полку Игоревѣ Вс. Миллера, стр. 197.

молодое четвероногое животное. Мы можем указать, что слово *птиць* въ этой именно формѣ, а не въ формѣ только *птищъ*, въ именительномъ падежѣ встрѣчается и въ другихъ древнерусскихъ письменныхъ памятникахъ. Управление глагола «пасти» здѣсь совершенно правильно при винит. мн. ч. «*бѣды*»¹.

Считаемъ нужнымъ сдѣлать здѣсь еще одно замѣчаніе. Есть основаніе предполагать, что появленіе въ текстѣ «Слова» «подобію» вм. «*подвбію*» могло возникнуть не въ слѣдствіе только, описки писца или ошибки издателей.

Замѣчательно, что такая передача *ou* чрезъ *o* встрѣчается даже въ такомъ древнѣйшемъ памятникѣ, какъ Маринское Евангеліе, гдѣ при отсутствіи *ѣ* замѣна *ou—o* палеографически является болѣе трудною, такъ какъ приходится пропускать цѣлую букву *у*. Эта особенность повторяется здѣсь нѣсколько разъ; ученый издатель Н. В. Ягичъ объясняетъ ее тѣмъ, что писецъ просто забывалъ дописывать къ *o* вторую часть вокала-*у*.² Но мы знаемъ и другіе памятники, въ которыхъ замѣна *у-о* повторяется весьма часто.

Такъ въ принадлежащемъ намъ спискѣ Северіана Гевальскаго XVI в. встрѣчаемъ;

(л. 104) *ноузахотъ* (вм. *ноузахѣтъ*)

(л. 174) *немоготъ* (вм. *немогѣтъ*)

(л. 179) *дводеcати* (вм. *двѣдесати*).

Въ Апостолѣ XIV—XV вѣка, кромѣ вышеуказанныхъ примѣровъ, отмѣтимъ еще:

(л. 105 об.) *да ѿстопитъ* (вм. *да ѿстыпнѣтъ*).

Такъ какъ эта особенность проходитъ чрезъ всѣ эти памятники, то нельзя ли предполагать, что она отражаетъ въ себѣ колебаніе какого-нибудь мѣстнаго говора.

Въ текстѣ «Слова о полку Игоревѣ»—также стоитъ *o* вм. *ѣ* не въ одномъ только выраженіи «подобію». Здѣсь встрѣчаемъ также»

² Ibid. стр. 196.

¹ См. въ Лексикологін «*птиць*».

² См. Маринское Четверо-Евангеліе съ примѣчаніями и приложеніями. Трудъ Н. В. Ягича, стр. 494.

шарокань вм. шарькань; *босый* вм. бэсый. То вм. тѣ и быть можетъ въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ.

Въ силу этихъ поправокъ мы дѣлаемъ такой переводъ этого мѣста:

„Уже птица по дубю
 “Его бѣдъ дозираетъ;
 „По оврагамъ волки
 „Навиваютъ ² ужась.

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ: Волки, на подобіе птицъ своимъ воемъ, предвѣщаютъ неудачу.

Малиновскій «слово «подобію» удержалъ въ черновомъ переводѣ въ значеніи *также*: «волки *также* по оврагамъ наводятъ страхъ выгьемъ своимъ». Но въ *первомъ изданіи*—это выраженіе въ переводѣ опущено: «Уже птицы бѣду ему предрекаютъ, волки по оврагамъ выгьемъ своимъ страхъ наводятъ».

Шишковъ: Сіе переложеніе не изъясняетъ мысли заключающейся въ подлинникѣ: глаголь *пасеть* часто въ старинныхъ книгахъ значить питаетъ; и такъ, рѣчь сія какъ по силѣ сего глагола, такъ и по разуму повѣствованія, долженствуетъ значить: «уже птицы питаютъ себя бѣдами войскъ Игоревыхъ», т.-е. готовятся пожирать тѣла ихъ, когда онѣ будутъ побиты. «*Подобію волки всрожатъ*» значить: *равнымъ образомъ* и волки собравшіеся въ оврагахъ тѣмъ же самымъ угрожаютъ имъ.

Пожарскій: въ семъ самомъ разсужденіи Шижкова кроется неправость; ибо птицы питаютъ себя бѣдами не значить: *готовятся питать себя*; великая разница между словами питать себя и готовиться питать себя. Здѣсь глаголь *пасеть* должно принимать въ прямомъ

² См. въ Лексикологіи *всрожать*.

его значеніи, т. е. пасеть, стережетъ, караулитъ. Что же касается «*въсрощатъ*» то на Польскомъ языкѣ есть глаголъ *srozuć* (срощить), означающій дѣлать суровымъ, жестокимъ.

Грамматинъ: пасти птицъ, здѣсь тоже, что пасти скотину. Сія метафора одна изъ самыхъ употребительныхъ въ священномъ писаніи (Пс. XXII, I. ХСІХ, 3. Іоан. X, 11). Здѣсь мысль автора такая: уже птицы слетѣлись и предвѣщаютъ ему бѣды; *также* и волки воемъ угрожаютъ.

Вельтманъ: предвѣстія гибели хищныя птицы ужъ на его накликаютъ, *какъ* (подобію) волки вытьемъ по оврагамъ, грозу предвѣщая; во 2 изданіи: словно волки въ ущельяхъ (по яругамъ) грозу накликаютъ. «*Всрощати*» производилъ отъ «*рощати*».

Снегиревъ: можетъ-быть слѣдовало читать «*върощатъ* т.-е. ворожать, предвѣщаютъ».

Дубенскій «*пасеть*» принималъ въ значеніи стережетъ: «*подобію*», по подобію, т.-е. подражая птицамъ. Переводилъ такъ: Уже птицы алчутъ его погибели; *тоже* волки грозу накликаютъ.

Соловьевъ С. М. «Прекрасное выраженіе: «*уже бѣда его пасеть птицъ*» совершенно теряется въ отдаленномъ переводѣ Дубенскаго: «уже птицы алчутъ его погибели».

Максимовичъ «*подобію*» измѣнялъ на «по лозію».

Некрасовъ Н. «подобію птицъ» толковалъ въ «образѣ птицъ».

Тихонравовъ Н. С. въ первомъ своемъ изданіи такъ ставилъ здѣсь знаки препинаніи: Бѣды его пасеть; птицъ подобію. Но какъ онъ понималъ это мѣсто, не объясняетъ.

Веселовскій А. Н. вмѣсто «бѣда» читаетъ здѣсь «обида, въ коей видитъ злую судьбу уловляющую Игоря, въ образѣ зловѣщей птицы. Мысль угадана, но замѣна излишна.

Миллеръ В. понимаетъ «бѣды» какъ родит. пад. ед. ч.; «*пасеть*» въ смыслѣ стережетъ, блюдетъ, предостерегаетъ, а «*его*» какъ прямое дополненіе къ глаголу «пасеть» и толкуеть это мѣсто такъ: «какъ дивъ предостерегаетъ князя *оруху древа*, такъ здѣсь *птиць* блюдетъ его же отъ бѣды, сидя *по дубію*. Но во 1-хъ во всей Славяно-Русской письменности нельзя указать примѣра, въ которомъ бы глаголъ «пасеть» имѣлъ дополненіе въ родительномъ падежѣ; приведенныя же авторомъ выписки указываютъ, какъ справедливо замѣтилъ г. Потенбня, лишь на управленіе глагола «пасться», а не «пасти»; во 2-хъ хорошо же птицы блюдутъ Игоря отъ бѣды, когда по собственному толкованію г. Миллера, рядомъ съ ними, волки грозу ему угрожаютъ, орлы клектомъ на кости звѣря зовутъ т.-е. мы хотимъ сказать, что его толкованіе бьетъ въ глаза не соответствіемъ въ контекстѣ. Что касается дальнѣйшаго «вѣсрожать» то онъ полагаетъ, что слово это испорчено и поправляетъ въ немъ *с* въ *ѣ* т.-е. «вѣгрожать», но въ такой именно формѣ глагола *угрожатъ* въ памятникахъ Славяно-Русской письменности не замѣчено, хотя выраженіе «*грозу грозитъ*» встрѣчается не рѣдко.

Потенбня слово «бѣды» измѣнилъ здѣсь въ «бѣда», а «*птиць*» въ «птицы» и переводитъ такъ: «Бѣда (недоля) кормитъ птицъ по деревьямъ». (т.-е. тѣлами его воиновъ). Но какъ передѣлку текста нельзя назвать умѣстною, такъ и переводъ удачнымъ. Странно, что г. Потенбня, такъ тщательно наблюдавшій за построеніемъ періодовъ и грамматическимъ ихъ соотношеніемъ, не обратилъ здѣсь вниманія на дальнѣйшія предложенія, гдѣ подлежащими являются волки, орлы, лисицы; во всѣхъ періодахъ здѣсь воплощена одна картина грозной не минуемой опасности, предсказываемой вѣщимъ животнымъ міромъ. Какимъ образомъ бѣда (недоля) можетъ кормитъ птицъ по деревьямъ тѣлами воиновъ, которые еще живы и затѣмъ, какимъ образомъ въ данномъ случаѣ оказывается, что она *предупреждаетъ* Игоря—рѣшительно не понимаемъ. вмѣсто «вѣсрожать» онъ предлагаетъ читать: «*вѣсрошати*» или «вѣсоршати» и переводитъ такъ: «волки вѣсрошиваютъ страхъ (грозу) по ярамъ», т.-е. воемъ возбуждаютъ ужасъ. Мысль, на нашъ взглядъ, совершенно вѣрная, но сомнительно, чтобы такой художникъ,

какъ авторъ «Слова», для выраженія ея воспользовался образомъ «възъерошиванія». При этомъ, между прочимъ замѣтимъ, что въ древне-русскихъ памятникахъ «въсрошати» употребляется не въ одномъ только этомъ значеніи.

Смирновъ справедливо замѣтилъ, что «бѣды» служатъ дополненіемъ при «пасеть» въ винит. множ., т.-е. настороживаетъ «бѣды».

Прозоровскій: «А между тѣмъ птицы поджидаютъ его бѣду; *подобно* имъ и волки грозу чувтъ по оврагамъ».

Странно что даже и нынѣ, «*подобію*» онъ понимаетъ также, какъ понимали въ блаженные времена Шишкова.

Андріевскій передѣлалъ такъ: «Уже бо его пасеть птиць *ѡ* обимо волци грозно въсоржать».

Педагоги:

Бораблевъ: «Уже бѣду его ждуть птицы хищныя, *будто* волки по обваламъ ожидаютъ грозы».

Погосскій: «Уже хищныя птицы бѣду его накликають, *словно* волки, чую грозу его по яругамъ».

В. М.: «Грозящее ему несчастіе предвѣщаетъ поживу; волки по оврагамъ воемъ своимъ *какъ бы* ворожатъ на грозу».

Малашевъ: «Уже птицы ожидасть его погибели, волки по оврагамъ предвѣщаютъ грозу».

Ласкинъ: «Уже бѣды его ждуть птицы по деревьямъ».

Литераторы:

Павловъ (Бицинъ): «Подобію» читаетъ «по удолью» и переводитъ: «Ужъ бѣда его манитъ птиць по удолью; волки зачуяли грозу по оврагамъ».

Скульскій: «Птицы хищныя да звѣрь лѣсной трупный запахъ знатъ ужъ почуяли; чу!... волчій стонъ стоитъ».

Поэты:

Мей: «Налетают птицы стаями, почуя кровь,
«По оврагамъ волки воемъ ворожатъ грозу.

Гербель: «Птицы погибель ему возвѣщаютъ
«И волки невагоду на нихъ накликаютъ.

Майковъ А.: «А надъ нимъ бѣду ужъ чуютъ птицы,
«Ощетинясь, словно бурю кличутъ.

На нашъ взглядъ, эти переложения слишкомъ слабы въ сравненіи съ подлинникомъ и далеко не выражаютъ глубины его смысла.

9.

*Долго ночь мркнетъ, заря свѣтъ запала, мгла поля по-
крыла.*

Одно изъ затрудненій для читающаго представляется здѣсь въ словѣ «*мркнетъ*». Нельзя не замѣтить, что здѣсь опущенъ глухой ѣ, по древнему правописанію замѣнявшій е, т.-е. слѣдовало читать: *мъркнеть*. Въ XV и XVI вв. слово это могло имѣть разныя формы написанія: *мъркнеть* и *мъркнеть* и *меркнеть*. Могло наконецъ оно и совсѣмъ потерять ѣ и принять ту форму, какую видимъ въ изданномъ текстѣ.

Мы уже знаемъ, что глухія, замѣнявшія гласныя, несомнѣнно были въ Пушкинскомъ текстѣ, и знаемъ, какъ онѣ затрудняли издателей въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ появленіе ихъ казалось имъ непонятнымъ (рѣчь или речъ или рь); вслѣдствіе той же палеографической особенности, какъ мы выше указали, они вмѣсто *слакью* прочитали *слакты*, относя о отъ ю къ послѣдующему оуа (пола).

Въ виду этого мы считаемъ очень возможнымъ, что если въ оригиналѣ и было *мъркнеть*, то ѣ могло быть выкинуто и самими издателями.

Глаголь *меркнетъ* имѣетъ здѣсь то же значеніе, какое имѣетъ онъ въ живомъ народномъ употребленіи въ формѣ «*мелькнетъ*». Значеніе его опредѣляется непосредственною впечатлѣніемъ; имъ указывается на постепенное погруженіе ночи въ мракъ. Очень можетъ быть, что

«*меркнеть*» начертано именно вмѣсто: *мьлькнеть*. Переходъ а въ р очень обыченъ и естествененъ, что можно наблюдать даже изъ дѣтскаго говора. Быть можетъ, древне-русскій писецъ или издатель нашли его не умѣстнымъ по отношенію къ ночи и потому замѣнили его, превративъ въ *мркнеть*¹.

Авторъ дѣлитъ ночь на двѣ половины: ночь *смелѣющая* и ночь *млѣная*.

Крайнимъ моментомъ первой половины ночи служить послѣдній лучъ потухающей зари. Это и выражено дальнѣйшимъ стихомъ: *заря свѣтъ запала*². Наступилъ самый мракъ ночи. Настала глубокая ночь; ни зги стало не видно: *мгла степи покрыла*.

Два признака говорили о приближеніи утра: это умолканіе соловья и перекликъ галокъ.

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ перевелъ: «Мракъ ночной продолжается; свѣтъ зари не видѣнъ; мгла поля покрыла».

Малиновскій: «Мракъ ночи усугубляется, погасаетъ свѣтъ зари». Слово «далеко» онъ какъ, и Мусинъ-Пушкинъ, отнесъ къ предъидущему.

Въ *Первомъ изданіи* переводъ такой: «Далеко уже вы за шеломенемъ! Ночь меркнеть, свѣтъ зари погасаетъ, мглою поля устилаются».

Комментаторы:

Шишковъ: Здѣсь *далеко* значить давно. Подобный перерывъ въ словѣ придаетъ оному много силы; стихотворское изображеніе любить иногда нѣкоторый безпорядокъ, восторгъ, живость, препинаніе.

Пожарскій: «Извѣстно всякому, что нарѣчіе, поставленное между двумя точками, не только никакой силы и высоты не сообщаетъ, но и не даетъ никакого опредѣлительнаго понятія, а при томъ можно ли чувствовать въ томъ словѣ силу и красоту, коего значеніе совершенно неизвѣстно. Нарѣчіе *далеко* и въ «Переложеніи» и въ «Примѣча-

¹ См. въ «Лексикологіи»: «*мркнети*».

² См. въ «Лексикологіи»: «*запала*».

нiяхъ» <отнесено къ глаголу «*еси*», и хотя ясно видно, что оно не у мѣста, однако для утверждениа его при семъ глаголѣ приданы ему другiя значенiя т. е. *дало* или *далеко*. На сiе нарѣчiе, стоящее между точками болѣе права имѣеть глаголѣ «*мрiнетъ*»; тогда нарѣчiе *дало* примется въ собственномъ его значенiи; а рѣчь: «*дало* ночь *мрiнетъ*» представить слѣдующее понятiе: долго ночь мракъ своей распростра- няетъ, или просто, долго ночь продолжается.

Въ подлинникѣ, замѣчаетъ онъ, описывается здѣсь не насту- пленiе ночи и не погашенiе вечерней зари, но необыкновенныя въ природѣ явленiя, которыя представлялись воображенiю объятаго стра- хомъ войска Игорева. *Заря свѣтъ запала* въ Переложенiи переведено: «Свѣтъ зари погасаетъ», и у Шишкова «заря потухаетъ. Итакъ въ переложенiи слово «заря обращено въ родит. пад., а слово «свѣтъ въ именительный; но здѣсь, слѣдуя употребленiю, это слово должно прини- мать въ падежѣ творительномъ, и притомъ свѣтъ сей не есть свѣтъ, отъ зари происходящiй, но свѣтъ утреннiй, дневной, отъ коего происхо- дитъ глаголѣ: *свѣтатъ*. Онъ переводилъ такъ: Долго ночь продолжается, свѣтомъ зря не является. Глаголѣ «западать» не можетъ озна- чать здѣсь ни погасать, ни потухать. У насъ обыкновенно гово- рится онъ «запалъ» т. е. онъ долго не является; посему слово: зря свѣтъ запала «значитъ»: зря долго *свѣтомъ* не является.

Грамматикъ. Г. Пожарскiй толкуетъ что *свѣтъ* здѣсь твори- тельный, а не именительный пад.; но творительный падежъ въ сла- вянскомъ языкѣ сходенъ съ именительнымъ только во множеств. ч., а не въ единственномъ. Съ перваго раза можно думать, замѣчаетъ онъ, что въ выраженiи: зря свѣтъ запала» нѣтъ грамматическаго смысла, но, вникнувъ, найдемъ, что оно не только коренное русское, но составляетъ еще красоту слога; мы говоримъ *серцевѣдецъ-Богъ, надежа—царь, сладость—счастье*. Зря—свѣтъ тотъ же оборотъ. Онъ переводилъ: Долга ночь темнѣеть, свѣтлая зря пропала.

Цавскiй: Мрачная ночь тянется долго.

Вельтманъ: Ночь медленно тянется; во 2-мъ изд. Уже ночь наступаетъ.

Дубенскій: толкуеть согласно съ Пожарскимъ, что для дружины Игоревой все казалось необыкновеннымъ и долга ночь и не скоро занялась заря (свѣтъ скрыла и мгла) и мгла покрыла поля. Долго ночь мерцаеть, заря съ свѣтомъ пропала.

Миллеръ Вс. *Спала* измѣняетъ въ «запала, задержала разсвѣтъ, по значенію глагола *ζαπατι* ἐμπόδιον, препятствовать, останавливать. Но любопытно знать, какъ заря можетъ воспрепятствовать появленію разсвѣта?

Потебня: Мръкнеть т. е. долго находится въ состояніи мрака, не только кажется долгою, но и дѣйствительно долга, не по времени года. Далѣе слѣдуетъ описаніе мрачнаго утра, какъ это признано между прочимъ Максимовичемъ, Майковымъ и другими. Я перевожу: «какъ только заря предсказала свѣтъ, туманъ покрылъ поля (тоже своего рода ночь и разница лишь та, что пѣнье соловья уснуло, и пробудился говоръ галици). *Запала* онъ превратилъ въ «заповѣдала».

Андріевскій: Долго свѣтъ мръкнеть
Заря мгла запала.

Прозоровскій: Настала глубокая ночь; свѣтъ померкъ съ зарею. *Запала*, значить, будто бы съ собой унесла.

Педагог:

Бораблевъ: Долго ноченька разстиляется,
Заря свѣтъ погасла.

Погосскій опустилъ это мѣсто.

В. М. Долго длится ночь, заря (звѣзда)
Затаила свѣтъ свой.

Алябьевъ: Долго длится мракъ ночной, заря
свѣтъ проглянула.

Литераторы:

Павловъ (Бицивъ): Долго ночь меркаетъ,
Свѣтъ заря запала.

Скульскій: Меркнетъ вечеръ лѣтній,
Свѣтъ заря запала.

Поэты:

Гербель: Спускается ночь съ высоты
Заря чуть мерцая, въ дали догораетъ.

Мей: Поздно. Меркнетъ ночь,
Свѣтъ—зорька закатилась.

Майковъ А. Ночь рѣдѣетъ.
Бѣлый свѣтъ проглянулъ.
По степи туманъ понесся сырю.

Здѣсь, замѣчаетъ онъ, видятъ картину ночи. Но по моему это раннее утро. Померкнуть, говоря о чемъ-нибудь блестящемъ, значить угаснуть и вмѣстѣ потерять свой свѣтъ, потемнѣть, поблѣднѣть, словомъ, въ обоихъ случаяхъ означаетъ *убыль*. Ночь меркнетъ, значить, что ночь убываетъ, блѣднѣетъ т. е. стало свѣтатъ. «Заря свѣтъ запала» переводятъ «заря медлитъ»; по моему, напротивъ занялась, какъ мы говоримъ: лучъ запалъ въ этотъ мракъ.

10.

„Щекотъ славій усне, говоръ галичь убуди.“

Ошибка писца или недосмотръ издателей состоитъ здѣсь въ словѣ «убуди». Очевидно, слѣдуетъ читать «убудися». Какъ произошла эта ошибка, разгадать не трудно. Мы знаемъ, что окончаніе ся глаголахъ въ Пушкинской рукописи было титлованное и означалось только надписною буквою с. Такъ, Малиновскій въ своихъ черновыхъ

бумагахъ скопировалъ одно слово съ подобнымъ окончаніемъ въ слѣдующей формѣ: и рассоушѣ.

Отсюда можно заключить, что и «убуди» имѣло здѣсь подобное же написаніе, т.-е. оукоуди^ѣ. Недосмотръ надписнаго е могъ быть и со стороны издателей, но всего вѣроятнѣе, что это ошибка писца, одна изъ такихъ, которыя часто замѣчаются въ рукописяхъ XVI в. Итакъ, слѣдуетъ читать: оукоуди^ѣ т.-е. убудися.

Въ виду этой поправки мы переводимъ:

„Уснуло пѣніе соловья,
„Голосъ галокъ пробудился.

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ перевелъ: «Престалъ щекотъ соловьевъ; замолокъ говоръ галокъ».

Малиновскій: «Умолкаетъ пѣснь соловьиная, не слышать переключки галочей».

Въ *«Первомъ изданіи»*: «Пѣснь соловьиная умолкаетъ; говоръ галокъ начинается».

Комментаторы:

Шишковъ: Въ «Преложеніи» весьма несправедливо истолковано: говоръ галокъ начинается, ибо сочинитель хочетъ изобразить здѣсь наступающую тишину ночи и умолканіе всего, слѣдовательно, и Галокъ. Знаменованіе глагола «убуди» должно здѣсь производиться отъ глагола «убывать» (убуди) а не отъ глагола «будить» (убуди), и потому слово сіе значитъ уменьшаться, оканчиваться, преставать, а не начинаться.

Пожарскій: «Глаголь «убуди» значитъ здѣсь, какъ видно, изъ другихъ мѣстъ «Слова» восталъ, начался. Сверхъ сего слова «щекотъ» и «говоръ» не правильно названы у Шишкова прилагательными именами, данными соловьямъ и галкамъ, но имъ самимъ даны прилагательныя имена отъ соловьевъ и галокъ, какъ видно изъ словъ подлинника: щекотъ славій, говоръ галичь, т.-е. соколъ соколяный, говоръ галичій.

Грамматинъ первый сталъ переводить вѣрно: «Пѣніе соловьиное заснуло, крикъ галичей пробудился».

Павскій: «Крикъ галокъ пробудился».

Дубенскій перевелъ вѣрно: «Свистъ соловьиный умолкъ, крикъ галочій раздался», на основаніи аналогіи, хотя и не высказываетъ, что здѣсь описки или недосмотръ.

Миллеръ предложилъ читать или: «мгла поля покрыла, щекоть славій успи, говоръ галичь убуди», или «щекоть славій успе, голосъ галичь убудися».

Прозоровскій: «*порою* говоръ галокъ пробуждался».

Педагоги:

Кораблевъ: «Пѣніе соловья смолкло, «говоръ воиновъ» разбудилъ галокъ».

Алябьевъ: «Говоръ галчій поднялся».

Ласкинъ: «Шумъ пробудилъ галокъ».

Литераторы:

Павловъ (Бицинъ): «Щелкайце соловьевъ смолкло,
«Галочей говоръ угомонился».

Скульскій: «Смолкло птичье пѣнье,
«Галки накричались и угомонились».

Поэты:

Гербель: «Соловей умолкаетъ,
«Кликъ галочей слышенъ порой».

Мей: «Задремала пѣсня соловьиная,
«Пробудился говоръ галочей».

Майковъ А.: «Позамолкнулъ щекоть соловьиный,
«Галчій говоръ по кустамъ проснулся».

11.

„Дремлетъ въ полъ Ольгово хороброе гнздо далече залетло; не былонъ обидь порождено ни соколу, ни кречету.“

Здѣсь требуетъ разъясненія слово «не былонъ», какъ оно появилось и какъ слѣдуетъ его читать.

До насъ дошли ясныя слѣды колебанія первыхъ издателей, при разбираниі и пониманіи этого слова. Если въ Московской (печатной копіи) мы видимъ «не былонъ», то въ Петербургской (Пушкинской) читаемъ въ формѣ «не было нъ». Не зная, куда дѣвать это нъ, издателя рѣшили напечатать слитно, какъ стояло въ подлинникѣ. Если бы они выкинули это нъ, то скрыли бы для насъ навсегда одинъ изъ важныхъ палеографическихъ слѣдовъ подлинника. Теперь же мы имѣемъ полную возможность разъяснить, въ чемъ тутъ ошибка. Мы уже не разъ указывали, что Пушкинская рукопись «Слова», относилась по письму къ XVI вѣку, когда писцы, возвращаясь къ древнему правописанію, стали употреблять глухіе ъ и ь вмѣсто гласныхъ ѡ и е и при томъ не всегда правильно, вслѣдствіе чего глухія появились и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ не допускала того русская рѣчь. Выраженіе «не былонъ» отражаетъ въ себѣ слѣдъ этого обычая. Въ рукописи это выраженіе имѣло такое написаніе: некъмонъ. Конечное ѣ здѣсь явилось вмѣсто ѡ, точно такжѣ какъ вмѣсто «рече» писецъ XVI вѣка написалъ «речь». (Ср. въ Московской копіи: помняшетъ бо речь, и въ Петербургской: и речь Всеволодь... речь Кончакъ; а также «понизитъ», «вонзитъ».)

Такимъ образомъ некъмонъ слѣдовало читать не ѡмонъ, т.-е. «не было оно». ѣ является здѣсь только какъ палеографическій слѣдъ писавшей руки XVI в., обыкшей ставить глухіе вмѣсто гласныхъ, пытавшейся подражать древнему правописанію. Точно такой-же примѣръ мы можемъ видѣть въ «Хожденіи Пимена митрополита втретіе въ Цариградъ» (Русс. Врем. М. 1820 г.).

Здѣсь между прочимъ читаемъ: «а оба полъ царя 12 оружниковъ, а отъ главъ ихъ и до ногу все «желъзонъ» (стр. 212). Здѣсь

въ словѣ «желѣзонъ» какъ разъ точно также въ концѣ ѣ стоитъ вм. о, и наоборотъ, въ серединѣ о вмѣсто ѣ, т.-е. слѣдовало бы читать и написать: желѣзѣно.

Въ виду сихъ соображеній, мы не можемъ принять ни поправки, какъ читалъ *Тихонравовъ*, нз на оз (не было оз обидѣ), ни перемѣны нз на нз, какъ предполагалъ Миллеръ: (не было нз обидѣ порождено) и убѣждены, что слѣдуетъ читать такъ: не въ омѣ, или же держась точнаго правописанія и раскрывая титло: «не было оно».

Изъ прежнихъ комментаторовъ *Шишковъ* предполагалъ, что нз здѣсь есть сокращенное «оно».

Какъ въ древнихъ рукописяхъ главное затрудненіе для писцевъ обусловлено было *слитымъ* начертаніемъ словъ, такъ при чтеніи и списываніи рукописей конца XV и XVI вѣковъ наиболѣе всего затрудняли надстрочныя буквы и титлованныя окончанія, вслѣдствіе чего два слова были принимаемы за одно. Вмѣсто того, чтобы читать раздѣльно: не въ омѣ т.-е. не было оно, издатели, послѣ указаннаго колебанія напечатали: «не было нз», т.-е. два слова слили въ одно. Подобныя примѣры встрѣчаются и у позднѣйшихъ издателей. Такъ въ томъ же «*Хожденіи Пимена*» (Русс. Врем. М. 1820 г.) читаемъ: «Внидохомъ въ землю Татарскую, ихъ же множество зѣло *оба Полдона рѣки* вм. оба полы Дона (стр. 298).

12.

„Кая раны дорога, братіе, забывъ чти и живота.

Разъясненія здѣсь требуетъ только то, почему «кая» не согласовано съ «раны». На нашъ взглядъ, ошибка принадлежитъ здѣсь исключительно издателямъ. Мы уже видѣли, что Пушкинская рукопись «Слова», отражая на себѣ печать писавшей руки XVI в., испещрена была надписными буквами и титлованными окончаніями. Слово «*рана*» въ подлинникѣ имѣло подобное же титлованное написаніе, т.-е. въ формѣ: какъ рѣ.

Что оно было написано именно въ такой формѣ это видно изъ первоначальнаго процесса разбиранія этого мѣста первыми издателями.

Мусинъ-Пушкинъ первоначально перевелъ его такъ: «Къ чему было, братцы, такъ безвременно ополчатся». Главный редакторъ 1-го изданія—Малиновскій также сначала перевелъ: «Къ чему же было такъ *«рано»* ополчатся». За тѣмъ въ черновомъ переводѣ все это зачеркнулъ и, приписавши вверху: «Сколь дороги, братцы, тому... *«рано»* поправилъ на «раны». Возможность вмѣсто *«раны»* читать *«рано»* ясно намъ указываетъ, что слово это было написано именно такъ *рѣ*. Догадавшись, что подъ титломъ скрывается «рана», а не «рано» и считая «кая» стоящимъ во множественномъ числѣ, онъ согласовалъ съ нимъ и «*рѣ*», при выводѣ изъ-подъ титла. Убѣдившись въ такомъ чтеніи онъ прежній переводъ зачеркнулъ и сверху написалъ: «сколь дороги, братцы тому и затѣмъ стоящее въ строкѣ *«рано»* поправилъ на «раны».

Такъ въ *Пушкинскомъ текстѣ* явилось слово «раны» не согласованное съ «кая». Слѣдуетъ, очевидно, читать «кая *рѣ*, т.-е. рана дорога».

Что касается слова «дорога», которое повидимому внутренно не гармонируетъ съ «рана», то для правильного его пониманія необходимо имѣть въ виду особенность синтаксическаго употребленія слова «*дорогой*», въ силу коего грамматически оно ставится не тамъ, гдѣ требуется логически ¹.

Комментаторы:

Шипковъ, какихъ опасностей побоятся, или на такіе трудные подвиги не пустится тотъ, въ чьемъ сердцѣ толика къ славѣ горитъ любовь.

Малиновскій: «Какія, братцы, раны будутъ дороги».

Грамматинъ, Пожарскій, Вельтманъ: «Какія дороги раны».

Грамматинъ замѣтивъ грамматическую несообразность изданнаго чтенія, исправилъ такъ: «кыя раны дороги», понимая «*дорогой*» въ значеніи латинскаго «*carus*».

¹ См. въ «Лексикологіи»: «*дорога*».

Дубенскій: «Какой раны побоятся тотъ».

Эрбенъ раны поправилъ на *рать*. Какая рать дорога или какой же былъ дорогой бой.

Гаттала читалъ: «кая ранъ дорога (via)».

Миллеръ Вс.: «Кая» принимаетъ за причастіе отъ «клати», относящееся къ Всеволоду, какъ дальнѣйшее *забытъ*; *раны* винит. множ. «Дорога братіе» — обращеніе къ слушателямъ; онъ даже находить еще болѣе удовлетворительнымъ чтеніе «дорога брата». Стало-быть, основательно замѣчаетъ А. Ѳ. Потенія, Всеволодъ оплакивалъ раны Игоря, когда «поскочаше». Время для этого выбралъ неудобное, не говоря о грамматическихъ затрудненіяхъ. Предыдущій періодъ, къ которому, по предположенію, должно тяготѣть «кая», совершенно замкнуть зват. пад. Если же «кая» послѣ точки и если оно есть причастіе, то все это мѣсто остается безъ полного сказуемаго. Къ чему будетъ относиться это придаточное предложеніе, въ свою очередь спрашиваетъ А. И. Смирновъ, когда впереди нельзя подобрать къ нему главнаго?

Андреевскій: «Кая раны братни» и толкуетъ, что это значитъ: «казня за раны братни».

Прозоровскій: «Какія братцы раны «дороже его ранъ».

Педагог:

Малашевъ: «Какія раны страшны».

Алябьевъ: «И до ранъ ли тутъ, братцы».

Ласкинъ: «Терзаясь печалію о ранахъ дорогаго брата, забылъ».

Литераторы:

Павловъ (Бидинъ): «Братцы, важны ли тому какія раны».

Скульскій: «Ужъ тебѣ теперь не до ранъ своихъ».

Поэты:

Гербель: «Какой побойтся онъ раны».

Мей: «Да и къ чему ему, ребята, головы жалѣть».

Майковъ: «Кая раны дорога», выраженіе не легко объяснимое.

Само собою разумѣется, принимая указанное чтеніе въ силу изложенныхъ палеографическихъ основаній, мы гѣмъ самымъ отказываемся отъ поправки *этого мѣста, какъ и многихъ другихъ*, предложенныхъ нами на III Археологическомъ Съѣздѣ въ Кіевѣ, гдѣ выражали предположеніе, не слѣдуетъ ли здѣсь вмѣсто: «кая раны друга» читать «кая раны дръуга», въ смыслѣ: еще ли есть «иныя раны».

13.

Тоже звонъ слыши давній великій Ярославъ, сынъ Всеволожь, а Владиміръ...

Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что въ текстѣ идетъ здѣсь рѣчь о той самой борьбѣ Олега, ковавшего крамолу съ Ярославичами изъ за Черниговскаго престола, въ которой, какъ ниже говорится, палъ Борисъ Вячеславичъ за обиду Олега храбра и млада князя.

Но если такъ, то возникаетъ недоумѣніе, какѣ явилось чтеніе: Ярославъ сынъ Всеволожь» вмѣсто «*Всеволодъ*», который былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ этой борьбѣ.

Подобная поправка могла быть сдѣлана, конечно, и древними писцами: ничто такъ часто не подвергалось неисправной перепискѣ, какъ имена собственные. Но древніе писцы переписывали, не мудрствуя лукаво; здѣсь же, въ этой поправкѣ сквозятъ грамматическія соображенія, и потому едва ли не справедливѣе отнести ее на счетъ первыхъ издателей Пушкинскаго текста. Въ рукописи, всего вѣроятнѣе это мѣсто имѣло такое написаніе: Ярославъ снъ ксеволоѣ. «*Ярославъ*» здѣсь является вмѣсто «*Ярославль*» по живому говору безъ смягченія губнаго *в*, какъ и въ другомъ мѣстѣ: мати Ростиславя вм. Ростиславля. Но издатели, какъ показываютъ всѣ ихъ переводы, и перваго изданія,

и Мусина-Пушкина и Малиновскаго, считали здѣсь *дросамъ* за имя существительное и были убѣждены, какъ видно изъ ихъ «Примѣчаній», что здѣсь равумѣется «Ярославъ, сынъ Всеволода Ольговича съ 1174 по 1200 княжествомъ Черниговскимъ обладавшій». Въ виду такого убѣжденія, если въ текстѣ и стояло *всволао*, они должны были признать ошибкою писца и переправить «сынъ Всеволодъ» на «сынъ Всеволожъ» согласно своему пониманію не вызывавшему ни малѣйшаго недоумѣнія. Они тщательно избѣгали поправокъ, но допускали ихъ тамъ, гдѣ смыслъ для нихъ самихъ былъ ясенъ и гдѣ казавшаяся имъ грамматическая ошибка писца могла затемнить его для читателя.

Тоже слѣдуетъ читать *тѣже*. Здѣсь является опять *таже* палеографическая ошибка, на которую мы указали выше т. е. недописанный *з*, какъ въ словѣ «*подобію*» вм. «*по дукію*». При этомъ считаемъ нужнымъ замѣтить, что съ нарѣчіемъ *тѣ* въ древне-русскомъ языкѣ соединялось нѣсколько иное значеніе, чѣмъ какое соединяется съ нимъ въ наше время ¹.

Въ виду сихъ соображеній мы переводимъ:

„При этомъ и Всеволодъ,
„Сынъ Ярославовъ, слышалъ звонъ
„И Владиміръ каждый день
„Затыкалаъ уши въ Черниговѣ ² .

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ перевелъ: «Таковой же звукъ побѣды слышалъ старый великій Ярославъ, сынъ Всеволодовъ».

Малиновскій колебался здѣсь только въ томъ, куда относить слово «*давній*». Сначала онъ сдѣлалъ такой переводъ: «Когда онъ (Олеги) ступалъ въ золотое стремя въ городѣ Тмутаракани, то отдавался

¹ См. въ «Лексикологіи» тѣ.

² Что значить «слышать звонъ» и «закладывать уши» см. въ Лексикологіи слова: «*звонъ*» и «*закладывать*».

звукъ у стараго Ярослава сына Всеволодова, но потомъ слова «то отдавался звукъ у» зачеркнулъ и написалъ надъ строкою: «Давній звукъ великихъ побѣдъ его слышалъ», и за тѣмъ исправилъ окончанія дальнѣйшихъ словъ: *старый* (вм. аго) Ярославъ (вм. а) сынъ (вм. а) Всеволодовъ (вм. а). Отсюда видно, что первый редакторъ «Слова»: «*давній*» и «*великій*» относилъ сначала къ «звону». Увѣренность его, что здѣсь разумѣется Ярославъ Черниговскій была такъ велика, что и слова «*давній*» и «*великій*», которыя не совсѣмъ подходили къ этому князю, онъ относилъ къ «звону». Но потомъ, какъ видно, изъ печатнаго текста, онъ убѣдился, что слова «*давній*» и «*великій*» относятся не къ «звону» но къ «Ярославу» хотя Ярослава Черниговскаго авторъ «Слова» не могъ назвать ни «старымъ», ни «великимъ».

Въ *Первомъ изданіи* Малиновскій удержалъ этотъ послѣдній переводъ: «Звукъ побѣдъ его слышалъ старый и великій Ярославъ, сынъ Всеволодовъ, но Владиміръ затыкалъ себѣ уши всякое утро въ Черниговѣ».

Комментаторы:

Пожарскій: «И сей звукъ слышала Ярославъ, сынъ Всеволожь, а Владиміръ».

Грамматинъ: «Также слышалъ Ярославъ, а Владиміръ сынъ Всеволожь».

Вельтманъ: «И онъ же слышалъ звонъ (призывъ) «*давняго Великаго Ярослава*».

Дубенскій «Тогда же Великій Ярославовъ сынъ Всеволодь слышалъ звонъ, отъ котораго Владиміръ всякое утро закладывалъ уши въ Черниговѣ. Слово «Давный» говоритъ онъ, здѣсь значить «старый», но въ переводѣ его опустилъ. *Затыкалъ уши*, чтобы не слышать звона, т.-е. любилъ миръ, не участвовалъ въ раздорахъ».

Снегиревъ первый сталъ читать: «*Ярославъ сынъ Всеволодь*».

Максимовичъ, тоже.

Миллеръ Вс. Въмѣсто «Ярославѣ» слѣдуетъ читать «Ярославль», вмѣсто «Всеволожь» Всеволодъ. *Ярославъ* въ текстѣ будто бы не прилагательное отъ Ярославъ, но само это имя съ обычнымъ въ рукописи «*Слова*» мягкимъ знакомъ ъ послѣ конечнаго в (ср. соколовъ). Постановка Ярослава на мѣсто Ярославль объясняется вѣроятно тѣмъ, что прилагательное *давній* напомнило переписчику стараго Ярослава. Между Всеволодомъ и Владиміромъ та разница, что первый слышалъ звонъ, а второй не хотѣлъ его слышать и затыкалъ уши.

Потебня слѣдуя чтенію Буткова: «слыша Ярославъ, а сынъ Всеволожь Владиміръ» разумѣетъ здѣсь Ярослава I и находитъ здѣсь вѣру въ связь живыхъ съ умершими. При этомъ *тоже* измѣняетъ на *тѣже*. Олегъ, рассуждаетъ онъ, только, вступаетъ еще въ стремя, и уже этотъ (*тѣ же*) звонъ услышалъ древній Великій Ярославъ (т.-е. на томъ свѣтѣ) какъ и до сихъ поръ сохраняется вѣра въ существованіе связи живыхъ съ усопшими предками и въ возможность передавать вѣсти на тотъ свѣтъ. Что же до современниковъ, то сынъ Всеволодовъ Владиміръ каждое утро (какъ только проснется) уши (себѣ) затыкалъ въ Черниговѣ, потому что этого рода слава, по извѣстнымъ личнымъ его свойствамъ, была ему противна». Но такое мнѣніе, какъ справедливо замѣчаетъ *Гонсіоровскій* грѣшитъ натянутостію. Съ какой стати, спрашивается, авторъ «Слова» приплелъ Ярослава къ имени Олега? Что хотѣлъ онъ сказать этимъ сопоставленіемъ живыхъ съ умершими?»

Андріевскій передѣлалъ же это мѣсто такъ: «Той бо Олегъ (в)ступае̄тъ въ златъ стремя въ градѣ Тмутораканѣ и стрѣлы по земли сѣяше, а Владиміръ, воукъ Ярославль, сынъ Всеволожь ѡяв ура̄ уцѣ мечемъ завла̄ше въ Черниговѣ. Не говоря уже о конечномъ искаженіи текста, въ которомъ нельзя узнать подлинника, изъ сдѣланныхъ начертаній словъ видно, что г. Андріевскій не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о палеографіи. Никогда и никакой писецъ русскій не начерталъ бы словъ разумѣваемыхъ подъ его іероглифами такъ, какъ написалъ онъ самъ.

Прозоровскій: «Тотъ же давнишній великій звонъ слышалъ и Ярославъ сынъ Всеволодовъ, а Владиміръ всякое утро затыкалъ уши въ Черниговѣ». Все это, по его мнѣнію, относится совсѣмъ къ другимъ князьямъ, чѣмъ къ какимъ относится по смыслу текста и потому, какъ мы видѣли, онъ перенесъ въ другое мѣсто.

(Точно такъ по его мнѣнію Боянъ сказалъ припѣвъ: «не хитру ни горазду, не Всеславу, а Борису Вячеславичу»).

Гонсіоровскій: «Звонъ слышалъ Всеволодъ, а не Ярославъ, и не звонъ славы, а звонъ крамолы, которую ковалъ Олегъ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ намеками на историческіе факты, а не съ какимъ то указаніемъ на вѣру въ связь живыхъ съ умершими. *Ярославъ* вм. Ярославль здѣсь будто бы: не Русская форма, а Вятичско-Польская.

Педагоги:

Кораблевъ: «Владиміръ уши закладывалъ (у воротъ)».

В. М.: «Когда же ступалъ Олегъ, то звонъ колоколовъ, сзывавшихъ дружину на рать, слышалъ даже Ярославъ; Владиміръ, княжившій въ Черниговѣ, къ возвращенію котораго стремился Олегъ, по цѣлымъ днямъ уши затыкалъ».

Алябьевъ: «И тѣ звоны слышалъ старый Ярославовъ сынъ Всеволодъ, а Владиміръ... Вступаетъ бывало въ золотое время (Олегъ) еще въ городъ Тмутаракани».

Литераторы:

Павловъ (Бицинь): «А уже звонъ Всеволодъ, а Владиміръ тотъ каждое утро себѣ уши затыкалъ».

Скульскій: «Едва онъ, бывало садится въ Тмутаракани въ сѣдло, какъ сынъ Ярославовъ Всеволодъ издали звонъ узнавалъ».

Поэты:

Майковъ: «Слышалъ трубы Всеволодъ великій
«И съ утра въ Черниговѣ Владиміръ
«Самъ въ стѣнахъ закладывалъ ворота».

Гербель: «Тогда призывнымъ звукамъ брани
«Великій Всеволодъ внималъ.»

14.

*Бориса же Вячеславлича слава на судѣ приведе и на ка-
нину зелену наполому постла.*

Тайнственнымъ и непостижимымъ даже до сего дня служить здѣсь выраженіе «*канина*». Всѣ попытки уяснить его такъ или иначе остаются безуспѣшными. Къ счастью найденныя нами черновыя бумаги Малиновскаго показываютъ, что единственный путь къ разгадкѣ этого таинственного слова есть путь палеографическій. Онъ прежде всего доказываютъ, что это слово, появившееся въ печатномъ текстѣ не представляетъ въ себѣ буквального воспроизведенія рукописнаго оригинала. Между «Темными мѣстами» выписанными изъ оригинала рукою Малиновскаго мы читаемъ это выраженіе совершенно въ другой формѣ: «*на казаниноу зелену наполому постла*». Выписывая «мѣста» казавшіяся ему «темными» онъ не разъ поправляетъ самого себя и въ самыхъ начертаніяхъ буквъ старается строго отвѣчать оригиналу. Въ данномъ мѣстѣ въ концѣ слова «наполому» онъ также сначала написалъ въ концѣ *у* простое, а затѣмъ уже вставилъ въ срединѣ *о*, передѣлавъ такимъ образомъ *у* на древнее *оу*. Это совсѣмъ не такой черныкъ, въ которомъ, какъ нѣкоторые воображаютъ, Малиновскій, усиливаясь вычитать смыслъ въ томъ или другомъ словѣ. Это, какъ можетъ видѣть читатель въ «*Приложеніяхъ*», наилучшая копія Пушкинскаго списка, хотя и воспроизводитъ для насъ лишь нѣкоторыя мѣста. Сравнивая слово «*казаниноу*» съ печатнымъ «*канину*» нельзя не убѣдиться, что печатный текстъ не вполне воспроизводитъ оригиналъ, въ которомъ за слогомъ *ка* слѣдовалъ если и не слогъ *за*, то какая-то другая буква, по всей вѣроятности стоявшая подъ титломъ и потому легко опущенная издателями.

Единственнымъ указателемъ для воспроизведенія этихъ буквъ, опущенныхъ издателями служить дальнѣйшее выраженіе: «*Съ тоя же Каялы*» повелѣя Святополкъ... Слова «*съ тоя же Каялы*» прямо ука-

зываютъ на то, что и выше была упомянута та же «*Каяла*». Въ виду этого, кажется, весьма позволительно и въ словѣ «*казанину*» выписанномъ изъ самаго оригинала, искать прежде всего «той же *Каялы*».

Въ Пушкинской рукописи слово это, повидимому, имѣло подобное написаніе:

каѣинноу.

Только при подобномъ написаніи этого слова, могло оно въ «*Темныхъ мѣстахъ*» Малиновскаго явиться въ видѣ «*казанину*». Если бы буква *з* была написана въ строкѣ, то едва ли бы издатели рѣшились совсѣмъ выкинуть цѣлый слогъ: но, очевидно, она была подѣ титломъ и притомъ въ такомъ начертаніи, что возбуждала колебаніе, точно ли еще это *з*; притомъ же никакая Казань не вѣдома въ южно-русскихъ степяхъ и потому, по всей вѣроятности, какъ эту надписную скорописную букву такъ и одно *а*, стоявшее въ строкѣ, они признали за ошибку писца и выкинули въ печатномъ текстѣ, приурочивъ въ своемъ переводѣ—*канину* паполому къ «конской попонѣ»,

Можно догадываться, что Малиновскій, начертавъ въ своихъ «*Темныхъ мѣстахъ*» Казаниноу во 1-хъ неправильно вывелъ второй слогъ изъ подѣ титла: слѣдовало читать не «каза», а *кааз*; во 2-хъ эта надписная скорописная буква была не *з*, а именно *л*. Малиновскій принялъ эту надписную букву за *з*, вѣроятно потому, что, приближаясь къ строчному *а*, она дѣйствительно походила на *з*. Да наконецъ, она и сама по себѣ, могла своимъ начертаніемъ обличаться съ *з*.

Въ виду сихъ палеографическихъ соображеній *вм. на каза* слѣдовало читать «*на каа'*»; при раскрытіи же полного титла: «*на кааму*» или точнѣе на *кааму* (*а* замѣняло *л*, какъ и въ другихъ мѣстахъ «Слова». Ср. *врѣжеса* *вм. врѣжеса*).

Чтобы наши соображенія не казались произвольно гадательными, представляемъ здѣсь нѣсколько палеографическихъ образцовъ изъ рукописи переходной эпохи отъ полуустава къ скорописи конца XVI в., которые наглядно показываютъ, какъ легко неопытный писецъ или читатель можетъ принять одну скорописную букву за другую, и въ частности,

зывается не иначе, как *Каялой*. Замѣчательно, что символизмъ этотъ проникъ и въ Лѣтописный рассказъ о походѣ Игоря ¹.

На этихъ соображеніяхъ основанъ нами слѣдующій переводъ этого мѣста:

„Похвальба же Бориса Вячеславича
 „До смертной судьбы его довела,
 „И на Каялу ниву зеленую
 „Погребальный покровъ постлала.

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ: «Бориса же Вячеславича слава привела на судъ. Онъ положенъ на зеленую конскую попону.

Малиновскій удержалъ этотъ переводъ какъ въ «черновыхъ бумагахъ», такъ и въ «*Первомъ изданіи*».

Комментаторы:

Пожарскій: Паполома не есть попона, а также и «канина» не есть конская». Паполома значитъ покрывало или коверъ, который въ древнія времена вмѣсто покрывала употреблялся. Прилагательное имя «канина» происходитъ не отъ коня, но отъ шелковаго червя, называемаго по польски: «*кани*»; происходитъ (*kania przedza*—каниа пряжа). Итакъ, подъ «словами канина зелена паполома» разумѣется шелковое зеленое покрывало. Но г. *Гонсіоровскій* замѣчаетъ, что въ Польскомъ языкѣ нѣтъ слова *kani* въ томъ значеніи, какое приписываетъ Пожарскій; существительное *kania*—значитъ птица, что, конечно къ дѣлу нейдетъ. Что касается выраженія: «*Kania przedza*», то оно означаетъ чужедное растеніе, вьющееся по льну, а не шелковую пряжу.

Грамматинъ «канину» переправилъ въ «*коницу*» въ соотвѣтствіе переложенію первыхъ издателей, и подобно имъ перевелъ: Бориса же Вячеславича слава ко гробу привела и на конскую зелену попону положила».

¹ См. въ Лексикологін: «*Каяла*», «*судъ*», «*паполома*».

Вельтманъ читалъ тоже «*канину*», но производилъ отъ «*конь*», судя, предѣлъ и въ примѣненіи къ данному мѣсту понималъ въ смыслѣ послѣдняго крова, т.-е. земли; переводилъ также, какъ Граммативъ. Въ подлинникѣ, говорить онъ, безъ сомнѣнія (?) было коняню т.-е, конечно, что и принято за «*кониину*».

Дубенскій предполагалъ въ «*канинѣ*» «*ткань ину*», но вмѣстѣ замѣчалъ, что производство отъ «*конь*» лучшее, пока не представится другаго и перевелъ «на конскій зеленый покровъ».

Снегиревъ, принимая въ соображеніе «*Канинъ*», о которомъ говорится въ лѣтописи подъ 1152 г., что у Горючева близъ города, полагалъ, что въ пѣсни Игоря разумѣется здѣсь «*Канинскій зеленый покровъ*, означающій зеленую мураву поля или луга».

Максимовичъ сначала разумѣлъ здѣсь также шелковый зеленый покровъ, а потомъ перешелъ къ мнѣнію Снегирева, усматривая въ *Канинѣ* собственное имя рѣчки или луга. Г. Смирновъ справедливо замѣчаетъ, что была ли Нежатинская битва близъ Чернигова—вопросъ не рѣшенный.

Гедеоновъ: *каня*, конюхъ, полевой коршунъ: у Чеховъ *kaně*, у Поляковъ *kania*. *Канина* можетъ быть тѣло, обреченное на съѣденіе коршунамъ.

Огоновскій: «На ковылу зелену».

Верхратскій: *Канина* значить тоже самое, что и Греческое *κάννα*—Rohr, Schilfgras.

Мидлеръ Вс. «Рѣка Каяла поставлено здѣсь на мѣсто чего-то другаго, ибо едва ли автора «Слова» можно обвинять въ незнаніи того, что битва произошла не на Каялѣ, а близъ Чернигова. Вѣроятно позднѣйшій переписчикъ замѣнилъ непонятное ему названіе рѣкою Каялой. Выраженіе на «*канину* для насъ остается такой же загадкой, какою оно было для автора сказаніе Дм. Ив. который уясняетъ его себѣ

слѣд. образомъ: а чаду твоему Іякову лежати на «зелень ковыль» травѣ, на полѣ Куликовѣ.

Потебня: ни «канину», т.-е. на конскую зелену попопу (его) простерла, на коверъ на которомъ Бориса понесли съ поля—или же «конъ ину», т.-е. на конецъ ину» (не такую, какъ прежде не обычную, а зеленую пополому (ему) постгала т. е. траву, или же въ виду чтенія Малиновскаго, на кровать ину: на зелену паполому простыла т.-е. простерла его. Но всѣ подобныя чтенія были бы крайне жалкими образами, недостойными автора «Слова». Что за поэзія была бы въ словахъ «на конецъ ину» или «на кровать» въ отношеніи къ человѣку, который убитъ на полѣ брани.

Кн. П. П. Вяземскій читаетъ конмаж, считая канину произношеніемъ Великорусскимъ. Но въ Великой Россіи не слышно чтобы гдѣ нибудь вмѣсто «конный» говорили «канный».

Андріевскій передѣлываетъ такъ: «И на березѣ кѣзминоу храбра и млада князя, шкѣломоу зелену, постла. Быть можетъ обороть и очень поэтичный выходить, но къ сожалѣнію, не принадлежитъ автору «Слова».

Проворовскій: Покойный Погодинъ выраженіе «на канину» (повторяя Снегирева и Максимовича, замѣтимъ мы) объяснялъ такъ: «зеленый лугъ у Канина близъ Чернигова». Канинъ былъ, какъ видно изъ Лаврентьевской лѣтописи, между Сновомъ и Гуричевымъ городомъ. почти подъ Черниговымъ, со стороны Глухова; между тѣмъ положеніе Нежатиной нивы, на которой убитъ былъ Борисъ Вячеславичъ въ лѣтописяхъ не опредѣлено, почему и трудно утверждать, что нива эта была поле у Канина; при томъ же тогда было бы сказано: не на «канину» а на «канинску зелену паполому». Мнѣ кажется, что въ правильныхъ спискахъ поэмы стояло «на канину», (?) и вотъ почему въ одной рукописи 1263 г. канищемъ называется тѣло Адама, еще не оживленное дыханіемъ жизни; равнымъ образомъ тамъ же «канию» названа безжизненная фигура, кумиръ, истуканъ, а также ножны,

сабли (Опис. р. Син. д. № 1—3 стр. 105) отсюда: каплица-кумирница, божница. Слѣдовательно въ поэтическомъ смыслѣ «капью» можно назвать тѣло, трупъ, а потому выраженіе «на канину» будетъ значить: «на смертную».

Гонсіоровскій вмѣсто канину читаетъ: *кониину*, усматривая здѣсь Польское *koniezuна*, дятлина, дятелина. Онъ переводилъ; слава Бориса Вячеславича привела на поле битвы и на зеленой дятлинѣ постлала ему смертный одръ.

Педагоги:

Бораблевъ: И на канину... постлала.

Малышевъ: положила на зеленую скатерть р. Каялы. «Изъ дальнѣйшаго выраженія: Съ той же Каялы» онъ заключалъ, что и здѣсь нужно читать: на Каялину, и при этомъ замѣчаетъ: тутъ анатонизмъ, такъ какъ извѣстно изъ лѣтописи, что Борисъ былъ убитъ близъ Чернигова, а не на р. Каялѣ.

Ласкинъ: «И на Канинѣ зеленый лугъ положила».

Литераторы:

Павловъ (Бицинъ): уложила его на смертный зеленый коверъ.

Скульскій: уложила его на зеленъ коверъ, на сыру землю, на смертный одръ.

Поэты:

Гербель: «И положила на коверъ,
«На бархатъ конскаго покровъ.

Мей: «На конской зеленой покровъ.

Майковъ. «Но Бориса ополчила слава
«И на смертный одръ его сложила
«На зеленомъ полѣ у Канина.

15.

Съ тоя же Каялы Святополкъ повелтя отца своего между Угорьскими иноходьцы ко Святѣй Софїи къ Кїеву.

Выраженіе «*Съ тоя же Каялы*» указываетъ, что здѣсь рѣчь о событіи, происходившемъ въ той же мѣстности, гдѣ палъ Борисъ Вячеславичъ, о которомъ говорится въ предъидущихъ предложеніяхъ. Но мы знаемъ изъ лѣтописей, что вмѣстѣ съ Борисомъ на Нежатиной нивѣ палъ еще Изяславъ Ярославичъ, котораго однако проводжалъ въ Кїевъ для погребенія, по словамъ Пушкинскаго текста, не старшій сынъ Святополкъ бывшій тогда въ Новгородѣ, а младшій — Ярополкъ. Спрашивается, какимъ же образомъ въ текстѣ появился для проводовъ *Святополкъ*, а не Ярополкъ? Болѣе чѣмъ сомнительно что рѣчь здѣсь идетъ о распоряженіи погребсти отца, послѣдовавшая отъ Святополка изъ Новгорода. Стоитъ только вспомнить тогдашнія пути сообщенія, чтобы понять, какъ долго пришлось бы ожидать этого распоряженія на далекомъ полѣ битвы. Да и по смыслу «Слова» для автора дорого было не это распоряженіе, а самый фактъ гибели Изяслава, самая картина поднятія его съ поля битвы и перевезенія въ Кїевъ—на мѣсто вѣчнаго упокоенія.

Сравнивая выраженіе «*Съ тоя же Каялы Святополкъ*» съ предъидущимъ, какъ у Малиновскаго «*на Казанину зелену паполому постла*, мы замѣчаемъ, что какъ здѣсь въ послѣднихъ слогахъ: *каза-нину*, сохранился слѣдъ *нивы* и исчезла *каала*, такъ въ выраженіи: «*Съ тоя же Каялы Святополкъ*», на оборотъ, уцѣлѣла Каяла и исчезла нива.

Не представляется ли возможности для палеографической критики и здѣсь открыть слѣдъ разложившагося слова *нивы*, какъ въ выраженіи «*каза(нину)*» она можетъ усматривать въ первыхъ слогахъ *кай* т. е. Каалу?

Трудно допустить, чтобы *Святополкъ* явился въ данномъ мѣстѣ вмѣсто *Ярополка* по собственному смышленію древнихъ писцевъ или издателей, и чтобы для чтенія *Святополкъ* вм. Ярополкъ въ самой

рукописи не было видимаго палеографическаго къ тому основанія. Первые двѣ буквы св едва ли не представляютъ остатокъ какого-то другаго слова, стоявшаго въ текстѣ, которое распалось въ сознаниі писца или издателей.

Есть основаніе предполагать, что въ выраженіи: «Съ тоя же *Каямы*»—это послѣднее *Каямы* было написано также какъ и выше *кад* — т. е. съ титловымъ окончаніемъ съ тою лишь разницею, что надписное *л* имѣло здѣсь не скорописное, а полууставное начертаніе и потому здѣсь вѣрно прочтена *кадла*. Изъ вышеприведенныхъ палеографическихъ образцовъ читатель можетъ видѣть, что одно и то же слово въ рукописяхъ указанной эпохи имѣло то скорописную, то полууставную форму (Ср. слово *полкъ*); слѣдующее же *м* относилось къ распавшемуся слову и было ничто иное какъ *н* въ западно-русскомъ написаніи, у котораго поперечная черта падала слишкомъ внизъ и для бѣглаго вниманія походила на *т*. е. все это мѣсто въ рукописи имѣло слѣдующее начертаніе: Съ тоя же *кад* и *Гарополкъ*. Раскрывая титло, слѣдовало читать: Съ тоя же *Каалы нѣмы дрополкъ*. Но древній писецъ или издатель, не подозрѣвая здѣсь *нѣмы*, разложили при чтеніи это слово принявъ *н* надъ которымъ вѣроятно не было точки за *с* и сливая его какъ и дальнѣйшее *к* съ словомъ *Ярополкъ*, прочли *ска*рополкъ—по догадкѣ превративъ въ знакомое *Святополкъ*.

Такъ повидимому, исчезла здѣсь *нѣва* и явился *Святополкъ* вмѣсто *Ярополка*.

Другое затрудненіе весьма долго представлялось въ данномъ мѣстѣ глаголомъ: «*новелья*», но въ настоящее время оно легко устраняется счастливою догадкою г. Потемни, который первый сталъ читать вмѣсто «*новелья*» = «*нолелья*». Такое чтеніе вполне оправдывается палеографическими данными второй половины XVI вѣка. Вотъ палеографическіе образцы этой эпохи, которыя показываютъ, какъ легко неопытному писцу или читателю принять *л* за *в*:

Саошупаааа

в
(шрѣхиса осемъ)

Такое начертаніе буквы *к*, сходное *л* встрѣчается уже у Приказныхъ писцовъ половины XVI в.; къ концу же этого вѣка и въ началѣ XVII оно встрѣчается уже очень часто, Затѣмъ, если бы въ «повелѣя» скрывалось «поведѣ» или «повезѣ», какъ думали нѣкоторые комментаторы, то всего скорѣе далѣе слѣдовало бы: «*на*» Угорскихъ иноходцахъ, а «не *между* Угорскими иноходцы. Предлогъ «*между*» всего болѣе соотвѣтствуетъ глаголу «поделѣять». Наконецъ и художественный строй рѣчи также требуетъ здѣсь, какъ и въ картинѣ смерти Бориса Вячеславича, символическаго изображенія поднятія Изяслава съ поля битвы и перевезенія въ Кіевъ, что все это прекрасно выражается глаголомъ «поделѣять»¹.

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ перевелъ: «Съ той же Каялы велъ Святополкъ войска отца своего между Угорскою конницею ко святой Софiи.

Малиновскій въ черновомъ переводѣ: Съ той же Каялы провелъ Святополкъ войски отца своего сквозь Венгерскую конницу въ Кіевъ ко св. Софiи. Въ первомъ изданiи—переводъ тотъ же.

Барамзинъ вм. «*повелѣя*» читалъ «*по-стѣч-я*», т. е. послѣ сраженія. Онъ первый замѣтилъ, что Изяславъ погребенъ былъ не въ Софiйской, а въ Десятинной церкви и тѣло его привезъ не Святополкъ, а Ярополкъ и сраженіе происходило не на Каялѣ, а близъ Чернигова.

Комментаторы:

Пожарскій: «Въ подлинникѣ нѣтъ слова «войски», глаголъ же «повелѣя» не означаетъ «повелѣ»; а притомъ какая причина была Святополку вѣсть отеческія войска къ церкви; полагать должно, что въ ономъ словѣ скрываются два глагола «повелѣ.ять» т. е. повелѣлъ взять. Мысль будетъ такая: «Съ той же Каялы Святополкъ повелѣлъ взять отца своего среди Венгерской конницы ко св. Софiи».

¹ См. въ Лексикологiи: «поделѣя».

Грамматинъ: Пожарскій не воспользовался поправкою Карамзина и перевелъ: велѣлъ взять, но гдѣ же въ подлинникѣ «взять»; тутъ—я, т. е. взялъ, а не велѣлъ взять. Онъ перевелъ: поднялъ тѣло отца своего между Венгерскими иноходцами и повезъ.

Вельтманъ: вмѣсто «*повелѣя*» читалъ: «по валѣ я» т. е. по битвѣ взялъ. Основанія слишкомъ шаткія. Въ Краледвор. рук. встрѣчается слово *valeno*. Walka—бой, а у насъ бытуеть слово «свалка».

Бутковъ принялъ то и другое: *повелѣ яти* и *по стѣхъ я*. Вмѣсто «отца» въ текстѣ слѣдуетъ поставить *тестя* или *цтя* т. е. тестя. Онъ полагалъ, что здѣсь идетъ рѣчь о происшествіи 1095 года, когда Русскіе разбили Половцевъ и убили Тугоркана; тѣло его именно *Святополкъ* взялъ съ Каялы и похоронилъ на Берестовѣ. Несостоятельность этого мнѣнія доказана кн. П. П. Вяземскимъ (см. замѣт. на Сл. о п. II стр. 179—180). Предположеніе Буткова нарушаетъ связь и цѣлость всей рѣчи объ Олегѣ, гдѣ рѣчь идетъ все о той же битвѣ на Нежатиной нивѣ.

Сахаровъ: читалъ *повезъ я*.

Дубенскій перевелъ: Съ той же Каялы Святополкъ повелѣлъ поднять тѣло отца своего на Венгерскихъ иноходцахъ.

Максимовъ вмѣсто «*съ тояже Каялы*» читалъ съ *канины*:

Головинъ: *Съ тояже канины*—зеленой травы.

Князь П. П. Вяземскій выразилъ, что замѣна въ текстѣ Ярополка Святополкомъ сдѣлана вслѣдствіе умствования переписчика, думавшаго, что здѣсь дѣло идетъ о смерти Тугоркана, тестя Святополкова.

Миллеръ Вс.: Что касается Каялы (какъ и Канины), то онъ не рѣшается предложить поправки; «*повелѣя*» находитъ возможнымъ съ достаточной вѣроятностію разложить по примѣру прежнихъ комментаторовъ на два слова: *повелѣ яти*. Изъ «повелѣ яти отца» не трудно, замѣчаетъ онъ, объяснить искаженіе: «*повелѣя отца*».

Потебня: «вм. «*повелѣя*» читаетъ: «*полелѣя*» т. е. какъ въ зыбкѣ качая, понесъ (на ковръ) между иноходцами. Догадка, на нашъ взглядъ, самая удачная.

Прозоровскій: читаетъ: Съ тоя же Каины (вм. Каялы). Онъ переводитъ въ силу такой поправки и искусственного толкованія: «Съ того же смертнаго одра». Онъ принимаетъ также мнѣніе Потебни, что вмѣсто «*повелѣя*» слѣдуетъ читать «*полелѣя*». Слово «*лелѣя*» находится въ нѣсколькихъ мѣстахъ поэмы. Такъ, Ярославна предоставляетъ вѣтру «*лелѣять* корабли на синемъ морѣ» и проситъ Днѣпръ лелѣявшій Святославовы посадки взделѣять къ ней мужей такъ, Донецъ лелѣялъ князя на волнахъ. Выраженіе «*полелѣя* отца» своего значить «*плавно перенесъ тѣло* отца своего». Дѣйствительно оно сначала везено водою на ладьяхъ, а потомъ на саняхъ. Если такое перенесеніе поэтъ выразилъ иноходцами, то сдѣлалъ это потому, что иноходцы отличаются *плавностію* бѣга.

Гонсіоровскій: вм. съ тоя же Каялы читаетъ «Съ тоя же Коничины» т. е. дятлины.

Педагоги:

Бораблевъ: съ той же Каялы Святополкъ *повелъ* отца своего.

Малашевъ: Святополкъ приказалъ отвезти тѣло.

Литераторы:

Павловъ (Бицинъ): Съ такой, съ Каялы, поволокъ тогда Святополкъ отца своего, окруженъ Венгерской конницей...

Скульскій: и вотъ съ той же со Каялъ-рѣки Святополкъ отца своего убитаго везъ ко св. Софіи, къ Киеву, на Венгерскихъ дорогахъ коняхъ.

Поэты:

Гербель: «И Святополкъ велѣлъ
«Отца священный прахъ,
«Поднять на Угорскихъ коняхъ.

Мей: выразилъ предположеніе, что быть можетъ, Изяславъ преслѣдовалъ бѣгущаго Олега до Каялы и погибъ на берегахъ этой рѣки. Каяла будто бы Кагальникъ впадающій въ Донъ.

Майковъ: «И съ того зеленого же поля,
«На своихъ Угорскихъ иноходцахъ,
«Ярополкъ увезъ и отче тѣло
«Ко святой Софіи въ столичный Кіевъ.»

16.

Тогда при Олзѣ Гориславличи стѣшется и растяшеть усобицами.

Въ данномъ мѣстѣ является во 1-хъ не вполне яснымъ слово «Гориславличи» и затѣмъ во 2-хъ, глаголы «стѣшется» и «растяшеть», оставаясь безъ подлежащаго, представляютъ грамматическую недосказанность.

Если «стѣшется» и можетъ быть принимаемо въ безличной формѣ, то при дальнѣйшемъ глаголѣ «растяшеть» невольно возникаетъ вопросъ, *что* именно расло, т.-е. для полноты грамматическаго смысла требуется отсутствующее подлежащее. Считаемо нужнымъ замѣтить, что во всемъ памятникѣ нельзя встрѣтить другаго такого неопредѣленнаго грамматическаго оборота, какой является въ данномъ мѣстѣ. Уже одно это бросаетъ тѣнь на исправность чтенія даннаго мѣста въ первомъ изданіи.

Далѣе, всѣ толкованія оборота «при Олзѣ Гориславличи» оказываются далеко не ясными и неудовлетворительными. Первые издатели замѣтили о Гориславѣ—лаконически: «*Неизвѣстенъ*». За ними почти всѣ послѣдующіе комментаторы довольствуются толкованіемъ, что авторъ «Слова» называетъ Олега Гориславичемъ или въ томъ смыслѣ, что онъ самъ перенесъ много горя, или же въ томъ, что много учинилъ горя другимъ. Но слово «Гориславичъ» имѣетъ форму отчества и значить—сынъ Горислава, какъ и понимали первые издатели; въ этомъ смыслѣ понятіе горя падаетъ своею тяжестью не на Олега, а

на его предка; а отсюда уже весьма трудно вывести, что Олегъ называется Гориславичемъ за то, что причинилъ много горя другимъ. Если же «Гориславичъ» принимать въ значеніи просто *горюна*, *горемыки*, помимо отческой формы, то въ данномъ мѣстѣ это понятіе не будетъ отвѣчать ни предъидущему, гдѣ Олегъ совсѣмъ не представляется «*горемычнымъ*», напротивъ онъ самъ крамолу ковалъ и стрѣлы сѣялъ по землѣ, ни послѣдующему, гдѣ описывается въ его время горе народное, а отнюдь не горе его самого.

Все это приводитъ насъ къ убѣжденію, что текстъ въ данномъ мѣстѣ представляетъ неисправное чтеніе.

Прилагая къ уясненію его приемы палеографической критики, мы находимъ возможнымъ въ словѣ «Гориславичи» читать два слова: «*гори*» и «*славичи*», т.-е. «*горе славячись*».

Форма «*гори*» образовалась изъ *горю*; это ѣ позднѣйшими писцами обыкновенно было замѣняемо или звукомъ *ъ*, или звукомъ *и*; въ южно-русскомъ говорѣ и донинѣ «*горе*» имѣетъ форму «*гори*»¹.

Точно также въ южно-русскихъ рукописяхъ, особенно XVI в. малый юсь-а переходитъ въ *ъ*; въ виду этого предполагаемъ, что въ рукописи первоначально стояло *славлауи*; за тѣмъ—подъ рукою южно-русскаго писца перешло въ *славлауи*.

Конечное *с*, стоявшее подъ титломъ, выпало подъ воздействиемъ слѣдующаго *с*, которымъ начиналось дальнѣйшее слово: *славлауи* ^с *славлешетс*, что весьма часто встрѣчается въ неисправныхъ рукописяхъ XVI в. Первые издатели, вслѣдствіе выпаденія этого надписнаго *с*, что могло быть уже въ самой рукописи, *гори* «*славлчи*» приняла за эпитетъ Олега и потому прочли и напечатали «*Гориславичи*».

Такимъ образомъ вмѣсто «Гориславичи» по нашимъ соображеніямъ, слѣдуетъ читать: «*горю* (по южнорусски-*гори*) *славлауи*» (по южно-русски: *славлчи*^с) сѣяшеть и растяшеть усобицами.

Переводъ, основанный на этихъ соображеніяхъ, будетъ слѣдующій:

„Тогда при Олегѣ, горе похваляся,

„Сѣменами разсѣвалося

„И отъ усобицъ росло оно—плодилось.

¹ См. въ Лексикологіи «*Гориславичи*».

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ перевелъ: «Во время Ольга Гориславича сѣялись и возрастали междуусобія.

Малиновскій въ черновомъ переводѣ: «Тогда при Олегѣ, сынѣ Гориславовѣ, сѣялись и возрастали междуусобія.

Въ *Первомъ изданіи* переводъ тотъ же, но лишь ближе къ подлиннику: «Тогда при Олегѣ Гориславичѣ.

Комментаторы:

Пожарскій перевелъ: «Тогда при Ольгѣ Гориславичѣ сѣялись и возрастали брани.»

Грамматинъ: «Авторъ продолжаетъ говорить о бѣдственныхъ временахъ Олега Святославича. Но кто этотъ Гориславичъ? Ужъ не называетъ ли онъ его симъ именемъ отъ предпріятій которыя не всегда удачны были или отъ бѣдствій, причиненныхъ имъ отечеству. Такъ Рогнѣда отъ своихъ чрезвычайныхъ несчастій прозвана была «Гориславою»; такъ и нынѣ говорится о человѣкѣ, несчастномъ въ своихъ предпріятіяхъ: горе—богатырь, горе—мыка».

Вельтманъ: «Подъ именемъ Гориславичей поэтъ говоритъ о крамольномъ потомствѣ Рогнѣды (Гориславы), дочери Рогвольда Полоцкаго. Онъ измѣнилъ «Гориславичи» на «Бориславичи».

Дубенскій: г. Вельтманъ не справедливо почитаетъ въ этомъ предложеніи подлежащимъ слово «*Гориславичи*»; оно согласовано здѣсь съ словомъ при Олегѣ въ предложномъ падежѣ. Дубенскій перевелъ: Тогда при Олегѣ Гориславичѣ сѣялись и всходили междуусобія.

Майковъ А: «я принялъ толкованіе Вельмана, что слово «*Гориславичи*» означаетъ здѣсь потомковъ Рогнѣды. «Гориславною», по словамъ лѣтописи, названа Рогнѣда за то, что много горя приняла сама: Олегъ же, какъ именно утверждаетъ и пѣвецъ, причинилъ горе землѣ Русской. Одно названіе въ страдательномъ и дѣйствительномъ значеніи противно всякой логикѣ. Не возможно напримѣръ сказать: «*многострадаемый*» и о томъ, кто много страдалъ и о томъ, кто много причинилъ страданій другимъ. Какого вѣка логика позволить

сказать: многострадальный Ювъ и многострадальный Неронъ. Посему это мѣсто правильнѣе передать такъ: «При томъ же Олегѣ еще и Гориславичами (т.-е. отъ Гориславичей) сѣялось и растилось усобицами. Но возражать мнѣ тѣ, которые задались мыслию, что пѣвецъ нашъ былъ Черниговскій пѣвецъ, а потому и Олега онъ назвалъ Гориславичемъ, сочувствуя его бѣдамъ, но тогда за чѣмъ винить его въ бѣдствіяхъ земли?»

Потебня: «Не удобно считать «Гориславичи» за творит. множ., а не за мѣстный падеж., согласуемый съ «Ользѣ», «Гориславичами» т.-е. князьями Полоцкими, потомками Гориславы-Рогнѣды. Сѣялось и росло (что?) Во всемъ разсматриваемомъ отступленіи рѣчь о событіяхъ связанныхъ съ Олегомъ. Съ какой же стати здѣсь князья Полоцкіе?»

Самъ г. Потебня читаетъ это мѣсто такъ: «Тѣгда при Ользѣ *Святославличи юре* сѣяшеться и ростяшеть». Предполагаю, говоритъ онъ, что авторъ или одинъ изъ первыхъ переписчиковъ сдѣлалъ одну изъ ошибокъ происходящихъ изъ увлеченія мысли послѣдующимъ, утрируемыхъ въ потѣшныхъ рѣчахъ на выворотъ, въ родѣ: «сестри-вечіръ добрички! Чи не телятили вы мое». Именно авторъ (или переписчикъ) написалъ *істерѣпрѣтерѣ* «при Ользѣ Гориславличи сѣяшеться» вм. при Ользѣ *Святославличи* горе сѣяшеться. Такъ вотъ какой былъ чудакъ и шутникъ авторъ «Слова» (или переписчикъ), по мнѣнію г. Потебни! Возможное въ разговорномъ языкѣ, какъ справедливо замѣчаетъ *Гонсіоровскій*, когда говорящій шутки ради или безсознательно коверкаетъ рѣчь, не возможно при передачи мыслей на письмѣ, если только человекъ серьезно относится къ своему дѣлу.

Смирновъ: «перестановка здѣсь, по словамъ г. Потебни произошла здѣсь изъ увлеченія мысли послѣдующимъ, что бываетъ часто въ потѣшныхъ рѣчахъ.—говорить на выворотъ. Но для чего же допускать здѣсь утрировку рѣчи, а не обыкновенное тогда слово для названіе людей безталанныхъ. «Гориславой» называлась Рогнѣда; въ рукоп. XIII в. Даніилъ заточникъ говоритъ: кому Переславъ, а мнѣ Гориславъ. При «сѣяшеться и ростяшеть» какъ безличныхъ формахъ нѣтъ надобности въ подлежащемъ. Г. Смирновъ,

очевидно, «Гориславичъ» по отношенію къ Олегу понимаетъ въ томъ значеніи, что онъ былъ несчастный человекъ и много вынесъ горя, но по отношенію къ этой мысли имѣютъ полную свою силу предъидущія замѣчанія А. Н. Майкова. Что же касается того, что глаголы стоятъ здѣсь въ безличной формѣ, то подобные обороты не въ стилѣ «Слова» и нельзя отказать въ основательности замѣчаніямъ г. Потевни.

Прозоровскій: Олегъ названъ Гориславичемъ, вѣроятно, для отличенія его отъ другаго Олега Святославича, предшественника Игорева на княженіи въ Новгородѣ Сѣверскомъ. Но было, можетъ статья, и другое къ тому побужденіе. «Гориславъ было имя употребительное; такъ, въ Новгородской первой лѣтописи, подъ 1240 г. упоминается Гаврило Гориславичъ воевода. (П. С. Л. III, стр. 53)». Г. Прозоровскій опустилъ изъ виду, что здѣсь это слово имѣетъ образное значеніе; не затрудняетъ его также и грамматическая форма въ этомъ предложеніи. Онъ переводитъ: «тогда при Ольгѣ Гориславичѣ сѣялись и разрастались усобицы». Но г. Потевня справедливо замѣтилъ, что грамматической строй не даетъ здѣсь никакого права для такого перевода.

Гонсіоровскій: «Надо читать: Гореславичи сѣяшася и растяша усобицами. *Гореславичъ* есть названіе людей безталанныхъ несчастныхъ. Мысль здѣсь будтобы слѣдующая: «При Ольгѣ вслѣдствіе княжескихъ междоусобій умножалось число людей несчастныхъ».

Педагоги:

Малашевъ: «Тогда при Ольгѣ Гориславичѣ сѣялись и росли междоусобія».

Алябьевъ: Сѣялись и росли по земелюшкѣ усобицы.

Литераторы:

Павловъ (Бидинъ): застѣвалось, зарастало усобицей.

Скульскій: Вся земля, наслѣдье Божіе, застѣвалась смутой княжеской, зарастала неурядицей.

Поэты:

Гербель: «Междуусобія засѣвались.

Мей: «Засѣвались и росли однѣ усобицы.

Майковъ: «И тогда жъ, въ тѣ злые дни Олега,
«Сѣялось крамолой и растилось
«На Руси отъ внуковъ Гориславны.

17.

„Усобица княземъ на поганья погыбе.

Всѣ существующіе переводы и толкованія этого мѣста убѣждаютъ только въ томъ, что здѣсь скрывается или невѣрное чтеніе или же неисправность самого оригинала. Подлинный смыслъ этого мѣста впервые угаданъ былъ поэтомъ А. Н. Майковымъ, который за тѣмъ усмотрѣли также Павловъ (Бицинь) и Вс. Миллеръ.

Неисправность чтенія произошла здѣсь отъ выпаденія надстрочныхъ буквъ въ титлованныхъ окончаніяхъ двухъ словъ. Прежде всего эту особенность мы видимъ въ словѣ «*на*». Подобно тому какъ въ одномъ изъ списковъ Лаврентьевской Лѣтописи (1872 г. 177) встречаемъ: «имать *на* прогнати», гдѣ въ *на* выпало надстрочное *с*, т.-е. (*нѣ*), и въ данномъ мѣстѣ «Слова» вм. *на* слѣдуетъ читать: *нѣ*, гдѣ надстрочное *ж* выпало точно также, какъ тамъ *с*. Такъ какъ съ выпаденіемъ *ж* мѣстоименіе стало предлогомъ, то естественно и дальнѣйшее слово, подъ воздѣйствіемъ его, должно было потерпѣть этимологическое измѣненіе и вм. «*нѣ поганья*» явилось «*на поганья*». Всякая подобная ошибка неизбежно влечетъ за собою другую. При такомъ измѣненіи все предложніе теряло всякій грамматическій смыслъ и потому дальнѣйшее слово, оканчивавшееся также надписной буквой, писецъ легко уже могъ читать «*погыбе*» вм. «*погыбѣ*», такъ какъ потребность въ глаголѣ сказывалась сама собою. Слово «*погыбѣ*» въ памятникахъ XVI в. писалось именно въ этой самой формѣ «*погыбѣ*» съ титлованнымъ окончаніемъ.

Итакъ, въ виду указанныхъ соображеній это мѣсто слѣдуетъ читать такъ:

«Усобица княземъ,
«На поганыхъ погыбе'».

Въ переводѣ:

„У князей усобица
„А намъ поганыхъ гибель“.

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ перевелъ: «Престали князи воевать на поганыхъ».

Малиновскій: «И прекратила (обида) нападенія князей на нечестивыхъ».

Въ *Первомъ изданіи* переведено: «Престали князья нападать на невѣрныхъ».

Пожарскій: «Исчезла у князей *брань* противъ невѣрныхъ».

Грамматинъ: «Перестали князья ходить войной на нечистыхъ».

Вельтманъ: «Уже ополченіе князей на враговъ погибло въ раздорахъ». Во 2-мъ изданіи: «И въ распряхъ погибла сила князей противъ невѣрныхъ».

Максимовичъ: «Но у князей пропала вражда на поганыхъ».

Дубенскій: «Усобица обоюдное дѣло, дѣйствіе за одно противъ невѣрныхъ (согласно корню: собить себѣ). Онъ перевелъ: «не стало въ князьяхъ единомыслія на поганыхъ».

Миллеръ Вс. Мѣсто это испорчено, хотя трудно предложить поправку болѣе или менѣе вѣроятную. Онъ угадалъ смыслъ этого мѣста и близокъ былъ къ подлинному чтенію. Вѣроятно, «погыбе» не глаголъ, говоритъ онъ, а испорченное «*погыбелъ*». Конечное *л* могло

быть надъ строкою. Мѣсто было бы вполне ясно при чтеніи: усобица княземъ *отъ* поганыхъ погубель. Но предлагать такія поправки, прибавляетъ онъ, конечно, слишкомъ смѣло. Читать вмѣсто «*на поганья*» «*отъ поганыхъ*», было бы дѣйствительно смѣло, но къ счастью того не требуется для воспроизведенія угаданной имъ мысли.

Потебня вставилъ здѣсь въ Пушкинскій текстъ слово «*ратъ*» и читаетъ такъ: «У усобицахъ княземъ «*ратъ*» на поганья погубе» но на чемъ основалъ такое чтеніе, не объясняетъ.

Прозоровскій переводитъ: «*въ усобицахъ князей погубла нобѣда* падъ погаными», но такой мысли не дается подлинникомъ и почему онъ сдѣлалъ такой переводъ, не извѣстно.

Педагоги:

Кораблевъ: «Союзъ противъ невѣрныхъ прекратился».

Погосскій: «Усобицы князей не на гибель поганыхъ».

Малашевъ: «Прекратились междуусобія князей съ погаными».

Алябьевъ: «Отъ поганыхъ князья гибли чрезъ усобицы».

Ласкинъ: «У князей усобица и противъ поганыхъ дѣло загинуло».

Литераторы:

Павловъ (Бидинъ): «Въ князьяхъ усобица, а намъ отъ поганыхъ погубедь».

Скульскій: «Межъ князьями у насъ все усобица, а вѣдъ намъ отъ того злая гибель пришла».

Поэты:

Гербель: «Нѣтъ въ князьяхъ единомыслія
«На поганыхъ вмѣсто дружества»».

Мей: «А князя то позабыли
«Брань на вороговъ».

Майковъ А.: «Отъ усобиць княжихъ гибель Руси».

(Онъ первый угадалъ смыслъ этого мѣста, который усвоили Павловъ и Скульский).

18.

„Кликну Карна и Жля поскочи, смагу жыччи въ пламень розъ.“

Въ данномъ мѣстѣ требуютъ палеографическаго исправленія лишь два слова: «карна» и «жля». Въ первомъ была надписная буква *и* въ формѣ двухъ черточекъ “—знакъ, который, какъ видно изъ Лѣтописнаго сказанія о походѣ Игоря, списаннаго рукою Малиновскаго, загроуднялъ его. По всей вѣроятности, «карна» было написано въ формѣ кар^а на т.-е. «карина». Точно также не вѣрно воспроизведено и слово «жля»; по всей вѣроятности, оно было начертано въ видѣ жьля, или «жля^а» слѣдовало читать «желя».

«Карина» здѣсь, вытница, обрядница мертвыхъ, а «Желя» жальница, вѣстница мертвыхъ; въ ихъ образахъ обрисовано ликованіе смерти надъ павшимъ Игоревомъ войскомъ; та и другая являются здѣсь, какъ спутницы Дѣвы—Обиды. Образы взяты изъ погребальнаго языческаго ритуала и относящихся къ нему эпическихъ преданій. Въ зависимости отъ нихъ поставлена переживаемая дѣйствительность. Кликнула Карина—и восплакались жены; скочила Желя по всей Русской землѣ, разнося погребальный пепель — и потекла скорбь по всей Русской землѣ ¹.

«Смага», по употребленію въ памятникахъ Кіевской Руси, означаетъ золу, пепель погребальный ².

На такихъ соображеніяхъ основанъ нами слѣдующій переводъ.

¹ Болѣе подробное разъясненіе этихъ образовъ см. въ «Лексикологіи» подъ словами «Карина» и «Желя».

² См. въ «Лексикологіи»: «смага».

„Воскликнула Карина
 „И Жля поскакала по Русской землѣ,
 „Разнося погребальный пепель въ пылающемъ рогѣ.

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ: «Въ слѣдъ за нимъ крикнулъ Карна и Жля разсѣлся по Русской землѣ, претя людямъ огнемъ и мечемъ».

Малиновскій: «Воскликнули послѣ того Карна и Жля и тотчасъ пустилися въ землю Русскую мучить людей въ пламѣнной *росѣ*».

Въ *Первомъ изданіи* переведено такъ: «Воскликнули тогда Карня и Жля и, прискакавъ въ землю Русскую, стали томить людей огнемъ и мечемъ». Въ примѣчаніи объяснено: «*карня* и *жля*» предводителя хищныхъ Половцевъ, безъ милосердія разорявшихъ тогда землю Русскую.

Комментаторы:

Послѣдующіе комментаторы очень долго видѣли здѣсь Половецкихъ хановъ, привнесенныхъ догадкою первыхъ издателей. Они развивали эту догадку.

Шипковъ: «По одержаніи побѣды полководцы Половецкіе «Карни и Жля», кинулись, поскакали по Русской землѣ, восклицая, рыкая, какъ львы, повелѣвая войскамъ своимъ опустошать, грабить, раззорять оную».

Пожарскій: «За нимъ закрычали Карня и Жля, поскакали по Русской землѣ, бросая *жаръ* изъ пламеннаго рога».

Грамматинъ, раздѣляя мнѣніе о ханахъ, первый подыскалъ въ Лѣтописяхъ для объясненія этого «*жара*», «бессерменина, иже стрѣляше живымъ огнемъ». Не называется ли здѣсь рогомъ какое-нибудь орудіе, изъ котораго Карна и Жля стрѣляли живымъ огнемъ.

Вельтманъ въ 1-мъ изданіи «Слова» разсуждалъ: «Жля», вѣроятно, это Ляхи или шляхта, Лягскіе воины; Карны—это Хор-

ваты, обитавшіе въ Карпатскихъ горахъ, и отъ нихъ принявшіе свое названіе. Словами: «*смау мычючи*» ясно выражено огнестрѣльное оружіе, что и подтверждаетъ, что Карна и Жля были народы значительные. Да и кто же кромѣ сосѣдей Карповъ или Хорватовъ и Ляховъ или Шляхты могъ сдѣлать набѣгъ на южную часть Русской земли со стороны запада и юга. За нимъ «кликну Карна и Жля» т.-е. позади его; слѣдов. со стороны запада. Въ 2-мъ изданіи, сближая мѣсто Кіевской Лѣтописи: въ радости мѣсто наведе на ня Господь плачь, а въ веселіи мѣсто желю, онъ пришелъ къ убѣжденію, что Карина здѣсь есть ничто иное, какъ «*карья*», плачь по умершемъ, а «*жля*» есть лѣтописное желя, жаль, стѣнание, жалобы. Желая придать этому мѣсту смыслъ, соответствующій Лѣтописи, онъ вмѣсто жля «*поскочи*» читалъ, «*жля поскоми*»; по смыслу «*скомитъ*» значитъ тужить, болѣть, стѣнать; «*за нимъ*» принималъ въ значеніи по немъ. Выраженіе «*смау мычючи*» онъ сближалъ съ Лѣтописнымъ описаніемъ солнечнаго затмѣнія: «солнце учинилось, яко мѣсяцъ, изъ рогъ же его, яко огонь, горящъ исхождаше». Въ виду сихъ соображеній онъ сдѣлалъ такой переводъ: «Заголосили поминки по немъ и скорбь застонала по Русской землѣ; солнце затмилось, стало какъ мѣсяцъ молодой, метая огонь изъ пламенныхъ рогъ».

Дубенскій: «*Карна и Жля* Половецкіе ханы; *смаа*—огнестрѣльный снарядъ; при этомъ онъ дѣлаетъ предположеніе, не дѣлаетъ ли Лѣтописецъ, при описаніи солнечнаго затмѣнія, приспособленія къ этому орудію, и выраженіе: «*смагу мычучи*» не значитъ ли огонь или дымъ кидать изъ наполненнаго пламенемъ рога».

Максимовичъ: «А за нимъ воскликнули Карна и Жля, поскакали по Русской землѣ, разнося пожаръ въ огневомъ рогъ».

Кн. П. П. Вяземскій читаетъ: «Кликну Карнай-Жля, принимая эти два слова за одно. Карнай—баснословный блюститель Кавказскихъ горъ (намекъ на Александра Великаго, карнающаго Гога и Магога) и Жля—жалующій, злющій; то и другое могло образоваться изъ Зуль Карнейинъ—Двурогій, съ двумя трубами, который рисовался на средневѣковыхъ картинахъ у горъ Каспійскихъ».

Миллеръ Вс.: «Карна и Жля едва ли Половецкіе ханы да и имена не похожи на Половецкія. Мы болѣе склонны видѣть въ этихъ именахъ (конечно испорченныхъ) олицетворенія нравственныхъ понятій. «Карна» должно быть испорчено изъ *кара, каранье, карьба* или чего-нибудь подобнаго. Второе названіе «жля». повидимому испорчено изъ «*желя*».

Потебня: «Мѣсто темное. Максимовичъ (Украин.) читаетъ вм. Карна и Жля—Кончакъ и Гза. Въ всякомъ случаѣ рѣчь не о воѣ поминокъ (Майк. стих. 111, 240), а о торжествующемъ кликѣ враговъ. «Смагу мычучи» не о факелахъ, а о пожарахъ и Греческомъ огнѣ, какъ это и принимаетъ большинство».

Прозоровскій: «Карна и Жля—геніи несчастій, вѣстники бѣдъ, мифическое представленіе бѣдствій. «Карна» не воронъ ли зловѣщій? Въ договорѣ Олега съ Греками одинъ изъ его пословъ называется «Карнъ». Въ рукописи XIV—XV в. слово «*карна*» соответствуетъ слову *ὀτότριτον* съ отрѣзаннымъ ухомъ. (Опис. Син. рук. № 133, стр. 262). «Жля» тоже, что желя. Я полагаю, что «смага» въ раскаленномъ рогѣ есть *кипящее масло, горячія слезы*, именно то, что называется горячими слезами».

Педагог:

Бораблевъ: «За нимъ Карна и Жля насккали на Русскую землю, разсѣвая жажду пламенемъ, въ пламеннѣ ростъ; когда находить туча, предшествуемая вихремъ, народъ въ ожиданіи ударовъ, крестясь говорить: «пошли, Господи, тихую росу и смирную». Какая связь росы съ даннымъ мѣстомъ «Слова» не постижимо.

Погосскій: «За нимъ Карна и Жля съ кликами поскакали по Русской землѣ, мечучи огонь въ людей изъ пламеннаго рога (греческій огонь въ родѣ ракетъ)».

Малашевъ: «За нимъ крикнулъ Карна и Жля поскакалъ по Русской землѣ, разнося огонь въ пламенномъ рогѣ».

Ласкинъ: «Разнося людямъ огонь въ пламенномъ рогѣ».

Литераторы:

Павловъ (Бицинъ) «Карна» превращаетъ въ «жирно», «смагу» въ «смолу» и переводитъ такъ: «Кликнули по немъ»; жалость широко потекла по Русской землѣ. Выраженіе же: «смагу мычучи» оставилъ безъ перевода,

Обульскій: «И широко разлилася въ племени и родѣ скорбь и жалость о погибшихъ, павшихъ на чужбинѣ». Въ этомъ переводѣ уже трудно узнать подлинникъ.

Поэты:

Гербель: «По слѣдамъ ея
 «Жля в Карнѣ громко кликнули,
 «Понеслись землею Русскою,
 «И изъ рога огнемѣтнаго
 «Извергали пламя лютое».

Мей: «Крикнудъ Карна ему въ слѣдъ,
 «И Жля наскочилъ на землю Русскую
 «Изъ роговъ каленыхъ полымя бросаючи».

Майковъ: «На всю Русь поднялся вой поминокъ
 «Поскочила скорбь отъ веси къ веси,
 «И мужей зовя на тризну, мечеть,
 «Имъ смолой пылающіе роги».

19.

*Тѣмъ бо два храбрая Святъславлича, Игорьъ и Всеволодъ
 уже лжу убуди, которую то баше успилъ отецъ ихъ Святъ-
 славъ грозный Великій Кіевскій. Грозою башеешь; притрепеталъ
 своими сильными пазы.*

Мѣсто само по себѣ понятно—и лишь слово *то* представляетъ недописанный укѣ (ѣ) или оу—особенность, которая не разъ встрѣчается въ «Словѣ» (срав. *по-добію, тоже, Шарокань*). Выпаденіе над-

срочныхъ буквѣ въ словѣ «убуди» очевидно. Относясь ко Игорю и Всеволоду, оно должно имѣть форму двойств. числа: т.-е. «оубоудиѣ».

Въ соотвѣтствіе «бѣше устѣлъ» слѣдуетъ и далѣе читать: «бѣшетъ притрепеталъ» и согласно этому измѣнить пунктуацию перваго изданія. Глаголь «бѣшетъ притрепеталъ» даетъ ясно понимать, что подъ словомъ «лжю» разумѣется не отвлеченное понятіе, но имѣются въ виду именно Половцы, которыхъ привелъ Святославъ въ содроганіе. «Лжа» здѣсь то же, что лѣтописное «погань». Словомъ «ту» выражается, что еще такъ недавно, всего за нѣсколько мѣсяцевъ, грозный Святославъ — усыпилъ было эту погань, которую Игорь и Всеволодъ разбудили.

Такимъ образомъ мы переводимъ это мѣсто слѣдующимъ образомъ:

- „Вотъ двое они Игорь и Всеволодъ
- „Разбудили уже погань
- „Которую усыпилъ было тутъ,
- „Отецъ ихъ Святославъ грозный,
- „Великій Кіевскій грозою;
- „Привелъ было въ содроганіе
- „Своими сильными полками.

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ: «Сіи два храбрые Святославича подняли *наки* ссору, которую было укротилъ отецъ ихъ Святославъ грозный Великій Кіевскій. Онъ былъ грозою всѣмъ. Его сильнымъ полкамъ и булатнымъ мечамъ все покорялось».

Малиновскій въ черновомъ переводѣ: «Оба храбрые сыновья Святославовы, Игорь и Всеволодъ, *возбудили ссору*, которую укротилъ было отецъ ихъ Святославъ грозный великій князь Кіевскій. Онъ всѣмъ страшень былъ, отъ сильнаго воинства его и отъ булатныхъ мечей трепетали непріатели».

Въ *Первомъ изданіи:* Сіи-то два храбрые Святославичи, Игорь и Всеволодъ, возобновили *лжю*, которую прекратилъ было отецъ ихъ

грозный Святославъ, великій князь Кіевскій. Онъ былъ страшень всѣмъ, отъ сильнаго воинства и отъ булатныхъ мечей его всѣ трепетали.

Комментаторы:

Пожарскій перевелъ: «Разбудили *ложь*, которую усыпилъ было отецъ ихъ Великій князь Кіевскій». Страшенъ былъ; всѣхъ привелъ въ трепеть.

Грамматинъ: Первые издатели не вникнули, отъ чего происходитъ «*лжа*» и потому перевели, по одной догадкѣ, ни на чемъ не основанной, *лжа*. Г. Пожарскій также не отличилъ «*лжа*» отъ «*ложь*». Хотя оба сіи слова происходятъ отъ одного корня: *лжій*, но значеніе ихъ совершенно различно. *Лжа* значитъ именно льгота, легкость. Здѣсь метафора «*лжу* убуди» взята отъ спящаго человѣка, ибо тогда всѣ чувства покоятся; когда же онѣ бодрствуютъ, то нѣкоторымъ образомъ страдаютъ. Русская земля отдохнула было отъ Половецкихъ разбоевъ, которыя Святославъ прекратилъ своей побѣдой, но Ольговичи разбитіемъ своимъ возобновили оныя—вотъ мысль автора. «Убуди» Грамматинъ читалъ «убудиста».

Вельтманъ въ 1 изд.: здѣсь *ложь* значитъ «*зло*». Въ Серб. яз. сохранилось *лжн*—несчастіе, бѣдствіе.

Максимовичъ: опять разбудили *жму*.

Дубенскій: «убуди» вм. «убудиста». «*Лжа*» — вражда, коварство, противоположно слову «миръ или союзъ». Въ Новгород. Лѣт. читается: «въиде *лжа* въ городъ». Онъ перевелъ: «Ибо эти два храбрые Святославича опять вражду пробудили, которую только-что усыпилъ отецъ ихъ. Онъ, какъ гроза, привелъ въ трепеть своими сильными полками».

Тихонравовъ: *убуди* поставилъ подъ титломъ, «*лжу*» превратилъ въ «*жлу*»; *которую* въ «*кѣторую*»; и *то* въ то «*притрепалъ*» измѣнилъ на «притрепалъ» и читаетъ такъ: «Игорь и Всѣволодъ уже *Жлу* убиди^т кѣторую; то^т баше усыпилъ отецъ ихъ... грозою; башеть притрепалъ своими сильными плѣкы».

Мидлеръ: Поправки Тихонравова кажутся неубѣдительными: 1. Игорь и Всеволодъ разбудили «жалъ», не «которою», т.-е. распреею, а поражениемъ отъ Половцевъ. 2. «Того» не можетъ относиться къ понятію жен. р. *жалъ* или *желя*. Переставляя *лжу* въ *жлу* мы должны еще замѣнить конечное *у* чрезъ *ю* и вставить гласный звукъ между *ж* и *л*, ибо форма «*жлу*» невозможна. Склоняясь такимъ образомъ къ поправкѣ предложенной Ербеномъ, онъ поправляетъ «*то*» на «*тъ*» т.-е. тѣй. Этимъ мѣстоименіемъ авторъ хотѣлъ отличить Святослава грознаго Кіевскаго, разбившаго Кобяка и взявшаго его въ плѣнъ, отъ Святослава-отца Игоря и Всеволода.

Потебня читаетъ такъ: уже *лжу* (т.-е. Половцевъ) убудиста которую; ту баше усъпилъ. Въсто— «притрепеталъ» онъ принялъ поправку Тихонравова «притрепалъ».

Прозоровскій, удерживая чтеніе Пушкинскаго текста, переводитъ: И вотъ тѣ два храбрые Святославичи пробудили «опасность», которую усыпилъ было Святославъ, грозный великій Кіевскій «князь». Грозою привелъ «грозою» въ трепеть своими сильными полками и булатными мечами. Слово «*то*» его не затруднило.

Педагоги:

Бораблевъ: Они возбудили «неправду», которую усыпилъ было отецъ ихъ. Грозенъ былъ, усмирилъ своими сильными полками.

Погосскій: эти же два Святославичи разбудили *лжу*. Грозою былъ онъ, трепеть наводилъ. «Ложъ», объясняетъ онъ, ссора, жестокость.

В. М. Игорь и Всеволодъ снова пробудили чародѣя Желю. Князь грозный своею грозою; онъ, напавъ однажды на землю Половецкую, привелъ въ трепеть врага.

Малашевъ: Уже пробудили ту вражду, которую усыпилъ было... Онъ грозно усмирилъ (Половцевъ) своими сильными полками.

Алябьевъ: Своими ссорами разбудили Половецкаго *жлу*. *Жла* и *Кобякъ* Половецкіе ханы, объясняетъ онъ. Ужъ его отецъ ихъ и усы-

пиль было... Какъ ступилъ было на землю Половецкую, растрепалъ было его.

Ласкинъ: «Разбудили зморъчѣ» (лжу).

Литераторы:

Вицинъ (Павловъ): Ужъ эти два храбрыхъ Святославича, только разбудили старинное зло. А какъ было усыпилъ его отецъ ихъ... Какъ грозно было притрепалъ онъ ихъ (?)...

Скульскій: «Всю лиху бѣду надѣлали,
«Разбудили вы зло старинное
«Ужъ какъ было усыпилъ его вашъ отецъ...
«Онъ усмирилъ было ратью сильною...

Поэты:

Гербель: Всеволодъ и Игорь храбрые вновь вражду неукротимую пробудили.

Мей:

«Такъ-то храбрые Святославичи,
«Худую славу подняли...
«Знать, задаромъ уложилъ ее.

Майковъ: То они зло лихо разбудили.

20.

„Кають князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Киялы рѣкы Половецкія, Рускаго злата насыпаша. Ту Игорь князь выстѣде.

Въ данномъ мѣстѣ неискренность чтенія замѣчается въ томъ, что глаголъ «насыпаша», относясь къ Игорю, иже погрузи жиръ, не согласованъ съ своимъ подлежащимъ и стоитъ во множественномъ числѣ насыпаша. Ошибка эта такова, что она можетъ быть усвоена исключительно издателямъ и состоитъ въ слитіи титулованнаго окончанія гла-

гола съ дальнѣйшимъ союзомъ *а*. Въ оригиналѣ XVI в. это было написано такъ: «насыпѣ атоу игорь» т.-е. слѣдовало читать: насыпаше. *А* тоу игорь и т. д. *А* слитое въ концѣ съ «насыпаша» есть здѣсь союзъ, которымъ въ «Словѣ» по обычаю начинается новый порядокъ мыслей.

Переводъ долженъ быть такой:

„Князя Игоря жалѣють,
 „Что погрузилъ онъ туеъ
 „Во днѣ Каялы рѣки Половецкой,
 „Русскаго золота насыпашъ.
 „И тутъ Игорь князь
 „Изъ золотаго то сѣдла
 „Да пересѣлъ въ сѣдло плѣнника.

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ: «А кленуть Игоря, потерявшаго силу во днѣ Каялы рѣки Половецкiя и погрузившаго тамъ злато русское».

Малиновскiй: Греки и Моравцы... осуждаютъ князя Игоря, погрузившаго силу на дно Каялы и потопившаго въ ней Русское золото. Въ *Первомъ изданiи* переводъ удержанъ тотъ же буквально.

Комментаторы:

Грамматинъ предъ «Русскаго злата насыпаша» поставилъ *сту*», замѣчая что это предложенiе грамматически не можетъ быть отнесено къ морю.

Дубенскiй первый замѣтилъ, что въ словѣ «насыпаша» описка, вмѣсто «насыпаше» или это дѣепричастiе прошедш. «насыпаша» вм. насыпавша (т. е. князя).

Ербенъ, также усматривая здѣсь описку, «насыпаша», превратилъ въ «насыпавъ».

Потебня: Выраженіе: погрузи... во днѣ — кажется страннымъ, такъ какъ *въ* съ мѣстнымъ падежемъ означаетъ среду, въ которой нѣчто находится, а не отношеніе основанія къ тому, что на немъ. По этому вмѣсто «погрузи жиръ во днѣ» онъ читаетъ: «жирово днѣ».

Но г. **Смирновъ** основательно замѣтилъ, что глаголь «*погрузи*» здѣсь требуетъ *среды*, въ которой нѣчто находится а не отношенія основанія къ тому, что на немъ. При томъ же, замѣтимъ мы, пораженіе совершилось при озерахъ, а потому не удивительно если для выраженія своей мысли авторъ пользуется и болотною средою дна. Въ Сѣверно-русскомъ языкѣ, какъ видно изъ словъ самого же Потебни есть слово «жирова», а не «жирово»; въ памятникахъ же древне-русской письменности никогда и ни кому не встрѣчалось подобное выраженіе.

Прозоровскій: Ссыпавъ *въ нее* (въ Каляу) Русское золото и тамъ пересѣвъ изъ злата сѣдла.

Педагоги:

Погосскій: И рѣку Половецкую Русскимъ золотомъ засыпалъ.

В. М. «Игорь, утаивъ золото и другія богатства, спряталъ ихъ подлѣ рѣки, намѣреваясь въ послѣдствіи передать ихъ хану».

Малышевъ: насыпавши въ нее Русскаго золота.

Алябьевъ: что насыпали поганые много золота тамъ русскаго.

Литераторы:

Павловъ (Бицинъ): который все добро похоронилъ... разсорилъ тамъ Русское золото.

Скульскій: И не славятъ они (Игоря) а жалѣютъ лишь его сына, (!) что «*посылаю*» злато русское въ Половецкой землѣ.

Поэты:

Майковъ: «И корячь всѣ Игоря смѣются
«Что на днѣ Каялы Половецкой
«Погрузилъ онъ Русскую рать силу
«Рѣку русскимъ золотомъ засыпалъ.»

21.

Си ночь съ вечера одѣвахъте мя, рече, чрвною паполомою.

Въ данномъ мѣстѣ затрудненіе въ точномъ его разумѣніи встрѣчается въ словѣ; «*одѣвахъте*». Уже Малиновскій колебался, какъ понимать форму этого глагола: есть ли это 2-ое лице множ. числа вм. «*одѣвасьте*» или слѣдуетъ видѣть «здесь ошибку» и принимать за 3-е л. того же числа: *одѣвахуть*. Издатели, при печатаніи текста, склонились однако къ первому предположенію и тѣмъ даютъ намъ знать, что это слово воспроизведено ими буквально, какъ было написано оно въ оригиналѣ. Если бы здѣсь не стоялъ ъ, а читалось: «*одѣвахуте*», то мы убѣждены, что они сгладили бы здѣсь палеографическія особенности начертанія и, въ соотвѣтствіе другимъ рядомъ стоящимъ глаголамъ, напечатали бы «*одѣвахуть*» вм. «*одѣвахуте*». Но этотъ ъ сбившій ихъ въ пониманіи глагольной формы, послужилъ поводомъ къ тому, что они воспроизвели для насъ начертаніе этого слову въ букву, соотвѣтственно оригиналу, и тѣмъ даютъ намъ понимать палеографическія особенности оригинала.

Наибольшая часть современныхъ комментаторовъ склоняется къ тому убѣжденію, что вмѣсто «*одѣвахъте*» слѣдуетъ читать: «*одѣвахуть*». Раздѣляя это убѣжденіе въ силу соотвѣтствія съ другими рядомъ стоящими глаголамъ: *чрвпахуть... сыпахуть...* мы должны лишь разъяснить, какъ явились палеографическія особенности написанія этого слова.

Выше мы замѣтили, что въ древнихъ рукописяхъ нерѣдко является о, какъ недописанный оу или ъ, безъ верхней надписной ижицы (ѵ). Особенность эта встрѣчается и въ прошедшихъ формахъ глаголовъ; такъ то: не *моготъ*, *моужахуть* (см. выше). Древніе писцы, обывшіе писать ъ на мѣстахъ гласнаго о, встрѣчая указанную осо-

бенность въ глагольныхъ формахъ, гдѣ *о* замѣняло *оу* или *Ѹ*, не затруднялись и здѣсь по привычкѣ ставить *Ѹ* вм. *о*. Подобную замѣну мы встрѣчаемъ уже—въ памятникахъ XV вѣка. Такъ во Временникѣ Георгія мниха, въ спискѣ Румянцевскаго Музея встрѣчаемъ: *мнози же страданн оуздвасени оумирѣхоу, дроузи же еде живи лежахъ, вилежахоу*. (л. 169 об.). Въ виду подобныхъ данныхъ: нужно предполагать, что и «*одѣвахъте*» первоначально было написано «*одѣвахотъ*» т. е. съ недописаннымъ *ужъ* (*Ѹ*) или *оу* и лишь послѣдующей писецъ, въ силу навыка, вмѣсто *о* поставилъ *Ѹ*, такъ что вышло: *одѣвахъте*. Отсюда уже весьма близокъ переходъ въ «*одѣвахъте*». Замѣну *Ѹ-е* въ окончаніяхъ глагольныхъ формъ встрѣчаемъ въ памятникахъ XIII в. Такъ въ грамотѣ 1226 г. читается: «*услышате*» вм. *услышать*; «*лежите*» вм. *лежить*. Въ XVI в. въ нѣкоторыхъ памятникахъ эта особенность правописанія встрѣчается еще чаще. Итакъ, въ «*одѣвахъте*» дѣйствительно слѣдуетъ видѣть «*одѣвахутъ*», перешедшее разными палеографическія стадіи древне-русскаго правописанія.

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ: Въ сію ночь сказалъ онъ боярамъ, одѣвали вы меня съ вечера чернымъ одѣяломъ.

Малиновскій въ черновомъ переводѣ: въ ночь сію съ вечера одѣвали меня, онъ рассказывалъ, чернымъ покровомъ. Въ печатномъ текстѣ: одѣвали *Ѹ* меня (онъ Боярамъ рассказывалъ) чернымъ покровомъ. Отсюда видно, что Малиновскій первоначально принималъ «*одѣвахъте*» стоящимъ въ той же грамматической формѣ, какъ и дальнѣйшіе глаголы: «*чръпахутъ*» *сыпахутъми*; но потомъ при изданіи текста склонился видѣть въ «*одѣвахъте*» 2 лице, множ. ч.

Комментаторы:

Грамматинъ первый «*одѣвахъше*» поправилъ на «*одѣваху*».

Загъмъ **Глаголевъ** еще точнѣе на «*одѣвахутъ*».

Дубенскій находитъ возможнымъ «*одѣвахъте*» принимать и въ формѣ 2 л. мн. ч. и безлично, вм. «*одѣвахуте*» или «*одѣвахутъ*».

Онъ замѣтилъ что *те* ставилось вмѣсто приставнаго характеристическаго окончанія 3 л., какъ напр. съ грамотъ 1226 г. писали: услышате вм. «услышать» т.-е. услышать» «лежите прѣклонитесь», вм. «лежить» прѣклонитесь (въ 3 л. ед. ч.)

Миллеръ Вс. въ «*одѣвахъте*» желаетъ, по обычаю, видѣть болгаризмъ; впрочемъ онъ находитъ болѣе вѣроятнымъ форму «*одѣвахъте*» дѣлать такимъ образомъ, что «*одѣвахъ*» 1 л. прошед. вр. а *те* относится къ слѣдующему слову: *мя* т.-е. *темя*. Смыслъ былъ бы таковъ: я одѣвалъ себя темя. Но никто и ни когда не скажетъ, что онъ «*одѣвалъ*» себя темя. Верхушку головы покрываютъ, а не одѣваютъ; тѣмъ болѣе не могъ допустить подобнаго не художественнаго выраженія такой поэтъ, какъ авторъ «Слова». Гораздо ближе къ дѣлу другое предположеніе, именно, что паралель прочихъ глаголовъ: «чръпахуть, сыпахуть» можетъ указывать на то, что «*одѣвахъте*» могло быть искажено изъ «*одѣвахуть*».

Потебня читаетъ «*одѣвахуть*», съ конечнымъ *е*, составляющимъ слогъ. Въ рукописи, говоритъ онъ, стояло, вѣроятно «*одѣвахуте*», съ конечнымъ *е*—*ъ*; издатели приняли *у* за *з*. Второе лице на *хъте* и само по себѣ сомнительно и менѣе понятно, чѣмъ 3, коему соотвѣтствуютъ «чръпахуть», «сыпахуть». Догадка, что слѣдуетъ читать «*одѣвахъ темя*» не нужна и не привлекательна; если Святославъ хотѣлъ сказать, что куталъ голову, то зачѣмъ говорить о темени, которое и безъ его вѣдома могло остаться не прикрытымъ.

Прозоровскій не объяснилъ, какъ онъ понимаетъ эту форму, но перевелъ безлично: «одѣвали меня чернымъ покрываломъ».

22.

Всю ночь съ вечера босувѣ врани възграяху, у Пльсьнска на болони бѣша дѣбрь Кисаню, и не соимлю къ сѣмю морю.

Это одно изъ самыхъ неисправныхъ и темныхъ мѣстъ, не поддающихся удачнымъ догадкамъ для возстановленія и уясненія подлиннаго чтенія. Первые издатели не сдѣлали даже какого-бы то ни было

примѣчанія къ этому мѣсту, кромѣ географическаго указанія города «Плѣсньска». Къ сожалѣнію, и въ найденныхъ черновыхъ бумагахъ главнаго редактора перваго изданія Малиновскаго, не оказывается ни малѣйшихъ данныхъ для какихъ бы то ни было новыхъ соображеній.

Въ ряду самыхъ разнообразныхъ толкованій этого мѣста нельзя указать ни одного, которымъ можно было бы довольствоваться, какъ самымъ вѣроятнымъ.

Основная мысль даннаго мѣста, повидимому, состоитъ въ слѣдующемъ: забусѣвшіе, изхудалые, жадные вороны, собираясь летѣть на съѣдубье къ синему морю—туда, гдѣ пали вои Игоревы, участь его приюгнали сначала подъ Кіевомъ, гдѣ сидѣлъ «отецъ» ихъ Святославъ, такъ горячо относившійся къ своимъ «сыновьямъ» за тѣмъ они побывали въ предѣлахъ Галицкаго княжества, которое не могло быть равнодушно къ судьбѣ Игоря по участию къ супругѣ его Ярославнѣ, Галицкой княжнѣ; и наконецъ уже полетѣли къ синему морю. Въ мутномъ сновидѣніи Святослава ограженіе воронами злой участи Игоря, по видимому, связано съ его думами объ осиротѣвшей Ярославнѣ, которой горе должно было отозваться на ея родинѣ. Вотъ почему зловѣщіе вороны побывали не только въ Кіевскомъ, но и въ Галицкомъ княженіяхъ на полетѣ своемъ къ синему морю.

У плѣсньска на болони бѣша. Плѣснескъ, какъ замѣтили и первые издатели, былъ «городомъ Галицкаго княженія, смежнымъ съ Владиміромъ на Волыни. Они также уже догадывались, что и въ дальнѣйшемъ выраженіи «дебрь Кисаню» скрывается указаніе мѣстности, въ которой побывали босувы врани» и потому перевели въ «дебри Кисановой». Но по Лѣтописямъ не извѣстно никакой «Кисани» и едва ли возможно, чтобы авторъ усвоилъ даже въ сонномъ видѣніи Святославу припоминаніе какой-нибудь мѣстности малоизвѣстной. Не нужно при этомъ забывать, что сонъ Святослава есть литературный приѣмъ автора «Слова», который связывалъ, конечно, сонъ съ событіями и потому въ сочетаніяхъ сонныхъ видѣній не могло быть упоминанія какой-то, Кисани, лишенной всякаго историческаго значенія. Всего вѣроятнѣе что «*дебрь Кисаня*» невѣрно вычитана въ рукописи первыми издателями.

Полагаемъ, что въ основѣ этого чтенія скрывается часто упоминаемая въ Лѣтописяхъ рѣка *Сань*, протекавшая въ Галицкомъ княженіи.

Въ виду этого соображенія предполагаемъ, что въ рукописи выраженіе это имѣло слѣдующее написаніе: дѣбрькн' саніе. Дебрьская Сань быть можетъ, именно низкое побережье Сана, зарослое мелкой чащей; это такая же болонь, что у Плѣсньска, но лишь на берегахъ Сана. Саню явилось вм. Саніе вслѣдствіе того, что, какъ выше указано, начертаніе *ю* въ рукописяхъ XIV и XV вѣковъ сбивалось на *ю*. Тѣмъ легче могъ принять это *ю* за *ю* писецъ XVI в. Выпаденіе надсрочныхъ буквъ и знаковъ также обычно въ рукописяхъ XVI вѣка. Первые издатели, неправильно раздѣливъ слова, и напечатавъ *дебрь* «Кисаню» съ заглавной буквы, какъ собственное имя, вм. дѣбрькн' саніе сбили тѣмъ съ толку всѣхъ послѣдующихъ комментаторовъ, которые совсѣмъ заблудились въ этой дебри.

Точно также замѣтно со стороны первыхъ издателей невѣрное чтеніе и послѣдующаго выраженія: «и не сошлю къ синему морю». Очень вѣроятно, что была ошибка въ окончаніи «не сошлю» уже въ самой рукописи, но во всякомъ случаѣ здѣсь «не» не могло быть отдѣлено отъ «сошлю» и по обычаю было написано слитно.

Первые издатели приняли это «не» за отрицаніе и напечатали раздѣльно и тѣмъ также надолго запутали комментаторовъ. Глаголь этотъ, очевидно, относится въ тому же подлежащему что и «*чрежухуть*» т.-е. къ воронамъ и потому долженъ отвѣчать ему грамматическою формою.

Изъ того, что издатели удержали въ текстѣ «не сошлю», хотя въ переводѣ дали другую форму, относя къ воронамъ, слѣдуетъ заключать, что въ самой рукописи дѣйствительно стояло: «несошлю», но подобное окончаніе есть уже ошибка писца Пушкинской рукописи, которая заставляетъ предполагать написаніе этого глагола въ бывшемъ подъ рукою его оригиналѣ въ приблизительно слѣдующей формѣ: несошлѣ или несошлѣ. Вмѣсто того, чтобы читать «несошася писецъ прочелъ «не сошлю»¹.

Итакъ, по нашимъ соображеніямъ все это мѣсто слѣдуетъ читать такъ: Всю ночь съ вечера бусови врани възгряху, у Плѣсньска на болони бѣша, ꙗ дѣбрькн' саніе и несошлѣ къ синему морю.

¹ См. въ «Лексикологин» «бусови» «болонь» «сань».

Такимъ образомъ переводъ этого мѣста будетъ слѣдующій:

„Всю ночь съ вечера
 „Паршивые вороны прогряли,
 „У Плѣсна на болотинѣ были
 „У дебрской Сани,
 „И понеслись къ синему морю.

Издатели:

Мусинъ-Пушкинъ перевелъ: «Они, утоптавъ плоскость дебри Кисанской, не отлетѣли къ синему морю».

Малиновскій въ черновомъ переводѣ: «будто во всю ночь съ вечера до свѣта вороны каркали, усѣвшись у Плѣсна на выгонѣ въ дебри Кисановой и не полетѣли къ морю синему.

Въ *первомъ изданіи* переводъ этотъ оставленъ безъ измѣненія.

Комментаторы:

Пожарскій: «Бусови врани у Плѣсна на болонѣ въ долиинѣ Кисановой: а выраженіе «и не сошлю къ синему морю» переводилъ такъ: «и я (Святославъ) не могу согнать ихъ къ синему морю.

Грамматинъ: «Не сошлю» слѣдуетъ читать «не сошли» такъ какъ оба предыдущіе глаголы «възгряху и «бѣша» стоятъ во мн. ч. Нельзя переводить, какъ переводитъ Пожарскій; во 1-хъ мѣстоименія *ихъ* нѣтъ въ подлинникѣ; во 2-хъ «сослать птицъ» не лѣзя такъ говорить; поэтому вѣроятнѣе, что здѣсь описка. Онъ переведилъ: «Босые вороны у Плѣсна усѣлись на болонѣ, гдѣ лощина Кисанова, и не слетѣли къ синему морю.

Павскій: Всю ночь каркали вороны (Половцы). Князю снилось будто они находились на территоріи его зладѣній, у Плѣсна въ дебри Кисановой и что онъ самъ не могъ прогнать ихъ къ синему морю.

Вельтманъ: «Здѣсь явно, что вмѣсто *не сошлю* должно быть несошась. То же повторялъ и Гильфердингъ.

Максимовичъ сначала переводилъ такъ: «у Пльнска на болонѣ были, въ дебри Кисановой и не слѣбли къ синему морю». Затѣмъ, онъ придумалъ подлежащее и переводилъ: «Кыяне же сошли къ синему морю».

Дубенскій: «бѣша дебрь Кисаню» т.-е. были дебри Кисани. *Кисань* собственное имя неизвѣстнаго значенія, но ниже это слово, кажется, бояре толковали «Хинови». Дебрь—долина, лѣсъ, лѣсное мѣсто. «И не сошлю къ синему морю» значить ругались, что я не могу сослать, т.-е. прогнать назадъ его (Кисаня). Перевелъ такъ: «у самого Пльнска на выгонѣ были дебри Кисаня, а я будто бы не въ силахъ его прогнать къ синему морю».

Макушевъ: «*Бусови*» напоминаетъ собой послѣдующее «*бусови время*» «не сошлю» «несоша іа», «дебрь Кисаню»—слѣдуетъ читата: *дебрьски сани*», а «*сань*» напоминаетъ чешскую сань—дракона, змѣю. Такимъ образомъ текстъ принимаетъ слѣдующую форму: «бѣша дебрьски сани и несоша іа къ синему морю».

Кн. П. П. Вяземскій: «*бѣша*» здѣсь отъ «бѣсити» поднимать, а «*кисанье*»—по сербски—возбужденіе плача. Въ виду такого толкованья «бѣша дебрь кисаню» онъ переводить: «подымая долину слезъ». Въ «несошлю» буква «ю» есть особое слово—мѣстоименіе, а л поставлено вм. а, т.-е. «несоша ю».

Миллеръ Вс.: Принимая чтеніе «несоша ю», предложенное кн. П. П. Вяземскимъ, замѣчаетъ, что смыслъ отъ того не выиграиваетъ. Кромѣ грамматическихъ затрудненій, (напр. множ. «бѣша» единств. «дебрь») здѣсь и реальныя: почему вороны каркаютъ у города Пльсенска въ Галицкомъ княжествѣ? При «несоша» и «бѣша» г. Миллеръ предполагаетъ опущенное подлежащее «врани». По соображенію съ отвѣтомъ бояръ, онъ заключаетъ, что какъ дѣвы поютъ на берегу синяго моря, радуясь добытому Русскому злату, такъ вороны что-то такое (ю) добыли и несутъ къ синему морю.

Потебня: *Бусови* мѣстный безъ предлога съ *и* вм. *ъ*. *Бусово*, по его предположенію, урочище, Бусова гора; *взражау*—вскаркивали; *на болонии*—на ровномъ низменномъ мѣстѣ образовались (бѣша—вм. быша) яры (дебри вм. дебрь): дѣло чудное! Затѣмъ читаетъ, слѣдуя Максимовичу: Кыяне (*кисаню*) же (*и не*) съшли (*сошлю*) къ синему морю. Безъ поправокъ въ данномъ мѣстѣ обойтись трудно, но такого рода поправки не только не вносятъ въ текстъ никакого смысла, но уже окончательно затемняютъ его.

Осмировъ выражаетъ предположеніе: «несоша ю» не образовалось ли изъ двухъ словъ: «несоша жлю»?

Прозоровскій: *бѣша* превращаетъ въ *браша*; *не сошлю* читаетъ, какъ и другіе, *несоша ю* и переводитъ: «Всю ночь съ вечера бусовы вороны прокаркали у Плънсена на *всполь*, брали дебрь Кисанову и несли ее къ синему морю». *Бусови* врани—онъ принимаетъ въ значеніи Кашинскомъ, т.-е. пьяныя, неистовыя изступленныя, сближая ихъ въ толкованіи бояръ съ Готскими дѣвами и въ образѣ ихъ, равно какъ и шумящихъ воронъ, усматривая мифическія существа, подобныя древнимъ Вакханкамъ, неистово пировавшія въ честь Буса. Поправляя «*бѣша*» на «*браша*», онъ замѣчаетъ, что съ такой перемѣной мы получаемъ будто бы все это мѣсто въ совершенно ясномъ видѣ: «брали дебрь и несли ее». Признаваемой имъ ясности намъ не представляется ни на одинъ волосъ и, на нашъ взглядъ, никакъ не стоить для нея перемѣнять въ текстѣ «*бѣша*» на «*браша*».

Педагоги:

Бораблевъ: *Бусъ* и *Кисань*—здѣсь
Половецкіе предводители.

В. М.: На лугу у Плънска находилась будто бы дебрь; я будто бы спугиваю ихъ (*кисаню*, т.-е. *кисаю*, *кишу*, *кричу*—*кишь*, *кишь*, *кишь*) и никакъ не загоню къ синему морю.

Малашевъ: «У Плънска, на окраинѣ города, была дебрь Кисанова и, будто, несли ее къ синему морю».

Ласкинъ: Бусовы вороны каркали у Плънська на околицѣ, покрыли (одѣша) дебрь Кисанскую и несли печаль (несоша жлю) къ синему морю.

Литераторы:

Павловъ (Бицинъ): во всю ночь каркали вордны у Плънська, на Подолѣ, гдѣ дебрь Кисанова, и понесло ихъ къ синему морю.

Скульскій: На Подолѣ тамъ, гдѣ Кисановъ лѣсъ, воронье зловѣще каркали, а потомъ снялись къ морю синему.

Поэты:

Мей: На углу Плънска вражьи вороны,
Залетали въ дебрь Кисанову
И никакъ мнѣ не согнать ихъ
Къ морю синему.

Майковъ А.: Прокаркали у Плънска тамъ,
Гдѣ прежде дебрь была Кисаня
На Подолѣ стаи черныхъ вороновъ,
Проносясь несмѣтной тучей къ морю.

23.

„И въ мортъ погрузиста и великое буйство подасть Хинови.“

Какъ выше мы уже замѣтили, многіе современные комментаторы, по сходству формы глагола «погрузиста» съ стоящими въ предыдущихъ періодахъ глаголами: «помъркоста», «погасоста», «тьмою ся поволокоста», съ нарушеніемъ текста, приставляютъ къ нимъ и эти предложенія: *въ мортъ погрузиста и великое буйство подасть Хинови*. Но мы, какъ выше замѣтили, не можемъ допустить подобной перестановки и оставить Половцевъ, къ которымъ относятся эти послѣднія предложенія, при томъ только, что они простерлись по Русской землѣ.

Въ данномъ мѣстѣ изображается дѣйствительность, уясняющая значеніе предыдущихъ символическихъ картинъ. Поэтому мы скорѣе

склонны признать въ данныхъ предложеніяхъ неисправное чтеніе, чѣмъ примириться съ допускаемой перестановкой.

Неисправность эта обусловлена здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, неправильнымъ выведеніемъ изъ-подъ титла и слитнымъ чтеніемъ такихъ словъ, которыя должны быть читаемы раздѣльно; таковы глаголы: «погрузиста», «подасть».

Въ рукописи XVI в. они могли стоять въ такомъ видѣ: «погрузи́та». Слѣдовало читать: «погрузи́ша та; но издатели, подъ воздѣйствіемъ предыдущихъ глаголовъ въ двойственной формѣ, и «погрузи́та» прочли какъ «погрузиста», предполагая и здѣсь ту же форму; между тѣмъ *та* здѣсь есть именно то самое дополненіе, котораго не достаетъ въ печатномъ текстѣ. *Та*, т.-е. «два солнца», «два столпа», или быть можетъ здѣсь *та* вм. *тѣ* т.-е. Русскую землю, какъ называется въ «Словѣ» Русское войско. (Вин. пад. въ формѣ именит.).

То же самое допущено и по отношенію къ глаголу «подасть».

Въ рукописи, всего вѣроятнѣе, стояло: «пода́тъ» т.-е. слѣдовало читать: «пода́ша тѣ» (*той*) хинови. Издатели же слили два слова, измѣнивъ подъ воздѣйствіемъ тѣхъ же глаголовъ ш въ ѣ, т.-е. въ «подасть». Надстрочный знакъ въ видѣ двухъ черточекъ и здѣсь, какъ въ другихъ мѣстахъ, оставленъ ими безъ вниманія (ср. въ ста́зѣи).

Такимъ образомъ это мѣсто, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ читать такъ:

И въ морѣ погрузи́та и великое буйство пода́тъ хинови.

Погрузить въ море—выраженіе символическое; значить погубить¹.

Переводъ будетъ слѣдующій:

„Среди Русскихъ дружинъ простерлись,

„Половцы, словно гнѣздо пардусовъ,

„И въ море ихъ погрузили

„И великую гордость придали

„Тому Хиновскому роду.

Издатели:

Мусинъ-Пушкинъ перевелъ: «они погрузили Русскихъ въ море и великую Хану подали отвагу».

¹ См. въ «Лексикологіи»: «погрузи́ша».

Малиновскій въ черновомъ переводѣ: «Разсыпались Половцы по Русской землѣ, какъ леопарды изъ логовища вышедшіе, и наше-ствиемъ своимъ, подобнымъ морскому приливу, придали великую отважность хану ихъ».

Въ *первомъ изданіи* сдѣлано лишь слѣдующее измѣненіе: «погрузили въ безднѣ силу Русскую, придали хану ихъ великое буйство».

Комментаторы:

Пожарскій перевелъ: «погрузили землю Русскую въ пропасть, т.-е. что земля Русская провалилась въ пропасть».

Грамматинъ: «авторъ хочетъ сказать, что Половцы загнали въ Азовское море, близъ котораго происходило сраженіе, остатокъ Русскихъ, спасшійся послѣ онаго, какъ говорится въ Лѣтописномъ о томъ сказаніи: «а прочіи въ морѣ истопоша».

Дубенскій читаетъ: «*погрузистая*» и «*подаста*», и переводитъ: «по Русской землѣ разсыпались Половцы, словно гнѣздо барсово, и въ море погрузились и великую дерзость придали хану». Препжнихъ изслѣдователей не занимали здѣсь грамматическія формы.

Тихонравовъ предполагаетъ, что форма «*подаста*» возникла отъ того, что въ рукописи это слово стояло съ титлованнымъ окончаніемъ «*подаѣ*» и первые издатели невѣрно вывели его изъ-подъ титла, поставивъ въ концѣ ѣ вм. а.

Другіе изслѣдователи, обращая здѣсь вниманіе на форму двойственного числа относятъ, какъ мы уже видѣли, эти выраженія не къ Половцамъ, а къ Русскимъ князьямъ и потому дѣлаютъ перестановки какъ-то Ф. Е. Коршъ, кн. Вяземскій, Потебня и др.

Прозоровскій: «По Русской землѣ разбрелись Половцы, какъ рысиное гнѣздо, погрузили ее въ море *бѣдствій*, чѣмъ дали хану поводъ къ великой смѣлости». Названіе ханъ не было народнымъ или племеннымъ, а означало народовъ полудикихъ преимущественно тѣхъ, кои тревожили Русь набѣгами».

Педагоги:

Погосскій: «Разсыпались Половцы, словно стая леопардовъ и моремъ разлилось буйство ханское».

В. М.: «Они погрузили въ море ихъ, т.-е. слѣдовало бы собственно сказать, погрузили въ море ея, т.-е. богатство Русской земли такъ какъ раньше сказано: напали на Русскую землю».

Малашевъ, какъ и другіе, это выраженіе выносить изъ своего мѣста и ставить рядомъ съ выраженіемъ: тьмою ея поволокоста и переводить Олегъ и Святославъ поволоклись тьмою и въ море погрузились.

Литераторы:

Павловъ (Бицинъ): «Олегъ и Святославъ въ морѣ заволоклись тьмою».

Окульскій: «Честь Святославова, слава Олегова съ ними затмилась туманомъ морскимъ».

Поэты:

Гербель: «Разсѣялись Половцы, будто бы
«Стая степныхъ леопардовъ,
«По Русской землѣ,
«И дерзость вождя своего поощряя,
«Бушующимъ моремъ разлилися кругомъ».

Мей: «Словно барсовъ, лютой выводокъ,
«Потопили Русь въ синемъ морѣ».

Майковъ: «И простерлись Половцы по Руси
«Словно люты пардусовы гнѣзда».

24.

А уже не вижду власти сильного и богатаго и многовои брата моего.

Это мѣсто мы также относимъ къ числу неисправныхъ чтеній; ни грамматическій, ни художественный строй рѣчи не позволяютъ здѣсь мириться съ глаголомъ «не вижду» совершенно не умѣстнымъ. Упреки Святослава, обращенные къ Игорю и Всеволоду и выраженія въ противительномъ періодѣ: «нѣ рекосте: мужаимъса *сами*... славу *сами* похитимъ; и *сами* подѣлимъ» указываютъ, что въ предыдущемъ періодѣ должна быть выражена мысль о чужой помощи, которою они не хотѣли воспользоваться, мысль, обращенная къ нимъ же. Это даетъ именно право въ выраженіи «не вижду власти» усматривать неисправное чтеніе. Можно полагать что въ Пушкинскомъ оригиналѣ выраженіе это имѣло слѣдующее написаніе:

Не выждѣѣстие т. е. слѣдовало читать; не выждааа естие или быть можетъ, еста. Въ южно-русскихъ рукописяхъ жъ въ это время употреблялся весьма часто не правильно; очень вѣроятно, что поставленный здѣсь вмѣсто *а*, онъ былъ главною причиною невѣрнаго чтенія данного мѣста—со стороны древне-русскаго писца или первыхъ издателей. Ж, принимая за *у*, они прочли этотъ глаголь въ первомъ лицѣ «не вижду» и отнесли къ Святославу, который ведетъ рѣчь. Принять *ы* за *и*, читая не виждааа вм. не выждааа они въ правѣ были уже потому, что видѣли такую замяну въ той же рукописи. (Ср. на кровати) Далѣе вслѣдствіе такого прочтенія *магола*, они естественно, надписной слогъ *ла* должны были читать въ дальнѣйшемъ словѣ и въ формѣ *ѣстие* они тѣмъ легче могли усмотрѣть *власть*, что *е* въ рукописяхъ XVI вѣка сближается съ скорописнымъ *в*. *Многовои* вм. многовоа явилось подѣ воздействиемъ раздѣльнаго чтенія одного слова—двумя, вслѣдствіе чего *воа* по зависимости отъ «много» превратилось въ «кон».

Въ виду этихъ соображеній слѣдуетъ читать:

А уже не выждааа естие сильного и богатаго и многовоа брата моего дрослава.

При такомъ чтеніи получаютъ полную соотвѣтственность и грамматическую и логическую и дальнѣйшія слова: «*нз рекосте: мужамъся сами, и т. д.*

Не можетъ служить серьезнымъ возраженіемъ, что, въ войскѣ Игоря участвовала уже Черниговская помощь; въ томъ-то Святославъ и упрекаетъ Игоря и и Всеволода, что они воспользовались только отрядомъ Ковуевъ, но не выждали участія самаго Ярослава со всѣми его былями и могутами, которыхъ онъ и исчисляетъ.

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ перевелъ: Я уже не вижу власти сильного и богатаго и *милаго* моего брата Ярослава.

Малиновскій въ черновомъ переводѣ: «Я уже не вижу власти сильного и богатаго множествомъ воиновъ брата моего Ярослава.

Въ *первомъ изданіи* съ слѣдующимъ измѣненіемъ: «и многовойнаго брата моего».

Комментаторы:

Шишковъ: Поелику «*многовои*» есть имя существительное, относящееся къ слову «*не вижду*» сирѣчь, не вижду многовоевъ брата моего, сего ради и смыслъ сей рѣчи не можетъ быть тотъ, какой данъ ей въ «Преложеніи». Мнѣ кажется, разумъ сихъ словъ долженъ быть слѣдующій: «я уже не вижу себя богатымъ и сильнымъ властелиномъ; не вижу поборающихъ по мнѣ многихъ войскъ брата моего Ярослава, ни Черниговскихъ былей, ни могуть...»

Вельтманъ: «Не вижу ужъ власти въ могущихъ, въ богатыхъ; уже нѣтъ Ярославовыхъ страшныхъ полковъ изъ Черниговской черни.

Дубенскій: «Вотъ уже не стало у меня области и сильной и богатой и многочисленныхъ воиновъ брата моего Ярослава. «Многовои» онъ считалъ опискою *вм. много кѡн*».

Максимовичъ: «Уже и не вижу власти сильного и богатаго и много воиновъ у брата моего съ Черниговскими былями».

Соловьевъ С. М.: «Слово «многовой» не есть описка, а прекрасный эпитетъ Ярослава, *многоя*, у которыхъ много воевъ.

Майковъ: «Не вижу власти», ужъ нѣтъ со мной брата Ярослава. Власть здѣсь не значить область; его Черниговская область не пропадала; онъ не терялъ ее. По заключенію г. Максимовича, здѣсь имѣется въ виду двукратный отказъ Ярослава итти съ нимъ на Половцевъ въ 1184 и 1188 гг. Смысль тотъ, что Ярославъ не помощникъ, что очень жаль великому князю, ибо дружина Ярославова, состоящая изъ Черниговскихъ былей и другихъ удалцевъ, беретъ примѣръ съ дѣдовъ, а вы Игорь и Всеволодъ возмнили: сдѣлаемъ все сами.

Потебня: читаетъ вм. «*не вижду власти*» не съждала есте; вм. «*многовой* — *многоя*: чтеніе, по собственнымъ его словамъ, палеографически не мотивированное и шаткое.

Смирновъ: «Игорю отъ Ярослава нечего было больше ждть помощи послѣ того, какъ она была дана ему съ Ольстиномъ Алексичемъ». Но вѣдь упрекъ касается здѣсь того, что они не выждали участія *самого Ярослава съ былями и могутами*, которые тутъ же изчисляются.

Прозоровскій: «Уже не вижу владѣнія сильного и богатаго и множество воиновъ брата моего Ярослава.

Педагог:

В. М. «Не вижу... многовойнаго, т.-е. многими воинами владѣвшаго брата...

Малашевъ: Словами: «не вижу власти сильного и богатаго», авторъ хочетъ выразить, что сильный и богатый потеряли власть, какую они имѣли. Вѣроятно Святославъ сильнымъ и богатымъ называетъ самого себя.

Ласкинъ: «Теперь я не вижу и власти сильного и богатаго и многовойскаго брата.

Литераторы:

Павловъ (Бицинъ): Не увижу я власти сильного и богатаго, ни множества воиновъ брата моего Ярослава...

Скульскій: «Знать ужъ не вѣдать мнѣ сильного во власти, богатаго въ счастья! Гдѣ же эти рати брата Ярослава, изъ земли Черниговской—вольная дружина.

Поэты:

Гербель: «И вотъ ужъ враги полонили,
«Одну изъ сильнѣйшихъ моихъ областей,
«Гдѣ братъ мой отважный,
«Съ отрядомъ былей,
«Съ Черниговской ратью своей.

Майковъ А.: «Нѣтъ со ужъ брата Ярослава!
«Онъ ли сильный, онъ ли многоратный
«Со своей Черниговской дружиной,
«Съ удалцами. Съ татры и Ревуги.

25.

Изъ рекосте му жа имтъся сами, преднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся сами подълимъ.

Мѣсто это въ настоящее время настолько разъяснено, что не можетъ возбуждать никакихъ сомнѣній. И если мы останавливаемся на немъ, то лишь для того, чтобы точное чтеніе текста обосновать на палеографическихъ соображеніяхъ.

Въ выраженіи «*изъ рекосте му жа имтъся сами*», въ первомъ изданіи разстановка словъ, очевидно, приурочена издателями къ своему пониманію, выраженному въ переводѣ: «не говорятъ они, мы де сами».

Въ оригиналѣ всѣ слова стояли слитно: *моужаннѣсаами*. Слѣдовало читать и раздѣлить эти слова такимъ образомъ: «*моужаннѣса ами*». При этомъ въ Пушкинской рукописи согласно правописанію въ другихъ памятникахъ XVI вѣка, ѣ былъ написанъ такъ, что легко было принять его за *ѣ*—именно въ слѣдующей формѣ *ѣ*. Слово: «*мужа-имѣся*» въ такой именно формѣ встрѣчается и въ лѣтописи.

Другое недоумѣніе относится здѣсь къ слову «заднюю»: «*а заднюю* (славу) *са сами подѣлимъ*». Г. Тихонравовъ совершенно основательно замѣтилъ, что едва ли при возвратномъ глаголѣ: «подѣлимся» могъ стоять винит. пад. «*заднюю*» (славу) и потому *са* онъ превращаетъ въ *си*. Вполнѣ раздѣляя его убѣжденіе, что въ данномъ выраженіи скрывается несправность чтенія, мы усматриваемъ ее однако не въ словѣ *са*, а въ словѣ: «*заднюю*» (какъ Огоновскій и Потебня). Несправность эта принадлежитъ древнимъ писцамъ, а не издателямъ и стоитъ въ связи съ написаніемъ іетированнаго *ю* въ памятникахъ уже XIII и XIV вв., когда при написаніи *ю* нижняя полукруглость второй половины звука поднималась настолько къ верху, что писцы могли принять *ю* за *ю*, т.-е. въ древнѣйшихъ спискахъ нашего памятника данное слово имѣло такое написаніе: *заднююю*, въ Пушкинской же рукописи оно имѣло уже форму: «*заднюю*». Здѣсь, на нашъ взглядъ, сказывается слѣдъ ошибокъ древняго правописанія, особенно въ эпоху перехода отъ устава къ полууставу.

Итакъ чтеніе этого мѣста должно быть слѣдующее:

«*Нъ рѣкостѣ: мужаннѣса ами; преднюю славу сами похитимъ, а заднюю са сами подѣлимъ*

Переводъ будетъ такой:

„Но вы сказали: одни станемъ мужаться;
„Одни мы восхитимъ славу былую;
„Одни мы раздѣлимъ и грядущую славу.

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ перевелъ: «Онѣ не говорятъ, что мы сами прежде одержимъ надъ непріателемъ славу, и потомъ оную раздѣлимъ съ другими».

Малиновскій: «Не говорятъ они, мы де сами приобретемъ предстоящую славу, а прошедшею съ другими подѣлимся»:

Въ *первомъ изданіи* вмѣсто «приобретемъ» удержано слово подлинника: «похитимъ». Во всемъ остальномъ переводъ Малиновскаго оставленъ безъ измѣненія.

Комментаторы:

Шипковъ: «Преложеніе» сего заключаетъ въ себѣ нѣкую темную мысль, которую нельзя сообразить ни съ предъидущимъ, ни съ послѣдующимъ. Особливо слова: «мужа имѣся», совѣтъ непонятны. Мнѣ кажется здѣсь ошибка; взята буква *ж* вм. *т*, и что надлежало бы сказать: *мужайтесь*. И въ семъ расположеніи можно проницать слѣдующій разумъ: «но вы сказали, возвѣстили мнѣ о несчастіяхъ нашихъ, такъ мужайтесь же; пойдѣмъ, и безъ всякой отъ другихъ помощи прославимся одни и прежнею, т.-е. приобрѣтенною вышешепянутыми богатырями славою подѣлимся съ ними».

Балайдовичъ читалъ: «мужаймеса». (Опис. р. Вост. стр. 27).

Пожарскій: «Буква *ж* не дѣлаетъ здѣсь никакой ошибки и перемѣнять оную на *т* не предстоитъ никакой надобности, ибо рѣчь сія была не собственная Святослава къ боярамъ его, но одно только припоминаніе или повтореніе сыновняго условія, коимъ они ободряли себя на Половцевъ. Притомъ же великому князю кievскому грозному Святославу не прилично говорить своимъ боярамъ: «похитимъ предстоящую славу». Тѣмъ менѣе предстояло ему надобности говорить о приобрѣтеніи прошедшей славы, а тѣмъ паче о раздѣлѣ оной и притомъ съ своими боярами, ибо прошедшая слава была единственно его удѣломъ, такъ можетъ ли Святославъ похищать ее самъ у себя и дѣлиться ею съ боярами? Вышесказанную рѣчь говорили Игорь и Всеволодъ, а не Святославъ. «Въ то же лѣто, говорится въ лѣтописи Нестора, Ольговы внуци, занеже бяху не ходили того лѣта со всеми князьями, но сами поидоша о собѣ, рекше: ци есьмо мы не князи же? Пойдемъ, такожь себѣ хвалы добудемъ». Въ другомъ мѣстѣ: «а нынѣ пойдѣмъ по нихъ за Донъ до конца ихъ изьбѣмъ, а же ны будетъ побѣда, идемъ и до лукоморья, гдѣ же ни ходили дѣды наши,

а возьмемъ до конца свою славу и честь». Посему здѣсь рѣчь Свято-слава означаетъ: но вы, сыновья мои, сказали: «будемъ мужаться сами; предстоящую славу еами похитимъ, а прошедшею подѣлимся сами».

Грамматинъ въ силу замѣчаній Пожарскаго, исправилъ: «*мужа имѣся*» въ «*мужаемся*».

Вельтманъ: «Мужаемся, други, пожнемъ предстоящую славу, подѣлимся славой грядущей».

Максимовичъ: «Но звоня въ прадѣдовскую, славу вы сказали себѣ: мужаемся одни; одни возьмемъ предстоящую славу, одни подѣлимся славой прежней». Форму *мужаемся* онъ находилъ правильною.

Дубенскій: Мужаемся—считалъ 1-мъ л. двойств. ч. повел. наклон. отъ «мужатися», которая употреблялась въ древне-русскомъ языкѣ, наравнѣ съ формою повел. накл. 1 л. множ. ч. на *мы: кушаемся* (покусимся) на вежа ихъ; не *озираемся* назадъ; не *проливаимъ* крови. Онъ перевелъ: «Но вы говорили: станемъ мужественно одни, прошедшую славу одни восхитимъ и будущую между собою одни раздѣлимъ».

Тихонравовъ, замѣчая въ Пушкинскомъ текстѣ смѣшеніе издателями *з* и *ъ*, «мужа имѣся» исправилъ въ «*мужаемся*». Не находя возможнымъ, чтобы затѣмъ глаголь «*подѣлимся*» сочинялся съ винит. п. онъ *ся* превращаетъ затѣмъ въ *си*.

Кн. **П. П. Вяземскій**, предполагая, что издатели приняли здѣсь необычайное *ы* за *ъ*, «мужа имѣся» читаетъ: «*мужаемся*».

Огоновскій, по свидѣтельству г. Смирнова вм. «*заднюю*» читаетъ «*заднюю*», не представляя на то никакихъ основаній.

Потебня: «мужаемъ ся сами; преднюю славу сами похитимъ; а заднюю ся сами подѣлимъ».

Прозоровскій, удерживая чтеніе Пушкинскаго текста, переводитъ: «Но вы сказали мужей имѣемъ сами и сами добудемъ пе-

реднюю славу, а заднею сами подѣлимся». Грамматическія формы, какъ видно, его ни мало не затрудняютъ.

Педагогъ:

Бораблевъ: «Будущую славу сами снищемъ, а прежнюю сами себѣ присвоимъ».

Погосскій: «Похитимъ (т.-е. затмимъ) славу старую (прежнюю) и подѣлимся славою будущей (т.-е. добудемъ и раздѣлимъ между собой новую славу). Мы перевели, замѣчаетъ онъ, «задняя слава», словомъ «будущая» вотъ на какомъ основаніи: допуская, что слава предопредѣляется людямъ заранѣе, можно назвать будущую славу «славою заднею», т.-е. такую, существованіе которой въ будущемъ уже опредѣлено; слѣдовательно, она какъ будто уже существуетъ, но еще не видимо для насъ, какъ бы вслѣдствіе того, что находится позади тѣхъ славъ, которымъ опредѣлено существовать прежде ея; она еще задняя.

Малашевъ: «Но вы сказали: пойдемъ мужественно одни; сами собой добудемъ предстоящую славу, сами же подѣлимся и прошедшею».

Ласкинъ: «Отважимса сами; будущую славу похитимъ одни; тогда и прошлую подѣлимся также одни».

Литераторы:

Павловъ (Бицинъ): «А вы похвалились: возьмемса-ка сами; славу, что впереди насъ, захватимъ, а что позади насъ съ собой подѣлимъ».

Скульскій: «А вѣдь вы хвалились, сами-де не хуже, вся-де слава наша; та, что впереди насъ; ту возьмемъ мы съ боя, а что позади насъ, ту и такъ подѣлимъ».

Поэты:

Мей: «Сами славой прошлой роздобудемса,
«Сами славой будущей подѣлимса.

Майковъ: «Всю сорвемъ, что въ будущемъ есть, славу,
«Да и ту, что добыли ужь дѣды.

26.

Великій Княже Всеволоде! не мыслию ти прелетѣти издалеча, отня злата стола поблости.

Смыслъ здѣсь виденъ, но слово «*мыслию*» затрудняетъ точную его передачу. Оно стоитъ на первомъ мѣстѣ и на немъ сосредоточена сила «воззванія». Замѣтно, что слово *мыслию* не зависитъ отъ глагола «*прелетѣти*»; напротивъ этотъ послѣдній служитъ дополненіемъ къ «*мыслию*». Въ силу этого справедливо современные комментаторы склоняются къ предположенію, что въ словѣ «*мыслию*» скрывается какая-нибудь неисправность чтенія.

Мы исходимъ изъ того предположенія, что въ Пушкинскомъ текстѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ іотированное *ѣ* древняго списка перешло уже въ *ю*, примѣры чего указаны выше. То же видимъ и въ «*ю*» которымъ заканчивается слово *мыслию*. Это есть древнее іотированное *ѣ*, означающее бытный глаголь въ 3 л. ед. ч. настоящаго, времени, который въ позднѣйшей письменности является въ формѣ «*ѣ*». Употребленіе *ѣ* вм. «*естъ*» встрѣчаемъ и въ дѣтописи, напримѣръ въ Лаврентьевскомъ спискѣ: «*е ли старецъ*» (1872, стр. 185); а также во множествѣ переводныхъ памятниковъ и въ живомъ народномъ пѣснотворествѣ.

Остальные слоги «*мысли*» едва ли не представляютъ два слившихся слова: *мыс* и вопросительное «*лі*». Слитіе это произошло вслѣдствіе однихъ и тѣхъ же звуковъ въ двухъ словахъ, коими одно оканчивается, а другое начинается. Примѣры этого явленія, какъ выше указано, замѣтны и въ другихъ мѣстахъ дошедшаго до насъ текста «Слова».

Въ виду этихъ соображеній чтеніе этого мѣста, при выводѣ изъ подъ титла, принимаетъ слѣдующій видъ:

Не мысль лі (ѣ) ѣ ти прелетѣти.

Переводъ будетъ такой:

„Нѣтъ ли намѣренія у тебя
 „Перелетѣть издалека
 „Золотой отцовской престоль поберечь?

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ перевелъ: «Не мыслию тебѣ не перелетѣть издалека.

Малиновскій въ черновомъ переводѣ: «Почто не придетъ тебѣ на мысль перелетѣть издалека ради защиты отеческаго золотого престола.

Въ первомъ изданіи: «Почто не помыслишь *прилетѣть* издалека.

Комментаторы:

Шишковъ перевелъ: Великій Всеволодъ! Отдаленный отсель, ниже мыслию летишь отца твоего сохранить престоль.

Пожарскій: «Подлинникъ не то говорить, что видать въ немъ первые издатели; глаголъ «перелетѣти» означаетъ перелетѣть, а не прилетѣть. Слова «не мыслию ти» также не означаютъ: «почто не помыслишь ты», ибо «мыслию» есть твор. пад. а «ти» дат. Слова эти значать слѣд.: «не мыслию тебѣ, перелетѣть издалека, или, не перелетѣть тебѣ, подобно мысли, издалека».

Максимовичъ: «Не мыслию тебѣ прилетѣть»...

Дубенскій: «Не мыслию ти» т.-е. ты и не вздумаешь (тебѣ не угодно, ты не соизволишь).

Новѣйшіе издатели и комментаторы, встрѣчаютъ грамматическія затрудненія для подобныхъ переводовъ.

Тихонравовъ склоняется къ предположенію, не стояло ли въ рукописи вм. «не мыслию ти» «не *мыслиши*».

Миллеръ Вс. «Нельзя переводить: «*тебѣ не перелетѣть мыслию издалеке*». Такому переводу противорѣчитъ мѣсто, занимаемое словомъ «мысль». Не согласенъ онъ и съ поправкою г. Тихонравова, считая это предложеніе вопросительнымъ. Смыслъ разбираемаго воз-

званія сосредоточенъ на словѣ «*мыслию*» стоящемъ на первомъ мѣстѣ. Значить ли перелетѣть *мыслию* перелетѣть *мысленно* или перелетѣть *какъ мысль*, съ быстротою мысли? Думаемъ, замѣчаетъ онъ, что послѣднее вѣрнѣе, ибо чрезъ то, что Всеволодъ перенесется мысленно, онъ еще не можетъ защитить отцовскій престолъ. При такомъ пониманіи послѣ *мыслию* слѣдуетъ, кажется, поставить вопросительную частицу *ли*, которая могла выпасть подъ влияніемъ *ли* въ предшествующемъ словѣ, т.-е. не перелетѣть ли тебѣ съ быстротою мысли?

Потехня читаетъ вм. «Не *мыслию* ти» — «*Не мысль ли у ти* прелетѣти; при этомъ *у* принимаетъ въ значеніи «уже» и переводитъ такъ: Не думаешь ли ты уже (нѣтъ ли уже у тебя мысли, не хочешь ли ты уже).

Прозоровскій: оставляя текстъ безъ измѣненія переводитъ: «Не думаешь ты прилетѣть издалека».

Педагоги:

Погосскій: «Не въ мысляхъ тебѣ прелетѣть».

В. М.: «Тебѣ бы должно не *мыслию* прилетѣть для охраны престола отцовскаго.

Малашевъ: У тебя и въ мысляхъ нѣтъ прилетѣть..

Алябьевъ: Чтò бы *мыслию* прилетѣть тебѣ.

Литераторы:

Павловъ (Бицинъ): У тебя и въ мысляхъ нѣтъ прелетѣть издалека...

Поэты:

Гербель: «За чѣмъ ты не здѣсь?»

«Отчего не мчишься грозой

«На защиту престола отца твоего?»

Майковъ: «И не въ *мысль* тебѣ прелетѣти

«Издалека поблюсти столъ отчій.

„Ольговичи храбрыи князи достъли на брань.

Всѣ толкованія этого мѣста не состоятельны; выраженная въ немъ мысль не подмѣчена; связь его съ предъидущимъ не понята; въ настоящее время одни комментаторы склонились къ предположенію, что стоитъ оно не на своемъ мѣстѣ, другіе успокоиваются на мысли, что это позднѣйшая вставка.

Между тѣмъ недостатокъ его пониманія зависитъ исключительно отъ того, что опускается изъ виду правописаніе XVI вѣка, къ которому относился и Пушкінскій списокъ. Въ выраженіи «*на брань*» въ концѣ стоитъ ъ вм. ѣ, какъ употреблялось то въ XVI вѣкѣ. Въмѣсто «*на брань*» слѣдуетъ читать «*на брань*». Подобное правописаніе встречаемъ и въ другихъ мѣстахъ «Слова», напр. *среди* вм. *средь* и въ другихъ памятникахъ того же вѣка. Такъ въ спискѣ «Слова Акира премудраго» читаемъ: «*къ домъ сы поживени*; здѣсь точно также «*къ домъ*» стоитъ вм. «*къ домъ*».

«*Достъли*», согласно употребленію этого слова въ древнѣйшихъ памятникахъ, значитъ изнемогать, истощить, довершить свои усилія, покончить свой трудъ ².

Итакъ; слѣдуетъ читать:

„Ольговичи храбрыи князи достъли на брань.

Это значитъ въ переводѣ:

Храбрые князья Ольговичи въ конецъ утрудились, изнемогли на брани.

При такомъ пониманіи рѣчь эта оказывается стоящею на своемъ мѣстѣ и въ высшей степени художественно выражающею общій строй Святославова воззванія.

Въ обращеніяхъ къ другимъ князьямъ Святославъ говоритъ: «*вступита, господина*»; здѣсь въ обращеніи къ Роману и Мстиславу взываетъ: *Донъ ти княже кличетъ и зоветъ князя на побѣду.*

² См. въ «Лексикологін»: «доспѣли».

Тамъ онъ проситъ «вступиться за раны Игоревы, за землю Русскую».

Здѣсь онъ зоветъ князей на побѣду, указывая, что Ольговичи—храбрые князи изнемогли на брани.

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ перевелъ: «Ольговичи храбрые князья успѣшили на брань».

Малиновскій въ черновыхъ бумагахъ: «Храбрые князья, отъ племени Ольгова, успѣшили на брань».

Въ *первомъ изданіи*: «Храбрые князи Ольговичи на брань успѣшили».

Комментаторы:

Шишковъ: Переложеніе гласитъ: «на брань успѣшили». Но куда и на какую брань могли они успѣшить? Мысль Святослава совсѣмъ не та: онъ созываетъ князей, исчисляетъ каждаго изъ нихъ силы и способности и говорить объ Ольговичахъ, что они dospѣли на брань, т.-е. *созрѣли, возмужали*, пришли въ возрастъ, стали способны управлять войскомъ, побѣждать непріятелей.

Пожарскій: «Dospѣли на брань»—сіе изреченіе сообщаетъ совсѣмъ иное понятіе, чѣмъ полагаетъ *Шишковъ*. Польское слово *dospѣли* означаетъ подospѣли. Въ семъ же значеніи употреблено сіе слово въ Кіевскихъ Лѣтописяхъ, гдѣ сказано: «Dospѣвъ Всеволодъ у Лисици». Посему слова: «dospѣли на брань» означаютъ: «подospѣли къ сраженію». Такое значеніе этихъ словъ подтверждается во 1-хъ, тѣмъ, что князья Ольговичи называются «*храбрыми*», ибо молодыхъ князей не бывшихъ никогда въ сраженіи не естественно называть храбрыми, потому что они не имѣли еще случая показать своей храбрости; во 2-хъ потому, что предъ сими же словами сказано: Донъ ти княже кличетъ... т.-е. чтобы князья явились на брань для одержанія побѣды надъ непріятелемъ. Изъ сего ясно видно, что слѣдующія потомъ слова: «dospѣли на брань», значать: «подospѣли къ сра-

женію», а не *созрѣли, возмужали*, сдѣлались способными управлять войсками, какъ думаетъ Шишковъ.

Мнѣніе Пожарскаго было принято весьма многими комментаторами и переводчиками.

Вельтманъ переводилъ: «Уже храбрые князи, Олеговы дѣти, поспѣли на битву».

Дубенскій: слово «доспѣти» сохранилось въ Великороссійскомъ: «подоспѣти» и ему равносильно значеніемъ, т.-е. притти въ пору, не опоздать. Слѣдовательно «доспѣли на брань», значитъ: «Ольговичи наравнѣ съ другими совершили походъ на Половецвъ».

Князь **П. П. Вяземскій**, принимая «доспѣли» въ значеніи: «*поспѣшить*», нашелъ, какъ мы выше видѣли, не умѣстными упреки по отношенію къ князьямъ, которые поспѣли на брань и потому, усматривая здѣсь путаницу, внесенную переписчикомъ или переплетчикомъ, отнесъ эти упреки къ другимъ князьямъ и переставилъ въ другое мѣсто текста.

Потебня даетъ толкованіе: «Ольговичи готовы, значитъ и вамъ Володиміровичамъ потомкамъ Мономаха (Романъ и Мстиславъ, Рюрикъ и Давидъ) пора. *Ольговичи* можетъ указывать на то, что рѣчь идетъ не отъ имени Святослава Всеволодича: здѣсь можетъ разумѣться Святославъ, его дѣти Олегъ и Владиміръ, которыхъ, услыхавъ о гибели дружины Игоревой, отъ Бѣловолода Просовича, онъ послалъ въ Посемье, и братъ его Ярославъ».

Андріевскій выраженіе: «доспѣли на брань» приставилъ къ Курской дружинѣ, къ словамъ: *луци у нихъ напряжены, тули отворены*

Прозоровскій переводитъ: «Ольговичи, храбрые князя *уже* *приготовились на брань*».

Педагоги:

Бораблевъ: «Ольговичи храбрые князи *полетѣли* на брань».

Малашевъ: «Явились на войну»..

Ласкинъ: «Вотъ уже Ольговичи, храбрые князи явились на брань».

Литераторы:

Павловъ (Бицинъ): «Олеговичи, храбрые князья, одни подо-спѣли на брань».

Скульскій: «Но одни лишь Олеговичи, только они посѣщили на зовъ».

Поэты:

Гербель: «Отважные, Ольговы дѣти, готовы итти на войну».

Мей: «Да лишь Ольговичи храбрые
«И посѣли на тотъ бранный зовъ».

Майковъ: «А одни лишь Ольговичи вняли,
«И на брань, по зву его, доспѣли».

28.

*И схоти ю на кровать и рекъ: дружину твою, княже,
птиць крылы приодѣ, а зѣри кровь полизаша.*

Много ума и изобрѣтательности потрачено для уясненія этого темнаго мѣста; но мы никогда не доберемся до точнаго его смысла, пока не убѣдимся, что въ основѣ его лежитъ неисправное чтеніе и путемъ палеографическимъ не будемъ стремиться къ его возстановленію. Всякій при чтеніи можетъ видѣть и чувствовать, что «кровать» неумѣстно является тамъ, гдѣ лежитъ Изяславъ, притрепанннй литовскими мечами. Еслибы художественный авторъ сблизжалъ его боевую смерть съ брачнымъ ложемъ, то онъ во всякомъ случаѣ выразилъ бы это поэтичнѣе и не поставилъ бы для этого «*кровати*» на полѣ брани. Съ другой стороны, едва ли Изяславъ разговариваетъ здѣсь самъ съ собою и обращается къ себѣ съ такимъ воззваніемъ: «*княже*».

Еще на III Археологическомъ Сѣздѣ въ Кіевѣ мы обратили вниманіе ученыхъ, что неумѣстность въ данномъ мѣстѣ «*кровати*» заставляетъ предполагать, что здѣсь скрывается невѣрное чтеніе, и именно слитіе нѣсколькихъ словъ въ одно, чѣмъ характеризуется первопечатный текстъ «Слова» и во многихъ другихъ мѣстахъ. Въмѣсто «*и хоти ю на кровать и рекъ*»: на нашъ взглядъ, слѣдуетъ читать: «*и ѣ хотню на кровъ а тын рекъ*». При такомъ чтеніи текстъ почти не измѣняется, но смыслъ его становится совершенно ясенъ. Какъ при чтеніи «въ стази» опущены изъ виду двѣ верхнихъ черты означавшія и (вм. к ста^н зби), такъ и здѣсь, въ силу того же опущенія, прочитано «на кровать и» вм. «на кровъ, а тын рекъ».

Что касается выраженія «ѣхотню» то, съ отдѣленіемъ предлога ѣ, оно можетъ оставаться безъ измѣненія и отвѣчать выражаемому смыслу. «*Хоть*» въ «Словѣ» такое же ласкательное имя какъ и *лада*, общее не только для жены, но и для мужа. Въ древнихъ памятникахъ оно также употреблялось безъ дурнаго оттѣнка и притомъ по отношенію къ мужу въ значеніи: «ревнителя» нѣжнаго, заботливаго друга.¹ Въ виду этого «ѣ хотню», оставаясь въ данномъ мѣстѣ безъ измѣненія, можетъ означать *ближника, охранителя, оруженосца*.

Но мы лично склонны видѣть здѣсь въ окончаніи ю тотъ же слѣдъ измѣненія въ ю древняго іотированнаго ю, который не разъ уже нами замѣченъ въ Пушкинскомъ текстѣ; при чтеніи ю вм. ю (хотню вм. хотню²) само собою выпадало надписное м, которымъ завершалось это выраженіе. Словомъ, мы склонны считать «ѣ хотню» не общимъ, не опредѣленнымъ именемъ ближника, избранника-охранителя, а личнымъ собственнымъ именемъ, «*Хотія*». *Хоть*, какъ собственное имя не разъ встрѣчается въ лѣтописяхъ (Хоть Григорьевичъ,³ Хотъ Станимировичъ,³ Федоръ Хотовичъ) и въ живомъ употребленіи могло имѣть форму «Хотій». И нынѣ Фотій въ народномъ языкѣ именуется *Хотеемъ*. Въ виду такого убѣжденія, выраженіе «*и хоти ю*» мы читаемъ: ѣ «хотіе».

¹ См. въ Лексикологіи «*Хоть*».

² П. Собр. Лѣт., т. V. стр. 70.

³ Ibid. т. III, стр. 44 и 62.

Итакъ, все мѣсто, по нашему предположенію должно имѣть слѣдующее чтеніе:

«А самъ подъ чрълеными щиты на кровавъ травъ притрепанъ Литовскими мечи и с' хотиѣ на кров', а тын рекъ: дружину твою, Княже, птиць крылы пріодѣ, а звѣри кровь полизаша.

Переводъ будетъ таковъ:

„А самъ лежитъ подъ красными щитами,
 „На кровавой травѣ, изрубленный литовскими мечами,
 „И съ Хотіемъ на крови,
 „И тотъ воспроговориль:
 „Дружину твою, князь,
 „Птица крыльями одѣла
 „И звѣри кровь полизали.

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ оставилъ это мѣсто безъ перевода, видимо затрудняясь понять его.

Малиновскій перевелъ: «Лежа тутъ вмѣсто кровати, онъ произнесъ; Дружину твою, князь! птицы пріодѣли крыльями и звѣри кровь полизали».

Въ *первомъ изданіи* читаемъ: «На семь-то одръ лежа, произнесъ онъ».

Комментаторы:

Шипковъ: «что значить «и схотию, и кому Изяславъ рекъ, добратся трудно».

Пожарскій: «И пожелавъ, чтобы сія кровавая трава служила ему одромъ, сказалъ».

Грамматинъ: «Г. Пожарскій «схоти» принялъ за «восхотѣ», но гдѣ это въ подлинникѣ? Здѣсь «схоти» описка вм. «схыти», а ю=ее, т.-е. «славу». Мысль автора такая, что Изяславъ палъ увѣнчанный славою, и на смертной постелѣ восхитилъ ее».

Вельтманъ сначала перевелъ: «Его уложили на ложе и молвилъ», но потомъ во 2-мъ изд. разсуждаетъ:

«Принимать эту рѣчь за слова самого Изяслава потому только что въ пѣсни вм. «рѣша» сказано: «рекъ»—странно. Истерзаннѣй мечами литовскими и изронившій уже душу изъ храбраго тѣла, онъ, кажется ни могъ уже не обращаться къ самому себѣ, ни карить—отпѣвать самого себя.

Снегиревъ: «Если стоявшее въ 1-мъ изданіи «и схотию» не было «исхити», то оно близко къ словамъ «и скочи». На нѣмецкомъ языкѣ есть старинное выраженіе: *auf dem Bette der Ehre sterben*—на кровати чести умереть.

Максимовичъ. «Схоти» читалъ: «схопи», какъ видно изъ перевода: «и взялъ онъ ту славу на смертную постель и молвилъ»

Дубенскій: «Схоти» производитъ отъ «схотѣти» вождѣти (*desiderare*); по его мнѣнію, здѣсь несчастная битва уподоблена свадьбѣ: кровавая трава—кровать, слава—невѣста; крылья птицъ—одѣяло, звѣри—гости, кровь—ширъ, князь—женихъ. Онъ перевелъ: «и легъ онъ съ тою славою на кровать». Удивительно, поэтическая картина! Быть можетъ, она и казалась художественною г. Дубенскому, но для автора «Слова» она просто невозможна.

Бодянский: по указанію Дубенскаго «схоти» принималъ вм. «схвоти», т.-е. схвати.

Ваденюкъ: «И—союзъ; *схоти* неправильно сведено и прочитано, слѣдуетъ читать: *съ хотъ*; *ю на* неправильно раздѣлено первыми издателями; слѣдуетъ свести: *юна*; кровать неправильно прочитано; слѣдуетъ читать: *куваетъ* или *каритъ*».

«И се юна хоти куваетъ—ниричитаетъ». Живописно, а главное, логично, замѣчаетъ самъ Ваденюкъ.

Миллеръ Вс.: «Что «хотию» здѣсь твор. ед., въ этомъ едва ли можетъ быть сомнѣніе. Отъ глагола: «рекъ» подлежащимъ едва ли

можетъ быть Изяславъ. Эти слова, по его мнѣнію, произносить отъ себя авторъ «Слова».

Потебня: «Предъ «и с хоти ю»—пропускъ. Съ «милою на кровать» можетъ относиться къ сравненію смертнаго ложа—травы съ брачнымъ». «Рекъ», къ кому это относится и какъ было связано, остается неизвѣстнымъ».

Прозоровскій: «*схоти*» отъ «хоть» жена собственно значить «страстно положилъ съ собою». Почему это именно значить и какъ это выходитъ, Прозоровскій не объясняетъ. Онъ перевелъ «но самъ *леж* подъ красными щитами; и, положивъ славу на кровать, сказалъ».

Смирновъ полагаетъ, что слова «кровать» не слѣдуетъ разлагать, а скорѣе нужно слить съ нимъ послѣдующее *и*, чтобы вышло на *кровати*, какъ и встрѣчается это слово въ другомъ мѣстѣ. Ошибку дошедшаго текста онъ хотѣлъ бы поправить новой ошибкой.

Педагоги:

Бораблевъ: «Выраженіе: «и схоти на кровать» не означаетъ одра или ложа, какъ объясняли переводчики, потому что мѣстоимѣніе *ю* относится къ крови; слѣдовательно, *кровать* означаетъ здѣсь или мѣсто жаркихъ схватокъ въ битвахъ, или вообще кровопролитное сраженіе. Слово это, вѣроятно, принадлежитъ къ областному сѣверному нарѣчію и произносилось съ удареніемъ не на *а*, какъ выговаривается «кровать», а на *ò*, т.-е. крòвать — рѣзня. Это замѣчательное слово, теперь дикое, по самому свойству своему принадлежитъ къ древнѣйшимъ, и ясно, что оно имѣло подвижное удареніе, какъ слово «туга» въ смыслѣ скорби, между тѣмъ это послѣднее въ другомъ мѣстѣ употреблено за прилагательное: «у туга лука взвыла да пошла калѣна стрѣла».

В. М.: «Уложили его на окровавленной травѣ.... словно съ женою на кровати. Молвилъ голосъ на прощаньи».

Малашевъ: «А самъ изрубленъ... и взялъ онъ съ собою эту славу на смертную постель».

Ласкинъ: «И самъ подъ красными щитами, на кровавой травѣ померкъ отъ литовскихъ мечей и уложенъ на кровать съ женою».

Литераторы:

Павловъ (Бицинъ): «И проговорилъ онъ, какъ на кровать сложилъ».

Скульскій опустилъ это выраженіе въ своемъ переводѣ.

Поэты:

Гербель: «И затмивши славу дѣда своего Всеслава
«Легъ на кровать и сказалъ.»

Мей: «Славу взялъ съ собой на ложе
«Онъ, промолвивши.»

Майковъ: «И на томъ одрѣ на смертномъ лежа,
«Самъ сказалъ: «Вороньими крылами
«Пріодѣлъ ты, князь, свою дружину
«Полизать звѣрамъ ея далъ крови.»

29.

„Ярославе и вси внуце Всеслави уже понизитъ стязи свои, вонзитъ свои мечи верезени... выскочисте изъ дѣдней славы.“

Мѣсто это совершенно ясно, и мы обращаемъ здѣсь вниманіе лишь на окончанія глаголовъ: «понизитъ», «вонзитъ», какъ на особенности рукописи XVI в. когда, какъ видно изъ нѣкоторыхъ памятниковъ, при стремленіи писцевъ подражать древнему правописанію, наиболѣе сказывался обычай вмѣсто гласныхъ *о* и *е* ставить глухіе *з* и *ѣ*.

Въ переводѣ Малиновскаго читаемъ:

«Теперь приклоните знамена свои, вложите въ ножны мечи ваши поврежденныя».

Въ первопечатномъ текстѣ безъ малѣйшаго измѣненія.

Пожарскій: «Вложите во влагалища вредные мечи свои».

Грамматинъ исправилъ: «Понизите, вонзите, изъ дѣдней славы».

Вельтманъ: «Сложите знамена свои, и мечи притупленные въ землю вонзите».

Дубенскій: «Уже опустите знамена свои, вложите въ ножа свои мечи верезенные».

Максимовичъ отстаивалъ чтеніе текста *понизить, вонзить*, усматривая въ этихъ окончаніяхъ особенность Малороссійскаго нарѣчія.

Тихонравовъ, повидимому, видѣлъ въ печатномъ текстѣ ошибку, полагая, что оно не вѣрно выведено изъ-подъ титла и потому поставилъ эти глаголы въ своемъ изданіи съ титлованными окончаніями.

Потебня въ окончаніяхъ этихъ глаголовъ видитъ *e=ъ*, приводя примѣръ изъ Кіевской Лѣтописи: аже не власть (не власте), то не жалуйте, что ся удѣтъ (Ип. 13).

Смирновъ также замѣчаетъ, что могло здѣсь и не быть титла, а именно ъ вм. *e*, какъ напр. въ грамотахъ Смоленскаго кн. съ Ригю и т. б. *посль* вм. *послѣ=e*.

30.

„Которое бо бѣше насиліе отъ земли Половецкымъ.

Которое здѣсь не именительный пад. а дательный; въ древнемъ спискѣ, очевидно, стояло «*котоюю*» съ употребленіемъ *ю* вм. *ъ*. Мѣстоименіе «*который*» въ женскомъ родѣ ед. ч. склонялось такъ: «*кото-рая*»; род. «*котоуи*»; дател. «*котоуъ*».

Въ виду этого слѣдуетъ это мѣсто читать такъ:

Котоуъ бо бѣше насиліе отъ земли Половецкымъ.

Переводъ будетъ слѣдующій:

„Вы своими крамолами начали наводить поганыхъ
(Литовцевъ)

„На землю Русскую, на жизнь Всеславу,

„Которой было насиліе и отъ земли Половецкой.

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ перевелъ въ видѣ вопроса: «Какое было насиліе отъ земли Половецкой?»

Въ черновомъ переводѣ Малиновскаго читаемъ:

«Было ль какое насиліе отъ Половецкой земли?»

Въ *первомъ изданіи* переводъ буквально тотъ же.

Комментаторы:

Шипковъ: «Какихъ чрезъ то насилій не претерпѣли мы отъ земли Половецкой!»

Пожарскій: «Какое было насиліе отъ земли Половецкой!»

Грамматинъ измѣнилъ «*бѣше*» и «*Половецкимъ*» на позднѣйшія формы и переводилъ также, какъ Пожарскій.

Снегиревъ «которое исправилъ на «*которую*», т.-е. усобицею, враждою.

Вельтманъ въ первомъ изданіи: «И какбы иначе возстало насиліе на насъ отъ земли Половецкой!» Во второмъ изданіи онъ склонился къ тому, что вмѣсто «*которое*» слѣдуетъ читать «*которы*» и затѣмъ, соединяя весь этотъ оборотъ съ послѣдующимъ и объясняя, что вмѣсто «на седмомъ вѣцѣ Трояни» въ подлинникѣ значилось \tilde{z} въ соединеніи съ неразобраннѣмъ *Краини* (Трояни) и что «вѣцѣ» вставка издателей, онъ читаетъ все это мѣсто такъ: вы бо своими крамолами почасте наводите поганыхъ на землю Рускую, на жизнь Всеславу, которы бо бѣша и насиліе отъ земли Половецкыи «*за земли Краини*», и объясняетъ такъ: «вы всѣ внуки Всеслава

начали наводить поганыхъ на землю Русскую, на жизнь Всеслава: ибо всѣ раздоры и насилія отъ земли Половецкой были за землю Краинскую, т.-е. Черноморскую Краину, Тмутораканскую область, гдѣ сосредоточивалась обширная торговля хлѣбомъ, мѣхами, рыбой и гдѣ пошрины съ иноземныхъ кораблей и каравановъ азіатскихъ давали Руси золото и богатство.

Дубенскій: «Которое бо бѣше насиліе», т.-е. тоже зло, которое причинили имъ (Кіеву и Полоцку) Половцы. Онъ перевелъ: «и отъ нихъ тоже насиліе которое терпятъ на Руси отъ земли Половецкой».

Тихонравевъ «которое» замѣнилъ «которою» очевидно въ смыслѣ Снегирева.

Ербенъ, относя «которое» къ «жизнь», а не къ «насиліе» читаетъ: «въ которой» *jemužto se dalo násile*, также, подобно Вельтману, соединяя это выраженіе съ послѣдующимъ: на седмомъ вѣцѣ. Трояни (онъ читаетъ слѣдуя г. Тихонравову Бояни).

Миллеръ Вс., принимая поправку Снегирева, переводитъ: «чрезъ усобицу вашу было насиліе отъ земли Половецкой».

Потебня, затрудняясь, очевидно, связать это мѣсто съ предъидущимъ и послѣдующимъ, по обычаю очень просто объясняетъ его глоссою какого-нибудь безтолковаго переписчика.

Прозоровскій возвращается къ пониманію Шишкова и переводитъ: «И какого насилія не было отъ земли Половецкой».

Педагоги:

Кораблевъ: «Оно-то (что не извѣстно) и было насиліемъ отъ Половцевъ».

В. М.: «Вы уже не участники славы дѣдовской, на жизнь Всеслава, вслѣдствіе утраты которой было насиліе отъ земли Половецкой, на 7 вѣкѣ Трояновомъ».

Малащевъ: «Такое же было насиліе отъ Половецкой земли».

Ласкинъ: «Ужь которое это насиліе отъ земли Половецкой».

Литераторы:

Павловъ (Бицинъ): «И была кѣтора и насиліе отъ земли Половецкой, какъ въ тотъ вѣкъ Трояновъ».

Скульскій: «Гибель пришла и насиліе великое Русской земли отъ степныхъ Половчанъ, будто бы вѣкъ ней вернулся Трояновъ».

Поэты:

Гербель: «Чтобъ и отъ нихъ мы узнали,
«Какое ужъ терпитъ Русь отъ земли Половецкой».

Мей: «Не видать вамъ дѣдовской славы
«А до той поры отъ Половцевъ
«Не видать было насилія».

Майковъ: «Въ вашихъ сварахъ первые выстави
«Наводитъ на отчій край поганыхъ».

13.

Утръ же возни стрикусы отвори врата Нову-граду, разшибе славу Ярославу.

Никто изъ комментаторовъ не сомнѣвался въ томъ, что это мѣсто прочитано невѣрно—и литература «Слова» представляетъ множество самыхъ разнообразныхъ догадокъ, направленныхъ къ возстановленію подлиннаго чтенія и уясненію содержащагося въ немъ смысла. Къ сожалѣнію, всѣ попытки къ тому оказываются несостоятельными. При этомъ вниманіе обращалось или на слово: «*утръ*» или на слово: «*возни*» и на нихъ сновались предлагаемыя измѣненія текста. Никто почему-то не подвергнулъ сомнѣнію тавтологическихъ «*стрикусовъ*», хотя отъ какихъ корней не производили это слово, въ какихъ языкахъ не подыскивали къ нему аналогій, ничто не давало прочной основы для ихъ существованія. Они созданы лишь издателями «Слова» и въ нашихъ глазахъ остаются свидѣтелями невѣрнаго раздѣленія ими словъ, стоявшихъ въ оригиналѣ въ слитномъ начертаніи.

Достойно вниманія, что въ Петербургской копіи это мѣсто прочитано такъ: «вознистри кусы», въ Московскомъ же изданіи напечатано: «возни стрикусы». Ясно, что въ оригиналѣ оба слова стояли слитно, и издатели колебались, какъ ихъ раздѣлить и раздѣлили наудачу: «возни стрикусы». Но возникаетъ вопросъ, такъ ли слѣдовало читать и раздѣлить эти слитно написанныя слова. Въ оригиналѣ XVI в. по всей вѣроятности, они имѣли такое написаніе: «коз'ни трікоусы».

Раздѣлить эти слова слѣдовало такъ: «коз'ни трікоусы».

«Коз'ни»—здѣсь глаголь нарушенный въ своей формѣ звукомъ и. Въ южнорусскихъ рукописяхъ, какъ выше указано, весьма часто л замѣнялось звукомъ ѣ, которое писцы легко превращали потомъ въ н. Глаголь этотъ, имѣвшій первоначально форму: коз'на — переходя по этимъ ступенямъ, подъ рукою писцевъ, превратился такимъ образомъ въ «коз'ни». И такъ, въ коз'ни — слѣдуетъ видѣть «коз'на» или, какъ онаъ является въ болѣе исправныхъ рукописяхъ, «кѣз'на», т.-е. поднявшись¹.

При такомъ раздѣленіи словъ, «трикусы» не представляетъ ни малѣйшаго затрудненія, такъ какъ «это слово» встрѣчается въ нашихъ памятникахъ и, будучи общаго корня съ Греческимъ «τώραξ», означало доспѣхи, прикрывающіе грудь, брони, вполнѣ отвѣчая переводному «паперзи» — точнѣе «поперси»².

Какъ о желѣзныхъ паперсяхъ въ «Словѣ» говорится: *тыми тресну земля и многи страны хинова*, такъ здѣсь «трикусамъ» Всеславъ отворилъ врата нову граду, расшибъ славу Ярослава.

Выраженіе: *утрь*—звукомъ ѣ, поставленнымъ въ концѣ вмѣсто о, указываетъ на эпоху написанія рукописи, именно на XVI вѣкъ, когда явилась школа писцевъ, стремившаяся подражать древнему правописанію и замѣнявшая гласныя глухими, и въ такихъ случаяхъ, гдѣ того не допускала русская рѣчь; *утрь*—явилось здѣсь вм. оутро, какъ писалось это слово въ Киевской Руси³. И такъ, все это мѣсто должно принять слѣдующій видъ:

¹ См. въ «Лексикологiи»: «коз'на».

² См. въ «Лексикологiи»: «трикусы».

³ См. въ «Лексикологiи»: «утрь».

Объясна снѣ мгаѣ, утро же вознѣ, трикусы отвори Новуградѣ
разшнѣ славу Ярославѣ.

Въ переводѣ это будетъ значить:

„Въ полночь скочилъ онъ отъ нихъ
„Лютымъ звѣремъ изъ Бѣлграда,
„Повисъ въ синемъ туманѣ,
„А на утро поднявшись,
„Бронями отворилъ врата Новуграда,
„Расшибъ славу Ярослава

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ перевелъ: «Поутру же вонзивъ стригусы отворилъ Нову-граду».

Малиновскій удержалъ буквально тотъ же переводъ какъ въ черновомъ своемъ опытѣ, такъ и въ *первомъ изданіи*.

Комментаторы:

Шишневъ: Слово «возни», по смыслу рѣчи, кажется, ближе должно быть прилагательное, нежели глаголъ. Можетъ-быть, значить оно: *возимыми на возахъ великими стригусами*, съ которыми надобно было много возиться. Онъ перевелъ: «И тяжелыми стригусами на солнечномъ восходѣ отворяетъ ворота Новгородскія и попираетъ славу Ярославову».

Пожарскій: Слово «возни» на польскомъ, богемскомъ и краткомъ языкахъ значить *возимый, возовый*. *Стригусъ* есть машина, называемая по польски *куша*, ибо польскія слова *кусъ*, два *кусы*, три *кусы* и *куша*, по богемски *кусе*, по далматски «шамостригъ» имѣютъ одинаковое значеніе. *Куша* состояла изъ желѣзнаго или стальнаго лука, тетива изъ витаго ремня или снурка, крючекъ такой, какой бываетъ у ружья подъ замкомъ; а стрѣлы короче тѣхъ, какія употреблялись изъ лука. Куши были носимыя и возимыя. *О возимой*

же кушѣ пишуть Дудинскій и Бѣльскій. «Чувствуя всю несообразность подобнаго толкованія Пожарскій прибавляетъ: «симъ только доказывается, что *кюки* коими Изяславъ подперся на коняхъ здѣсь не есть *кюка*, употребляемая хромыми, но воинскій снарядъ, орудіе подобное «*стрикусамъ*», и можетъ-быть, и самыя *стрикусы*. Онъ переводитъ: «По утру же возовыми стрикусами отворилъ врата Новграда, уничтожилъ славу Ярославову и поскакалъ, какъ волкъ».

Грамматинъ, иронически замѣчая, что Пожарскій убѣдился въ разумнѣи «возни» въ значеніи *возимый*, *возовый* тождествомъ его на польскомъ, богемскомъ и кроатскомъ языкахъ, замѣчаетъ, что здѣсь просто описка или опечатка: *возни* вм. *воны*. Относительно выраженія: разшибе славу Ярославу, онъ замѣчаетъ, что тогда никакого князя сего имени не было, а былъ великій князь Изяславъ Ярославичъ, который отъ Всеслава бѣжалъ изъ Кіева, когда сей взбунтовавшимся народомъ освобожденъ былъ изъ тюрьмы. Въ виду этого вм. «Ярославу» онъ измѣнилъ на «Изяславу»; но здѣсь рѣчь о славномъ Ярославѣ построившемъ Новгородскую Софію и потому поправка оказывается неумѣстною.

Павскій: «*Возни* отъ «возъ»—возовые. *Стрикусы*, можетъ-быть, оглобли; можетъ-быть, какія-либо, имѣвшіяся при походныхъ повозкахъ простыя и легкія орудія, при помощи которыхъ Всеславъ отворилъ ворота Новгорода».

Снегиревъ: слово «стрикусы» сближалъ съ нѣмецкимъ «*streit-täxte*»—бердыши, любимое орудіе Германцевъ и Франковъ. (См. Klemm. germ. Altheit. 1836 г. 8°).

Вельтманъ, признавая въ «стрикусахъ» стѣнбойныя орудія (отъ Серб. «страцати»—прыскать) сближалъ это слово съ лѣтописнымъ «возы» имѣвшіе при войскахъ значеніе не просто обозовъ, а *возовъ* вооруженныхъ. *Возныя стрикусы*—это возныя стрѣльницы.

Максимовичъ переводилъ: «на утро ударилъ стѣнбойями».

Цогодинъ повторялъ мнѣніе Снегирева.

Дубенскій: *«утръ же»* читалъ утърже—уторся, убъжалъ, *воззи*—*кози* (стѣнобитныя машины); или же предполагалъ въ *«воззи»*—*воззи* (отъ *вознъзати*) и даже *«возма»*. *Стрикусы*, по его мнѣнiю, или отъ глагола: *стрикати* (стрижь—птица) или глагола: *стръкати* (крапива стрѣчетъ, или отъ *стръкати*) (чешск. *strkati*—толкать) или наконецъ отъ *стрекотати* стрекоза). Онъ перевелъ: «Возовыми стрикусами отбилъ врата Новгородскія».

Головинъ. «Стрѣкъ—овадъ; отсюда—стрѣкати, колоть. Стрѣкалы или что то же *стрикусы* означаютъ стрѣлы».

Ербенъ *вм. утръ же* читаетъ вѣтръ же.

Огоновскій, по замѣчанiю г. Смирнова, *вм. утръ же* напечаталъ: «утрѣ», а *воззи* измѣнилъ на «позвони».

Кн. П. П. Вяземскій уясняетъ «*стрикусы*» особаго рода шаровидными, снабженными остріями, стѣнобитными орудіями.

Миллеръ Вс. справедливо замѣтилъ, что нельзя здѣсь: *утръ же* превращать въ глаголъ; предъидущее: «въ плѣночи» указываетъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ утромъ. Въ *«воззи»* онъ видитъ искаженіе изъ «вонзи», и подъ «*стрикусами*» острое орудіе, которое вонзаютъ (отъ корня, общаго съ словами, *стръкала*, *стръкъ*, *стръкати*—колоть); подобно Пожарскому—сближая «*стрикусы*» съ «*клюками*» и приравнивая ихъ въ значеніи, онъ переводитъ: «вонзилъ шпоры или стрѣкала».

Потебня: исправилъ такъ: «утръ же *възти* и *стрикусы* отвори врата Новуграду. *Възти:* *воззи* — дурно прочтено первыми издателями, *вм. «возъпи»*. *Стрикусъ* напоминаетъ ему нов. нѣмец. *streitax*. Онъ переводитъ: «О полночи онъ бѣжалъ изъ Бѣлгорода, а утромъ кликнулъ (идучи на приступъ) и боевыми топорами отворилъ врата Новаграда». Но мы смѣло можемъ замѣтить, что въ древнерусской письменности воинскій кликъ никогда не означаетъ словомъ «*возопи*»; этотъ кликъ всегда отмѣчался словомъ: *кликнуть*

Смирновъ для разъясненія этого мѣста сдѣлалъ указанія на слова встрѣчающіяся въ древнерусскихъ памятникахъ: *вознивъ стрѣку* и *стерковы*. Но слова эти, на нашъ взглядъ не имѣютъ никакого отношенія къ данному мѣсту.

Прозоровскій, какъ и г. Потенія вмѣсто «*возни*» читаютъ *возни*, т.-е. возопи, но «стрикусы» г. Прозоровскій объясняетъ по своему. «По формѣ слова «*стрикусы*», говоритъ онъ, надобно заключить, что оно не русское, потому что отъ «*стрикати*» произошли бы «стрѣкалы» «стрикалы», собственно—бодила, спицы. Но едва ли можно означенному слову присвоивать нѣмецкое происхожденіе, такъ какъ будучи взято съ нѣмецкаго, оно превратилось бы на русскомъ въ «*стрѣтеры*». Всего скорѣе слово «*стрикусы*» греческое *στρίξ*—филинъ, сова, почему Всеславъ, взревѣвшій стрикусами, (возпи стрикусы), т.-е. по совиному, будетъ очень похожъ на Всеслава, сидящаго на клячѣ и подпершагося костылями, съ палкою въ рукахъ вмѣсто оружія. Онъ перевелъ такъ: «*Раньше же того (?)* взревѣвъ по совиному, отворилъ врата Новуграду». Неговоря уже о томъ, что никакъ нельзя оправдать грамматически подобнаго перевода, замѣтимъ, что весьма не пристойно ревѣтъ по совиному тому, кто разшибъ славу Ярослава. Вообще, на нашъ взглядъ, представленіе автора «Слова» какимъ-то шутникомъ и надсмѣшникомъ обнаруживаетъ рѣшительное непониманіе творенія, проникнутаго идеальною серьезною и глубокимъ чувствомъ.

Педагоги:

Малашевъ: «Умчалъ подвижные стрикусы».

Ласкинъ: «А наутро рычагами и топорами (возни стрикусы) отворилъ ворота Новгорода».

Шейковскій: «*Стрикусы*—это псикусы» (?).

Литераторы:

Павловъ (Бицинъ): «Утромъ же вонзилъ стремена колючія, въ Новгородъ отворилъ ворота, покончилъ славу Ярославу».

Скульскій: «Утромъ далъ шпоры коню; глядь, и въ Новгородѣ онъ отперъ себѣ ворота».

Поэты:

Гербель: «А утромъ подвезши стригусы».

Мей: «А по утру ужъ таранами отворяя ворота».

Майковъ: «Утромъ билъ онъ стѣны въ Новѣградѣ
«Ярослава славу порушая».

28.

Аще и отца душа въ друзь тѣль.

Здѣсь не вполне опредѣленнымъ выраженіемъ служить въ «*друзь тѣль*». Слово «друзь» по отношенію къ тѣлу должно быть здѣсь такимъ же качественнымъ эпитетомъ, какимъ по отношенію къ душѣ является слово: «*отца*». Не лзя не согласиться поэтому съ предложеніемъ Вс. О. Миллера читать «*дрзъ*» вм. «*друзь*». Есть для того нѣкоторое основаніе и въ черновыхъ бумагахъ Малиновскаго. Главный редакторъ колебался, какъ читать это выраженіе. Онъ сначала перевелъ его: «въ дорогомъ тѣлѣ» очевидно, читая «*въ дразь тѣль*» но потомъ уже при печатаніи текста склонился къ чтенію: «въ *друзь тѣль*» хотя все-таки перевелъ «въ неумомимомъ тѣлѣ»; такое колебаніе со стороны его было естественно, если въ оригиналѣ стояло «*въ дрзъ*» тѣлѣ.

Первые издатели:

Мусинъ Пушкинъ «*въ друзь тѣль*» перевелъ «въ добромъ тѣлѣ».

Малиновскій въ черновыхъ бумагахъ удержалъ тотъ же переводъ; въ *Первомъ изданіи* уже читаемъ: «Хотя и мудрая душа была въ неумомимомъ тѣлѣ, но онъ часто отъ бѣды страдалъ».

Комментаторы:

Шишковъ: «Не знаю, почему въ друзѣ тѣлѣ» въ «Преложеніи» истолковано «въ неутомимомъ тѣлѣ»; безъ сомнѣнія, по одной догадкѣ, а не по отысканію корня.

Пожарскій *друзь* производилъ отъ *другой*. Сочинители говорятъ здѣсь не о Всеславѣ, а вообще о всякомъ ему подобномъ. И такъ подлинникъ заключаетъ въ себѣ слѣдующую мысль: «хотя въ иномъ тѣлѣ и вѣща душа была, однако часто бѣдствія претерпѣвала».

Грамматинъ: «Хотя въ другомъ тѣлѣ и мудрая душа (*какова была у Всеслава*); при такомъ разумѣніи выраженіе: «*онъ часто бѣды страдаше*» будетъ относиться къ Всеславу и согласоваться съ исторіею».

Дубенскій: «Не называетъ ли сочинитель силу, суевѣрно приписанную лѣтописцами Всеславовой повязкѣ, или мнимое ея дѣйствіе на его характеръ, «*вѣщею душею*»? По стихотворному понятію пѣвца Игорева у Всеслава было два тѣла и двѣ души. Онъ перевелъ: «хотя и вѣщяя душа въ другомъ тѣлѣ».

Ербенъ (вмѣсто) «въ друзѣ» читаетъ въ «дружѣ», т.-е. въ дружескомъ, преданномъ тѣлѣ.

Буслаевъ «въ друзѣ» видитъ краткую форму числительнаго «другой» и усматриваетъ здѣсь указаніе, что «вѣщяя душа» Всеслава переходила въ чужое тѣло, въ лютаго волка, звѣря и т. п.

Миллеръ Вс., отрицая волкодлачью натуру Всеслава предполагаетъ, не искажено ли «друзѣ тѣлѣ» изъ «дръзѣ тѣлѣ» т.-е. отважномъ тѣлѣ.

Потебня также читаетъ въ «дръзѣ тѣлѣ».

Прозоровскій: «въ друзѣ тѣлѣ» переводитъ: «Да, хотя и вѣщяя душа въ иномъ тѣлѣ...» и, какъ мы видѣли, относитъ это совершенно не кстати къ Борису Вячеславичу.

Всѣ педагоги переводили во всѣхъ изданіяхъ «въ друзѣ» въ значеніи числительнаго.

Литераторы:

Павловъ (Бицинъ): Хотя и вѣщая душа въ иномъ тѣлѣ, но бѣдами часто погрѣшала.

Скульскій: Хотя душа въ иномъ великая, а несчастій тьму надѣлаеть.

29.

Изъ рози нося имъ хоботы пашутъ.

Никто изъ комментаторовъ не сомнѣвался въ неисправномъ чтеніи этого мѣста; но возстановить и уяснить подлинный его смыслъ тѣмъ труднѣе, что есть основаніе сомнѣваться въ точной передачѣ оригинала со стороны первыхъ редакторовъ. Одинъ изъ нихъ, именно самъ гр. Мушинъ-Пушкинъ, оставилъ послѣ себя замѣтку, въ которой говорить, что мѣсто это надо читать сходственно съ подлинникомъ: «изъ рози *носящимъ*». Значить, въ первомъ изданіи мы имѣемъ чтеніе, несходственное съ подлинникомъ. По словамъ Мушина-Пушкина въ словѣ «рози» въ концѣ стояло *ы*, а не *и*; между словами: «*нося имъ*» была еще буква *и*, которая два слова дѣлала однимъ. Какъ бы то ни было, изъ этого замѣчанія Мушина-Пушкина видно, что въ подлинникѣ возможно было читать это мѣсто иначе, чѣмъ какъ напечатано оно въ *первомъ изданіи*. Въ этомъ послѣднемъ издатели приурочили чтеніе къ своему пониманію. Буква *и* выкинута и изъ одного слова: «носящимъ» сдѣлано два: «*нося имъ*», потому именно что слово «*имъ*» издателямъ казалось необходимымъ для связи съ предъидущимъ, въ соотвѣтствіе тому смыслу, какой подыскали они для этого мѣста; «*изъ розъ*» въ ихъ глазахъ значило: «на рогахъ»; глаголь «*нося*» требовалъ дополненія и это дополненіе они подыскали въ окончаніи «*имъ*» (носящимъ), относя его къ «стягамъ» о которыхъ выше говорится.

Мы позволяемъ себѣ предложить новыя палеографическія соображенія.

Въ настоящее время считается лучшимъ и принимается чтеніе Н. С. Тихонравова: *изъ розъносъ имъ хоботы пахнутъ*, въ значеніи: «но врозь развѣваются у ихъ знамена». Чтеніе самое простое и мало требуетъ поправокъ, но на нашъ взглядъ, оно слишкомъ слабо отвѣчаетъ предъидущему: *привоздитъ къ горамъ Киевскимъ*. Здѣсь должна выразаться мысль, что если Мономахъ крѣпко сидѣлъ «на горахъ Киевскихъ», то его правнуки наоборотъ разбѣгались отъ этихъ горъ. Далѣе, трудно оправдать какими нибудь историческими указаніями значеніе «хобота» въ смыслѣ *бумчука*, или солтана—привѣски къ знаменамъ изъ конскаго хвоста. Такая-привѣска въ самомъ «Словѣ» называется *чолкою*. И если «стягъ» употребляется вмѣсто «знамени» какъ часть вмѣсто цѣлаго, то едва ли «хоботъ», принимаемый въ значеніи хвоста, можетъ имѣть подобное значеніе.

Изъ черновыхъ бумагъ Малиновскаго видно, что въ подлинной рукописи «Слова» имѣла мѣсто буква *s*. Буква эта въ рукописяхъ переходной эпохи отъ полуустава къ скорописи сближалась по начертанію съ *г*, какъ показываетъ напр. слѣд.

Потугрѣшьгазѣ

Имѣя въ видѣ подобные примѣры, въ которыхъ *г* сближается съ *s* въ рукописяхъ переходной эпохи отъ полуустава къ скорописи, мы въ правѣ предположить, что Мусинъ-Пушкинъ, читая это слово легко могъ принимать *Г* за *S* читать *розы* вмѣсто *рогы*. Малиновскій, обращая вниманіе на то, что въ рукописи *ы* и *и* чередовались, напечаталъ *рози* вм. *рогы*.

Далѣе, принимая, сходственно съ подлинникомъ, по свидѣтельству Мусина-Пушкина, что въ рукописяхъ стояло *вм. нося имъ «носящимъ»*, мы также видимъ неточность чтенія въ окончаніи. Здѣсь та же ошибка, какъ и въ другомъ мѣстѣ: «не ваю ли значеными» *шеломы*. По всей вѣроятности, какъ здѣсь «значеными» явилось *вм. «за-*

ченыи»: слово это очевидно оканчивалось надписнымъ *и* въ видѣ двухъ вкось лежащихъ черточекъ, которыя были приняты за *м*, т.-е. было написано «*злауѣмы*»; точно также и въ словѣ «*носящимъ*»—явилось *м*. Это слово вѣроятно оканчивалось подобными же надписными чертами, означавшими *и* и принятыми за *м* при выводѣ изъ подъ титла.

Такимъ образомъ, по нашему мнѣнью, это мѣсто должно быть читаемо такъ:

нѣ рогы носаци хоботы нахуть.

Что значить «*нахать хоботы*», это всего лучше объясняется однимъ мѣстомъ въ собранной нами завоенной причети, гдѣ солдатъ, поспѣшная на побывку, *метаетъ хоботы*:

«Шаги дѣлаеть вѣдь онъ да по звѣриному,
«Ужъ *хоботы* даеть да по лисициному.

Лисица, рыская, въ своемъ движеніи дѣлаеть обыкновенно огромныя изгибы и полукруги и пробѣгаетъ съ необыкновенной быстротой, такъ что никакая собака не въ состояніи такъ извертываться въ бѣгѣ и потому не можетъ догнать ее на открытомъ полѣ. Итакъ «*нахать хоботы*» описательный образъ бѣга лисицы ¹.

Подобный же образъ—и въ выраженіи «*носаціи* рога. Рогами въ эпическомъ языкѣ славился туръ ², который потому представляется ярымъ и безстрашнымъ.

Въ этихъ описательныхъ образахъ, безъ указанія имени животныхъ, къ которымъ они относятся, авторъ обрисовалъ дѣятельность Рюрика и Давида, въ противоположность правдѣу ихъ Мономаху.

Того стараго Владиміра нельзя было пригвоздить къ «горамъ Кіевскимъ». Его знамена—одни стали Рюрика, другіе Давида, но они, нося рога, какъ туры, *метаютъ хоботы* разбѣгаются подобно лисицамъ;

¹ См. въ «Лексикологін» «*хоботы*».

² См. въ «Лексикологін»: «*рози*».

т.-е. они раздѣлили между собою знамена Мономаховы, но надмѣваясь своей силой, дѣйствуютъ вкривь и вкось въ разныхъ направленияхъ.

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ въ Екатерининской копіи это мѣсто оставилъ безъ перевода.

Малиновскій въ черновомъ переводѣ: «Ихъ носятъ на рогахъ при распаханіи бугровъ, копыя же на Дунаѣ славяся».

Въ *первомъ изданіи* переводъ этотъ удержанъ, съ тою лишь разницей, что вмѣсто: «при распаханіи бугровъ» — читается: «вспахивая землю».

Комментаторы:

Шипковъ: «При всемъ моемъ желаніи не могъ я вразумиться въ смыслъ онаго мѣста, а потому предоставляю сіе превосходнѣйшему моего остроумію читателю. Мысль «переложенія» никоимъ образомъ не можетъ быть мыслию сочинителя: ибо что значать знамена Владиміровы достались Рюрику и Давиду, которые, нося ихъ на рогахъ, землю вспахиваютъ? Лучше совсѣмъ не понять, нежели понять такъ, какъ здѣсь сказано».

Пожарскій: «Чтобы понять здѣсь мысль подлинника, надобно отыскать точное значеніе словъ: «рози» и «хоботы». *Рози* — есть творит. пад., произшедшій отъ слова «рогъ», означающаго могущество, силу, какъ видно изъ примѣровъ Св. Писанія: (*и вознесетъ рогъ людей swoich; и не даша рога грѣшнику; вся роги грѣшныихъ сломоти*). На польскомъ языкѣ «хоботы» значить «чоботы». Посему рѣчь подлинника будетъ такая: «но *рогами*, т.-е. могуществомъ, силою, нося сапоги, землю пахутъ, или сдѣлавшись могущими стали въ сапогахъ землю пахать».

Грамматинъ: «Не можетъ быть понятнѣе сего изъясненія, иронически замѣчаетъ онъ, только никакъ не для читателей. Выра-

женіе «въ сапогахъ землю пахать», будто бы сообщаетъ понятіе о богатствѣ. Нашъ народъ богатый, однакоже въ сапогахъ не пашутъ. Грамматинъ перевелъ: «но враги ихъ, впряженные въ плугъ, вмѣсто воловъ, пашутъ на нихъ».

Вельтманъ: «Это безхитрое и ясное выраженіе пѣвецъ не выдумалъ, а подслушалъ въ народѣ, который былъ истощенъ безпрестанными войнами. Отдавая лучшихъ мужей, силу (роги) въ полки Рюрика и Давида, приходилось пахать землю оставшимися въ селахъ хвостами—слабыми женщинами и стариками».

Въ первомъ изданіи «Слова» онъ такъ перевелъ это мѣсто: «Знамена его раздѣлились; одни у князя Рюрика, другія—у Давида; имъ отданы роги хвосты; землю пашутъ».

Во второмъ изданіи: «Его-то стяги теперь стали-стигами Рюрика и Давида, но отдавая имъ роги, хвостами пашутъ».

Дубенскій: «Не пахали ли во времена Игоря на волахъ, привязывая плугъ къ рогамъ? По объясненію г. Добровскаго хоботь—хвостъ. Можетъ-быть сочинитель сравнивалъ тогдашнюю Россію съ воломъ, т.-е. что они *рога*, силу, цвѣтъ свой лелѣяли для князей и безсильными обрабатывали свои нивы, какъ бы привязали къ хвосту вола. У Софронія въ повѣданіи о Донской битвѣ: «ревутъ рози великаго князя всѣмъ землямъ»; слѣдовательно подъ «рогами», онъ разумѣетъ трубы военные, и «хоботы» не значатъ ли чолки; тогда «пашутъ» будетъ значить: «развѣваются», какъ у Софронія: хоругви пашутся. Кромѣ того, онъ сдѣлалъ еще нѣсколько другихъ предположеній: въ древнемъ нарѣчій употреблялось слово «розно» и потому не надобно имъ здѣсь читать: «но розъ и (вм. я—стязи) *носящия*», т.-е. нѣтъ, которые носятъ теперь врозь знамена, *хоботы пашутъ*, т.-е. нѣтъ участокъ земли обрабатываютъ другіе. ¹ Онъ перевелъ: «знамена его достались одни Рюрику, а другіе Давиду; но когда я они носятъ трубы (военныя), то знамена развѣваются».

¹ О значеніяхъ слова «хоботъ», см. въ «Лексикологін».

Максимовичъ перевелъ: «но рога нося, имъ пашутъ хвосты». По объясненію его знамена Давидови, украшенныя рогами молодого мѣсяца только пахнули (повѣяли) надъ Днѣпромъ своими хвостами» (Москва, 1885, и Украина стр. 111 пр. 46).

Аксаковъ Б.: «Объяснители принимали слово *«рози»* за пад. вин., тогда какъ винит. будетъ *рози; нося* есть причаст. ед. ч., но оно могло быть употреблено вм. множ. «рога носящіе имъ (т.-е. себѣ или князьямъ), хвосты пашутъ». Но что это значить? Мы знаемъ, что есть въ народѣ подобное фигуральное изображеніе коровы: «четыре ходаста, два бодаста, да одинъ хлебестунъ». Итакъ и здѣсь не есть ли это фигуральное изображеніе коровы или быка: т.-е. «быки пашутъ».

Головинъ: «Сожалѣя, что нельзя сдѣлать безсмертнымъ старца Владиміра, пѣвецъ говорить, что молодые его наслѣдники, которымъ достались его знамена, владѣя его силою, уклоняются отъ битвы. *Рози*—слава, а *«хоботы пахатъ»*, значить уклоняться отъ прямого пути».

Тихонравовъ первый сталъ читать: «розино са имъ хоботы пашутъ, т.-е. нѣтъ между ними единомыслія, розно развѣваются ихъ знамена».

Буслаевъ называетъ это исправленіе довольно остроумнымъ.

Макушевъ: «Такое чтеніе и объясненіе не лучше предложенныхъ другими, а въ томъ числѣ и Максимовичемъ; какъ бы ни была остроумна догадка г. Тихонравова, это мѣсто по прежнему остается темнымъ».

Некрасовъ, соглашаясь съ Макушевымъ относительно поправки г. Тихонравова, читаетъ: «*рози* носящимъ (согласно мнѣнію Тимковскаго и Калайдовича) хоботы пашутъ». По его толкованію, здѣсь первые князья сравниваются съ передомъ животныхъ, а князья послѣдующихъ временъ съ задомъ животныхъ волочащихъ хвосты. Онъ принимаетъ это изреченіе за пословицу и переводить: «но въдь у носящихъ рога, хвосты обыкновенно волочатся».

Кн. П. П. Вяземскій: «*имъ* исправляетъ на *ихъ*, предполагая, что это слово, не вѣрно выведено изъ-подъ титла, а «*рози*» считаетъ существительнымъ въ мѣст. пад. въ значеніи нарѣчія «розно».

Потебня принялъ чтеніе Тихонравова: «нъ розьно ся имъ хоботи пашуть», въ значеніи: но у нихъ врозь развѣваются бунчуки, замѣчая при этомъ, что въ языкѣ автора ъ произносилось внутри еще, какъ гласная, составляющая слогъ—(розино).

Прозоровскій: «Нѣкоторые читали: *носящимъ*, но тутъ нѣтъ смысла. Равнымъ образомъ нельзя читать: или какъ хоботами пашуть, потому что и здѣсь мало связи. *Хоботъ*—хвостъ, ошибъ—оубрѣс; *пашутъ*—машуть; слово «*имъ*», по связи рѣчи, соответствуетъ слову: «*они*». Онъ переводитъ: «Но имѣя рога, *они только* машуть хвостами, а копыа поють на Дунаѣ».

Педагоги:

Кораблевъ: «Но рога сихъ (стяговъ), носясь хоботами развѣваются».

В. М.: «И въ разныя стороны развѣваются ихъ солтаны (украшенія изъ конскаго хвоста)».

Ласкинъ: «Но врозь у ихъ развѣваются хвосты».

Малашевъ: «Но у нихъ эти знамена врозь развѣваются».

Литераторы:

Павловъ (Бицинъ): «И ужъ врозницу развѣваются ихъ лохмотья».

Скульскій: «Какъ врозь разнесли, что жъ осталось отъ нихъ? Болтаются только лохмотья».

Поэты:

Гербель: «Стяги его доставшия Рюрику съ братомъ Давидомъ,
«Словно волю, запряженные въ плугъ ярмомъ не-
навистнымъ
«Никнуть, межъ тѣмъ какъ тяжкія копя свистять
на Дунаѣ.

Мей: «Знамена его съ раздѣлъ пошли,
«И теперь хвостами порознь развѣваются.

Майковъ: «И ужъ розно машуть бунчуками,
«Розно копя пѣтъ пошли по рѣкамъ.

33.

Копія поютъ на Дунаѣ.

Выраженіе—Бояновское. Имъ авторъ очертилъ картину, которая предносится тоскующей Ярославнѣ: кровавый бой идетъ на Дунаѣ. Дунаемъ символически, называетъ онъ Донъ, и, даже быть можетъ, буквально повторяетъ оборотъ Бояна, уносившагося въ своемъ пѣснотворствѣ къ отдаленнымъ вѣкамъ и событіямъ. Въ виду связи этого выраженія съ плачемъ Ярославны мы предполагаемъ, что въ текстѣ вмѣсто «поютъ» было пойтъ—т.-е. употребленъ былъ большой юсь. Слѣдовало бы читать: «копія поатъ на Дунаѣ».

Упоить оружіе, напоить копье—образъ очень извѣстный для изображенія кроваваго боя¹. Только въ такомъ разсужденіи все это выраженіе становится во внутреннее соотношеніе къ послѣдующему и становится понятно, почему Ярославна прежде всего такъ горячо говоритъ о ранахъ Игоря, которыя она готова утереть на его могучемъ тѣлѣ: «Кровавый бой идетъ на Дунаѣ».

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ оставилъ это выраженіе безъ перевода.

¹ См. въ «Лексикологіи»: «ПОИТЬ» копія

Малиновскій какъ въ черновомъ своемъ переводѣ, такъ въ печатномъ текстѣ отнесъ это выраженіе къ предъидущему, передавъ такъ: «копья же на Дунаѣ славятся».

Такое же пониманіе раздѣляли и **Пожарскій** и **Грамматинъ**; послѣдній перевелъ: «оружіе же ихъ славится на Дунаѣ».

Анастасевичъ первый усмотрѣлъ здѣсь *коней* и читалъ: «кони пьютъ на Дунаѣ?»

Вельтманъ «копья» переправилъ на «коней» и «пьютъ» на «поятъ», придавая такой смыслъ: «коней поятъ на Дунаѣ».

Дубенскій, не принявъ такого чтенія и оставивъ текстъ безъ измѣненія. Въ умѣ писателя, объясняетъ онъ, близко или возможно было отношеніе пѣсенъ Дунайскихъ къ славѣ Кіева. Полки тогдашніе составлялись изъ конейщиковъ, стрѣльцевъ, мечниковъ, а «копье» въ лѣтописяхъ принималось вмѣсто воина напримѣръ въ Кіев. Лѣт.: у Половецъ 900 копій, а у Руси 90, т.-е. копійщиковъ.

Головинъ: Рюрикъ и Давидъ уклоняются отъ битвы, между тѣмъ какъ копья поютъ на Дунаѣ.

Кн. **П. П. Вяземскій** не находитъ возможнымъ примириться съ чтеніемъ первопечатнаго изданія: «копіа поютъ на Дунаи» во 1-хъ потому, что по отношенію къ Рюрику и Давиду такое выраженіе было бы не умѣстно; они медлили и бездѣйствовали; во 2-хъ Дунай ни мало не связанъ съ ихъ дѣятельностію и наконецъ въ 3-хъ пѣніе копій въ смыслѣ бряцанія—выраженіе было бы крайне слабымъ и не художественнымъ. Въ виду этихъ соображеній онъ склоняется къ поправкамъ Вельтмана, стараясь оправдать ихъ палеографическими основаніями и читаетъ такъ: *кона поятъ* или вслѣдствіе смѣшенія юсовъ—*поютъ*. Но слѣдуя въ чтеніи Вельтману, онъ относитъ это выраженіе не къ предъидущему а къ послѣдующему, къ началу пѣсни Ярославны чѣмъ, въ соотвѣтствіе другимъ мѣстамъ «Слова», указывается на мѣстность оплакиваемого имъ событія. Дунай часто воспѣвается въ нашихъ

народныхъ пѣсняхъ, и поеніе коней воспѣто въ распространенныхъ пѣсняхъ: «На крутой горѣ поять рыцари» и «По улицѣ мостовой».

Миллеръ Вс., вполне раздѣляя и эти поправки и пунктуацию пѣсни и усматривая подобные образы въ одной болгарской пѣсни, отмѣтилъ было и ихъ, какъ признаки Болгарскаго происхожденія «Слова», но потомъ, встрѣтивъ въ сборникѣ Чубинскаго еще болѣе подобныхъ примѣровъ, долженъ былъ сдѣлать слѣдующую оговорку: «Выше мы предположили (стр. 110, 113), что плачь Ярославны, представляя подражаніе чему-то Болгарскому, открывается словами какой-то пѣсни Югославянской, въ которой дѣйствіе происходитъ на Дунаѣ; это предположеніе теперь считаемъ нужнымъ видоизмѣнить въ томъ смыслѣ, что въ плачѣ находимъ черты *южно-русской* поэзіи, въ которой обычно встрѣтитъ и Дунай и поеніе козя на Дунаѣ и тоскующую *зозулю*».

Но не такіе любовные образы занимаютъ автора въ данную минуту. Ярославнѣ предносятся раны Игоря, Хиновскіе стрѣлки, солнечный зной, а не поеніе коней—милаго молодого друга.

Потебня удерживаетъ чтеніе первопечатнаго текста, но относить къ послѣдующему; онъ видитъ здѣсь параллелизмъ между пѣнемъ копій на Дунаѣ, въ идеальной дали, и плачемъ Ярославны. Толкованій Миллера Вс., замѣчаетъ онъ, не могу принять, между прочимъ потому, что не вижу повода къ нимъ. Выраженіе о копіяхъ, что они *поютъ* крайне слабо, ибо копія не бренчатъ, но оно весьма изобразительно, если подъ нимъ понимать то, что понималъ уже Александръ Пушкинъ, у котораго *тнѣе стрѣлъ*. Но авторъ «Слова», замѣтимъ мы такъ опредѣленно различаетъ эти предметы, что отъ него трудно ожидать смѣшаннаго употребленія *копій* вмѣсто *стрѣлъ*.

Смирновъ А. «Считая весьма остроумными соображенія Вяземскаго и очень счастливыми находки Миллера, мы все-таки смѣемъ думать, что здѣсь искаженія нѣтъ, а равно и пропуска. «*Копія поютъ*» мы относимъ къ предъидущему, а «на Дунаѣ» къ послѣдующему: «Ярославнынъ гласъ слышитъ». «Копія поютъ» удобно могутъ быть

отнесены къ Рюрику и Давиду, которые хоть и дѣйствовали врозь, но не разъ отличались воинственностію. «*На Дунай*» не можетъ быть отнесено къ Рюрику и Давиду, которые дѣйствовали или на Сѣверо-западѣ или Востокѣ Руси; но это слово очень удобно можетъ быть отнесено къ послѣдующему: съ него должна начитаться самая пѣснь. Кромѣ того оно должно стоять здѣсь и по самой рѣчи. Въ пѣсни Ярославны слышится размѣръ, исключая перваго стиха; безъ слова «на Дунай» онъ будетъ очень коротокъ и не будетъ гармонировать съ послѣдующимъ:

*„На Дунай Ярославныи гласъ слышится,
„Зегзицею незнаемъ рано кычеть.*

Прозоровскій, оставляя чтеніе первопечатнаго текста безъ измѣненія, относитъ къ предъидущему. Онъ переводитъ «а копя поють на Дунаѣ, но что это значить по его мнѣнію, не объясняетъ.

Педагоги:

Кораблевъ: «копія стучать на Дунаѣ.

Малашевъ: «копія свистать на Дунаѣ.

Алябьевъ: «На Дунаѣ поють копія,
«Ярославнинъ голосъ слышится.

Литераторы:

Павловъ (Бицинъ): *Не* копя поють на Дунаѣ. Слышите ли Ярославнинъ голосъ.

Скульскій: «Не копя поють на Дунаѣ,
«То голосъ звучитъ Ярославны.

Поэты:

Гербель: Стязи его... никнуть, межъ тѣмъ какъ тяжелыя копя свистать на Дунаѣ.

Мей: Поють копія на Дунаѣ рѣкъ.

Майковъ: Разно копя пѣть пошли по рѣкамъ.

34.

Ярославнынъ гласъ слышитъ: зезицею незнаемъ, рано кычетъ.

Здѣсь прежде всего кажется сомнительнымъ слово: *Ярославнынъ*. Едва ли это прилагательное притяжательное. Достоинно особеннаго замѣчанія, что въ Пербургской копіи Мусинъ-Пушкинъ начерталъ окончаніе этого слова въ формѣ: «Ярославнымъ»: Какъ форма менѣе правильная, указываетъ, что окончаніе этого слова стоитъ ближе къ воспроизводимому подлиннику. Мусинъ-Пушкинъ перевелъ: «*Ярославнынъ*, но передавая текстъ, удержалъ однако: *Ярославнымъ*. Это приводитъ насъ къ предположенію, что въ Пушкинской рукописи здѣсь стояло именно «*Ярославнымъ*», а не *Ярославнынъ*.

Мь—слѣдовало отдѣлить и читать какъ самостоятельное слово: **мь** вм. **ми**. Что **мь** писалось **вм.** **ми** это видно изъ Галицкой Лѣтописи, гдѣ читаемъ: Мстиславъ рече брату Владимиру Васильковичу, «а бошая **мь** надежа на тобѣ». (Ипат. стр. 214).

При такомъ чтеніи оборотъ здѣсь будетъ тотъ же что и выше: «что *ми* шумить, что *ми* звенить—далеча рано предъ зорями? Малиновскій, при печатаніи текста слилъ выраженіе «*Ярославны мь*» въ одно слово и сблизивъ его съ прилагательнымъ притяжательнымъ, напечаталъ сообразно своему переводу: «*Ярославнынъ*».

Далѣе, едвали здѣсь не стояло: «**гласъ слышитъ**». Встрѣча трехъ **с** легко вела къ выпаденію одного изъ нихъ и появленію вмѣсто **гласъ** просто «**гласъ**». Неисправность этого могла быть уже въ самой рукописи и мы не рѣшаемся усвоить ее непременно издателямъ.

Наконецъ въ данномъ мѣстѣ возбуждаетъ недоумѣніе слово «**незнаемъ**» Трудно подумать, чтобы «**незнаемъ**» отнѣсилось къ слову «**гласъ**». Такой распорядокъ словъ рѣшительно противенъ не только синтаксису «Слова», но и другихъ чисто русскихъ памятниковъ.

Богѣе чѣмъ сомнительно, чтобы это было нарѣчіе. Сообразно значенію этого нарѣчія оборотъ вышелъ бы крайне отвлеченный, изысканный и натянутый. Но если это эпитетъ, относящійся къ «*зезицею*», то онъ является несогласованнымъ со своимъ существительнымъ. Это указываетъ на то, что форма его нуждается въ испра-

вленіи. Слово это является недописаннымъ. Въ древнихъ и исправныхъ спискахъ, какъ эпитетъ «*къ зезицею*», оно должно было бы имѣть слѣдующую форму: «*незнаемью*» или же, въ силу смѣшенія глухихъ ѣ и њ, могло быть начертано: «*незнаемью*». Имѣя въ виду какъ писцы XV и особенно XVI вѣка затруднялись при встрѣчѣ съ глухими, замѣнявшими гласныя, естественно допустить, что они читали раздѣльно: «*незнаемь ю*» и, находя это послѣднее ю противнымъ смыслу, принимали его за опisku и не дописывали. Замѣчательно, что это же самое слово, въ томъ же самомъ падежѣ и родѣ, является неисправнымъ и въ другихъ рукописяхъ. Такъ въ Лаврентьевской лѣтописи, въ спискахъ Радзивиловскомъ и Московской Духовной Академіи—встрѣчаемъ вмѣсто: «*незнаемью*» страшною—*незнами* страню; т.-е. здѣсь, какъ и въ «Словѣ», конечное ю въ слѣдствіе той же причины осталось недописаннымъ—и даже њ перешло уже въ и,—вмѣсто «*незнаемь*» явилось «*незнами*». (Лавр. 1872 г. стр. 217).

Итакъ это слово слѣдуетъ читать: *незнаемью*, или точнѣе, *незнаемью* т.-е. «*незнаемою*».

Что значить «*незнаемый*» см. о томъ въ Лексикологіи. Всѣ переводы этого слова не точны.

Въ виду сихъ соображеній мы переводимъ:

„Чу! Ярославны слышится голосъ:
„Безпривѣтной кукушкой
„Рано кукуетъ она.

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ перевелъ: «Ярославнинъ голосъ слышится; она зезицею незнаемою рано кличетъ».

Малиновскій въ черновыхъ бумагахъ: Ярославнинъ голосъ слышится; она какъ забытая горлица по утрамъ воркуетъ, приговаривая.

Въ *первомъ изданіи*—«забытая горлица» замѣнено словомъ «оставленная горлица».

Комментаторы:

Шишковъ: Въ переложеніи сказано: «слышится», но можетъ

быть «слышитъ» относится къ Святославу: «Святославъ послѣ своихъ жалобъ голосъ Ярославны слышитъ».

Пожарскій: «Зегзица» не означаетъ горлицы, какъ сказано переложени. Зегзица по польски *zeizolka*, *zeizelica*, по-бѣлорусски *zeizolka*, значить кукушка.

Слово же «незнаемъ» есть усѣченное причастіе къ «зегзицѣ» относящееся. Итакъ, «зегзицею незнаемою, разумѣется, не такую кукушкой, какою знаемъ, или какая обыкновенно есть кукушка, но не обыкновенною, странною.

Грамматинъ: выраженіе «незнаемъ» относить къ существительному «гласъ». Онъ переводить: Ярославнинъ голосъ слышится: Одна, какъ горемышная кукушка, рано кличетъ.

Вельтманъ: *Zeiziceю незнаемъ* т.-е. безвѣстной, *zeizica*—въ Чешск. пѣснѣ—«*zeizulica*». Въ серб. *зуят*, *зазуяти* издавать ропотъ. Соответственно этому значенію кукушка называется горемышной.

Максимовичъ: Слышенъ голосъ Ярославны. Пустынной кукушкой онъ раздается съ утра.

Дубенскій: «Незнаемъ» здѣсь, кажется, причастіе страдательное въ жен. р. вм. незнаема (т.-е. Ярославна) или вм. мужескаго: «незнаемъ», т.-е. гласъ. Въ словѣ «кличеть» по его мнѣнію выпущено л. т.-е. слѣдовало бы сказать: кличетъ.

Онъ перевелъ такъ: «Слышитъ голосъ Ярославнинъ: *невидимой* кукушкой рано вопить».

Буслаевъ вм. «слышитъ» читаетъ: «слышиться, и вм. «незнаемъ» «незнаема».

Кн. П. П. Вяземскій находитъ возможною и форму «слышитъ» въ значеніи страдательнаго залога.

Огоновскій, удерживаетъ форму «незнаемъ» въ значеніи нарѣчія, какъ въ старослав. встрѣчаются: исполнь, прѣпростъ, различъ, свободъ, странъ, сугубъ.

Потебня «*слышитъ*» читаетъ, какъ Буслаевъ: «слышиться»; а «незнаемъ» удерживаетъ, подобно Огоновскому въ значеніи нарѣчія, измѣняя «незнаемъ» въ «незнаемѣ».

Прозоровскій переводитъ: «Слышенъ голосъ Ярославны. Одиною кукушкой она рано кукуетъ».

Педагоги:

Погосскій: «Ласточкой невидимой она рано щебечетъ»

В. М «Кукушкою невѣдомой кукуетъ».

Малашевъ: «Какъ неизвѣстная кукушка, она рано кричитъ»

Алябевъ: «Кукуетъ она рано неизвѣстною кукушечкой».

Литераторы:

Павловъ (Бидинъ): «Кукушечкой, притаясь.
«На зорькѣ кличетъ».

Скульскій: «Кукушечкой жалобно кличетъ,
«На зорькѣ, таясь отъ людей».

Поэты:

Гербель:

Мей: «Перелетною кукушкой,
«По утру она кукуетъ».

Майковъ: «Ярославнинъ гласъ слышитъ». Кто слышитъ? Да кому же и слышать кромѣ Игоря? «Зегзицею незнаемъ» должно быть

«незнаемъ мѣст. п. т.-е. зегзицею въ неизвестной землѣ (такъ называлась степь) рано кичеть—т.-е. кукушкой кукуеть.

Кукушка—символь тоскующей подруги, жены, сестры, матери. Игорьъ вспоминаеть ее—на стѣнѣ въ Путивнѣ, какъ видѣлъ ее вѣроятно въ послѣдній разъ, уходя въ походъ: черта глубоко психологическая. Разставаясь съ близкими сердцу, въ разлукѣ всегда воображаете ихъ въ томъ видѣ, при той обстановкѣ, какъ это было въ моментъ разставанья.

35.

Жаждею имъ лучи сопряже.

Возникаетъ недоумѣніе, какимъ образомъ явилась форма: «жаждею» вм. «жаждю». Въ силу смѣшенія глухихъ ѣ и њ, въ древнихъ рукописяхъ слово это могло быть первоначально было написано: *жаждюю* вм. «жаждю» (срав. «славю»); писецъ XVI в., переводя глухія въ гласныя, въ данномъ случаѣ њ замѣнилъ гласнымъ е, и такимъ образомъ вм. «жаждю» явилось «жаждею».

Слово «жаждею» въ нѣкоторыхъ древнерусскихъ памятникахъ уцѣлѣло до насъ совсѣмъ въ другомъ значеніи, чѣмъ какое придавали ему всѣ комментаторы «Слова»¹.

Лучи—явилось вм. *лучи* въ силу живаго южно-русскаго или Новгородскаго говора.

36.

Овлуръ свисну за рткою; велить князю разумѣти.

Внязю Игорю не бытъ кликну; стукну земля; въ шумъ трава. Вежи ся Половецкии подвизашася.

Нельзя не замѣтить здѣсь неточной пунктуации, которая придана этимъ предложеніямъ первыми издателями рукописнаго текста. Насколько согласно съ языкомъ Кіевской повѣствовательной школы выраженіе «стукну земля», настолько же не умѣстенъ здѣсь гла-

¹ См. въ «Лексикологін» слово «жаждею».

голь «*кликну*» отнесенный къ той же «землѣ» первыми издателями. Чтобы «земля кликнула», такого оборота нельзя встрѣтить въ древне-русской письменности. Далѣе глаголь «*не быть*» представляетъ такую форму, какъ замѣчено уже комментаторами, которая не отвѣчаетъ употребленію въ «Словѣ» другихъ глаголовъ въ томъ же наклоненіи оканчивающихся на «*ми*». Все это указываетъ на то, что текстъ требуетъ здѣсь исправленія.

Въ виду того, что глаголь «*кликну*» не можетъ относиться къ «*землѣ*», онъ требуетъ, очевидно, подлежащаго, котораго слѣдуетъ искать въ предъидущемъ словѣ «*не быть*». Оно скрывается именно въ окончаніи этого слова «*тъ*», которое есть ничто иное какъ «*тъ*» или правильнѣе въ полномъ начертаніи «*тъ*» — «*стѣй*». *Тъ* вм. *тъ* — не рѣдко въ прологахъ XVI вѣка, гдѣ читаемъ: *Тъ отъ нѣтъ*. Не «*бы*» есть сокращенное не «*бѣ*». *Князю Игорю* явилось вм. князя Игоря, вѣроятно потому, что на мѣстахъ малаго юса въ рукописи стоялъ большой *Ѣ*. Такимъ образомъ чтеніе должно быть таково:

Князѣ Игорѣ не бы. Тѣ кликну.

Переводъ будетъ слѣдующій:

„Овлуръ свистнулъ за рѣкою,

„Велитъ князю догадаться:

„Князя Игоря не было,

„Кликнулъ тотъ.

Дальнѣйшія выраженія: «*стукну земля, въ шумъ трава*», стоятъ во внутреннемъ соотношеніи съ тревогой вызванною бѣгствомъ Игоря и погоней за нимъ Половецкихъ хиновъ. Шумъ травы и стукъ земли суть признаки этого движенія.

«*Подвизашася*» очевидная описка или невѣрное чтеніе вмѣсто «*подвизошася*».

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ: перевелъ: Овлуръ свиснулъ за рѣкою велитъ князю разумѣть. Кликнулъ князю Игорю не быть.

Малиновскій въ черновомъ переводѣ: «Овлуръ свиснулъ за рѣкою, чтобъ князь догадался и вскричалъ: Князю Игорю не тамо быть».

Въ *переводъ перваго изданія*: «Князю Игорю тамо не быть».

Комментаторы:

Шипковъ: «Князю Игорю не быть т.-е. князя Игоря не стало тамъ, гдѣ онъ былъ».

Пожарскій: «Слово не быть, на польск. *niebyć* —означаетъ отсутствіе, отлучку».

Вельтманъ въ 1-мъ изданіи перевелъ: «Игорь исчезъ»; во 2-мъ объясняетъ, что «не быть» описка—вмѣсто: «избыть» т. е. освободиться, избавиться отъ плѣна. *Избыти*—liberare; *избытіе*—выходъ, исходъ.

Дубенскій: «не быть» вм. «не быти»; *ти* сокращалось въ *ть*, какъ то встрѣчается иногда въ древнихъ рукописяхъ. Онъ перевелъ: «князя Игоря нѣтъ».

Миллеръ Вс. *Быть* едва ли окончательное наклоненіе, такъ какъ нѣтъ другаго примѣра въ «Словѣ» употребленія окончанія *ть* вм. *ти* въ этомъ наклоненіи, хотя случай, очевидно, могъ бы представиться, ибо форма на *ти* встрѣчается болѣе 35 разъ. Думаемъ, что вмѣсто «*быть*» слѣдуетъ читать «*бысть*», причеъ выпало какое то другое слово, соотвѣтствующее ›*разумѣти*›. Онъ усматриваетъ здѣсь такой смыслъ: Овлуръ свиснулъ за рѣкою, даетъ князю знакъ, но князю Игорю не было слышно.

Потебня также читаетъ вмѣсто «не быть» —не бысть и относитъ къ ›*разумѣти*›, объясняя все это мѣсто такъ: «Въ полночь Овлуръ свиснулъ, велитъ князю разумѣть, (давая знакъ князю), но князю Игорю не бысть т. е. разумѣти; онъ не понялъ; тогда Овлуръ

кликнулъ (по богатырски), такъ что стукнула земля, зашумѣла трава, и такъ далѣе.

Прозоровскій: «Слова»: «князю Игорю не быть» не понятны Овлурь, вѣроятно, приглашалъ Игоря спѣшить, не медлить. Прозоровскій оставляетъ ихъ безъ перевода».

Педагоги:

Бораблевъ: «Князю Игорю въ плѣну не быть».

Погосскій: «Ужъ князя Игоря нѣтъ».

Малашевъ первый вм. «не быть» сталъ читать «не бысть». Другіе (Миллеръ и Потебня) лишь повторяютъ его догадку. Онъ перевелъ: «Князя Игоря не было—не являлся—на свистъ Лавра».

Алябьевъ: Князю Игорю не быть въ плѣну.

Литераторы:

Павловъ (Бидинъ): «Князя Игоря и нѣтъ какъ нѣтъ».

Скульскій: «Игорь пропалъ безъ слѣда».

Поэты:

Гербель: «Но князь Игорь не откликнулся».

Мей: «За рѣкою засвисталъ Овлурь,
«Разумѣть велить: не мѣшкать князю Игорю».

Майковъ: «За рѣкой Овлурь къ полночи свищетъ,
«По коня онъ свищетъ—повѣщаетъ:
«Выходи князь Игорь изъ полона».

37.

„Не тако ли, рече, рѣка Стугна худу струю имѣя, пожрѣши чужи ручьи, и стругы ростре на кусту. Уношу князю Ростиславу затвори Днѣпръ темнѣ березь. Плачется мати Ростиславя по уношу князю Ростиславѣ.“

Прежде всего въ данномъ мѣстѣ для всѣхъ комментаторомъ служило запинаніемъ «*ли*», изъ коихъ одни считали его вопросительной частицей, другіе думали, что хотя это вопросительная частица, но она не имѣетъ здѣсь вопросительнаго значенія; новѣйшіе же комментаторы-то передѣлываютъ ее то на *ми*, то на *ти* и т. п.

Въ дѣйствительности же—здѣсь это не вопросительная частица а глаголь, отъ «*лити*, течь, литься—въ первообразной формѣ. Далѣе въ выраженіи «*ростре на кусту*», глаголь «*ростре*», долженъ имѣть причастную форму, подобно предыдущимъ: «*имѣя*» «*пожрѣши*», такъ какъ имъ продолжается описательная характеристика «*Стугны*» дѣйствіе которой выражается дальнѣйшимъ глаголомъ «*затвори*». Въ виду этого нѣкоторые, сливая дальнѣйшій предлогъ *на*, читаютъ «*рострена*» кусту. Не говоря уже о томъ, что подлежатъ сомнѣнію существованіе слова: *усто* въ значеніи «*устья*»,—для характеристики Стугны здѣсь весьма существенно слово: «*кусть*».

Для юноши князя Ростислава Стугна затворила Днѣпръ не тѣмъ, что расширилась къ устью, но тѣмъ, что подводнымъ кустовіемъ, препятствовала броду. Предполагая въ «*ростре*» причастную форму, мы должны догадываться, что надписное, титлованное *и* въ окончаніи «*ростре*» вышло, подѣ воздействиемъ того же *и* въ дальнѣйшемъ предлогѣ *на*, т. е. въ исправномъ спискѣ XV или XVI в. было написано: *растрѣ на кусту*.

При этомъ необходимо замѣтить, что слово «*стругы*» никдимъ образомъ не можетъ относиться къ этому глаголу. Нельзя принимать здѣсь «*стругы*» въ значеніи лодки и считать «*стругы*» винит. п., зависящимъ отъ «*ростре*»; такъ какъ лодокъ здѣсь не могло быть никакихъ: Лѣтопись прямо говорить: «*и вбрѣде Володимѣръ съ Ростисла-*

волнъ; князья спасались въ бродъ, а не на лодкахъ. Нельзя мириться и съ толкованіемъ «струна» въ значеніи «волна» и переводить: Стugna... волнами расширенная къ устью, такъ какъ тогда было бы не «струны» а стругами. Струны» должны быть относимы здѣсь къ тому же глаголу, къ коему относятся и ручьи: т. е. *пожрзжи ручьи и струны* ¹.

«*Темнъ Березъ*» выраженіе это должно быть принимаемо, какъ читаетъ Н. С. Тихонравовъ, въ мѣстномъ пад. ед. ч. потому во 1-хъ, что если берега Днѣпра были темные сами по себѣ, то затворять ихъ было не для чего; во 2-хъ и главнымъ образомъ потому, что самое названіе береговъ *темными* указываетъ, что они относятся не къ русскому Днѣпру, а къ поганской Стugna. По стилю «Слова» гдѣ поганые, тамъ и рѣки мутныя и болотыя, тамъ и берега темные.

Такимъ образомъ все это мѣсто должно быть читаемо такъ:

«Не тако ли, рече, рѣка Стugna; худу струю имѣя, пожрзжи чужи ручьи и струны, рострена на кусту, уному князю Ростиславу затвори Днѣпръ. Темнъ березъ плачется мати Ростислава.»

Переводъ будетъ слѣдующій:

„Не такъ лила ² какъ поскажутъ, рѣка Стugna;
 „Имѣя тощую струю, пожравъ чужіе ручьи и потоки,
 „Растертая по кустовью, юношѣ князю Ростиславу
 затворила Днѣпръ.
 „На темномъ берегу плачетъ мать Ростиславова...”

Малиновскій перевелъ: «Не такова, промолвилъ онъ, рѣка Стugna съ худыми своими струями; она пожираетъ посторонніе потоки и разбиваетъ струи объ кусты. Юному князю Ростиславу затворилъ Днѣпръ темные берега.

Въ *Первомъ изданіи* переводъ мало измѣненъ: «Не такова, промолвилъ онъ, рѣка Стugna! Она пагубными струями пожираетъ чужіе

¹ См. въ «Лексикологіи» «струны».

² См. въ «Лексикологіи»: «ли».

ручьи и разбиваетъ струги у кустовъ. Юному князю Ростиславу затворилъ Днѣпръ берега темные».

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ перевелъ: «Не такова рѣка Стугна: она имѣя худое теченіе, пожираетъ чужія воды и разбиваетъ струги на кустахъ. Юношѣ князю Ростиславу затворилъ Днѣпръ темныя берега».

Комментаторы:

Шишковъ: «По началу сей рѣчи слово: *«не тако ли»* должно означать вопросъ, но по смыслу нижесказаннаго Игорь не вопрошаетъ, а говоритъ, что въ подобномъ случаѣ рѣка Стугна не такъ поступила. И потому въ словѣ: *«не тако ли»*, частица *ли* ошибка переписчика. Исключая оную, смыслъ будетъ такой: Не тако рѣка Стугна! Свирѣпыя струи ея, отъ впаденія въ нее многихъ другихъ рѣкъ, широко разливаются, выступаютъ изъ береговъ и, выкидывая на нихъ плавающіе по ней струги, разбиваютъ ихъ о кусты, т.-е. о пни срубленныхъ деревьевъ, вокругъ которыхъ растеть обыкновенно молодой кустарникъ».

Пожарскій: «Поглотивъ чужіе ручьи, сокрушила струги по кустамъ».

Грамматинъ, также считая союзъ *ли* неумѣстнымъ, превратилъ его въ *ти*; онъ читаетъ: «Не тако ти рѣка Стугна; мати Ростиславя измѣнилъ въ «мати Ростиславля».

Павскій: «Не такова, продолжаетъ князь, рѣка Стугна, которая, имѣя худую струю, поглощая чужіе ручьи, раздираетъ на кустахъ струги (т.-е. вслѣдствіе разлива, затопляя острова, на которыхъ растутъ кусты, легкія лодки, которыя обѣ вѣтви этихъ кустовъ разбиваются, портятся). Не хорошъ и Днѣпръ, продолжаетъ князь: юному князю Ростиславу (когда онъ переплывался чрезъ него во время бѣгства съ поля сраженія, гдѣ онъ былъ разбитъ Половцами) Днѣпръ закрылъ (т.-е. вслѣдствіе тумана сдѣлалъ незамѣтными, не узнава-

емыми) берега свои вслѣдствіе чего этотъ князь направился къ Стугнѣ, въ которой и утонулъ. Мы съ своей стороны считаемъ нужнымъ замѣтить, что прилагаемая нами карта мѣстности, гдѣ погибъ Ростиславъ, показываетъ, что дѣло происходило не такъ и потому объясненіе Павскаго не можетъ быть принято».

Максимовичъ: «Своей недоброй волной она поглотила чужіе ручьи и разметала струги по кустамъ. Днѣпръ затворилъ темные берега юному князю Ростиславу. Затѣмъ «ростре на кусту» онъ читаетъ: рострѣна къ усту, т.-е. расширенная къ устью».

Вельтманъ: «А Стугна рѣка такова ль? Не доброй своей струей лишь чужіе ручьи пожираетъ и ломитъ суда по кустамъ. А Днѣпръ»....

Дубенскій: мѣсто это испорчено переписчикомъ и читать надобно: «но тако ли, рече, рѣка Стугна? «Или же оставляя *не* вмѣсто «рече» слѣдуетъ читать «тече»; *ли* здѣсь вм. *и* плеоназмъ. Въ переводѣ онъ слѣдуетъ послѣднему чтенію: «Не такъ текла рѣка Стугна, худую струю имѣющая; она пожравши чужіе ручьи разбила стругѣ о кусты и юному князю Ростиславу затворилъ Днѣпръ мрачные берега Днѣпра».

Князь **П. П. Вяземскій** вмѣсто *ли* читаетъ *ми* въ значеніи поговорки; слово «Днѣпръ» разлагаетъ на два и читаетъ «днѣ при темнѣ березѣ».

Тихонравовъ принялъ чтеніе Максимовича вм. «ростре на кусту» рострена к' усту, т.-е. расширенная къ устью, а выраженіе «темнѣ березѣ» принимаетъ въ мѣст. пад. безъ предлога и относитъ къ дальнѣйшему: плачется мати Ростислава.

При такомъ чтеніи переводъ получается слѣдующій: «Не такъ *ли*, рассказываютъ, Стугна рѣка, бѣдная водою (худую струю имѣя) пожравши чужіе ручьи и къ устью (к' усту) расширенная (рострена) волнами (струги) затворила Днѣпръ юному князю Ростиславу. На темномъ берегу плачетъ мать Ростислава».

Миллеръ Вс. не принимаетъ чтенія, предложеннаго Тихонравовымъ на слѣд. основаніяхъ: вопервыхъ слова «усто» или «устъ» въ значеніи устья неизвѣстны въ древне-русскомъ языкѣ; отъ слова «струа», волна, не можетъ быть творительнаго пад. мн. ч. на *ы*, *вм. ами*; а «темнѣ березѣ» не можетъ быть мѣстнымъ пад. безъ предлога. Принимая же поправки кн. Вяземскаго, онъ читаетъ мѣстный «днѣ» съ предлогомъ «въ днѣ»; глаголь же «ростре», быть-можетъ, искаженъ изъ «ростре»; за отсутствіемъ слова «усто» слѣдуетъ считать «кусту» за одно слово. Въ виду сихъ соображеній онъ переводитъ «не такъ (поступила), говорятъ, рѣка Стугна: имѣя тощую струю, поглотила она чужіе ручьи, простерла волны (протоки) на кустарникъ и юношу князя Ростислава затворила на днѣ при темномъ берегу».

Потебня читаетъ: «не тако ли, рече, рѣка Стугна: худу струю имѣ, а ложьрши чюжи ручьи и струги, рострена къ устию, уношу кнѣзя Ростислава затвори днѣ при тьмнѣ березѣ. «Не тако ли» т.-е. не такъ-то или не така ли, не такова-то. *Ли* здѣсь не въ вопросительномъ значеніи. *Рече* ссылка на повѣствованіе о смерти Ростислава (1093 г.). Онъ переводитъ: «Она имѣла малую (худу) струю (была маловодна, не то, что Донецъ, особенно въ тѣ времена), но пожравши чужіе ручьи и потоки, расширенная (рострена) къ устью, юношу... затворила при темномъ берегѣ».

Смирновъ А. И. не находитъ возможнымъ принять поправки предложенной княземъ Вяземскимъ и раздѣляемой Миллеромъ и Потебней. Склоняясь къ мнѣнію Н. С. Тихонравова, что «темнѣ березѣ» стоитъ здѣсь въ мѣстномъ пад., онъ отрицаетъ замѣчаніе Миллера, что будто мѣстный падежь, кромѣ именъ городовъ, при нарицательныхъ именахъ не употребляется въ Русскомъ языкѣ XII вѣка и въ самомъ «Словѣ» указываетъ три примѣра употребленія мѣстнаго падежа безъ предлога. Затѣмъ, ссылаясь на Кіевскую Лѣтопись, онъ весьма основательно доказалъ, что упоминаніе Днѣпра здѣсь необходимо: Днѣпръ служилъ мѣстомъ спасенія отъ погони Половецкой. Мы съ своей стороны замѣтимъ, что разложеніе слова «Днѣпръ» на «днѣ при» темнѣ

березѣ едва ли можетъ отвѣчать дѣйствительности, такъ какъ Ростиславъ во всякомъ случаѣ утонулъ не при *березѣ*; изъ того, что Владиміръ его спасалъ и едва не утонулъ самъ, видно, что гибель Ростислава происходила отъ берега не близко. Далѣе авторъ рисуетъ здѣсь Стугну рѣкой именно вражеской, которая не допустила Ростислава до Днѣпра, рѣки родной, которую легче было переплыть, чѣмъ эту поганую рѣку, растертую по кустовью.

Прозоровскій безъ всякихъ объясненій переводитъ такъ: «Не такова, говорилъ, рѣка Стугна, *которая*, имѣя слабую струю, пожрала чужіе ручьи и раздробила струи на пороги, затворивъ юному князю Ростиславу Днѣпръ темнымъ берегомъ, и плачетъ мать Ростиславова».

Педагогъ:

Бораблевъ: «Не такова, сказать, рѣка Стугна, пожирающая въ свои пагубные струи и останавливающая лодки на поемныхъ кустахъ».

В. М.: «И ты, Стугна рѣка, не добрую струю имѣющая, пожравъ чужіе ручьи и отъ притоковъ расширившись къ устью, заперла Днѣпръ».

Малашевъ: «Не такъ, говоритъ Игорь, поступила рѣка Стугна. При своемъ маловодномъ теченіи, она, поглотивши чужіе ручьи, и струями расширенная къ устью, заградила темные берега Днѣпра».

Алябьевъ: «Не такъ сдѣлала рѣка Стугна малоструйная. Чужихъ струй ручьевъ понажравшись, затворила Днѣпръ».

Ласкинъ: «Не такова рѣка Стугна: поглотивъ чужіе ручьи и потоки, расширенная къ устью, она юному князю Ростиславу затворила Днѣпръ».

Литераторы:

Павловъ (Бичинъ): «А вотъ не такова, говоритъ, рѣка Стугна! Тощую струю имѣла, а какъ поглотила ручьи чужіе, и затормозила

тогда лодки по кустамъ, юному князю Ростиславу на своемъ темномъ берегу выходъ въ Днѣпръ затворила».

Скульскій: «Вотъ не то, что ты, Стugna рѣченка! И текла она струйкой тощею, а съ чужихъ ручьевъ какъ раздулася, много бѣдъ тогда понадѣлала Ростиславу князю юному: его лодки разметало всѣ, по кустамъ да по отмоинамъ разбросало ихъ, разсѣяло, заградило выходъ въ Днѣпръ рѣку».

Поэты:

Гербель: «Мчится Стugna мелководная,
«Поглотивъ ручьи нагорные;
«Она струги о кустарникъ
«Раздробила ненасытная.

Мей: «А Стugna рѣка не таковская,
«И бѣжить струей не доброю,
«Не свои ручьи пожираючи,
«По кустамъ струги разстилаючи.

Майковъ А.: «Вотъ Стugna, о Донче, не такая!
«Какъ пожреть—пошьеть ручьи чужіе,
«По кустамъ по доламъ разольется,
«Ростислава юношу пожрала,
«Унесла его въ Днѣпръ глубокой,
«Въ темныхъ берегахъ похоронила.

38.

„Полозію ползюша только, дятлове тектомъ путь къ рцѣ кажутъ.

Къ числу ошибокъ, обычныхъ отъ перехода отъ устава къ полууставу, мы относимъ въ данномъ мѣстѣ выраженіе «*полозію*», т.-е. въ концѣ ю появилось здѣсь вм. древняго іотированнаго ю. Предлогъ *по* слить съ словомъ неправильно. Слѣдуетъ читать такъ, какъ пред-

лагаетъ г. В. Ө. Миллеръ, т.-е. «*ползю*», разумѣя здѣсь видъ дятловъ, изъ породы «*ползунъ*».

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ перевелъ: Сороки не строкотали, а только ползали по вѣтвямъ. Дятлы тектомъ путь къ рѣкѣ кажутъ.

Малиновскій въ черновомъ переводѣ: «Галки замолкли, но только двигались на вѣтвяхъ; дятлы стукомъ своимъ путь къ рѣкѣ показывали».

Въ *первомъ изданіи* читаемъ: «галки умолкли, сороки не стрекотали, но двигались только по сучьямъ; дятлы долба, къ рѣкѣ путь показывали».

Комментаторы:

Шишневъ: «Сіе изображеніе глубокаго утра весьма естественно; ибо дѣйствительно въ сіе время во всеобщемъ молчаніи слышны только соловьиный голосъ и стукъ дятловъ, яко предтечи восходящаго солнца и пробуждающейся природы. Сорокамъ не свойственно ползать или двигаться по сучьямъ. Сочинитель говорить сіе о дятлахъ. Ошибка сія произошла отъ запятой, поставленной не въ своемъ мѣстѣ, ибо напечатано: «Сороки не трескоташа, ползю ползоша только, дятлове путь къ рѣкѣ кажутъ» а надлежало бы напечатать, поставя запятую послѣ слова «дятлове», а не послѣ слова «только»,

Пожарскій: «Въ подлинникѣ никакой не видно ошибки относительно запятой, расположеніе рѣчи правильно; мысль ясна и вразумительна; съ присоединеніемъ же подлежащаго «*дятлове*» къ глаголу «*ползоша*» совершенно осиротѣлъ глаголъ «*кажутъ*». Сверхъ сего согласіе во временахъ глаголовъ: «*трескоташа*» и «*ползоша*» доказываютъ, что въ подлинникѣ запятая поставлена въ своемъ мѣстѣ. Сверхъ сего изъ словъ «*по лозію ползоша только*», ясно видно, что относящіяся къ сей рѣчи птицы, кромѣ ползанья никакого другаго дѣйствія имѣть не должны: тектомъ къ рѣцѣ пусть кажутъ—это дѣй-

ствіе послѣ «только» здѣсь излишне. Къ сему слѣдуетъ присовокупить, что сороки обыкновенно водятся въ лозѣ, онѣ и гнѣздъ своихъ нигдѣ болѣе не вьютъ, какъ только въ лозахъ; дятлы же не могутъ прицѣпляться къ сучьямъ лозы, а паче стучать по ней, велику лоза очень мала, тонка и гибка.

Павскій: «Сороки не трескотали, но только скакали по вѣтвямъ. Первымъ издателямъ и Пожарскому слѣдовали Дубенскій, Головинъ, Малышевъ, Кораблевъ, Гербель.

Шишкову же Грамматинъ, Вельтманъ, Максимовичъ, Мей, Погосскій, В. М. и нѣкот. др.

Миллеръ Вс. первый вм. «по лозію» предложилъ читать «*полозіе*» въ имен. множ. собирает. отъ «полозѣ». Слово «полозѣ» отъ глагола «ползти» могло быть южнорусскимъ названіемъ какого нибудь ползучаго гада. Но въ виду того, что авторъ изображаетъ въ этомъ мѣстѣ исключительно состояніе птичьяго царства, говоря о воронахъ, галкахъ, сорокахъ, дятлахъ и соловьяхъ, онъ находитъ болѣе умѣстнымъ видѣть въ «полозьяхъ» какихъ нибудь птицъ, нежели гадовъ. Всего вѣроятнѣе, что «полозіе» за которыми слѣдуютъ непосредственно близкіе къ нимъ дятлове (тектомъ путь къ рѣкѣ кажутъ) — названіе какого-нибудь южно-русскаго вида изъ семьи ползуновъ или лазуновъ.

Потѣбня, слѣдуя въ пунктуациіи Шишкову, «къ рѣцѣ» измѣнилъ на «къ руцѣ» и переводитъ такъ, по вѣтвямъ ползли только дятлы, тектомъ сказывая благоприятный (къ руцѣ-на-руку, удобный) путь. Относительно чтенія Миллера онъ замѣчаетъ: «Въ чтеніи» «*полозіе* ползоша т.-е. или «*полозы*» змѣи или «*полозы*» въ смыслѣ ползяка (*sitta europaea*), нѣтъ нужды. Не говоря уже о змѣяхъ сомнительна въ авторѣ «Слова» мелочность изображеній. Пестрый дятель еще можетъ броситься въ глаза, но маленькаго ползуна, какихъ дѣйствительно много въ лѣсахъ надъ Донцемъ, даже присматриваясь трудно замѣтить, а стукъ его легко можетъ быть приписанъ пестрому дятлу. «По лозію» значитъ конечно, не по лознику, а по вѣтвямъ деревьевъ». Но если дѣйствительно такъ много ползуновъ

въ лѣсахъ надъ Донцемъ, по собственнымъ словамъ г. Потебни, то упоминаніе о нихъ авторомъ слова въ ряду другихъ птицъ, уже отнюдь не можетъ быть мелочностію въ изображеніи. Что касается видовъ, то авторъ и выше рядомъ ставитъ «*соколовъ и кречетовъ*».

Прозоровскій слово «по лозію» понимаетъ въ значеніи— ползью, ползкомъ, и переводитъ такъ: галки замолчали, сороки не стрекотали: *былечи* только ползкомъ ползли. Дятлы стукомъ *своимъ* указываютъ *имъ* путь къ рѣкѣ, а соловьи веселыми пѣснями свѣтъ возвѣщаютъ.

Майковъ А. *лозіе*, подобно Павскому, принималъ въ значеніи вѣтвей, но относилъ ихъ не къ сорокамъ, а къ дятламъ:

«И сорочья стрекота не слышно.

«Только дятлы ползаютъ по вѣтвямъ,

«Дятлы тѣктомъ путь къ рѣкѣ казуютъ.

39.

*Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля тѣтворца старого
времени Ярославля Ольгова: Боганя хоти: тяжко ти головы
кромъ плечю.*

Есть основаніе думать, что издатели не вполне точно передали оригиналъ даннаго мѣста. Нельзя не видѣть, что они разставили слова, сообразно своему пониманію, выраженному въ ихъ переводѣ. Но очень вѣроятно, что и самый оригиналъ представлялъ уже въ себѣ нѣкоторыя неисправности.

Въ словѣ «*ходы*» первые издатели видѣли «*походы*» и потому раздѣлили *ходы на*, что въ подлинникѣ стояло слитно.

Принимая во вниманіе дальнѣйшее «*Святославля*», къ нему относящееся, можно навѣрное предполагать, что и «*ходима*» оканчивалось мягкимъ звукомъ, т. е. «*ходима*». Усмотрѣвъ въ «*ходы*» — походы, изда-

тели слѣдующій слогъ *мя*, естественно, превратили въ предлогъ *на*. Есть достаточныя основанія въ этой «*ходимъ*» видѣть «*юдину*». Въ южно-русскихъ рукописяхъ XVI в., можно сказать, господствуетъ замѣна *и* — звукомъ *ы*: такъ здѣсь встрѣчаемъ *оыраю*, *заповѣды*, и т. п. (См. Опис. Син. рук. II, стр. 52). На томъ же югѣ могло возникнуть чтеніе: *годыма* вм. *година*. Звукъ *г*—иногда замѣнялся звукомъ *х*, хотя и неправильно. Такъ, въ Лѣтописномъ Сказаніи Малиновскаго о томъ же походѣ Игоря не разъ встрѣчаемъ: *хрѣхъ*, *хрѣхы* вм. *грѣхъ*, *грѣхи*. Подобная замѣна могла быть допущена и въ *ходына* вм. *годыня*.

Въ виду того, что, какъ мы сказали, слово *ходыма* заканчивалось мягкимъ звукомъ, (*ходыма*) какъ и «*Святославля*» мы въ правѣ думать что, въ Пушкинской рукописи это выраженіе имѣло слѣдующее начертаніе
«Рекъ Боянъ и ходыма Святославла.»

Но и подобное чтеніе заставляетъ предполагать, что первоначальный подлинный текстъ подвергся въ Пушкинской рукописи измѣненію подъ перомъ книжнаго писца, который, начитавшись болгарскихъ рукописей, подъ воздѣйствіемъ ихъ, поставилъ въ окончаніяхъ этихъ словъ малый юсь (*а*) вмѣсто *я*, что также нерѣдко встрѣчается въ южно-русскихъ рукописяхъ.

Такимъ образомъ въ древнемъ исправномъ текстѣ стояло: *Рекъ Боянъ* и *годыма Святославля*; но въ Пушкинскомъ спискѣ XVI в. уже читалось: и *ходыма Святославла*, т. е. по болгарскому правописанію: вм. *я* въ концѣ было написано *а*.

Можно впрочемъ появленіе здѣсь *х* вм. *г*; (*ходына* вм. *годына*) можно объяснять и нѣсколько иначе. —въ началѣ словъ въ древнерусскомъ языкѣ не рѣдко выпадало: «*остодинъ*», «*осударъ*», «*остоди*». Если допустить, что и вмѣсто *юдина* писалось «*одина*» то *х* въ такомъ случаѣ можетъ имѣть значеніе предлога *к'*: *Рекъ Боянъ* и *х одыма Святославла*, вмѣсто: и *к одина* т. е. къ *годинѣ* Святославовой. Но въ виду того, что «*рекъ*» или точнѣе *рече* въ другихъ случаяхъ въ томъ же «Словѣ» сочиняется съ дат. безъ предлога, и главнымъ образомъ въ виду того, что *ж* лишь въ самыхъ позднѣйшихъ рукописяхъ является вмѣсто предлога *къ* мы предпочитаемъ это *х* считать замѣною *г* со стороны писца, какъ *хрѣхы* вм. *грѣхы*.

Дальнѣйшее выраженіе: *пѣтворца стараго времени Ярославля, Ольгова*, мало представляет затрудненій для палеографической критики. Въ словѣ «*пѣтворца*» скрывается не разъ повторенный издателями способ вывода изъ подѣ титла, какъ скоро далѣе слѣдовалъ союзъ *а*. Не понимая соединительнаго значенія этого союза, они, вывода слово изъ подѣ титла, просто на просто сливали его съ этимъ союзомъ: т.-е. въ рукописи это было написано такъ: *пѣтворѣ* стараго времени. Слово «пѣснотворецъ» относится здѣсь безъ всякаго сомнѣнія къ Бояну; и потому при выводѣ изъ-подѣ титла слѣдовало согласовать съ нимъ въ падежѣ т.-е. читать «*пѣтворѣ*» (пѣснотворецъ); дальнѣйшее же *а* слѣдовало отдѣлить какъ союзъ, отвѣчающій нынѣшнему *и* и читать: *а* стараго времени (*и* стараго времени Ярославля, Ольгова). Но издатели, по обычаю, въ подобныхъ случаяхъ слили титлованное окончаніе съ союзомъ *а*, напечатали «пѣтворца стараго времени» и тѣмъ окончательно затемнили смыслъ даннаго мѣста.

Еще проще объясняется дальнѣйшее: «*Коганя хоти*». Словомъ «*Коганя*» начинается самое изреченіе Бояна: здѣсь долженъ быть звательный падежъ, т.-е. коганіе! Такъ обращался Боянъ къ Ярославу или Олегу, коихъ онъ былъ пѣснотворцемъ. Въ южно-русскихъ рукописяхъ іотированное *ю* весьма часто переходило въ *д*; здѣсь же это случилось тѣмъ легче, что писецъ, не понимая самаго слова, согласовалъ его съ предъидущими выраженіями Ярославля, Ольгова». Первые же издатели, поставивъ двоеточіе не предъ словомъ: «*коганя*»! а послѣ «*коганя хоти*», окончательно затуманили смыслъ этихъ словъ и повели на расшатаніе умы комментаторовъ. *Хоти*—есть здѣсь уступительный союзъ «*хоть*» или *хотя*. Замѣна *ь*—*и* очень обычна.

Итакъ, все это мѣсто слѣдуетъ читать такъ:

Рекъ (или точнѣе *реуе*) Боянъ и годины Святославль, пѣтворецъ *а* стараго времени Ярославля, Ольгова: «Коганіе! хоти тяжко ти...

„Сказалъ Боянъ и на счетъ години Святославой—

„Онъ же пѣснотворецъ стараго времени—Ярославова
Олегова:

„Когане! хоть и тяжко головѣ безъ плечь...

Мѣсто это одно изъ самыхъ труднѣйшихъ; оно всегда было крестомъ для умовъ и до нынѣ служитъ поношеніемъ для толковниковъ.

Первые издатели:

Мусинъ-Пушкинъ оставилъ это мѣсто безъ перевода.

Малиновскій такъ перевелъ: «Боянъ пѣснопѣвецъ старыхъ временъ, оканчивая повѣствованіе о походахъ Святослава, Ярослава и Ольга произрекъ: Въ примѣчаніи онъ говоритъ: «сіе мѣсто такъ темно, что остается одну только догадку принять въ основаніе».

Въ *первомъ изданіи* переводъ слѣдующій: «сказалъ сіе Боянъ, и о походахъ воспѣтыхъ имъ въ прежнія времена князей Святослава, Ярослава и Ольга симъ кончилъ».

Комментаторъ:

Шишковъ: «Рѣчь сія вовсе не вразумительна и переложеніе оной есть паче собственная мысль преложителя, нежели истолкованіе, основанное на знаменованіи словъ подлинника. Слово «*хотя*» означаетъ супругу; слово же «*каганъ*» какъ изъ древнихъ лѣтописцевъ видно, значить царя, владѣтеля, князя, но то ли же самое сочинитель разумѣетъ здѣсь подъ словами: «*Омова каганя хоти*» и какимъ образомъ рѣчь сію связать и вывести изъ ней смыслъ—добраться трудно».

Пожарскій перевелъ такъ: «Изрекъ Боянъ и свои дѣйствія на Святослава пѣсотворца, воспѣвашаго въ древнія времена прихоти князей Ярослава, Олега и Когани сими словами».

Грамматинъ: «Здѣсь, я почитаю, слова перемѣшаны. *Рекъ*—кто? Боянъ... что «рекъ»? «*Ходы*». На кого? На Коганя. «*Хоти*» же здѣсь ничего не значить; быть можетъ ошибочное повтореніе слова «ходы». Мы видѣли, что Боянъ воспѣвалъ Мстислава храбраго; здѣсь же сказано, какой именно воспѣвалъ онъ его подвигъ: ходы на Коганя. Въ 1016 году Мстиславъ храбрый съ Греками рушилъ тронъ Хозарскихъ кагановъ въ Крыму и послѣдняго изъ нихъ Георгія Цуло взялъ въ плѣнъ! Итакъ, рекъ Боянъ походы на Коганя пѣсотворца стараго времени Ярослава, Святослава, Ольгова».

Павскій: «Говорить Боянъ и надсмѣшливыя выходки на Святославова пѣснотворца, воспѣвавшаго старыя времена Ярослава и Олега любимца Коганова. *Хоть* Павскій принималъ въ смыслѣ любимца».

Бутковъ. Мысль автора слѣдующая: «Скажемъ о погибели Святослава Ольговича, милой женѣ его словами Бояна, пѣснотворца стараго времени Ярославля. «Ходы на» — одно слово «*ходына*», въ которомъ надобно учинить легкую перемѣну буквы *х* на *и* и *ы* на *ю*, то и выйдетъ година; или вм. «*и ходы*» должно читать на *шоды* — убытокъ, вредъ или наконецъ «*и ходы*» значить *исходъ* — кончина жизни. На первое предположеніе Грамматинъ замѣчаетъ, что Святославъ Ольговичъ взять былъ въ плѣнъ, а не убитъ: на второе (исходъ): «куда же дѣвать предлогъ *на*. Вмѣсто «*Хозарскаю когана*» г. Бутковъ велитъ поставить малороссійское, *коганый* — милый, *хотя* же — жена».

Полевой первый въ «хоти» усмотрѣлъ союзъ «хоть—хотя» и отнесъ его къ самому изреченію: *хоть* тяжко ти... Предъидущее же онъ понималъ такъ: «Рекъ Боянъ и ходы», т.-е. о походахъ на Святославля по подобію пѣснотворца стараго времени Ярославова, Ольгова, Коганя (имя пѣвца).

Вельтманъ въ 1-мъ изд.: Разстановка словъ здѣсь должна быть такая: «Боянъ пѣснотворецъ стараго времени Ярославля, Ольгова, Коганя, рекъ *хоти* и *ходы* на Святославля, то-есть рекъ желанія свои и обращенія къ Святославу. Во второмъ изданіи: Пѣснотворецъ стараго времени Ярославля Ольгова, воспѣвалъ и походъ Святослава Игоревича на Коганя Хозарин, называвшейся въ то время и Гоіеіей. (Когана Хоти, т.-е. Гоіеіи). Въ виду такого соображенія онъ передалъ текстъ слѣд. образомъ: «Рекъ бо Янъ, пѣснотворецъ стараго времени Ярославля, Ольгова и ходы Святославля на Когана Готи».

Максимовичъ—эти слова, какъ мы выше видѣли, перенесъ въ другое мѣсто и приставилъ къ припѣвкѣ Бояна о Всеславѣ, въ

такомъ переводѣ: «Боянъ пѣснотворецъ стараго времени Ярославова Ольгова, Коганова, и на походы Святослава сказалъ».

Дубенскій: «Чтеніе возстановить можно такъ: «Рекъ Боянъ исходъ на (подразумѣвая исходъ или пѣснь) Святославля пѣснотворца и проч., т.-е. сказалъ Боянъ конецъ (заключеніе, послѣсловіе) и на пѣснь Святославова пѣснотворца; можно и такъ читать: «и ходай на пѣснотворца, т.-е. который служилъ образцемъ пѣснотворцу. Кто Святославовъ пѣснотворецъ стараго времени? Вѣроятно, такъ именуется себя самъ сочинитель «Слова о Полку Игоревѣ». Изъ вѣка Ярославова заимствованы въ «Слово» лица: Мстиславъ удалый, Редедя; изъ вѣка Олегова: Борисъ, Красный Романъ. Называетъ также себя пѣвцемъ коганей хоти (ловли, молодечества!). Въ виду такихъ соображеній построень слѣд. переводъ: «Сказалъ Боянъ конецъ и на Святославова пѣснотворца стараго времени, Ярославова, Ольгова, Коганей охоты».

Головинъ: «Ходы на Святославля пѣснотворца», т.-е. ида противъ, оспаривая Святославова пѣснотворца, поэта стараго времени, Ярослава и брата его Олега Когана (какъ и въ лѣт.: ходи Игорь на Давидовича, т.-е. противъ). Итакъ «ходы на Святославля пѣснотворца» значить: ида противъ пѣвца Святославова. Боянъ былъ современникомъ Олега Тмутараканскаго—и вотъ другой пѣвецъ, соперникъ и современникъ Бояна, воспѣвая Святослава, отца Ярославова и Олегова сказалъ, вѣроятно, Олегу (потерявшему Тмутараканское княженіе): худо тебѣ головѣ безъ плечъ (т.-е. князю безъ княженія), на что Боянъ возразилъ ему: хотъ тяжко головѣ безъ плечъ, худо тѣлу (княжеству) безъ головы. Къ чему пѣвецъ Игоря прибавляетъ: такъ и Русской землѣ безъ Игоря».

Шевыревъ: «Слово *ходы* объясняется, какъ я думаю, посредствомъ прошедшаго простаго отъ малороссійскаго глагола ходыти, *ходы* вмѣсто *ходилъ*. Пѣснотворецъ, на котораго выступалъ Боянъ, есть пѣвецъ Олега Тмутараканскаго, сѣятеля раздоровъ и междоусобій на всѣмъ Югѣ; съ именемъ этого пѣвца соединены имена трехъ князей: Олега, Святослава и Ярослава, т.-е. пѣвецъ пѣлъ Олега, отца его Святослава и дѣда Ярослава. Называется онъ Святославо-

вымъ по преимуществу, конечно потому, что отъ отца могъ перейти къ сыну. Но что значить: *Ольгова Коганя хоти*? Что такое *Коганя хоти*? Это слово употреблено въ другомъ мѣстѣ, въ смыслѣ жены: «своя милая *хоти* красная Глѣбовны». Въ чешскомъ языкѣ оно употребляется въ смыслѣ жениха и невесты (Chot swého choti miluge). См. Юнгм. Слов. Чешскій. *Ольгова*, по грамматикѣ древняго языка, есть прилагательное притяжательное и родительны падежъ. Итакъ *Ольгова Коганя хоти*—будетъ *Олега Когановой* супруги. Извѣстно, что Олегъ жилъ болѣе въ Тьмутаракани, водился съ Козарами, братася съ Половцами; что онъ сына своего женилъ на дочери Аэты, хана Половецкаго (Лавр. спис. стр. 120). Авторъ «Слова» его ненавидитъ и потому не мудрено, что онъ назвалъ его любимцемъ Когановымъ, т.-е. какого-нибудь хана Половецкаго. Его пѣснотворецъ называется пѣвцомъ стараго времени, но это не даетъ ему никакого первенства передъ Бояномъ, потому что и Боянъ называется также соловьемъ стараго времени. Явно, что они были современники. Боянъ въ большомъ уваженіи у автора «Слова», какъ пѣвецъ независимый, не по жеребью пѣвшій пѣсни князьямъ, а по собственному желанію возлагавшій вѣщіе персты на живыя струны, сочинившій премудрую припѣвку Всеславу и нападавшій на *тѣща* Олега, котораго авторъ, какъ видно, не жалуеть вмѣстѣ съ предметомъ его пѣснопѣній,

Кн. Вяземскій: «Слово «ходы» могло означать «ходячія крылатыя рѣчи», обходившія весь свѣтъ и подходящія къ разнымъ обстоятельствамъ жизни. Онъ читаетъ «ходы на пѣснь творца»; вм. «пѣстворца».

Миллеръ Вс.: «И ходы» принимаетъ, какъ предполагалъ и Бутковъ, въ значеніи исходъ (ἔξοδος), конецъ. Пѣвецъ Игоревъ называетъ себя пѣснотворцемъ не только Святослава, но и времени стараго, Ярославова и Олега, потому что касался ихъ въ своемъ «Словѣ» и наконецъ—*Когановой хоти*, такъ какъ былъ пѣвцемъ княжеской жены Ярославны».

Огоновскій «Рекъ Боянъ, исходяна Святослава, пѣснотворца стараго времени Ярослава и Олега, Коганя хоти. Кромѣ Бояна былъ еще пѣвецъ Святославъ, который былъ ниже Бояна, былъ

только рифмачемъ и пѣвцемъ Олега, ворохобника и пріятеля хана (Коганя Хоти); къ нему-то и обращается здѣсь авторъ «Слова». и называетъ его пѣснотворцемъ, т.-е. риемачемъ. Кромѣ того Огоновскій счелъ это мѣсто глоссою какого-нибудь позднѣйшаго грамотѣя, который зная про соперничество обоихъ пѣвцевъ, сдѣлалъ не удачную вставку.

Потебня читаетъ: «Рекъ Боянъ иир. одина (*и ходына*) [Святославля пѣснотворця стараго времени: Ярославля, Ольгова—Коганя] хотъ и (хоти) тяжко и проч. «Иир... Коганя, объясняетъ онъ, я рассматриваю, какъ глоссу къ Боянъ: вм. *их* читаю имя V—имярекъ въ сокращеніи, *одина* вм. одына; *Святославля*—поставленная переписчикомъ не у мѣста приписка, которую слѣдовало помѣстить послѣ *Ярославля*; *Коганя* можетъ быть приложеніе къ *Ольгова*. Еслибы *исходъ* было въ значеніи выходки, то можно было бы догадаться такъ [*исходъ ина* ... пѣснотворця...], т.-е это выходка не Боянова, а *иного* другаго пѣвца. Читатель видитъ, что не смотря на всѣ ухищренія въ измѣненіи текста, смыслъ ни мало не становится чрезъ то яснѣе, чѣмъ въ толкованіяхъ предшествовавшихъ комментаторовъ. Самъ г. Потебня, чувствуя всю не естественность подобнаго чтенія и разумнія долженъ былъ вслѣдъ за Огоновскимъ признать это мѣсто позднѣйшею глоссою къ Боянъ».

Прозоровскій читаетъ: «Рекъ Боянъ *иходы* на Святославля Ярославича пѣснотворца стараго времени, Олгова Когана Хота. *Иходы* надобно рассматривать, говорить онъ, или какъ слово сложное, образованное русскимъ грамотникомъ изъ словъ ἦχος—звукъ и φῶς—пѣснь, или какъ простое; взятое съ греческаго цѣликомъ: ἦχφῶς громкій, звучный, отдающійся. *Иходы* тождественно здѣсь по своему значенію съ *притъкою*. Напрасно въ словѣ *кагана* видятъ пѣвца *Когана*; это просто титулъ Олега по княженію его въ Тмутараканѣ. Въ словѣ же «хоти» я вижу ошибку и читаю «хота», разумѣя подъ этою формою Олегава любимца».

Заканчивая палеографическую критику темныхъ и неисправныхъ мѣстъ «Слова», мы остановимся еще на нѣкоторыхъ выраженіяхъ, конхъ неисправность очевидна и кои требуютъ исправленія.

1.

О Русская земля!

Уже не Шеломянемъ еси.

Это припѣвка, которая въ текстѣ повторена два раза, а въ первомъ случаѣ она читается такъ:

О Русская земля!

Уже за Шеломянемъ еси.

Вопросъ здѣсь въ томъ, какимъ образомъ въ одномъ случаѣ читается: «за Шеломянемъ», а въ другомъ явилось: «не Шеломянемъ».

Достойно вниманія, что въ Петербургской копіи въ другой припѣвкѣ:

«Встѣпита гѣа... здъ обиду сего времени».

Мусинъ-Пушкинъ начерталъ далѣе: *зане землю Рускую*, вм. за землю Рускую. Здѣсь вм. за является *зане*.

Разночтенія эти можно объяснить тѣмъ, что въ древней рукописи надъ предлогомъ *за* стоялъ какой-нибудь надстрочный знакъ или въ формѣ (") или же даже (") въ видѣ двухъ черточекъ вкось лежащихъ встрѣчающійся надъ словами односложными въ особенности въ рукописяхъ западно-русскихъ, который сосредоточилъ на себѣ вниманіе, древне-русскаго писца и принять былъ имъ за титлованный и; вывода его изъ-подъ титла онъ вм. *за* читалъ *зане*, какъ-то и удержано у Мусина-Пушкина въ выраженіи: «*зане землю*», вм. за землю Рускую.

При печатаніи текста Малиновскій, въ данномъ случаѣ, гдѣ смыслъ былъ очевиденъ, естественно, нашелъ не совершенно неумѣстнымъ и напечаталъ правильно вм. «*зане землю*», какъ у Мусина-Пушкина, просто «за землю Рускую».

По всей вѣроятности и въ выраженіи *за шеломянемъ еси*, предлогъ *за* имѣлъ такой же надстрочный знакъ, который открывалъ возможность въ глазахъ писца читать его какъ «*зане*».

Но не предполагая въ выраженіи «*за шеломянемъ еси*» значенія припѣвки, писецъ придавая ему свой смыслъ въ разсказѣ о движеніи Игоря, нашелъ неумѣстнымъ повтореніе его въ разсказѣ о самомъ

боѣ на рѣкѣ Каялѣ, и желая видоизмѣнить его значеніе, въ послѣднемъ случаѣ при чтеніи *за* какъ *зане*, выкинулъ *за* и оставилъ *не*».

Что подобная замѣна стояла уже въ Пушкинскомъ текстѣ, это видно изъ того, что Маляновскій, напечатавъ въ текстѣ *не*, въ переводѣ удержалъ *за*: о, Русскіе люди, уже вы *за* шеломянемъ! Въ данномъ случаѣ онъ не рѣшился внести въ текстъ своей догадки и исправить *не* на *за*; *не* вм. *за* удержано и въ Петербургской копіи и потому Мусинъ-Пушкинъ перевелъ: «о, земля Русская, уже предѣлы твои открыты».

Многіе комментаторы, принимая за вѣрное чтеніе: *не шеломянемъ еси*» ограничивались разнообразными его толкованіями.

Шишковъ: «Здѣсь, кажется, пропущенъ предлогъ *за*. Надлежало бы сказать: «уже не за шеломянемъ еси», т.-е. уже не та легкая побѣда предстоитъ тебѣ здѣсь, которую одержалъ ты за шеломянемъ».

Пожарскій: «Ни «Преложеніе», ни «Примѣчанія» не объяснили подлинника. Слово «*горностаемъ*» переводится какъ горностаи, «*сѣрымъ волкомъ*», какъ сѣрый волкъ, «*сизымъ орломъ*», какъ сизый орелъ. Подобно сему и слово «*шеломянемъ*», должно переводить какъ *шеломянь*. Посему вышеозначенная рѣчь изъяснится такъ: «о, Русская земля, ты уже не какъ шеломянь еси, т.-е. что Русская земля не такова есть, какова шеломянь, или яснѣе, что Русская земля, не въ такомъ уже состояніи, въ какомъ шеломянь. И подлинно, не въ такомъ, ибо для защищенія шеломяни спѣшать страшныя войска Половецкія».

Грамматинъ: «Чего яснѣе? Тутъ ни зги не видать. Не знаю, что поймутъ читатели въ этой кромѣшной тьмѣ. Не зачѣмъ было страшнымъ войскамъ половецкимъ спѣшить для *защищенія* шеломяни, такъ какъ это село было Русское, а не Половецкое и находилось въ Переяславской области. Слово «*Шеломя*» часто встрѣчается въ лѣтописяхъ въ значеніи высоты, возвышенія. Допустивъ, что въ выраженіи «*не шеломянемъ*», не есть ошибка, признаюсь, замѣчаетъ онъ, трудно найти даже и какой-нибудь смыслъ».

Дубенскій, вопреки переводу первого издателя Малиновскаго слѣдовалъ буквѣ первопечатнаго текста и «*не шеломянемъ*» толковалъ такъ: «ты идешь не по шеломани, тебя не заслоняетъ, какъ шлемъ гора». Онъ переводилъ: «о, Русь, уже ты спустилась подъ гору».

Кн. **П. П. Вяземскій**, удерживая чтеніе первого изданія видитъ здѣсь грустное размышленіе пѣвца, которое будто бы указываетъ явно, что *шеломань* долженъ быть принимаемъ въ смыслѣ отвлеченномъ, соотвѣтствующемъ нашему народному выраженію: «не везетъ въ гору».

Всѣ другіе комментаторы предпочитаютъ слѣдовать мнѣнію первого редактора, который, предполагая въ текстѣ ошибку, вм. «*не шеломянемъ*» перевелъ «за шеломянемъ». Въ виду того, что это припѣвка, какъ и другія, повторяемая не разъ, она смѣло можетъ быть исправлена, какъ явная ошибка пѣвца.

2.

*Аже соколъ къ гнѣзду летитъ, соколѣча рострѣляевъ...
аже соколъ къ гнѣзду летитъ, и въ соколѣца опутаевъ красной
дѣвицею.*

Здѣсь замѣтно несоотвѣтствіе между временами глаголовъ въ предложеніяхъ условныхъ и главныхъ: «летитъ» и «растрѣляевъ» «летитъ» и «опутаевъ». Неисправность чтенія состоитъ здѣсь въ неправильномъ раздѣленіи слоговъ въ выраженіи «къ гнѣзду летитъ», выраженіе это было написано слитно и слово «гнѣзду» имѣло, очевидно, надстрочное титлованное окончаніе, т.-е. было написано къ гнѣзду^ѣо^ѣлетитъ. Позднѣйшіе переписчики и, быть можемъ, даже первые издатели, выводя слово—гнѣз^ѣ изъ подъ титла, слили его съ дальнѣйшимъ *оу*, которымъ начинался глаголъ: о^ѣлетитъ. Слѣдовало раздѣлить слова и читать такъ: «аже соколъ къ гнѣз^ѣ о^ѣлетитъ», т.-е. *къ гнѣзду улетитъ*.

Г. Потевня угадалъ вѣрное чтеніе, хотя и не основался на палеографическихъ приемахъ.

ДОПОЛНЕНІЯ КЪ БИБЛІОГРАФІИ „СЛОВА“

Академика А. Ѳ. Вычкова.

1. МАТЕРІАЛЫ РУКОПИСНЫЕ.

Кромѣ извѣстныхъ уже лицъ „Словомъ о полку Игоревѣ“ занимались еще: знаменитый нашъ поэтъ В. Жуковский и извѣстный профессоръ исторіи Русскаго права И. Д. Бѣляевъ.

1. Переводъ поэта Жуковскаго недавно найденъ между рукописями Императорской Публичной Библіотеки, въ собственноручномъ его спискѣ. Вотъ начало этого перевода, пѣснь Ярославны и конецъ:

Не прилично ли будетъ намъ, братія!
 Начать древнимъ складомъ
 Печальную повѣсть о битвахъ Игоря,
 Игоря Святославича!
 Начаться же сей пѣсни
 По былинамъ сего времени,
 А не по вымысламъ Бояновымъ.
 Вѣщій Боянъ,
 Естьли пѣснь вому сотворить хотѣлъ,
 Растекался мыслію по древу,
 Сѣрымъ волкомъ по земли,
 Связымъ орломъ подъ облаками.
 Вамъ памятно какъ пѣли о бранѣхъ первыхъ времяхъ,
 Тогда пускались 10 соколовъ на стадо лебедей!
 Чей соколъ долеталъ, тотъ первую пѣснь пѣлъ
 Старому ли Ярославу, храброму ли Мстиславу,
 Сразившему Редедю передъ полками Касожскими,

Красному ли Роману Святославичу.

Боянъ же, братія, не 10 соколовъ на стадо лебедей пускалъ!

Онъ вѣще персты свои на живыя струны вскладывалъ:

И сами они славу князьямъ рокотали (звучали).

Голосъ Ярославинъ слышится на зарѣ, одинокою четоткою
вличеть:

„Полечу, говорить, кукушкою по Дунаю,

„Омочу бобровый рукавъ въ Каялъ рѣкъ,

„Оботру князю кровавыя раны на отвердѣвшемъ тѣлѣ его.

Ярославна поутру плачетъ въ Путивлѣ на стѣнѣ, приговаривая:

„О вѣтеръ! ты вѣтеръ!

„Къ чему же такъ сильно вѣешь?

„Для чего наносишь ты стрѣлы ханскія

„Своими легковѣйными крыльями

„На воиновъ лады моей?

„Мало ль подоблачныхъ горъ твоему вѣянью?

„Мало ль кораблей на синемъ морѣ твоему лелѣянью?

„На что жъ, какъ ковыль-траву, ты развѣялъ мое веселіе!

Ярославна по утру плачетъ въ Путивлѣ на стѣнѣ, припѣвая:

„О ты Дигѣръ, ты Дигѣръ, ты слава—рѣка!

„Ты пробилъ горы каменны

„Сквозь землю Половецкую

„Ты, лелѣя, несъ суда Святославовы къ рати Кобяковой!

„Прилелѣй же ко мнѣ ты ладу мою,

„Чтобы не слала къ нему по утрамъ—по зорямъ слезъ я на
море!

Ярославна по утру плачетъ въ Путивлѣ на стѣнѣ городской,
припѣвая:

„Ты свѣтлое, ты пресвѣтлое солнышко!

„Ты для всѣхъ тепло, ты для всѣхъ красно!

„Что жъ такъ простерло ты свой горячій лучъ на воиновъ
лады моей?

„Что въ безводной степи луки имъ сжало жаждой?

„И заточило (заткало) имъ тулы печалію.

Пѣснь мы спѣли старымъ князьямъ,

Пѣснь мы спѣли князьямъ молодымъ:

Слава Игорю Святославичу!
 Слава буйному туру Всеволоду!
 Слава Владиміру Игоревичу!
 Здравствуйте князья и дружина,
 Поборая за христіанъ полки невѣрные!
 Слава князьямъ и дружинѣ. Аминь!

2. Работа профессора И. Д. Бѣляева также уцѣлѣла въ черновыхъ его бумагахъ, хотя и въ отрывкахъ. Очень любопытенъ его опытъ разложенія текста на стихи и опредѣленія размѣра.

При изученіи Слова о полку Игоревѣ главный вопросъ заключается, говоритъ онъ, въ вѣрномъ пониманіи языка, которымъ писанъ этотъ памятникъ; а чтобы правильно понять языкъ, для этого нужно: 1-е, отыскать истинное значеніе словъ употребленныхъ въ памятникѣ; и 2-е, показать формы ихъ соединенія въ цѣлыхъ выраженіяхъ, или грамматику памятника. Эти два условія такъ необходимы и настолько не разлучны другъ съ другомъ, что безъ ихъ взаимной помощи нѣтъ никакой возможности достигнуть правильнаго пониманія языка, которымъ писанъ памятникъ; ибо по свойству русскаго языка вообще, слова, изъ которыхъ онъ составленъ, въ одно и то же время столько имѣютъ значеній, что добратся до настоящаго ихъ смысла въ данномъ выраженіи нельзя иначе, какъ только при вѣрномъ объясненіи правилъ грамматическихъ, по которымъ составлено то или другое выраженіе. А по сему въ настоящемъ трудѣ я считаю за необходимое не отдѣлять лексикологическихъ объясненій отъ грамматическихъ толкованій памятника, хотя это съ перваго взгляда кажется сбивчивымъ, не согласнымъ съ общепринятымъ порядкомъ въ ученыхъ изслѣдованіяхъ, но согласно съ народною пословицею: для нужды бываетъ премѣненіе закона; ибо необходимость сама предписываетъ правила и законы, она есть опытный нашъ руководитель и наставникъ. Итакъ, основываясь на этомъ требованіи необходимости, въ настоящемъ моемъ трудѣ лексикологическія объясненія у меня будутъ идти рядомъ съ грамматическими правилами памятника.

Не лѣпо ли | ны башеть | братіе,
 Начати | старыми | словесы | трудныхъ | повѣстій,
 О пѣлку | Игоревѣ, | Игоря | Святославича!
 Начати | же ся тѣй | пѣсни по | былинамъ
 Стараго | времени, | а не по—замышленю Бояна.
 Боянъ бо | вѣщій | аще кому | хотяше пѣснь творити:
 То растекашется мыслию | по древу, |

Сѣрымъ вълкомъ по земли
 Шивымъ орломъ подъ облакъ.
 Поняшеть бо рѣчь первыхъ временъ усобицѣ;
 Тогда пушашеть 10 соколовъ на стадо лебедѣй,
 Боторый дотечаше, та преди пѣсь пояше,
 Старому Ярославу, Храброму Мстиславу,
 Иже зарѣза Дедею предъ пѣлки Косоожскими,
 Красному Романови Святѣславичю.
 Боянъ же братіе, не 10 соколовъ на стадо
 Лебедѣй пушаше, но своя вѣщія прѣсты
 На живая струны вѣкладаше,
 Ониже сами княземъ славу рокотаху.

II. МАТЕРІАЛЫ ПЕЧАТНЫЕ.

1. **Гонсіоровскій:** Замѣтки о Словѣ о полку Игоревѣ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1884 г. февр. 251 — 288). Авторъ утверждаетъ, будто „Слово“ было написано на Вячико-польскомъ нарѣчїи, но въ виду того, что исторїи не извѣстно, какъ говорили Вяичи и Радимичи, такое утвержденіе едва ли можетъ считаться вполне основательнымъ. Здѣсь приведены и толкованія нѣкоторыхъ темныхъ мѣстъ „Слова“ съ этой точки зрѣнія (См. отвѣтъ г. *Смирнова*: Русск. Филолог. Вѣстн. 1884 г. кн. I, стр. 149).

2. **Бояловичъ М. О.:** „Исторія Русскаго самосознанія. Спб. 1884 г. Здѣсь выражены о „Словѣ“ слѣдующія мысли: „въ авторѣ этого произведенія сказывается сильное сознаніе единства Русской земли и ея бѣдствій отъ кочевниковъ. Онъ знаетъ и главную причину, почему эти бѣдствія продолжаются и даже усиливаются: это — раздоры князей и забвеніе ими своего долга. Но при этомъ осужденіи князей онъ, подобно современникамъ, сознаетъ великую воспитательную силу доблестей лучшихъ русскихъ людей и поклоняется этой доблести съ глубокимъ и искреннимъ чувствомъ... Слѣды героическихъ словъ и подражаній имъ замѣтны въ нашихъ лѣтописяхъ. Такъ въ Ипатьевской лѣтописи есть мѣсто, указывающее на существованіе особыхъ *Словъ* о подвигахъ Владиміра Мономаха и Романа. Въ этой лѣтописи подъ 1201 годомъ говорится, что умеръ Романъ и что настала большой маетежъ при его малолѣтнихъ дѣтяхъ. О Романѣ при этомъ было сказано нѣсколько похвалъ, именно, что это былъ приснопамятный Самодержецъ всея Руси, что онъ одолевалъ всѣхъ поганскихъ языковъ и мудростію ума ходилъ по заповѣ-

дямъ Божиимъ. С писателю этого, вѣроятно, первобытнаго текста, показались, должно быть, недостаточными эти похвалы и онъ вставилъ между лѣтописными словами о смерти Романа и между словами о мятежѣ при его малолѣтнихъ дѣтяхъ, слѣдующую поэтическую характеристику Романа и дѣда его Мономаха, составлявшую по всей вѣроятности отдѣльное *Слово* или два *Слова*, можетъ быть, въ болѣе распространенной формѣ: „Устремися бо (Романъ) на поганя, яко левъ, сердить же бысть, яко и рысь, и губаше, яко и корюдилъ и прехождаше землю ихъ, яко и орель, храборъ бо бѣ, яко и туръ. Ревноваше бо дѣду своему Мономаху, погубившему поганя Измаильтаны, рекомыя Половцы, изгнавшу отрока въ Обезы за желѣзная врата. Сырчанови же оставшю у Дону, рыбою ожившю. Тогда Володимерь Мономахъ пилъ шеломомъ Донъ, и приѣмшю землю ихъ всю и загнавшю окаянныя Агаряны. По смерти же Володимерь, оставшю у Сырчана единому гудьцю же Ореви, посла ѿ во Обезы река: Володимерь умерлъ есть, се воротися, брате, поиди въ землю свою; молви же ему моя словеса, пой же ему пѣсни Половецкія; оже ти не восхощеть, дай ему поухати зелья, именовъ евпанъ. Оному же не восхотѣвшю обратитися, ни послушати, и даеть ему зелье; оному же обухавшю и восплакавшю, рече: да лучше есть на своей землѣ костью лечи, нели въ чужѣ — славу быти. И приде во свою землю. Отъ него родившюся Концяку, иже снесе Сулу, пѣшь ходя, котель нося на плечеву“.

3. Морозовъ П. О: въ курсѣ Всеобщей литературѣ, въ отдѣлѣ Славянскомъ (Всеобщ. литер. Корша и Кирпичникова, Вып. XVI, стр. 745. Спб. 1885), поставилъ между прочимъ слѣдующіе вопросы о „Словѣ“.

Какимъ образомъ могла появиться эта поэтическая повѣсть въ литературѣ, составъ и формы которой имѣютъ характеръ совершенно иной? Кто былъ авторъ „Слова“ язычникъ или христіанинъ? Если язычникъ, то допуская, что онъ былъ современникомъ похода Игорева какъ онъ могъ оставаться въ язычествѣ въ концѣ XII вѣка, среди христіанъ, которымъ византійскіе проповѣдники вовсе не внушали вѣротерпимости? Если же христіанинъ, то какъ могъ онъ проникнуться міровоззрѣніемъ языческимъ, поганскимъ, грѣховнымъ, душегубнымъ по понятіямъ того времени? Далѣе, если „Слово“ представляетъ послѣдній отголосокъ національной Русской поэзіи, то какъ могло оно дойти въ спискахъ до XV или даже XVI в., въ коему относилась утраченная Пушкинская рукопись? Какіе книжные люди могли имъ интересоваться и переписывать въ продолженіи трехъ или

четырехъ вѣковъ этотъ плодъ языческаго вдохновенія, звучащаго столь рѣзкимъ диссонансомъ среди общаго, поразительно однообразнаго, хода древне-русской письменности? Вѣдь это все равно, какъ еслибы въ православномъ храмѣ, во время богослуженія, вдругъ раздался бы какойнибудь оперный мотивъ“.

Но всѣ эти вопросы указываютъ лишь на настоящую потребность ближайшаго изученія Кіевской Руси XII вѣка, которая, въ эпоху утвержденія христіанства, при всемъ его воздѣйствіи на наличныя понятія и общественный строй, въ государственномъ своемъ укладѣ держалась на старыхъ рыцарскихъ началахъ, на понятіяхъ чести и славы: а гдѣ дѣйствуютъ эти начала, тамъ властвуетъ и поэзія, которая, какъ сказалъ еще Гораций, спасаетъ отъ забвенія доблесть, даруетъ безсмертіе своимъ героямъ. Если христіанство, какъ смиренная вѣра, не успѣла подчинить себѣ рыцарскихъ началъ въ дружинномъ государствѣ, то естественно, пока жила и дѣйствовала эта Русь, не могла потерять своей жизненности и старая поэзія: слава предковъ, воспѣвавшаяся этой поэзіей, продолжала манить слухъ дружинника бо-лѣе, чѣмъ христіанскія молитвы о смиреніи и покаяніи. Имена старыхъ боговъ, связанныхъ съ доблестью и славою героевъ, не могли слишкомъ смущать христіанскихъ понятій дружинника, такъ какъ его совѣсть прежде всего была рыцарскою, а потомъ, уже христіанскою.

Во всякомъ случаѣ Кіевская Русь XII в. немало не походила на Московскую Русь, XIV—XVI вв., когда вступили уже въ свои права церковныя начала, охватившія собою весь государственный строй и общественный и семейный укладъ.

Шейковскій: Слово о повѣку Игоревымъ: Перетлумачивъ на согочасну наську мова. Елабуга. 1835. На пам'ятку 50-ти лѣтняго юбилею Всесвѣтныци (Университету) св'ятого Володымыра. Приводимъ образчикъ этого перевода.

„Чы не лишпе було намъ, брата, почесты старыми словесами трудныхъ повиданъ о повѣку Игоревымъ? Початыся же по быльцямъ сего часу, а не по выгадамъ Боянимъ. Боянъ бо вишчый, якъ шохтивъ кому писню твориты, то ростигався вывъюркою по дереву, сиримъ вовкомъ по земли, шызымъ орломъ попидъ хмары.

5. **Ласкинъ В.** Слово о полку Игоревѣ. Смоленскъ. Педагогическое изданіе.

Отмѣтимъ въ переводѣ его нѣкоторыя мѣста:

Того внуку т.-е. потомку воспѣтаго тобою Мстислава (?)

Дивъ поднялъ тревоги (вста, взби).

Заря свѣтъ зачала т.-е. не занимается заря свѣтлая.

Кая раны дорога братіе, терзаясь печалію о ранахъ дорогаго брата.

Усобища княземъ на поганья пошыбе, противъ поганыхъ дѣло замнуло и т. п.

III ИЗДАНІЯ СЛАВЯНСКІЯ.

1. Партыцкій Ом. Темни мѣся въ словѣ о плѣку Игоревѣ. Часть перша. У Львовѣ 1883. Передѣлавъ слово *Кисань* на *Искань*, г. Партыцкій предполагаетъ, что авторомъ „Слова“ былъ *Лемокъ*, забывая, что нынѣшніе *Лемки*, судя по языку и народнымъ преданіямъ, суть Словаки издавна обрусѣвшіе.

Отзывъ объ этомъ сочиненіи сдѣланъ В. И. Ягичемъ въ журналѣ *Archiv für Slavische Philologie*, Berlin, 1885. VIII, стр. 151—160, гдѣ замѣчено, что чтеніе сочиненія г-на Партицкаго требуетъ со стороны читателя едва выносимаго терпѣнія: *sein eigenes Werk stellt die Geduld des Recensenten auf sehr harte Probe*, что сочиненіе его переполнено самыми курьезными выходами (*launenhafte Einfälle*), что оно обосновано на чрезмѣрномъ обманѣ авторомъ самого себя: *auf einer gewaltigen Selbsttäuschung des verehrten Interpreten beruht*.

„Полную справедливость такого отзыва можно видѣть изъ слѣдующихъ чтеній „Сна Святославова“:

5. *Сонъ князя:*

Сынахоуѣ ми тѣшми тоулы
поганыхъ тѣлковинѣ великый жен-
уюгъ на лону.

5. *Отаджа болгаръ:*

Оуже соколома крыльца прини-
шали поганыхъ сабакми, а самою
опоуѣташа въ поуѣтны желъзны.

Читати треба такъ: Сынахоуѣ+ми+тѣш
има тоулы поганыхъ тѣлк овинѣ великыйже+а л+уюгъ на ома.

Щожъ се значить?

Сы = се.

Пах = пахи, руки, крыла.

Оуѣ+ми+тѣш = отмытоша (*Aoristus* одѣ отмытмоуѣти), од-
метали, одтяли. (Авторъ Слова мѣсто метати всюду пише мытати).

Има (*dualis*) = имъ. Въ „има“ есть намекъ на двоихъ князѣвъ
(Игоря и Всеволода), що попались въ неволю Половцѣвъ.

Тоулы = тулами, сагайдаками (ту треба брати часть мѣсто
цѣлости: стрѣлами).

Поганыхъ тѣлк (цѣлкомъ правильный *gen. plur.*) = поганыхъ
тлуковъ, Половцѣвъ.

Овннѣ = овинувши.

Жѣ+л = желѣзный.

Л=мѹгъ = ланчугъ, ланцухъ. Се старинный выразъ, приходчій и въ иныхъ языкахъ: lancz у Мадярѡвъ, lencugas у Литовцѣвъ, „ланцухъ“ у Румунѡвъ.

Давни Русины слово „ланцоугъ“ брали звычайно въ значеню нагрудныхъ золотыхъ ланцухѡвъ, проте для оминеня баламутства поеть передъ выраженѡ „ланцугъ“ владѣ жѣ+л (желѣзный).

На она (accus. dualis) = на нихъ.

Дословно такъ толкую: „Се врыла имъ ѡдтѣли стрѣлами поганыхъ Половцѣвъ, овинувшихъ на нихъ великій ланцухъ желѣзный“. Зовсѣмъ та сама мысль находить ся и въ ѡдгадцѣ бояръ (крьльца припѣшалаи = врыла ѡдтѣли, поутны желѣзны = великій желѣзный ланцухъ).

6. Сонъ князя:

Дьскы безъ княса къ моему теремъ златовръсѣмъ.

6. Отгадка бояръ:

Се ко два сокола сълетѣста съ отида стола злата, понскати Тьмоторокань.

Выражене Тьмоторокань выводити треба зъ вняжихъ слѡвъ: въ моему теремъ. Въ томъ моему причулось боярамъ скандинавске „Moipn“ = вузь адскіе. Поеть ставить totum pro parte: адъ (т. е. тьму) мѣсто вужа. Въ моему теремъ = въ Тьмутеремъ, въ Тьмоторокань.

Тевсть сну треба такъ читати: дьскы бѣ зъ княса къ моему теремъ златовръсѣмъ.

Дь = два.

Скы = соколы.

Кня = князя (княжого).

Са = стола.

Въ моему теремъ = въ Тьмутеремъ, въ Тьмоторокань.

Злато (врѣсѣмъ) = злетѣли.

Въ дословномъ толкованю выходитъ изъ сну князя: „Два соколы бо зъ княжого престола въ Тьмутеремъ злетѣли“.

7. Сонъ князя:

Оуже... златовръсѣмъ.

7. Отгадка бояръ:

Оуже врьже са Днкъ на землю.

Я читаю такъ: Оуже зла Тов врьсѣмъ.

Зла = злы. (Старославянська форма „злы“ мѣсто „злий“ при-

ходить и въ иныхъ мѣстцахъ Слова; поеть н. пр. пише: Галицкы Осмомыслѣ мѣсто „галицкий“).

Тов = Тив Дивъ.

Връс = вергъ ся.

Съмь = земь (на землю).

Що се мож толковане добре, видно зъ того, що по златовръсьмь наступае синоуъ съ кеуера, а въ ѡдгадцѣ боярь по врьже сѣ Дикъ на землю наступае Готскыи красныи Дъкы. Порядокъ мыслѣй, и въ снѣ и въ ѡдгадцѣ, есть въ томъ мѣстци якъ найдовлиднѣйше захованный.

Столь же произвольны и лишены всякаго достаточнаго основанія и миеологическыя толкованія г. Партицкаго: мужское имя Русскаго языческаго бога *Велеса* онъ передѣлалъ въ названіе женщины языческаго германскаго племени Бруктеровъ, вѣщицы Веледы (стр. 53). Русскаго Стрибога сдѣлалъ г. П. ново-пѣмецкимъ *Streitgott*-омъ; въ географической мѣстности Уримъ (у Римѣ) усмотрѣлъ г-нъ Партицкій германскаго предвѣчнаго великана, извѣстнаго подъ именемъ *Umir* (Нумир); Дивъ есть у него одно и то же языческое божество съ гоескимъ *Tius* (Тив, Тур). Наконецъ чисто-русское названіе Троянъ служить сочинителю Слова для означенія будто скандинавской «божой трѡйни» Трибогъ, *der dreieinige Gott*(!). (См. «Дѣло», № 100 стр. 2). Когда пѣмецкіе писатели, *Waegner* и *Wolzogen*, въ германской миеологій говорятъ только *von der Götterdreiheit, Dreieinigkeit der Götter*,—г-нъ Партицкій пошелъ еще далѣе и говоритъ, не обинуясь, въ германской миеологій *vom dreieinigen Gott*, т.-е. о христіанской Троицѣ, обличая такимъ образомъ не только грубое невѣжество словенскаго язычества и лингвистики, но также главнаго догмата вѣры Христовой.

2. Петрушевичъ А.С. Слово о полку Игоревѣ. Древне-русское эпическое стихотвореніе изъ конца XII столѣтія. Отдѣленіе 1. Текстъ Слова исправленъ и раздѣленъ по стихамъ. Львовъ 1887 г. Текстъ «Слова» раздѣленъ на три части, изъ коихъ первая представляетъ слѣдующія подраздѣленія: 1. О пѣвни Бояна и пѣвца Игоря; 2. Сдержаніе и объемъ пѣсни пѣвца Игоря; 3. Предвѣщательное затмѣніе солнца и рѣшеніе Игоря о походѣ; 4. Воззваніе къ Бояну; 5. Походъ Игоря и брата его Всеволода; 6. Встрѣча и разговоръ Всеволода съ Игоремъ; 7. Вступленіе въ степь и грозная ноченька; 8. Битва и побѣда надъ Половцами на рѣцѣ Скурліѣ; 9. Битва суботная на рѣкѣ Каялѣ; 10. Прославленіе князя Всеволода; 11. Воспоминаніе о первыхъ Рюриковичахъ и о князѣ Ольгѣ Святославичѣ; 12. Пораженіе Русскихъ полковъ на Каялѣ. Вторая часть подраздѣлена такъ:

1. Князь Игорь въ плѣну и сѣтованіе пѣвца Игоря о бѣдствіяхъ Руси, причиняемыхъ усобицами князей; 2. Причитанія русскихъ женъ лишившихся своихъ супруговъ; 3. Бѣдствія постигшія Русскіе города; 4. Величанія Святослава Кіевскаго; 5. Сновидѣніе Святослава; 6. Плачь Святослава; 7. Воззваніе пѣвца Игоря къ современнымъ большимъ князьямъ; 8. Плачь Ярославны. Третья часть состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1. Бѣгство Игоря изъ плѣну; 2. Привѣтъ Игоря рѣкою Донцемъ; 3. Пораженіе рѣки Стугны, поглотившей князя Ростислава; 4. Погоня за бѣгшимъ Игоремъ; 5. Говоръ хановъ Половецкихъ касательно сына Игоря; 6. Радостное возвращеніе Игоря на Русь; 7. Славословіе князьямъ и дружинѣ, участвовавшимъ въ походѣ на Половцевъ.

Изданіе это снабжено довольно обстоятельнымъ предисловіемъ, въ коемъ трактуется: 1) объ открытіи списка Слова“, 2) о состояніи текста, дошедшаго до нашихъ временъ, 3) о первомъ изданіи „Слова“, печатью въ Москвѣ 1800 года и о сохранившемся рукописномъ спискѣ Слова изъ рукописи графа Мусина-Пушкина, 4) о формѣ изданія текста принятой г. Петрушевичемъ, 5) о причинѣ большой рѣдкости списковъ «Слова»; 6) о громадной важности «Слова о полку Игоревѣ». Въ концѣ присоединенъ указатель «исправлений и дополненій», сдѣланныхъ въ текстѣ «Слова» издателемъ. Петрушевичъ, какъ и Партицей авторомъ «Слова» считаютъ Галичанина, отправившагося вмѣстѣ съ дочерью Галицкаго князя Ярослава Владиміровича, супругою князя Игоря, служить въ его дружинѣ, и со- вѣтъ. Изъ чтеній и толкованій текста отмѣтимъ слѣдующія:

Вмѣсто: помняшетъ бо *речь*—г. Петрушевичъ читаетъ *речью*.

Вмѣсто: *жалость*—жадность.

Вм. *въстазби*—въста *зыкз*

Вм. повелѣя отца—повелѣ *баше тестя*.

Вм. *усобица*—пособица.

Вм. *схоти*—скоти.

Вм. нъ рози—нарози. Древне-русское слово *нарозъ*, замѣчаетъ онъ, означало, кажется остроконечное орудіе, служащее для пахарей или древнему *остену* для подстрѣканія рабочаго скота. Слово *хоботъ* тоже, что нынѣшнее южно-русское *хабета*, означаетъ простую сельскую лошадь. Относящееся сюда мѣсто онъ толкуетъ такъ: *нарози* (т.-е. истыки или остены вмѣсто мечей) нося коньми имъ орутъ и поютъ побѣдныя пѣсни.

Вм. Комонъ въ полуночи—читаетъ *Гомонъ*.

Вм. и ходы на—изъ *кольна*.

Подъ именемъ *Трояна* г. Петрушевичъ во всемъ «Словѣ» разумѣетъ перваго Русскаго князя Рюрика, родоначальника господствующей династїи, старшаго изъ трехъ братьевъ (трибратичей), и выраженїе: «рыща въ трону Трояню» толкуетъ такъ: обновляя воинственные походы противъ Рюриковичей; *чрезъ поля на горы*: т.-е. до Кавказа и до Карпатъ южныхъ предѣловъ Русской земли; *подъ вѣтками Трояна* онъ разумѣетъ поколѣнія княжескаго рода Рюрика; *подъ внуками Трояна*—потомковъ его же, а *земля Трояна*—это завоеванныя ими области.

3. Полемика по поводу указанныхъ изданїй. Въ Львовской газетѣ «Дѣло» (№№ 100—103) о. Партицкїй выступилъ противъ г. Петрушевича съ обвиненїями его въ плагиатѣ изъ его сочиненїя: Темнї мѣстца въ Словѣ о полку Игоревѣ, упрекая его главнымъ образомъ за то, будто мнѣнїе, что авторомъ «Слова»—былъ Галичанинъ, онъ заимствовалъ изъ указаннаго сочиненїя о. Партицкаго. На это и другїя подобныя обвиненїя г. Петрушевичъ отвѣчалъ въ Львовскомъ «Словѣ» (№№ отъ 98 по 105 1886 г.), гдѣ онъ между прочимъ справедливо указалъ, что догадка объ авторѣ «Слова о п. Иг.» какъ Галичанинъ, впервые была высказана лѣтъ 30 тому назадъ г. Кораблевымъ, предполагавшимъ, что сочинителемъ «Слова» былъ Тимошей въ Галичѣ, премудрый книжникъ, упоминаемый въ Ипатской лѣтописи подъ 1205 г.

IV. НОВЫЙ НѢМЕЦКІЙ ПЕРЕВОДЪ.

Новый нѣмецкїй переводъ «Слова о полку Игоревѣ» исполненъ Гейнрихомъ Пауклеромъ и снабженъ литературно-историческимъ предисловіемъ и примѣчанїями переводчика (Новь, 1885 г., № 6 кн., хрон., стр. 381).

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ.

- Алябьевъ 157, 162, 173, 176, 180, 185, 202, 205, 213, 216, 239, 270, 274, 278, 284.
Анастасевичъ 268.
Андреевскій 110, 131, 141, 146, 151, 157, 162, 169, 173, 180, 184, 191, 242.
Аксаковъ К. 265.
Бицинъ (Павловъ) 214.
Бодянскій 160, 246.
Буслаевъ О. И. 145, 156, 160, 259, 265, 273.
Бутковъ 196, 292.
Бычковъ А. О. 164.
В. М. 131, 135, 146, 169, 173, 185, 213, 216, 224, 228, 231, 239, 247, 251, 266, 274, 284.
Ваденюкъ 246.
Чельтманъ 130, 134, 139, 145, 150, 156, 160, 167, 172, 183, 190, 196, 200, 204, 207, 212, 223, 230, 235, 242, 246, 249, 250, 255, 264, 268, 273, 277, 282, 292.
Веселовскій А. Н. 167.
Верхратскій 190.
Востоковъ 83.
Вяземскій кн. 55, 57, 134, 140, 151, 161, 191, 196, 208, 223, 235, 242, 256, 266, 268, 273, 282, 294, 298.
Ганка 150.
Гатгала 180.
Гедеоновъ 190.
Гербель 132, 135, 141, 146, 153, 158, 163, 170, 174, 176, 180, 186, 192, 197, 203, 205, 210, 214, 228, 232, 239, 243, 248, 252, 258, 267, 270, 274, 278, 285.

Головинъ 196, 256, 265, 268, 293.

Глаголевъ 218.

Гонсіоровскій 152, 185, 192, 197, 202.

Грамматинъ 134, 138, 145, 149, 156, 160, 167, 172, 176, 179, 183,
189, 196, 200, 204, 207, 212, 215, 218, 222, 227, 235, 245,
249, 250, 255, 259, 263, 268, 273, 281, 291, 297.

Григоровичъ 164.

Дубенскій 130, 134, 140, 143, 145, 150, 156, 160, 167, 173, 176,
180, 183, 190, 196, 200, 204, 208, 212, 215, 218, 223, 227, 230,
235, 238, 242, 246, 249, 251, 256, 259, 264, 268, 273, 277,
282, 293, 298.

Ждановъ 13.

Загосскій 141.

Калайдовичъ 234.

Карамзинъ 47, 160, 195.

Карелкинъ 130.

Кораблевъ 131, 134, 141, 169, 173, 176, 185, 192, 197, 205, 209,
213, 224, 236, 242, 247, 251, 266, 270, 278, 284.

Костомаровъ 164.

Коршъ О. Е. 42, 163.

Ласкинъ 141, 152, 162, 169, 176, 180, 192, 205, 209, 214, 225, 232,
236, 243, 248, 252, 257, 266, 284.

Майковъ А. Н. 6, 9, 12, 132, 135, 142, 147, 153, 158, 163, 164,
170, 174, 176, 181, 185, 192, 198, 200, 203, 206, 210, 214, 217,
225, 228, 232, 236, 239, 243, 248, 252, 258, 267, 270, 274, 278,
285, 288.

Максимовъ 196.

Максимовичъ 13, 88, 130, 134, 139, 145, 150, 160, 167, 183, 190,
204, 208, 212, 223, 231, 235, 238, 246, 249, 255, 265, 273,
282, 292.

Макушевъ 161, 223, 265.

Малашевъ 88, 131, 135, 141, 157, 169, 180, 197, 202, 205, 213,
224, 228, 231, 236, 139, 243, 247, 251, 257, 266, 270, 274,
278, 284.

Малиновскій 130, 133, 137, 144, 149, 153, 154, 155, 159, 160, 163,
164, 166, 171, 175, 179, 182, 187, 189, 195, 200, 204, 207,
211, 115, 218, 222, 227, 230, 234, 238, 241, 245, 254, 258, 263,
268, 272, 277, 280, 286, 291.

Малышевъ 192, 209, 216.

Мей 135, 142, 147, 153, 158, 163, 170, 174, 176, 180, 192, 198, 203,

- 206, 210, 214, 225, 228, 236, 243, 248, 252, 258, 267, 270, 274, 278, 285.
- Миллеръ В. 11, 88, 140, 146, 151, 156, 161, 168, 173, 180, 184, 190, 196, 204, 209, 213, 219, 223, 238, 246, 251, 256, 259, 269, 277, 283, 287, 294.
- Миллеръ О. Ѳ. 164, 176.
- Миклошичъ 83.
- Мусинъ-Пушкинъ 124, 130, 133, 137, 144, 149, 153, 154, 155, 159, 166, 171, 175, 182, 189, 195, 200, 204, 207, 211, 215, 218, 222, 226, 230, 233, 238, 241, 245, 250, 254, 258, 263, 267, 272, 276, 281, 286, 291.
- Некрасовъ 150, 161, 167, 265.
- Огоновскій 13, 131, 190, 235, 274, 294.
- Павловъ (Бидинъ) 131, 135, 141, 146, 153, 158, 162, 169, 173, 176, 180, 185, 192, 197, 202, 205, 210, 216, 225, 228, 232, 236, 239, 243, 248, 252, 257, 260, 266, 270, 274, 278, 284.
- Павскій 172, 176, 222, 255, 281, 287, 292.
- Погодинъ 160, 255.
- Погосскій 131, 135, 146, 152, 157, 162, 169, 173, 205, 209, 213, 216, 228, 236, 239, 274, 278.
- Пожарскій 134, 138, 145, 149, 155, 160, 166, 171, 175, 183, 189, 195, 200, 204, 207, 212, 222, 227, 234, 238, 241, 245, 249, 250, 254, 259, 263, 268, 273, 277, 281, 286, 291, 297.
- Полевой 130, 139, 292.
- Потебня 10, 77, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 110, 134, 140, 146, 151, 157, 161, 162, 168, 173, 184, 191, 197, 201, 204, 209, 213, 216, 219, 224, 231, 235, 239, 242, 247, 249, 251, 256, 259, 266, 269, 274, 277, 283, 287, 295, 298.
- Прозоровскій 104, 105, 106, 109, 110, 134, 141, 146, 152, 157, 162, 169, 173, 176, 180, 185, 191, 197, 202, 205, 209, 213, 216, 219, 224, 227, 231, 185, 239, 242, 247, 251, 257, 159, 266, 270, 274, 278, 284, 288, 295.
- Пушкинъ 57, 132.
- Саввантовъ П. И. 128.
- Сахаровъ 160, 196.
- Скульскій 131, 135, 141, 146, 153, 158, 163, 169, 174, 176, 180, 185, 192, 197, 202, 205, 210, 214, 216, 225, 228, 232, 236, 243, 248, 252, 258, 260, 266, 270, 274, 278, 285.

- Смирновъ А. И. 127, 140, 143, 162, 169, 201, 216, 224, 230, 247,
249, 257, 269, 283
- Снѣгиревъ 139, 150, 160, 167, 183, 190, 246, 250, 255.
- Соловьевъ С. М. 6, 150, 167, 231.
- Срезневскій 140, 164.
- Тихонравовъ Н. С. 132, 150, 163, 167, 212, 227, 235, 238, 249,
251, 265, 282.
- Хрущовъ И. П. 76.
- Шевыревъ 293.
- Шейковскій 257.
- Шейнъ 161.
- Шишковъ 130, 137, 145, 149, 166, 171, 175, 179, 207, 230, 234,
238, 241, 245, 250, 254, 259, 263, 272, 277, 281, 286, 287,
291, 297.
- Щербатовъ 124.
- Эрбенъ 180, 215, 251, 256, 259.
- Ягичъ 165.
-

О Г Л А В Л Е Н І Е.

І. Слово о полку Игоревѣ въ его цѣломъ и частяхъ.

Необходимость изложенія „Слова“ въ его цѣломъ и частяхъ. Составъ „Слова“. Вступленіе. Часть первая: Описаніе похода Игорева и взглядъ на бѣдствія имъ вызванныя. 1. Походъ Игоревъ. Частнѣйшія картины: а) Характеристика Игоря. б) Характеристика Всеволода—главныхъ героевъ похода. в) Переполохъ въ землѣ Половецкой, вызванный походомъ Игоря. г) Изображеніе неминуемой опасности, угрожающей Русскимъ героямъ. д) Первая удачная стычка. е) Бой 2-й. ж) Бой 3-й въ сравненіи съ ратами стараго времени, въ особенности же съ боемъ на Нежатиной нивѣ. 2. Взглядъ на бѣдствія Русской земли и ихъ причины. Частнѣйшія картины: а) Дѣва обида, какъ разжигательница княжихъ усобицъ. б) Карина и Желя, какъ виновницы плачей и сѣтованій Русской земли. Переходъ ко 2-й части „Слова“: сопоставленіе похода Игоря съ предшествовавшимъ ему походомъ Святослава на тѣхъ же Половцевъ. Часть вторая. Сонъ Святослава и его золотое слово. 1. Сонъ Святослава. а) Частнѣйшія картины: его видѣнія и б) толкованіе ихъ боярами. 2. Золотое слово: а) Упреки Святослава, обращенныя къ Игорю и Всеволоду. б) Воззванія къ князьямъ о помощи. Переходъ къ третьей части „Слова“: Судъ Божій въ судьбѣ славнаго Всеслава и безпомощность нынѣшней Руси вслѣдствіе распадѣнія центра „на горахъ Кіевскихъ“. Часть третья: Плачь Ярославны и спасеніе Игоря. 1. Плачь Ярославны: Частнѣйшія картины: а) моленіе къ вѣтру; б)

стр.

моленіе въ Днѣпру, в) моленіе къ солнцу. 2. Спасеніе Игоря—какъ послѣдствіе ея молитвы. Частнѣйшія картины: г) Торжество Игоря. а) Досада хановъ. б) Веселіе Русской земли. Заключеніе или славословіе.....	1
---	---

II. Новѣйшій скептицизмъ въ отношеніи къ тексту „Слова“.

Новѣйшія предположенія въ текстѣ пропусковъ, вставокъ, глоссъ и недостаточность оснований. 1. Отношеніе къ тексту г. Потемни: а) Поправки текста. б) Перестановки. в) Пропуски. 2. Отношеніе къ тексту г. Прозоровскаго и допущенныя имъ измѣненія. 3. Передѣлки текста г. Андреевскаго и образецъ этихъ передѣлокъ..	82
---	----

III. Палеографическая критика текста „Слова“.

Неисправныя и темныя мѣста въ „Словѣ“. Значеніе для нихъ критики исторической, филологической и эстетической. Сравнительная палеографія, какъ вѣрнѣйшій путь къ ихъ восстановленію и уясненію. Условія описокъ и ошибокъ, свойственныхъ рукописямъ XVI вѣка. Пушкинскій списокъ, относясь къ тому же типу рукописей, не чуждъ тѣхъ же ошибокъ. Новый опытъ уясненія темныхъ и восстановленія неисправныхъ мѣстъ „Слова“ въ связи съ толкованіями предшествующихъ комментаторовъ.....	120
--	-----

IV. Дополненія къ библиографіи «Слова» академика А. Ѳ. Бычкова.

1. Матеріалы рукописныя. 2. Матеріалы печатныя. 3. Изданія Славянскія. 4. Новый нѣмецкій переводъ.....	1—11
--	------

